

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ.

КНИГА I^я.

БОГЪ

НЕ ОПРОВЕРЖИМЪ НАУКОЙ.

И. А. Карышева.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая Скоропечатня и Литографія „Надежда“, Литейный пр., д. № 49.
1895.

Дозволено цензурою. Спб. 16 апрѣля 1895 г.

Предисловіе.

Когда въ пылу сраженія, въ горячей рукопашной битвѣ воинъ задался цѣлью во что бы то ни стало вскочить на непріятельскій брустверъ, онъ занять одной только этой мыслью, все его существо жаждетъ только этого одного; онъ весь превратился въ свою идею и для него ничего больше на свѣтѣ не существуетъ, кромѣ своего желанія и непріятельскаго бруствера. Въ это время не спрашивайте его зачѣмъ это ему нужно, онъ не въ силахъ соображать, ибо онъ увлеченъ, охваченъ своей идеей и больше не разсуждаетъ. Для того, чтобы попасть на брустверъ, онъ жертвуетъ всѣмъ, что имѣетъ: онъ убиваетъ, ранитъ, колетъ направо и налево, не замѣчая своихъ собственныхъ ранъ, той опасности, которой подвергается, и даже въ бѣшенномъ бою пораженный на смерть роковымъ ударомъ онъ уже мертвый дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направлению къ своей цѣли.

Не такъ ли поступаютъ и всѣ интеллигентные представители высшей расы земныхъ существъ въ большинствѣ случаевъ своего жезненнаго пути. Вѣдь жизнь во всѣ эпохи существованія чело-вѣка никогда никому изъ насъ не давала очнуться или одуматься; всегда и у всѣхъ одни впечатлѣнія и ощущенія быстро смѣняются другими, однѣ жизненныя задачи безъ малѣйшаго перерыва слѣдуютъ за разными испытаніями и превратностями, и каждый изъ насъ, охваченный и увлеченный вихремъ житейскаго вавилона, съ самыхъ юныхъ лѣтъ до самой старости, стремится достигать земныхъ идеаловъ и всякаго рода житейскихъ кумировъ, возводимыхъ требованіями своего вѣка въ цѣли земной жизни. Мы называемъ ихъ образованностью, ученостью, талантами, славой, властью, господствомъ и т. д., и т. д., и несемъ безъ оглядки въ общемъ потокѣ житейской суеты, опасаясь больше всего отстать въ чемъ нибудь отъ вѣка, или

какъ нибудь отдѣлиться отъ своего общества, отъ этого вальпургьева стада, или этой тысяче-головой гидры, завладѣвающей нами и всецѣло присасывающей насъ къ себѣ. Мы не смѣемъ не быть во всемъ солидарнымъ съ нимъ во всякой мелочи и до малѣйшихъ подробностей, ибо знаемъ какъ оно немилосердно казнить всѣхъ отщепенцевъ и заклеываетъ и умерщвляетъ ихъ также, какъ заклеываютъ галки всякую свою подругу, имѣющую какую нибудь лишнюю противъ другихъ отмѣтину. Напротивъ того, зная направленіе общественнаго и моднаго стремленія и его кумуры, наша завѣтная, но всегда скрытая отъ всѣхъ, мечта опередить своихъ сверстниковъ и черезъ всѣ правды или неправды, во что бы то ни стало, обогнать ихъ и стать впереди.

Въ этой бѣшенной жизненной скачкѣ, въ этой отчаянной борьбѣ кого за свое существованіе, кого за свое первенство, мы ничего кругомъ себя не видимъ, не разбираемъ и не сознаемъ, кромѣ потребностей дня, способныхъ удовлетворить условіямъ общаго стремленія, а впереди себя не видимъ ничего, кромѣ намѣченныхъ нами кумировъ.

Въ теченіе всей своей жизни мы попираемъ ногами все внутри насъ находящееся святое, возвышенное; отгоняемъ отъ себя всякія мысли, могущія чѣмъ нибудь задержать или замедлить успѣхъ земныхъ удачъ, и когда, наконецъ, видимъ свои мечты сбывающимися, мы самодовольно говоримъ себѣ: „задача жизни блестяще мной окончена; все что было на меня возложено, я выполнилъ и теперь могу умереть спокойно“.

Но рядомъ съ этимъ, во всѣ времена человѣчества, появлялись люди исключительные по нравственному и духовному развитію. Они всегда выдѣлялись изъ толпы и никогда не слѣдовали общему потоку жизненной суеты, а напротивъ, оставивали людей въ ихъ заблужденіяхъ и говорили: „Вѣдь Вы совершенно на ложномъ пути и рѣшительно не понимаете истинной цѣли жизни и земной задачи. Развѣ земная слава и власть, развѣ возможность господствовать и эксплуатировать людей, или пріобрѣтать знанія и богатства, могутъ быть названы конечными цѣлями существованія человѣка на землѣ? Неужели Богъ создалъ людей для того только, чтобы дать однимъ возможность эксплуатировать, обижать и унижать другихъ? Это было бы ужасно! Одумайтесь, остановите ваше стремленіе, оно ложно и доведетъ васъ до гибели. Вы принимаете средство за цѣль. Власть, слава, богатство, таланты суть только орудія испытаній вашихъ добрыхъ и злыхъ качествъ, это только средства для исправленія васъ же самихъ, но цѣль жизни несравненно возвышеннѣе, она есть добро и

милосердіе, которыя вы посѣтите на землѣ черезъ свои дѣла и и стараніе“.

Но общество никогда не понимало этихъ людей, не выслушивало ихъ, а еще меньше исполняло ихъ совѣты. Оно никогда не умѣло согласовать требованій, предъявляемыхъ этими людьми къ каждому человѣку, съ условіями удовлетворенія потребностей практической ежедневной жизни и съ условіями борьбы съ роковыми атрибутами нашей земной жизни, какъ то: нужда, холодъ и голодъ; а измѣнять обычный ходъ образа жизни или сдѣлать его болѣе подходящимъ къ преслѣдованію высшихъ цѣлей жизни никому и въ голову придти не могло, ибо это значило бы идти противъ общепринятаго теченія жизни. При томъ же люди эти требовали отъ толпы, чтобы каждый сталъ выше своихъ страстей и пороковъ, требовали здраваго отношенія каждаго къ самому себѣ, большей работы надъ своимъ умственнымъ и нравственнымъ самоусовершенствованіемъ и меньшей горделивой жажды и пристрастія къ земнымъ дѣламъ. Понятно, что при маломъ развитіи людей исполненіе этихъ требованій казалось чрезмѣрно труднымъ и во всякомъ случаѣ несравненно труднѣе, чѣмъ исполненіе условій обыденной практической жизни, а потому все общество оставляло свою жизнь течъ привычнымъ порядкомъ.

Вѣка смѣнялись вѣками, поколѣнія поколѣніями, и на старыхъ выводахъ практической опытной дѣятельности воздвигались требованія новыхъ, для каждаго вѣка современныхъ, условій жизни. Люди съ каждымъ вѣкомъ становились все умнѣе, развитѣе, но за то и требовательнѣе; стали строже относиться не къ себѣ, но къ окружающимъ людямъ и къ условіямъ жизни. Они стали отчетливѣе и настоятельнѣе понимать и чувствовать свой жизненный расчетъ и условія своихъ личныхъ выгодъ и невыгодъ. Практика общественной дѣятельности приспособляла разныя понятія въ форму наиболѣе подходящую подъ строй своей практической жизни, почему взаимныя понятія о добродѣтели выработались мало по малу понятія: о чести, честности, благородствѣ и великодушій; понятія о всеобщемъ братствѣ и взаимной любви замѣнились понятіемъ о правѣ и понятіемъ о традиціонно-герольдійскихъ рангахъ наслѣдственного происхожденія высшихъ и низшихъ семействъ, сообразно обладанія каждымъ изъ нихъ бѣлой и черной костью; понятія о благочестіи, смиреніи и покорности замѣнились чувствомъ черстваго исполненія своего долга, дѣловой аккуратности, настойчивости и педантичности; и все чело-вѣчество зрѣло въ атмосферѣ пороковъ, страстей, интригъ,

зависти, гордости, тщеславія и имъ подобныхъ атрибутовъ общественной практической жизни.

При подобныхъ условіяхъ жизнь общества и каждаго его члена не могла постоянно не усложняться; весь строй жизни, мысли, убѣжденій, науки и міровоззрѣній долженъ былъ создавать все болѣе и болѣе ненормальное и антиальтруистическое направленіе жизненной дѣятельности, а потому и общее стремленіе къ развитію принимало все болѣе и болѣе характеръ личный и эгоистичный.

Эта ненормальность жизненной дѣятельности не могла, конечно, не завести все человѣчество далеко въ область запутанностей, безконечно затрудняющихъ существованіе каждаго, и, какъ слѣдствіе полнаго искаженія естественныхъ взглядовъ другъ на друга, отношенія между людьми стали многосложны и для многихъ окончательно невыносимы.

Каждый, возвышаясь въ какомъ либо отношеніи надъ другими, получалъ легальное право господствовать надъ ними, а нелегальное — эксплуатировать, притѣснять и унижать ихъ. Съ одной стороны, людямъ умнымъ, практичнымъ, сильнымъ волей или талантами, для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ возвышаться надъ людьми, было выгодно скрывать отъ всѣхъ и маскировать разными способами свои дѣла, свои намѣренія, а въ особенности свои сильныя и слабыя стороны, т. е. свои пороки, недостатки и уродства какъ физическія, такъ и нравственныя. Съ другой стороны, людямъ болѣе слабымъ, или скромнымъ и вообще менѣе одареннымъ природой умственно или физически, необходимо было ограждать себя отъ чрезмѣрнаго коварства людей, отъ ихъ хитрости и дерзкихъ посягательствъ, какъ на ихъ личность, такъ и на ихъ права. Все это вызывало необходимость заключить въ какія нибудь рамки взаимныя отношенія между людьми, чтобы стѣснить разгулъ и распущенность и хотя сколько нибудь оградить слабыхъ отъ произвольныхъ поступковъ и всякаго рода посягательствъ на нихъ. Для удовлетворенія обѣихъ сторонъ въ обществѣ установились: этикетъ моды, принципы, правила приличія, свѣтскіе обязательные обычаи и разныя формы жизни, стѣсняющія поступки людей. Всѣ эти мѣры были, конечно, бесполезны и не уберегали человѣка отъ тайныхъ враговъ, которымъ было можетъ быть еще удобнѣе дѣйствовать подъ прикрытіемъ общественнаго благочестія, но эти мѣры обезпечивали по крайней мѣрѣ внѣшнюю, показную сторону общественной жизни и устанавливали внѣшнюю сторону въ отношеніяхъ людей.

Но многое, что было необходимо и имѣло смыслъ 100 или

200 лѣтъ тому назадъ, когда средній уровень умственнаго и нравственнаго развитія людей стоялъ ниже чѣмъ теперь, то могло бы въ настоящее время считаться лишнимъ и бесполезно усложняющимъ нашу жизнь. Но человѣчество, однажды привыкшее къ извѣстному этикету, къ правилу подчиняться существующимъ: принципамъ, модамъ, приличіямъ и обычаямъ, уже не такъ легко разстается съ ними, какъ бы они ни были стѣснительны и нелѣпы; какъ бы отдѣльныя личности не протестовали противъ нихъ, ничто не въ силахъ измѣнить общаго моднаго теченія жизни.

Поэтому каждый изъ насъ, самъ не замѣчая того, порабощенный съ молодости привычкой исполнять въ угоду обычаямъ всѣ обращенныя къ нему требованія жизни, торопится оправдать свою задачу, не уклоняясь отъ предначертанной ему программы, захлебываясь отъ массы возложенныхъ на него прямыхъ обязанностей и отъ еще большаго количества совершенно въ настоящее время ненужныхъ и безцѣльныхъ обязанностей, перешедшихъ по традиціямъ изъ глубокой старины.

Въ такомъ состояніи застаётъ насъ предверье двадцатаго столѣтія, и передъ нашими глазами начинаетъ совершаться диковенное, до сихъ поръ въ исторіи человѣчества небывалое явленіе: отъ общаго кипучаго, моднаго потока жизни стали сотнями и тысячами выдѣляться люди, утомленные безцѣльностью своихъ собственныхъ поступковъ, своей пустой жизнью, влекущей ихъ ложными путями къ ложнымъ идеаламъ. Они стали останавливаться поодаль отъ общаго теченія жизни, просыпаться какъ отъ тяжело удручающаго ихъ кошмара и требовать примѣненія разума къ анализу основъ нашей жизни. Они стали ощущать всю недостаточность сухого разсчета, но требовать болѣе живой естественной мысли, доходящей до причины каждой необходимости и раскрывающей всѣ послѣдствія ея, и требуютъ отъ людей и отъ себя поступковъ, которые могли бы прямѣе вести къ истинной цѣли его жизни.

Съ ихъ точки зрѣнія нужно радикальное измѣненіе всего умственнаго строя мысли и новое міровоззрѣніе, болѣе соответствующее естественнымъ требованіямъ природы отъ человѣка. Они говорятъ, что въ настоящее время интеллигентный человѣкъ достаточно созрѣлъ для того, чтобы быть въ состояніи додумываться до конца и умѣть различать значеніе временныхъ и переходныхъ истинъ и цѣлей, съ которыми ему приходится сталкиваться въ жизни, отъ вѣчныхъ и абсолютныхъ. Интеллигентный человѣкъ долженъ умѣть различать цѣль отъ средства, причины отъ ихъ слѣдствій и долженъ умѣть отводить всему этому соответствующее мѣсто и давать преобладающее

преимущество главенствующимъ моторамъ жизни и прогресса, какъ духовнаго, такъ и нравственнаго и умственнаго.

Неужели въ самомъ дѣлѣ людямъ никогда не суждено понять, что вся жизнь общества и каждого отдѣльнаго его члена ведется въ разрѣзъ съ указаніями разума и здраваго смысла; что въ ней чрезвычайно много лишняго, пустого и даже совсѣмъ бессмысленнаго, безъ чего людямъ жилось бы несравненно легче. Пусть каждый проверитъ свою жизнь и если онъ въ состояніи безпристрастно прослѣдить ее, то увидитъ что все общество и онъ самъ, совершенно того не понимая, живетъ машинально исключительно въ силу привычекъ, образовавшихся вслѣдствіе внушеній, которыя производили на него съ самыхъ раннихъ лѣтъ: кормилицы, мамки, няньки, родители, воспитатели, учителя и школы, и что эти внушенія дополнялись внѣшними давленіями, произведенными окружающею средою, обществомъ и условіями благосостоянія и довольства.

Родители и воспитатели наши, внушая намъ жизненныя привычки, руководствовались также, какъ и мы, не разумомъ и здравымъ смысломъ, но слѣдовали своимъ собственнымъ наслѣдственнымъ привычкамъ, возведеннымъ въ принципы жизни еще дѣдами и прадедами, отчего такъ часто мы въ своихъ поступкахъ можемъ усмотрѣть осколки традиціи самыхъ древнихъ временъ, нисходящихъ чуть не до временъ языческихъ и каменнаго періода, т. е. до такой древности, когда люди были еще такъ мало развиты, что въ сущности не могли дать никакихъ полезныхъ указаній относительно образа жизни здравогомыслящему и интеллигентно-развитому современному человѣку. А эти то самыя традиціонныя привычки и принципы, перешедшіе въ насъ въ силу внушеній, были всегда самыми злѣйшими врагами всякой новой, свѣжей и возвышенной идеи, а слѣдовательно приносятъ чрезвычайно много вреда, какъ нашему личному усовершенствованію, такъ и общему развитію вѣка.

Замѣтьте, какъ на каждомъ шагѣ при обсужденіи своихъ поступковъ или своихъ мнѣній, мы неправильно употребляемъ свой разумъ и здравый смыслъ, какъ мы часто имъ злоупотребляемъ и въ какіе компромиссы входимъ съ нимъ; касается ли наше сужденіе общественной или практической жизни, науки, нашихъ отношеній къ людямъ или къ окружающей природѣ, это все равно, вездѣ наши сужденія переменчивы, узки, поверхностны и никогда неимѣютъ достаточности основанія. Это лучше всего обрисовывается при обмѣнѣ мнѣній.

Нѣтъ двухъ одинаковыхъ мнѣній между людьми; каждый настаиваетъ на своемъ, рѣшительно не заботясь о томъ, чтобы

черезъ посредство спора или обоюднаго обмѣна мысли возстановить истину и затѣмъ держаться ея. Этого никогда нѣтъ, истина остается всегда одна въ сторонѣ отъ спорящихъ, и послѣ спора всякій остается при своемъ мнѣніи, даже тотъ, кто принужденъ считать себя побѣжденнымъ.

Вѣдь если основанія, принятыя для сужденія, одни и тѣ же, то выводы разума и логики должны вести къ одинаковымъ результатамъ и разногласій не должно быть; стоитъ только спорящимъ добросовѣстно согласиться между собой, провѣрить основанія мысли, ходъ сужденія, указать другъ другу обоюдныя ошибки, и выводъ получился бы одинаковый. Но дѣло въ томъ, что рѣдко ведутся споры съ цѣлью выясненія истины, но всегда преслѣдуется тщеславное намѣреніе, во что бы то ни стало взять перевѣсъ надъ своимъ противникомъ, быть побѣдителемъ и, ставъ въ общественномъ мнѣніи выше, осмѣять его и восторжествовать.

Многіе спорятъ для того, чтобы спорить; имъ нравится самый процессъ спора; сегодня они защищаютъ одно мнѣніе, а завтра ему противоположное и хвастаются тѣмъ, что въ обоихъ случаяхъ остаются побѣдителями. Эта любовь къ одержанію побѣды при обмѣнѣ мнѣній совсѣмъ не рѣдкость и несравненно болѣе распространена, чѣмъ объ этомъ думаютъ; напротивъ, ее надо до нѣкоторой степени искать въ каждомъ изъ насъ и въ каждомъ спорѣ, ибо людей способныхъ судить безпристрастно и радоваться успѣху ближняго очень мало; большинство никогда не отказывается отъ случая указать другому, что и въ его хотя и правильномъ сужденіи есть доля смѣшнаго.

Если это не было бы такъ, то не существовало бы цѣлой науки: эристики, объ искусствѣ вести въ обществѣ дебаты. Наука эта возводитъ искусство вести споръ на степень настоящаго турнира, гдѣ спорящіе прямо становятся въ оборонительныя другъ противъ друга положенія и, какъ на каждомъ поединкѣ, наносятъ удары, парируютъ ихъ, и болѣе искусный спорщикъ долженъ всегда имѣть перевѣсъ, независимо отъ того на чьей сторонѣ правда.

Присемъ необходимо замѣтить, что эристика не создана искусственно для наученія человѣка злу и пренебреженію къ истинѣ; совсѣмъ напротивъ, она обращаетъ лишь вниманіе на наиболѣе распространенныя уклоненія отъ правильнаго сужденія или на ошибки мысли, которыя, сами того не замѣчая, допускаютъ люди, дѣлая свои выводы и заключенія. Она основывается на практикѣ жизни и весьма наглядно указываетъ, какъ далеко заводитъ неправильная форма сужденія въ область самообмана.

Разбирая всё уклонения отъ правильного сужденія, на которыя указываетъ эристика и находя то однѣ, то другія невѣрности положительно въ каждой рѣчи, въ каждомъ сужденіи и на каждомъ шагу, надо къ сожалѣнію сказать, что ни что такъ не рѣдко между людьми, какъ свѣтлый и ясный разумъ, здравый смыслъ и не притворное желаніе быть ближе къ истинѣ.

Еще въ большія ошибки, чѣмъ форма сужденія и образъ мысли, заводятъ насъ недостаточность основаній, принимаемыхъ нами какъ исходныя точки нашего мышленія. Выражая свою мысль, или обсуждая какойнибудь вопросъ, мы всегда имѣемъ какуюнибудь базу или основу мышленія, которую мы можемъ тутъ же и высказать или можемъ подразумевать, но всегда отъ нея мы строимъ дальнѣйшій выводъ разума. Напримѣръ, я говорю: такъ какъ я привыкъ ежедневно спать ночью по 8 часовъ и просыпаться въ 9 часовъ утра, а завтра мнѣ предстоитъ встать въ 7 часовъ, то я лягу двумя часами раньше, а васъ попрошу разбудить меня въ 7 часовъ утра". Я могу высказать всю эту мысль, или сказать только послѣднее, т. е. разбудите меня завтра въ 7 часовъ утра, тѣмъ не менѣе естественный ходъ моего мышленія основанъ на положеніи, что я привыкъ спать ежедневно по 8 часовъ и просыпаться въ 9 часовъ, и это положеніе служить въ данномъ случаѣ основаніемъ или исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго вывода.

Мы всегда принимаемъ исходныя пункты своего мышленія за неприложныя истины, за нѣчто, не подлежащее ни оспариванію, ни доказательству, потому что они состоятъ изъ нашихъ привычекъ, изъ нашего привычнаго міровоззрѣнія или обычныхъ и общепринятыхъ принциповъ и правилъ жизни, которые, какъ мы себѣ представляемъ, не подлежатъ никакому контролю разума, такъ какъ въ нихъ не можетъ быть внесена ни малѣйшая поправка, ни измѣненіе, такъ какъ они освящены давностью въ исторіи нашей жизни и въ жизни нашихъ предковъ. А между прочимъ вотъ эти то самыя непогрѣшимыя основы нашего мышленія въ слишкомъ частыхъ случаяхъ не имѣютъ никакихъ ни разумныхъ, ни логическихъ основаній. Вотъ ихъ то мы всегда меньше всего подвергаемъ контролю нашего разума, такъ какъ всегда мы меньше всего сомнѣваемся въ своей собственной погрѣшимости и въ погрѣшимости основныхъ принциповъ и обычаевъ, принятыхъ обществомъ. Съ другой стороны, если бы даже признали ихъ не разумными и не логичными, мы все же не были бы въ состояніи ни отрѣшиться отъ своихъ собственныхъ привычекъ, ни сломать принциповъ и обы-

чаевъ общества и всякій нашъ протестъ въ этомъ направленіи напоминалъ бы только борьбу съ вѣтряными мельницами.

Само собой разумѣется, какъ бы выводъ ни былъ разуменъ и логично построенъ, онъ всегда будетъ лживъ, если исходить изъ недостаточно разумомъ провѣренныхъ данныхъ, и всѣ наши поступки, вызванные подобными выводами, будутъ одинаково ошибочны и неестественны.

И какъ много въ жизни общества и каждаго изъ насъ ошибокъ, заблужденій нелогичностей, на которыхъ основывается наша жизнь, но которыя мы считаемъ до такой степени непреложными что намъ и въ голову придти не можетъ провѣрить ихъ, а всѣ онѣ отражаются неблагоприятно на нашей жизни и заставляютъ насъ совершать часто совсѣмъ безсмысленные поступки.

Для болѣе нагляднаго выясненія своей мысли мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько примѣровъ, но рѣшительно теряемся въ массѣ и обилии ихъ. Ихъ мы находимъ въ каждомъ уголкѣ дѣятельности человѣка: среди наукъ, искусствъ, медицины, общественныхъ отношеній, между людьми въ практической жизни, въ семейной и рѣшительно, гдѣ угодно. Всякій знаетъ и чувствуетъ на себѣ, какъ много въ его ежедневной жизни мелочей и дразгъ разнаго рода, отъ которыхъ желалъ бы онъ отдѣлаться, видя ихъ полную безцѣльность и не видя никакой разумной причины ихъ существованія. Стоитъ войти въ любую гостинную всѣхъ странъ міра, въ любой семейный домъ, въ любую хату рабочаго, обратить вниманіе на любой фактъ изъ жизни живущихъ въ нихъ людей и спросить: чѣмъ оправдываете вы этотъ обычай, или привычку или все, что касается строя жизни? Всякій удивится подобному вопросу и съ перваго раза затруднится отвѣтомъ и откажется отвѣчать; но если вы будете настойчивы и сдумаете заставить говорить, то вы всегда будете получать одни и тѣ же стереотипные отвѣты: это такъ принято, а потому безъ этого нельзя; или, какъ же иначе, всѣ такъ дѣлаютъ; или, это требованіе вѣка и мы уже такъ привыкли; или это дѣлали наши дѣды и пра-дѣды, зачѣмъ будемъ мы иначе дѣлать; и ни одного объясненія не получите вы со ссылкой на здравый смыслъ и на чистый разумъ.

И это не въ какихъ нибудь мелочахъ жизни, въ которыхъ было бы дѣйствительно все равно, какъ ни поступать, такъ или иначе. Въ этихъ случаяхъ, понятно, не стоило бы раздумываться, а дѣйствительно было бы проще всего дѣлать такъ, какъ принято или такъ, какъ другіе поступаютъ, но вѣдь это часто касается фактовъ серьезныхъ, влекущихъ за собой

важныя послѣдствія, которыхъ каждый долженъ бы былъ остерегаться какъ чего нибудь опаснаго, вреднаго или безнравственнаго, а потому долженъ бы избѣгать.

Приведемъ первый примѣръ: Обратите вниманіе, какъ каждая добродѣтельная и разумная мать холить и бережетъ свою всей душой любимую дочь. Она просто не надышется ею, учитъ, воспитываетъ, внушаетъ скромность и самое утонченное приличіе не въ однѣхъ только внѣшнихъ формахъ, но учитъ сохранять чистоту душевную и учитъ возвышать свои чувства до высшихъ идей всего прекраснаго, святаго и разумнаго. Одна изъ ея главныхъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы оберегать свою дочь отъ худого примѣра: она удаляетъ отъ ея взоровъ все нечистое, порочное и двухсмысленное; и результаты разумнаго и задушевнаго воспитанія выходятъ дѣйствительно удивительны; дочь растетъ ангеломъ добродѣтели и обладаетъ нѣкоторыми талантами. Такимъ образомъ цѣль матери сдѣлать изъ своей дочери добродѣтельную жену, мать—воспитательницу своихъ будущихъ дѣтей и добрую и достойную своего отечества гражданку—оправдывается прекрасно.

Сколько посяно хлопотъ, сколько любви, самоотверженія, осторожности, умѣнія и предусмотрительности; какія прекрасныя и возвышенныя преслѣдовались цѣли и стремленія; однимъ словомъ, все изобличаетъ въ матери женщину умную, разсудительную и въ высшей степени благонамѣренную.

Но вотъ періодъ образованія кончается. Мать объявляетъ дочери, что она уже почти большая и что наступила пора показать на практикѣ жизни результаты того, чему она такъ долго училась, и что она должна выказать всѣ свои добрыя качества, скромность, умѣніе вести себя въ обществѣ и т. д. Дождавшись перваго большого бала начинаются приготовленія ея къ первому выѣзду въ большой свѣтъ. Никто не потрудится спросить, чувствуетъ ли она къ этому влеченіе или отвращеніе. Если она не хочетъ того, ей говорятъ: дурочка, ты еще жизни не понимаешь, всѣ сперва боялись и привыкли же къ тому; и сама мать одѣваетъ дочь въ бальное платье, т. е. снимаетъ съ нея всѣ тѣ одѣянія, которыя не принято снимать публично, обнажаетъ ей все, что до сихъ поръ сама учила скрывать и заставляетъ въ ярко-освѣщенномъ залѣ, обнявшись съ мужчиной, принимать самыя невозможныя позы и дѣлать самыя соблазнительныя тѣлодвиженія при многочисленномъ обществѣ, осматривающемъ со всѣхъ сторонъ эту несчастную жертву, приносимую модному вѣянію. Многіе ли замѣчаютъ, что на алтарь общественнаго приличія приносятся всѣ лучшія чувства, вся природная скромность и стыдливость? Многіе ли

оцѣнивають всю важность этого грустнаго факта, который не можетъ не отразиться пагубно на всей послѣдующей жизни и имѣть важныя послѣдствія въ образованіи характера этого молодого, еще не сложившагося существа? Наконецъ многіе ли уважають тѣ горячія слезы, которыми заливалась бѣдная дѣвушка передъ тѣмъ, чтобы выдти въ залъ въ костюмѣ унижающемъ достоинство всякой жены, всякой матери и всякой женщины, какъ вѣнца творенія живыхъ существъ на землѣ?— Нѣтъ, въ обществѣ нѣтъ состраданія, ни пошады никакимъ отщепенцамъ отъ него и никто не смѣетъ быть лучше и чище другихъ, всѣ должны подходить подъ общій строй, дѣлать то же, что дѣлають другіе и переживать то же, что переживали другіе. Общество только надзираетъ, оцѣниваетъ и критикуетъ: кто смотритъ на бѣдную жертву со злой иронической улыбкой, если она вполне безупречна и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасна, а потому нельзя послать по ея адресу ни одного обиднаго или критическаго замѣчанія; а кто просто—съ видомъ эксперта, осматривающаго вновь привезенный на базаръ свѣжій живой товаръ.

Проанализируйте хорошенько этотъ совершенно обыденный жизненный фактъ, сколько найдете вы диссонансовъ, нелогичностей, непослѣдовательностей, ошибокъ противъ: совѣсти, нравственности, здраваго смысла и вы сами удивитесь, какъ можетъ подобный образъ дѣйствій держаться въ интеллигентномъ и разумномъ обществѣ? Отвѣтъ одинъ: „такъ принято“.

Второй примѣръ. Многіе находятъ совершенно логичнымъ послѣ полученнаго ими личнаго оскорбленія драться на дуэли для возстановленія своей яко-бы утерянной чести. Спросимъ себя, что такое честь? — „Честъ есть сознаніе своего личнаго достоинства, состоящаго изъ добраго имени, незапятнаннаго никакими преступленіями ни проступками, и признаніе этого факта другими“.

Какимъ же образомъ, если признать это объясненіе правильнымъ, можно понять, что, совершая преднамѣренное убійство, можно возстановить свою честь, утерянную будто бы вслѣдствіе одного празднаго слова, сказаннаго другимъ, на которое самъ оскорбленный не подавалъ никакого повода? Какимъ образомъ это слово можетъ запятнать честь, а преднамѣренное собственоручное убійство можетъ возстановить ее? Совершенно не понятно. Одно объясненіе: „такъ принято“.

Третій примѣръ. Все зданіе матеріалистическаго и позитивнаго изученія физики, химіи, физиологіи, космогоніи и многихъ другихъ естественныхъ наукъ построено на двухъ глав-

ныхъ основныхъ положеніяхъ: во первыхъ, что матерія вѣчна, т. е. что количество ея, которое существуетъ нынѣ, существовало отъ вѣчныхъ временъ и будетъ вѣчно существовать, а во вторыхъ, что матерія обладаетъ отъ вѣчности достаточнымъ количествомъ свойствъ и качествъ, чтобы быть въ состояніи сама, безъ помощи и вмѣшательства какой бы то ни было посторонней причины, самостоятельно творить всѣ явленія природы, весь видимый нами міръ и все живущее.

Сколько тысячъ лѣтъ существуютъ науки (если признать ихъ происхожденіе отъ Арабовъ и древнихъ Египтянъ)! Сколько сотенъ тысячъ ученыхъ положили свою жизнь на изученіе и разработку ихъ; какъ старался каждый изъ нихъ все выше и выше надстраивать зданіе своей науки, быть безупречнымъ и непогрѣшимымъ въ своихъ выводахъ, для чего обставлялъ науку всевозможными способами провѣрокъ знанія и строгимъ анализомъ; все гипотетичное и сомнительное не включалось въ область позитивнаго метода изученія природы и только однѣ положительныя и неоспоримыя данныя получали право служить основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Все зданіе наукъ представляется нашему воображенію чѣмъ то непоколебимымъ, неоспоримымъ и великимъ.

Но спросимъ себя: чѣмъ доказываются оба основныя положенія наукъ, служащія ей краеугольнымъ камнемъ и исходнымъ пунктомъ всякаго матеріалистическаго и позитивнаго научнаго вывода? Чѣмъ доказывается, что матерія вѣчна или что она обладаетъ всѣми необходимыми качествами и свойствами, чтобы творить міры? Оказывается, что о доказательствѣ этихъ двухъ положеній меньше всего озабочивались ученые; за нихъ говорить одна давность. Ученые просто привыкли считать ихъ за неоспоримыя научныя истины, и эта привычка переходила изъ поколѣній въ поколѣнія безъ малѣйшихъ измѣненій, не смотря на протесты сотни великихъ ученыхъ, въ числѣ которыхъ находились еще Ньютонъ и Лейбницъ.

Въ настоящее время можно сказать, что современная наука очень близка къ тому, чтобы окончательно опровергнуть оба эти положенія и признать полную подчиненность и зависимость матерія отъ силъ, дѣйствующихъ на нее и образующихъ ее.

Во что обращается зданіе, если разрушить его фундаментъ? Много ли въ позитивной наукѣ останется неоспоримыхъ данныхъ, если признать основныя положенія, служащія исходными пунктами для всѣхъ научныхъ выводовъ, ошибочными? Сколько въ такомъ случаѣ потребуется ввести въ нее

измѣненій, сколько дополненій и передѣлокъ, если наука будетъ принуждена покинуть господствующій нынѣ позитивизмъ и его принципы: 1) автоматичности, 2) необходимости, 3) всесилія законовъ природы и перейти на принципъ господства въ природѣ Разумной Воли, предусмотрѣнности и полной цѣлесообразности всѣхъ явленій.

Если только позитивизмъ будетъ принужденъ признать, какъ многіе уже лучшіе ученые признали, что силы образуютъ матерію и что силы эти имѣютъ разумное начало, то придется признать и сосредоточіе силъ въ одномъ Всеобъемлющемъ, Разумномъ Центрѣ всѣхъ силъ и Безконечно Премудрую и Разумную Единую Волю, правящую вселенной, а при этомъ допущеніи, конечно, отъ позитивизма и камня на камень не останется. Но за то новая обновленная наука, поставленная на истинную и логическую почву, дастъ послѣ всѣхъ ея преобразованій необыкновенный скачекъ впередъ, ибо многое, что теперь кажется намъ непонятнымъ, при новомъ строѣ наукъ получить совершенно простое и естественное разрѣшеніе.

Четвертый примѣръ. Человѣкъ заболѣваетъ, на примѣръ, болѣзнью печени и желчи; во всѣхъ подобныхъ случаяхъ принято посылать немедленно за докторомъ и начинать серьезное лѣченіе. Докторъ, разсматривая больного, какъ субъекта, въ котораго проникло извѣстное количество болѣзнетворнаго яда, старается дать соотвѣтствующее количество противоядія, чтобы парализовать дѣйствіе яда, и прописываетъ лекарства, діету и режимъ

Лѣченіе помогаетъ, но по прошествіи извѣстнаго времени болѣзнь возвращается и притомъ каждый разъ съ новою силой. Лѣченіе каждый разъ возобновляется, дозы лекарствъ усиливаются и съ теченіемъ времени и тѣ лекарства, которыя оказывали благопріятное дѣйствіе становятся недостаточными. Приходится прибѣгать къ сильно дѣйствующимъ лекарствамъ и разнаго рода наркотикамъ, которые, собственно говоря, не излѣчиваютъ болѣзнь, но только притупляютъ ощущенія боли, позволяя болѣзни усиливаться и идти своимъ естественнымъ ходомъ. Всѣ сильно дѣйствующія лекарства и въ особенности наркотики, дѣйствуя благопріятно въ одномъ направленіи, оказываютъ въ высшей степени вредное дѣйствіе на другіе органы, бывшіе до сихъ поръ здоровыми. Доктора охотно допускаютъ подобнаго рода разстройства въ томъ предположеніи, что когда коренная болѣзнь пройдетъ, то излѣчатся сами собой всѣ побочные недуги, вызванные наркотиками и сильно дѣйствующими лекарствами. Но предположите, что болѣзнь упорствуетъ, то въ результатѣ получается полное разстройство всего

организма и всё удивляются отчего явились столь сильныя усложненія болѣзней у человѣка, который всю жизнь былъ здоровъ.

Никому и въ голову не придетъ спросить себя о причинѣ болѣзни, несмотря на то, что этотъ вопросъ долженъ всегда стоять раньше самаго лѣченія, ибо: 1) если устранить причину, то и болѣзнь должна прекратиться сама собой безъ всякаго лѣченія; а во 2) если причина не устранена, то сколько ни лѣчить, болѣзнь должна же вновь вернуться; ибо нельзя залѣчивать рану, если въ ней находится какая-нибудь щепка, которая дѣлаетъ больше вреда, чѣмъ приноситъ пользы лекарство.

Напримѣръ: разбирая настоящій случай, надо замѣтить, что болѣзни печени и желчи бываютъ, конечно, отъ разныхъ причинъ; но очень часто причина этой болѣзни зависитъ отъ нравственныхъ мотивовъ. Человѣкъ золь и завистливъ, всякая его собственная неудача раздражаетъ его и приводитъ въ ярость; каждый успѣхъ другихъ доводитъ его до дрожи во всемъ тѣлѣ и заставляетъ внутренно завидовать до скрежета зубовъ; его болѣзнь, мѣшая ему въ дѣлахъ, приводитъ въ отчаяніе, и злость и зависть кипятъ въ немъ и день и ночь. Такое ненормальное напряженіе желчныхъ пузырьковъ служитъ основной причиной расстройства, какъ самой желчи, такъ и сосѣднихъ непосредственно съ ней связанныхъ органовъ. Разумно-ли въ этомъ случаѣ лѣчить болѣзнь сильно дѣйствующими лекарствами и наркотиками и не обратить нисколько вниманія на причину болѣзни и не постараться удалить ее?

Болѣе половины всѣхъ существующихъ на землѣ болѣзней, и въ томъ числѣ почти всѣ нервныя болѣзни, могутъ быть причислены къ числу тѣхъ болѣзней, причина которыхъ кроется въ нравственныхъ недостаткахъ, порокахъ, въ неправильныхъ отношеніяхъ къ жизни и въ томъ міровоззрѣніи, съ которымъ человѣкъ смотритъ на себя, на окружающихъ его людей и на препятствія и превратности, встрѣчаемыя имъ на жизненномъ пути.

Если-бы люди разумно относились къ своей жизни и поступкамъ, они поняли-бы, что самъ здравый смыслъ указываетъ во всѣхъ этихъ болѣзняхъ, прежде чѣмъ начинать отравляться лекарствами, слѣдуетъ усиленно постараться исправить свои пороки, недостатки и свое міровоззрѣніе, и что радикальное излѣченіе всѣхъ подобнаго рода болѣзней возможно только при этомъ условіи. На лекарство слѣдовало-бы смотрѣть только какъ на средство, временно облегчающее страданія и дающее больному время одуматься или, такъ сказать,

справиться съ своимъ внутреннимъ человѣкомъ, но что лекарство никогда не въ силахъ оказать столь сильное дѣйствіе, чтобы радикально излѣчить болѣзнь въ то время, когда человѣкъ столь изобильно отравляетъ самъ свой организмъ. При этихъ-же обстоятельствахъ всѣ старанія докторовъ будутъ всегда тщетны и будутъ только разстраивать здоровье человѣка.

Какъ капля воды, кадая на одно мѣсто, пронизываетъ камень; такъ и наши хотя бы самыя малыя несовершенства и порочныя наклонности, проявляясь въ насъ постоянно и всегда, должны вызывать ненормальныя отправления нервной системы и, слѣдовательно, вліять на состояніе здоровья организма. Сколько разъ уже было замѣчено, что краткое пребываніе на минеральныхъ водахъ излѣчивало болѣзнь, тогда, какъ, передъ тѣмъ цѣлые годы употребленія этой же самой воды не оказывали никакого дѣйствія. Въ этомъ случаѣ, сама вода играетъ только вспомогательную роль; важно же то, что человѣкъ устранилъ на время причину болѣзни, измѣнилъ свою обычную жизнь, сопровождаемую трудностями, дрязгами, заботами, неприятностями, которыя вызывали въ немъ потребность сердиться, негодовать, завидовать, волноваться и т. д., на жизнь болѣе спокойную въ нравственномъ отношеніи, окруженную комфортомъ, музыкой и развлеченіемъ. Наконецъ, не всѣ нравственныя причины могутъ быть названы мелочными; нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствуютъ въ высшей степени пагубно на организмъ. Случалось, что отъ чисто нравственныхъ причинъ послѣдовалъ моментальный параличъ и даже мгновенная смерть.

Мы называемъ свой вѣкъ нервнымъ, потому что видимъ массу болѣзней нервной системы. Но не правильнѣе бы было назвать нашъ вѣкъ порочнымъ, такъ какъ причина расстройства нервной системы таится всегда въ людскихъ порокахъ. Если бы люди были менѣе самоувѣренныя и тщеславны, то ясно видѣли бы что они не поспѣваютъ за вѣкомъ, что отстали отъ него и что они недостаточно подготовлены ни духовно, ни нравственно къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ къ нимъ жизнь.

Современная жизнь интеллигентнаго человѣка дѣйствительно чрезвычайно трудна и многосложна отъ безчисленнаго количества самыхъ разнообразныхъ требованій, предъявляемыхъ человѣку. Она несравненно сложнѣе и запутаннѣе, чѣмъ была жизнь не только сто лѣтъ тому назадъ, но и пятьдесятъ. А чѣмъ больше количество надо выполнить условій для полученія полной жизни, тѣмъ больше надо работать и тѣмъ мень-

ше вѣроятій, что всѣ эти условія будутъ выполнены и сложатся для насъ въ благопріятномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности такъ и выходитъ: какъ бы каждый изъ насъ не обставлялъ свои дѣла, ему непременно не достаетъ одного или нѣсколькихъ самыхъ для него существенныхъ условій; а у многихъ ихъ недостаетъ чрезвычайно много и потому всякій изъ насъ желаетъ и добивается чего нибудь, а именно того, что ему труднѣе всего можетъ достаться, такъ какъ этого ему не дано. Все дѣло въ томъ нравственномъ настроеніи, съ которымъ онъ добиваетсяжелаемаго;— вотъ тутъ то и есть начало всѣхъ нашихъ внутреннихъ душевныхъ страданій и изъ нихъ истекающихъ, какъ слѣдствіе—болѣзней организма.

Вся причина нашихъ страданій заключается всегда въ насъ самихъ и въ нашемъ несовершенствѣ. Мы не обладаемъ достаточнымъ количествомъ: во 1) терпѣнья, чтобы столько переносить трудностей жизни и выжидать лучшихъ временъ, не раздражаясь, не волнуясь и не отчаяваясь; во 2) нѣтъ умѣнья вести свои житейскія дѣла такъ, чтобы не преступать естественныхъ законовъ нравственной и духовной жизни своей души; въ 3) у насъ никогда нѣтъ достаточно смиренія, покорности Волѣ Божіей, проливающей Свои Дары на помощь недужному и слабому человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ Его проситъ о томъ; въ 4) нѣтъ благоразумія и достаточно силы воли надъ собой, чтобы сдерживать при многочисленныхъ жизненныхъ неудачахъ свой расхолодившійся злой элементъ, какъ то: страсти, гнѣвъ, зависть, злость, оскорбленное самолюбіе, неудовлетворенную природную гордость и тщеславіе; а эта нравственная распущенность причиняетъ намъ самыя сильныя внутреннія, душевныя страданія, которыя и служатъ прямой причиной разстройства организма и лучшей подготовительной почвой для удобнаго воспріятія всевозможныхъ болѣзней.

Болѣе подробно мы позволимъ себѣ разобрать этотъ вопросъ въ одной изъ послѣдующихъ книгъ. Въ настоящее время мы скажемъ только, что бросая уже одинъ бѣглый взглядъ на жизнь человѣка, нельзя не замѣтить на каждомъ шагу неестественности и непослѣдовательности, въ которыхъ ясно обрисовывается вся несостоятельность человѣка въ связи съ его порочностью и недостаткомъ интеллектуальнаго развитія; и если съ одной стороны надо признать, что человѣкъ самъ виноватъ во многомъ этомъ, то съ другой стороны нельзя не пожалѣть его отъ души и не признать, что онъ заслуживаетъ большаго снисхожденія.

Разберите жизнь человѣка и увидите при какихъ трудныхъ

условіяхъ принужденъ онъ влачить свое существованіе; 1) живетъ онъ на землѣ, не помня своего прошлаго, не знаетъ откуда онъ произошелъ, что предшествовало его жизни на землѣ; не знаетъ зачѣмъ онъ живетъ, гдѣ истинная цѣль его жизни и гдѣ конечный пунктъ, котораго онъ долженъ добиваться. Все это онъ долженъ однако постигнуть черезъ свою жизнь на землѣ, которая не даетъ ему ни одного прямого указанія, а для очень наблюдательныхъ одни только намеки, по которымъ человѣкъ можетъ лишь смутно догадываться о своемъ назначеніи и цѣли жизни. Человѣкъ долженъ назваться окончательно слѣпымъ для своей жизни и ему крайне трудно избирать вѣрный жизненный путь при его сильныхъ порочныхъ и страстныхъ наклонностяхъ и его безсильной воли, долженствующей смирять въ немъ зло.

2) Убѣжденія его шатки и неопредѣленны и если иногда и озаряютъ его свѣтлыя мысли, открывающія ему отчасти истинную цѣль и назначеніе его бытія, то это всегда происходитъ такъ смутно и бездоказательно, что часто принужденъ медлить исполненіемъ ихъ, такъ какъ опасается впасть въ еще большія ошибки.

3) Кругозоръ человѣка крайне ограниченъ и онъ всегда болѣе склоненъ останавливать свое вниманіе на томъ, что передъ его глазами, или на тѣхъ нужды, въ которыхъ онъ чувствуетъ немедленную потребность, отодвигая далеко на второй планъ то, что, несравненно существеннѣе, но могло бы принести ему въ будущемъ несравненно большую пользу, просвѣтлить его міровоззрѣніе и облегчить задачу познанія бытія. Однимъ словомъ мало такихъ, которые живутъ настоящею жизнью для будущей, но большинство живетъ просто для того, чтобы жить, не давая себѣ яснаго отчета для чего вся ихъ жизнь нужна.

Мало того, есть люди, которымъ, вслѣдствіе ихъ узкаго кругозора, нравится самый процессъ жизни на землѣ, со всѣми ея темными сторонами, съ интригами, съ борьбой за свое личное существованіе, съ частными побѣдами надъ людьми, и даже собственныя неудачи не тяготятъ ихъ; они согласились бы на еще большія несчастія, лишь бы только земная жизнь никогда не прекращалась; они слишкомъ полюбили ее, и мысль о смерти конечно, не можетъ ихъ занимать, а потому они всегда отгоняютъ ее, не заботясь о томъ, что съ ними дальше будетъ.

4) Организція человѣка слишкомъ слаба; онъ скоро устаетъ при всякой работѣ надъ собой и въ особенности если эта работа сопряжена съ борьбой и преодоленіемъ своей злой природы; а борьбы съ самимъ собой неизмѣнно много у каж-

даго человѣка, который смотритъ на свою жизнь маломальски разумно и не желаетъ предоставить себя и всю свою участь общему роковому потоку жизни, сознавая вполне отчетливо, что этотъ потокъ можетъ увлечь его только къ гибели.

Людей, сознающихъ весь гибельный путь общаго стремленія человѣчества и начинающихъ бороться съ нимъ, отставать отъ него и требующихъ для себя большей разумности и здраваго смысла въ поступкахъ—стало въ послѣднее время появляться чрезвычайно много. Они все ищутъ болѣе свѣжей атмосферы, болѣе чистыхъ идей и болѣе свѣтлыхъ и лучезарныхъ пѣлей жизни, на которыхъ они могли бы сосредоточить свое вниманіе и отдохнуть отъ давящей рутины автоматичной и безотчетной жизни, безъ прошлаго, безъ настоящаго, съ безсодержательнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне труднымъ настоящимъ. Они ищутъ, но пока еще смутно понимаютъ свое положеніе; они бродятъ пока еще какъ заблудшіе въ темномъ лѣсу, не имѣя никакой возможности выдти изъ него.

Какъ поступаетъ человѣкъ, заблудившійся въ дремучемъ лѣсу, изъ котораго ему не видно ни солнца, ни звѣздъ, ни окружающей его мѣстности?

Онъ влѣзаетъ на болѣе высокое дерево и старается оттуда найти направленіе своего дальнѣйшаго пути. Онъ видитъ солнце, а потому можетъ опредѣлить, гдѣ югъ, гдѣ сѣверъ, видитъ горы, рѣки и если вдали увидитъ колокольню, означающую близость жилья, то можетъ считать себя спасеннымъ. Онъ поминутно будетъ влѣзать на деревья, чтобы какъ нибудь не потерять прямого направленія и понапрасну не удлинить пути.

Такъ точно долженъ поступать всякій, который считаетъ себя заблудшимъ на жизненномъ пути и который желалъ бы выйти изъ этого положенія. Онъ долженъ призвать на помощь весь запасъ своихъ умственныхъ силъ, напрячь свой разумъ, знанія и здравый смыслъ и затѣмъ постараться какъ можно болѣе возвыситься надъ своей жизнью, т. е. отрѣшиться на время отъ всякихъ своихъ личныхъ чувствъ, предразсудковъ и привычекъ, не основанныхъ на чистомъ разумѣ, и посмотрѣть на самого себя и на окружающій его міръ философскимъ, незаинтересованнымъ ни въ свои дѣла, ни въ свои поступки, взоромъ, какъ смотрѣлъ бы онъ на дѣла и жизнь посторонняго, совершенно чужого ему человѣка. Но этого всего еще окажется недостаточнымъ, ибо необходимо, чтобы въ этомъ такъ сказать таинствѣ участвовалъ бы весь человѣкъ со всеми его силами, а потому кромѣ ума онъ долженъ напрячь все свои духовныя чувства и способности. Для этого онъ долженъ мысленно приблизиться, насколько у него только хватитъ духовнаго разу-

мѣнія, къ идеямъ высшей правды, справедливости, милосердія, добра и любви, молитвенно сосредоточиться и вознестись къ источнику Вѣчной Истины съ горячей молитвой, прося Его о помощи, безъ которой человѣку ничего не дано знать чистаго, свѣтлаго и великаго. Сравнивая въ этомъ настроеніи свою жизнь, поступки, желанія и стремленія съ жизнью лучшихъ людей, уже постигшихъ до нѣкоторой степени цѣль и тайны бытія, возстановивъ въ своей памяти все величіе окружающей его природы, всю премудрость вселенной и всѣхъ міровъ ее составляющихъ, все безконечное любвеобиліе Творца вселенной, проливающего дары на все сущее, сотворенное Имъ— тогда передъ нимъ скоро открылось бы его собственное положеніе во вселенной и вся его собственная жизнь. Онъ увидаль бы себя мелкимъ, ничтожнымъ, жалкимъ существомъ, потопающимъ въ своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ въ своей пустой и безсодержательной жизни, вѣчно сопровождаемой праздными и никому не нужными желаніями, заботами и хлопотами. Видъ его будто бы великихъ знаній природы дополнилъ бы ему картину, обрисовавъ ее еще рельефнѣе, ибо всѣ его знанія, вся наука и все его міровозрѣніе представились бы ему однимъ сплошнымъ рядомъ заблужденій и микроскопично малы въ сравненіи съ глубиной и обиліемъ великихъ вѣчныхъ истинъ и тайнъ бытія, безспорно существующихъ въ мірѣ, которыя всегда при извѣстныхъ условіяхъ и при сильномъ желаніи человѣка открываются и просвѣтляютъ его внутренній міръ, но которыя безъ соблюденія этихъ условій и безъ сильнаго и настойчиваго съ его стороны желанія остаются имъ не познанными. Люди ходятъ постоянно и ежедневно кругомъ и около нихъ, не будучи рѣшительно въ состояніи замѣтить и уловить ихъ.

Вотъ эти то впечатлѣнія или скорѣе настроенія долженъ ловить человѣкъ, если желаетъ слѣдовать ближайшимъ путемъ къ цѣли своего земного странствованія. Онъ долженъ въ теченіе всей своей жизни почаще возвращаться къ нимъ и познанія, приобрѣтенныя этимъ путемъ, долженъ бы былъ начертать неизгладимыми буквами въ своемъ сердцѣ, какъ основу своего мышленія. Передъ каждымъ своимъ поступкомъ онъ долженъ бы справляться съ ними и жить въ томъ расчетѣ, чтобы держаться по возможности ближе къ нимъ. Если обстоятельства заставили бы его удалиться, онъ всегда долженъ знать то уклоненіе, которое онъ принялъ, чтобы по возможности скорѣе выправить направленіе своей жизни и быть вновь на кратчайшемъ пути къ вѣчнымъ истинамъ и прямой цѣли своей жизни.

При добромъ желаніи у каждого нашлось бы всегда доста-

точно умѣнья проанализировать себя въ подобномъ направленіи, ибо Богъ не посылаетъ никому испытаній, превышающихъ его силы. Все дѣло нашего исправленія задерживается всегда нашимъ личнымъ нерадѣніемъ и лѣнью приблизить себя къ истинѣ.

Истина достигается съ разныхъ сторонъ, разными путями; но главная задача знать тѣ пути, которые ведутъ къ ней для того, чтобы избѣгнуть такихъ крупныхъ абсурдовъ и диссонансовъ, какіе мы встрѣчаемъ въ настоящее время въ разрѣшеніи не какихъ нибудь маловажныхъ вопросовъ нашей жизни, но даже вопросовъ, составляющихъ первую насущную потребность человѣческихъ знаній, а эти вопросы, составляющіе краеугольный камень всѣхъ знаній, остаются до сихъ поръ спорными.

Первый вопросъ подобнаго рода, на который мы укажемъ здѣсь, есть вопросъ *о существованіи Бога*.

Съ одной стороны мы дѣйствительно видимъ, что людей вѣрующихъ въ Бога значительное большинство; съ другой стороны мы видимъ людей невѣрующихъ, которыхъ несравненно меньше чѣмъ вѣрующихъ, но большинство ихъ принадлежитъ къ числу наиболѣе умственно развитыхъ, стоящихъ близко къ очагу познаній, у нашей науки, которая имѣетъ тоже атеистическій характеръ.

Человѣкъ ничто не ставитъ такъ высоко, какъ разумъ и науку; и это понятно: разумъ есть высшая способность человека, наука же есть лучшій и полезнѣйшій результатъ дѣятельности разума. Если мы не считаемъ науку совсѣмъ непогрѣшимой, то по крайней мѣрѣ мы привыкли думать, что она приближаетъ насъ къ истинѣ на столько, на сколько только можетъ высшій людской разумъ приблизить насъ къ ней, и то что не подтверждается наукой, мы привыкли считать сомнительнымъ.

Наша же современная наука не находитъ необходимымъ допускать присутствіе Божіе во вселенной. Она ведетъ свои изученія природы въ томъ предположеніи, что всѣ явленія природы происходятъ въ силу естественныхъ законовъ по необходимости т. е. признаетъ принципъ автоматичности, причемъ, конечно, понятіе о Высшей Волѣ и о Высшемъ Разумѣ, правящими вселенной, становится излишнимъ. Наука обѣщала намъ, что идя подобнымъ путемъ своихъ изслѣдованій дальше, она рано или поздно раскроетъ намъ всѣ тайны бытія, рѣшительно не измѣняя своихъ основныхъ принциповъ и міровоззрѣній. И мы безусловно вѣримъ ей безъ всякой провѣрки, отчасти по привычкѣ вѣрить наукѣ, а отчасти по необходимости, ибо думаемъ всегда, что отдѣльная личность никогда не можетъ дерзнуть провѣрять науку, такъ какъ она состав-

ляется изъ корпоративныхъ трудовъ всѣхъ наиболѣе посвященныхъ въ нее людей, обладающихъ высшимъ умственнымъ развитіемъ.

Непризнаніе существованія Бога наукой для насъ равносильно отрицанію. И какъ бы каждый изъ насъ не вѣровалъ глубоко, отрицаніе наукой Бога поселяетъ въ насъ большое сомнѣніе и люди вѣрующіе и одновременно съ этимъ занимающіеся наукой, чтобы совсѣмъ неотстать отъ вѣры и когда подымается вопросъ о существованіи Бога, въ которомъ имъ необходимо принять участіе, они принуждены становиться въ какое то двухсмысленное положеніе, похожее на положеніе людей оправдывающихся послѣ того, какъ ихъ поймали въ какихъ нибудь проступкахъ. Одни говорятъ: „да, я вѣрю, хотя существованіе Бога не можетъ быть доказано разумно“. Другіе говорятъ: „по слабости своей организациі я долженъ вѣровать; это можетъ быть и не разумно, но я позволяю себѣ эту роскошь, такъ какъ меня съ молодости приучили къ тому и это стало моей потребностью“. Третьи говорятъ: „Вѣра есть осколокъ необразованности, оставшейся въ насъ въ силу привычекъ еще дѣдовъ и прадѣдовъ и перешедшій къ намъ съ разными другими нелѣпостями, которыя они оставили намъ въ наслѣдство“.

Вопросъ о существованіи Бога слишкомъ важенъ въ жизни человѣка, чтобы можно было бы дальше оставлять людей въ недоумѣніи. Ему мы посвящаемъ эту книгу и желали бы, чтобы она разубѣдила хотя нѣкоторыхъ и увѣрила ихъ, что это далеко не традиціонный осколокъ старины и не бездоказательное предположеніе, но вполне неоспоримый доказанный серьезной наукой фактъ.

Второй вопросъ, слѣдующій по своему значенію за первымъ, есть вопросъ *о существованіи души у человѣка*.

Можно ли назвать разумнымъ, что наше интеллигентное человѣчество, подвергая все строгому контролю разума, меньше всего интересуется вопросомъ о томъ, есть ли у него душа или нѣтъ. Вся наука изучаетъ человѣка въ предположеніи, что души въ немъ нѣтъ или по крайней мѣрѣ нѣтъ такой души, которая отличалась бы чѣмъ нибудь отъ души животныхъ, т. е. какъ называетъ позитивная фізіологія: жизненные свойства матеріи. Трудно понять въ этомъ случаѣ, какое дѣлаетъ себѣ представленіе о душѣ всякій здравомыслящій человѣкъ, который и вѣруетъ въ Бога, значить признаетъ въ себѣ душу, и одновременно съ тѣмъ занимается наукой, слѣдовательно отрицаетъ ее. Какой логикой руководствуется онъ? Какимъ образомъ раздваивается его здравый смыслъ, чтобы одновременно при однихъ сужденіяхъ говорить въ положитель-

номъ смыслѣ и о томъ же предметѣ при другихъ обстоятельствахъ говорить въ отрицательномъ?

Наконецъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о раздвоеніи въ извѣстныхъ случаяхъ здраваго смысла у людей, считающихъ себя здравомыслящими, мы обратимся къ нашему практическому разуму и жизненному расчету, на которые люди нынѣшняго вѣка останавливаютъ свое главное вниманіе, и спросимъ: какъ не обратятъ они вниманія на то, что практическій смыслъ жизни окончательно мѣняется, будемъ ли мы думать, что наша земная жизнь имѣетъ окончательный характеръ и что со смертію она уничтожается безвозвратно, или будемъ ли мы разбирать земную жизнь лишь подготовительной къ будущей загробной. То, что онъ можетъ себѣ позволять въ одномъ случаѣ, того онъ долженъ себя лишать въ другомъ; то, что въ первомъ случаѣ ему было бы выгодно дѣлать, то во второмъ было бы опасно.

Разъясненіе этого вопроса мы намѣреваемся помѣстить во второй книгѣ, которую думаемъ издать вслѣдъ за этой; въ ней также ясно будетъ доказано, что наука должна признать душу въ человѣкѣ, какъ самостоятельный разумный и духовный элементъ его существа, но понятіе это выше средствъ позитивнаго метода, принятаго нынѣ наукой для изученія природы, а потому понятіе о душѣ недоступно ему. Для того, чтобы позитивизмъ имѣлъ бы возможность изучать отвлеченные вопросы когда нибудь, необходимо капитальное измѣненіе всего строя его и всѣхъ его научныхъ взглядовъ на природу вещей т. е. нужно его уничтожить и создать новую науку.

Цѣль обоихъ этихъ трудовъ состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что понятіе о Богѣ и о душѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ числу бездоказательныхъ положеній и основанныхъ лишь на одной вѣрѣ и догадкахъ; но что, совершенно наоборотъ, существованіе Бога доказывается чисто научнымъ путемъ, ибо высшій результатъ знанія и вѣнецъ всякой здравой научной мысли ведетъ cadaго къ признанію Бога Творцемъ міра и Промыслителемъ вселенной.

Укрѣпленіе же въ умахъ интеллигентно развитыхъ людей понятія о полной доказанности существованія Бога и души въ человѣкѣ должно необыкновенно благотворно отразиться на всей ихъ духовной разумной жизни. Оно должно разрушить множество сомнѣній, увеличить ихъ кругозоръ, открыть имъ совершенно новый взглядъ на систему міра и дать болѣе правильное направленіе ихъ мысли.

Всѣ религіи стараются развить и укрѣпить въ человѣкѣ вѣру въ Бога; но, идя теологическимъ путемъ мышленія, они

дѣйствуютъ главнымъ образомъ на наши духовно-нравственныя силы и внутреннія чувства. Они вполне правы, такъ какъ у большинства людей жизнь внутреннихъ чувствъ преобладаетъ надъ жизнью разума и то, что они привяли чувствами, то немедленно принимается ими къ руководству въ ихъ жизни, независимо отъ того, принято ли это ихъ разумомъ.

У нормальнаго человѣка мы должны себѣ представить жизнь духовныхъ чувствъ развитою въ одинаковой степени съ ихъ разумомъ, но подобные примѣры очень рѣдки.

Характеристика современнаго интеллигентнаго человѣка не такова; онъ подавленъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ исключительно дѣятельностью своего разума въ ущербъ развитію внутреннихъ чувствъ. Истинный послѣдователь положительныхъ и рациональныхъ наукъ окончательно не вѣритъ свидѣтельству даже своихъ собственныхъ глазъ, если свидѣтельство это не оправдывается научными положеніями, онъ отвергаетъ самые достовѣрные факты имъ самимъ видѣнные, которымъ нѣтъ научныхъ подтвержденій, основанныхъ на научной логикѣ, до того вѣритъ онъ въ непогрѣшимость науки и своему научному складу разума.

Для подобныхъ людей недостаточно одно теологическое доказательство. Чтобы подѣйствовать на его жизнь и убѣжденія необходимо дать сперва научныя доказательства, а затѣмъ уже для подкрѣпленія выводовъ разума дѣйствовать на его чувства.

Раскрывая настоящимъ трудомъ передъ ними всю картину исторіи научныхъ знаній, мы думаемъ вполне доказательно выяснить, что истина въ мірѣ одна и что начало ея находится въ Богѣ, что Онъ Одинъ владѣетъ ею всецѣло, а что всѣ знанія какія бы они ни были, теологическія или научныя, приближаютъ человѣка къ истинѣ только отчасти и что наибольшее приближеніе возможно только при условіи, чтобы человѣкъ весь, всѣмъ своимъ существомъ, безраздѣльно стремился къ ней, какъ своими духовными чувствами, такъ и разумомъ. Только подобное сочетаніе духа съ разумомъ можетъ дать истинную, христіанскую, разумную вѣру, непогрѣшимую руководительницу всѣхъ поступковъ, открывающую лучше всего цѣль жизни, истинное назначеніе человѣка на землѣ и Милосерднаго Бога Творца вселенной.

ГЛАВА I.

Главное разногласіе.

Еще въ древности мудрецы старались внушить человѣчеству, что самое существенное знаніе и самая трудная наука— есть наука о самомъ человѣкѣ. Они настаивали на этомъ, и увѣковѣчили свое глубокое убѣжденіе слѣдующею надписью на Дельфійскомъ храмѣ: „Познай самого себя“.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Сколько труда было потрачено, чтобы разъяснить мѣсто человѣка въ природѣ и истинное назначеніе его жизни на землѣ. Однако, всѣ вопросы, касающіеся внутренней жизни, остаются и до сихъ поръ не разъясненными. Человѣчество не пришло ни къ какому заключенію, и разногласія въ пониманіяхъ себя и коренного смысла окружающей ихъ природы доходятъ до самыхъ рѣзкихъ противорѣчій.

Въ данномъ случаѣ мы и не думаемъ употреблять слово „человѣчество“ въ полномъ и обширномъ его значеніи. Если бы мы стали разбирать всѣхъ людей на земномъ шарѣ, мы встрѣтили бы громадную разницу въ ихъ происхожденіяхъ, расахъ, организаціяхъ, развитіяхъ, образѣ жизни, вызванныхъ климатами, обычаями и вѣрованіями, и, наконецъ, состояніемъ наукъ и образованности ихъ,—вслѣдствіе чего нельзя было бы и ожидать однообразія мысли и убѣжденій. Но мы хотимъ указать на то, что люди, исповѣдующіе одну и ту же вѣру, послѣдователи одного и того же Христа, черпающіе всѣ свои знанія изъ одного и того же источника, имѣющіе приблизительно одни и тѣ же обычаи, одно и то же умственное развитіе,—расходятся въ самыхъ основныхъ принципахъ и въ самомъ корнѣ пониманія себя и своей природы. Мы до сихъ поръ незнаемъ чтò мы такое: Игра ли мы случая? Слѣдствіе ли движенія атомовъ? Продуктъ ли силъ и способностей, заклю-

чающихся въ матеріи? Или можетъ быть мы сотворены? Подчинены чужой волѣ? Для чего же сдѣлались мы послушными ея исполнителями? Имѣемъ ли мы свою собственную волю? Можемъ ли мы располагать своими поступками? Имѣемъ ли мы самостоятельную личность, или это все намъ только кажется? Все это, можетъ быть, сумма нашихъ собственныхъ жизненныхъ ощущеній, которыя прекращаются и пропадаютъ вмѣстѣ съ жизнью нашего тѣла? Съ другой стороны—эта личность—наше „я“ не должно бы пропадать послѣ нашей смерти. Мы это чувствуемъ, мы сознаемъ, но, однако, куда все это дѣвается? Во что преобразовывается то, что въ насъ чувствовало, стремилось и думало? Что это за проблески свободной воли, которые мы такъ ясно въ себѣ ощущаемъ? Что это за проявленіе ума, силы слова, стойкости убѣжденій, дающихъ намъ несомнѣнныя преимущества передъ всѣми тварями земли, и которыя позволяютъ намъ господствовать надъ ними? Почему мы господствуемъ и приспособляемъ всю природу и весь земной шаръ подъ свои потребности? Имѣемъ ли мы на это право? Можетъ быть человѣкъ есть въ самомъ дѣлѣ независимый царь природы и единственный властелинъ вселенной? Можетъ быть онъ рано или поздно силой своего ума и воли покорить не только одну землю и всѣ на ней находящіяся силы и стихіи, но и другія небесныя тѣла, и само солнце преклонится предъ всемогущею волею его? Или мы полное ничтожество, незамѣтная инфузорія, тля вселенной? Если мы ни то и ни другое, то что мы именно? Что такое человѣкъ? Гдѣ же, наконецъ, мѣсто его въ природѣ?

Чѣмъ болѣе совершенствуется общество, тѣмъ логичнѣе относится оно къ своимъ знаніямъ и предъявляетъ къ нимъ несравненно большія требованія. Отдѣляваясь мало по малу отъ всякой рутины научныхъ предразсудковъ и предвзятыхъ идей всякаго рода, оно перестаетъ удовлетворяться однимъ поверхностнымъ изученіемъ природы, но требуетъ болѣе глубокаго взгляда, могущаго выяснитъ внутренній смыслъ явленій и фактовъ, ихъ происхожденіе, причину и сущность; а потому все чаще и чаще встрѣчается необходимость касаться подобнаго рода вопросъ. Но гдѣ искать отвѣта на нихъ?

Адепты науки, конечно, обращаются къ своей наукѣ для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній. Они подвергаютъ всѣ мнѣнія, мысли и ощущенія неумолимой оцѣнкѣ позитивныхъ наукъ и анализируютъ ихъ, не отступая отъ ихъ общепринятыхъ правилъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ позитивизма въ наукѣ является потребность относиться ко всему скептически и съ недовѣріемъ, даже къ свидѣтельству своихъ собственныхъ чувствъ, если

они не могутъ быть подтверждены или выяснены научнымъ опытомъ и если они не поддаются мѣрѣ, вѣсу и другимъ положительнымъ и неоспоримымъ мѣрамъ или доказательствамъ.

Этотъ самый обычный пріемъ или взглядъ положительныхъ и матеріалистическихъ наукъ, который наши учителя стараются развить и укоренить въ насъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ и къ которому мы дѣйствительно привыкаемъ, обращаясь съ наукой, проявляется въ послѣдствіи въ такомъ же точно видѣ и во всей нашей жизни при рѣшеніи каждаго даже житейскаго вопроса. Этотъ взглядъ какъ бы сродняется съ нами, проникаетъ во всѣ отправления разума или до такой степени привыкаемъ къ нему, что мы готовы отвергать факты, даже существующіе или, по крайней мѣрѣ, готовы оспаривать ихъ достовѣрность, если они не поддаются научному анализу и принципамъ позитивизма.

Съ другой стороны и у каждаго человѣка есть врожденное чувство почитанія Божества. Мы всѣ рождаемся съ задатками вѣры, чувствуемъ и сознаемъ свою духовную или нравственную сторону. Этимъ человѣкъ отличается отъ животнаго. Животное тоже живетъ и также умираетъ, но оно не знаетъ ни своей жизни, ни своей смерти, оно не думаетъ и не соображаетъ, оно просто живетъ и чувствуетъ. Человѣкъ отчетливо сознаетъ свое существованіе; постоянно видя смерть на другихъ и представляя себя въ такомъ же состояніи, онъ невольно задумывается и предается потоку мыслей, исходящихъ изъ самой глубины сердца, вызывающихъ самыя своеобразныя ощущенія.

Въ эти минуты всѣ чувства его не только не находятъ ни малѣйшаго отголоска въ наукѣ, но напротивъ они окончательно противорѣчатъ всѣмъ даннымъ ей. Несмотря на все наше уваженіе къ наукѣ, ни на привычку всюду слѣдовать и всегда преклоняться передъ ней, какой-то внутренней голосъ или какое то безотчетное влеченіе заставляетъ насъ въ эти минуты совершенно отказываться отъ нея, отчетливо сознавать всю ея пустоту и ничтожество, въ сравненіи съ глубиной и полнотой волнующихся въ насъ чувствъ, удаляющихъ насъ отъ всего житейскаго вещественнаго и матеріальнаго.

Если же въ такомъ состояніи находится большинство людей, состоящихъ у одра умирающаго, то что могли бы мы сказать о самомъ умирающемъ въ полномъ сознаніи и памяти? Какія чувства и представленія заполняютъ послѣднія минуты его жизни? Какія мысли роятся въ его головѣ? Многочисленные примѣры показываютъ, что всѣ люди умираютъ съ однимъ и тѣмъ же убѣжденіемъ будущаго и безконечнаго бытія. Въ эти минуты человѣкъ не допускаетъ и мысли, чтобы его личность пропала безслѣдно; онъ чувствуетъ, что существованіе его

не кончается, что смерть есть только слѣдствіе слабой организациі его, но что духъ его остается здоровъ и бодръ. Мы видимъ самыхъ ярыхъ атеистовъ, которые еще наканунѣ смерти отдали бы голову на отсѣченіе, что все существо ихъ ничего, кромѣ игры атомовъ, въ себѣ не заключаетъ, но которые въ торжественныя минуты смерти смирились, признавали свои заблужденія, плакали какъ дѣти и прибѣгали къ помощи Бога. Такъ созданъ человѣкъ! Люди упорные, съ сильнымъ характеромъ, бывають въ состояніи удержаться отъ подобныхъ нарушеній атеистическаго принципа, который они преслѣдовали въ теченіе всей ихъ жизни. Они бывають въ состояніи даже во время своего смертнаго часа, идя противъ своей природы, заглушить въ себѣ внутренній голосъ насмѣшками и остротами направленными на самихъ себя, на вѣрующихъ и даже на Самого Бога. Подобныя смерти оставляють всегда впечатлѣніе полнѣйшаго разлада всѣхъ внутреннихъ чувствъ и ощущеній съ внѣшними дѣйствіями человѣка.

Мы съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкаемъ безмолвно уважать и безпрекословно слѣдовать за своей наукой, мы вполне убѣждены, что только черезъ нее мы можемъ получить знанія. Мы черезъ нее ищемъ одного доказаннаго, непреложно-вѣрнаго всего умственно возвышающаго насъ надъ окружающей природой и тварями.

Рядомъ съ этимъ мы видимъ массу настроенныхъ церквей; миллионы молящихся въ нихъ народа; пастырей церкви, проповѣдующихъ однѣ прекрасныя истины, смыслъ и глубина которыхъ поражаютъ насъ. Но это не тѣ истины, это не тотъ пріемъ, не тѣ начала, что даетъ наука, а потому онѣ чужды нашему пониманію. Мысли эти такъ рѣзко противоположны всему тому, что усваивалось нами съ самыхъ раннихъ лѣтъ, благодаря нашей наукѣ. Пастыри церкви говорятъ, что видимый міръ созданъ Богомъ, что все, что живетъ, есть твореніе Его всесильной Воли, что мы сами живемъ для будущей жизни, что мы будемъ и послѣ смерти жить, только въ другой формѣ, въ другомъ мѣстѣ.

Но наша наука ничего подобнаго намъ не указываетъ. Материалисты убѣждены, что отлично объясняютъ всѣ явленія естественными законами природы, безъ всякаго участія Вышаго Разума. Они вполне удовлетворяются своимъ міровоззрѣніемъ, которое рѣшительно не нуждается въ присутствіи Божіемъ во вселенной. Ихъ физика, химія, фізіологія, анатомія, космогонія и т. д. не нуждаются ни въ какихъ отвлеченіяхъ, для полнаго выясненія всѣхъ необходимымъ положеній, и все,

что ихъ интересуеть въ природѣ, они объясняютъ одинаково для себя отчетливо и опредѣленно.

Далѣе мы видимъ, что во главѣ ученія Церкви стоятъ люди безупречные, посвятившіе человѣчеству всю жизнь съ полнымъ убѣжденіемъ, съ полной готовностью на все доброе и на всякія самопожертвованія. Они ставятъ свои убѣжденія и свои воззрѣнія выше своего покоя, выше своего тщеславія и своей личности.

Съ другой стороны, мы видимъ тружениковъ науки не менѣе преданными своему дѣлу. Они своими собственными силами выработали все, чѣмъ только обладаетъ наука, начиная отъ азбуки и таблицы умноженія. Они съ полнымъ рвеніемъ старались выяснитъ себѣ всѣ явленія и открыли множество законовъ природы; всѣ успѣхи науки слагались черезъ усиленные труды людей, которые относились всегда въ высшей степени ревностно къ своему дѣлу. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ добромъ желаніи каждаго изъ нихъ къ отысканію истины и тѣмъ способствовать благу человѣчества, — но! — мы совершенно то же должны сказать и объ Отцахъ Церкви.

Отъ этого недоразумѣніе не устраняется, а, напротивъ, затрудненія только усложняются и растутъ. Мы говоримъ: истина одна въ мірѣ, двухъ противорѣчащихъ истинъ допустить мы не можемъ, а подавно такихъ, которыя по своему смыслу діаметрально противоположны одна другой, а именно: 1) *что Богъ есть, и Онъ начало всего*; 2) *Бога нѣтъ, матерія господствуетъ и сама производитъ все*.

Вотъ какая неимоверная пропасть установилась между этими двумя ученіями. Эта пропасть имѣетъ свое начало съ того самаго момента, какъ наука стала самостоятельною отъ Церкви. По мѣрѣ того, какъ наука крѣпла, эта пропасть сколько разъ суживалась, потомъ опять увеличивалась, и образованное человѣчество мало по малу совсѣмъ перестало интересоваться вопросами вѣры.

Люди до того сжились и привыкли къ этой пропасти, къ этому неизмѣримому пространству, раздѣляющему ученія Церкви отъ данныхъ науки, что считаютъ это совершенно нормальнымъ явленіемъ. Мы можемъ указать множество людей, которые въ жизни преданные христіане, вѣруютъ въ Бога и исповѣдуютъ самымъ ревностнымъ образомъ свою религію, исполняя безпрекословно всѣ ея обрядности, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вопросахъ науки придерживаются крайняго материализма со всѣми его послѣдствіями, ведущими къ атеизму въ наукѣ, а слѣдовательно къ полному отверганію всего духовнаго и невидимаго, всего разумнаго и волеваго въ природѣ.

Кто возьмется объяснить это чрезвычайно типичное различіе въ пониманіи вещей, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ принять основными принципами всѣхъ своихъ убѣжденій въ жизни два совершенно противоположныя, по своему существу, понятія? Онъ какъ будто чувствами своими принялъ и усвоилъ одно ученье, а разумомъ—другое, ему противорѣчащее. И это не только у людей нашего вѣка, но и во всѣ времена исторіи науки; на примѣръ: родоначальникъ европейскаго атеизма Гессенди былъ настоятелемъ ортодоксальнаго католическаго монастыря въ Диньи, приверженецъ короля, Епископской господствующей церкви и самымъ ревностнымъ католикомъ. Лордъ Бэконъ Веруламскій, второй виновникъ распространившагося атеизма, былъ не только вѣрующимъ, и человѣкомъ имѣющимъ правильное понятіе о Богѣ, но онъ былъ въ высшей степени набожнымъ и даже суевѣрнымъ, ибо лѣчилъ заговоромъ бородавки, мозоли и зубы, и вѣрилъ во все чудесное и сверхъестественное. Эпикуръ, представитель атеистовъ древности, также вѣрилъ въ своихъ боговъ, строго исполнялъ всѣ обрядности своей языческой религіи и самымъ аккуратнымъ образомъ приносилъ жертвы своимъ богамъ.

Если мы находимъ такое разнообразіе убѣжденій въ одномъ и томъ же и при томъ вполнѣ образованномъ и разумномъ человѣкѣ,—что нашли бы мы, если бы стали разбирать взгляды цѣлаго общества? — разнорѣчіямъ, конечно, нѣтъ конца и они дѣйствительно доходятъ до неимовѣрныхъ предѣловъ: что признаетъ одинъ, то отвергаетъ другой и всякій старается сослаться на свою науку и найти въ ней оправданіе своего матеріалистическаго и атеистическаго міровоззрѣнія.

Вопросъ о томъ есть-ли Богъ въ природѣ или ничего подобнаго нѣтъ и все это вымыселъ и заблужденіе — слишкомъ важенъ и серьезенъ для каждаго человѣка, желающаго правильно смотрѣть на природу вещей, чтобы въ жизни своей дѣлать по возможности меньше ошибокъ, ибо онъ составляетъ основу всякой логической мысли. Вопросъ о существованіи Бога составляетъ краеугольный камень всѣхъ знаній и долженъ бы быть первой и главной посылкой всякаго логическаго міровоззрѣнія, а между прочимъ наукой онъ совершенно не выясненъ.

Если доказано, что Бога нѣтъ, зачѣмъ же люди вѣрятъ въ Него и молятся Ему, зачѣмъ строить церкви, зачѣмъ самовольно лишаютъ себя земныхъ благъ, преслѣдуя какія-то вѣчныя истины, надѣясь на загробную жизнь и на будущее безконечное блаженство? Если-же признано, что Богъ есть, если неоспоримъ фактъ, что Разумная Воля правитъ Вселенной, а не без-

смысленные атомы сами управляютъ собой, то вѣдь надо серьёзно обдумать все связывающее насъ лично съ этимъ вопросомъ и всю постановку нашихъ научныхъ основъ, дающихъ камертонъ всей разумной сторонѣ нашей жизни. И оказалось бы что надо во многомъ исправить нашу современную атеистическую науку. Въ такомъ случаѣ наука безспорно упростилась бы во многихъ отношеніяхъ и приняла-бы совершенно другой характеръ; изъ односторонней и сухой она превратилась бы въ великую, возвышенную и божественную науку, что болѣе приличествовало бы истинному и святому ея назначенію.

Но адепты положительныхъ наукъ протестуютъ заранѣе и не допускаютъ подобнаго строя или характера въ наукахъ. Придерживаясь позитивной философіи Огюста Конта, они говорятъ, что каждая отдѣльная мысль и каждый классъ человѣческой идеи проходить черезъ три фазиса мышленія: въ младенческомъ состояніи мысль — теологическая, затѣмъ переходитъ въ метафизическую и вѣнецъ знаній долженъ имѣть мысль положительную.

Въ первомъ періодѣ человѣкъ объясняетъ явленія природы какимъ нибудь произвольнымъ образомъ на основаніи предполагаемыхъ имъ аналогій. Недостатокъ его знаній заставляетъ его смотрѣть на природу, какъ на арену произвола и минутныхъ прихотей верховныхъ существъ, гдѣ разыгрываются самыя разнообразныя и измѣнчивыя роли. Необыкновенныя случайности наводятъ на людей страхъ, и они принуждены объяснять ихъ какими нибудь чудесами.

Во второмъ періодѣ, въ метафизическомъ, замѣчается несравненно большая состоятельность *разума*; человѣкъ начинаетъ требовать для объясненія явленій какихъ нибудь апріорностей, прирожденныхъ способностей и свойствъ, переходить на *сущности* и, на основаніи замѣченнаго имъ *постоянства* въ явленіяхъ, приходитъ къ заключенію, что они совершаются не вслѣдствіе какого нибудь *вмѣшательства* со стороны внѣшняго существа, но вытекаютъ изъ свойства самихъ вещей.

Въ третьемъ періодѣ, въ позитивномъ, человѣкъ объясняетъ явленія природы раскрытыми ему законами, основанными на очевидной и безспорной достовѣрности и имѣющими свое оправданіе въ долговременныхъ и тщательныхъ вѣковыхъ изслѣдованіяхъ. Законы эти не только доказательны для разума, но и согласны съ дѣйствительностью, такъ какъ отличительный характеръ науки заключается въ томъ, что она постигаетъ явленія природы и предвидитъ ихъ. Наука есть предвидѣніе. Достовѣрность есть ея основа и ея слава.

Ссылаясь на эту классификацію знаній адепты науки, считая себя въ третьемъ періодѣ развитія мысли, какъ болѣе близко стоящіе къ источнику разума и познанія, не удивляются, что всѣ прочіе, менѣе образованные люди чѣмъ они сами, находятся еще въ первомъ фазисѣ развитія, а потому вѣрятъ еще въ Бога и поклоняются Ему. Несмотря на глубокую увѣренность, съ которой Огюсть Контъ и его послѣдователи относятся къ этой классификаціи, она возбуждала цѣлые потоки опроверженій. Очевидно, что подобный взглядъ на цивилизацію не вѣренъ. Напримѣръ, Гизо, болѣе Конта свѣдущій въ историческихъ фактахъ и болѣе его наблюдательный, совершенно противоположнаго мнѣнія. „Невозможно, — говоритъ онъ, — исказить сильнѣе исторію человѣка и міра. То, что Контъ признаетъ тремя послѣдовательными періодами жизни рода человѣческаго, ничто иное, какъ полное и постоянное состояніе человѣчества. Изученіе физическаго міра, теологическія воззрѣнія и метафизическіе выводы далеко не обладаютъ положительнымъ значеніемъ. Различные взгляды и труды — необходимая принадлежность человѣческой природы. Никогда и ни въ какой странѣ люди не переставали и не перестанутъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, также какъ и не перестанутъ заниматься изученіемъ физическаго міра для удовлетворенія своихъ нуждъ. Народы и вѣка имѣютъ различныя нравственныя направленія; религіозная вѣра, метафизическое воззрѣніе и научное любопытство болѣе или менѣе продолжительны и развиваются то одиночно, то вмѣстѣ“. (*Méditations sur la religion chrétienne*, tome II, page 285).

Люди вѣрующіе въ Бога положительно возмущаются подобной классификаціей и говорятъ: чтобы составить такую классификацію надо абсолютно исказить дѣйствительность и не видѣть фактовъ и существующаго порядка вещей въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Можно было-бы признать эту классификацію вѣрною только въ такомъ случаѣ, если-бы дѣйствительно атеизмъ и матеріализмъ какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ государствахъ, возросталъ пропорціонально знаніямъ, образованію и развитію людей. Если-бы мы могли видѣть, что чѣмъ отдѣльная личность или чѣмъ цѣлое государство болѣе развито, обладаетъ болѣе обширными знаніями, чѣмъ выше поставленъ его культъ и интеллектуальность, то тѣмъ и понятіе ихъ о Богѣ и о религіи слабѣе. Но вѣдь этого рѣшительно нѣтъ—это крупное заблужденіе.

Обратите вниманіе на два государства, считающіяся самыми образованными въ мірѣ, на Англію и на Америку; тамъ атеизма рѣшительно нѣтъ и никогда не было ни въ народѣ, ни

въ ученыхъ кружкахъ, ни въ обществахъ. Если бы конечный результатъ научныхъ знаній и интеллектуальнаго развитія доводилъ бы до атеизма, то его надо было-бы искать въ этихъ государствахъ, и какъ разъ его тамъ нѣтъ.

Въ Англїи, говоритъ профессоръ М. П. Погодинъ, матеріализмъ XVII столѣтія принесть даже нѣкоторую пользу, — онъ значительно умѣрилъ господствующій тамъ сильнѣйшій клерикальный педантизмъ и, такимъ образомъ, установилъ болѣе правильный взглядъ на науку и искусство, вслѣдствіе чего сдѣлалъ образованіе доступнѣе для всѣхъ классовъ народа. Въ особенности выиграло отъ этого бѣдное населеніе, ибо оно заставило обратить на себя вниманіе аристократіи, что несомнѣнно отразилось благопріятно на увеличеніи ихъ торговли и промышленности. Матеріализмъ XVIII и XIX столѣтій рѣшительно не имѣлъ успѣха въ Англїи.

Атеизмъ и матеріализмъ господствовалъ въ Германіи и во Франціи въ серединѣ и въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Вотъ когда, какъ показываетъ исторія, онъ поглощалъ всю образованную публику, всѣ ученыя общества и университеты. Но съ тѣхъ поръ это міровоззрѣніе, съ усиленіемъ образованія и возвышеніемъ общаго уровня развитія, уменьшается и понемногу пропадаетъ.

Во Франціи вообще относились всегда безразлично къ вопросамъ вѣры. Тамъ никогда не было ни глубокой и педантичной вѣры, какую можно встрѣтить, напримѣръ, въ Англїи, ни абсолютнаго отрицанія. Французскій народъ всегда отличался своимъ легкимъ, фривольнымъ характеромъ, онъ вѣритъ и не вѣритъ въ одно и то же время, ибо это не составляетъ сущности его убѣжденій; у него отъ вѣры до безвѣрія одинъ только шагъ, переступить который онъ не задумается, лишь бы это соотвѣтствовало его настоящему настроенію и удовлетворяло его желаніямъ и страстямъ. Атеизмъ же въ нашемъ девятнадцатомъ вѣкѣ никогда не былъ моднымъ вѣяніемъ Франціи.

Въ настоящее время въ Германіи атеизма въ публикѣ совсѣмъ нѣтъ; въ ученыхъ кружкахъ и у профессоровъ онъ большая рѣдкость, остался онъ еще у студентовъ. Въ Германіи народъ всегда стоялъ близко къ европейскимъ ученымъ, которые работаютъ и оглашаютъ свои труды, за которыми каждый слѣдитъ, совершенно разумно и добросовѣстно разбираетъ ихъ, исправляетъ ихъ ошибки, отвергаетъ или принимаетъ ихъ ученія. Тамъ каждый имѣетъ возможность доходить до сомнѣній и отрицаній строго осмысленнымъ и научнымъ путемъ, — путемъ анализа, критики и свободнымъ обмѣномъ мысли. За-

нимаясь свободно, легко и непринужденно, дойдя иногда даже до края бездны атеизма, онъ всегда имѣетъ возможность, рано или поздно, опомниться, одуматься и выбраться на истинную дорогу. Тамъ, разгульные студенты, откутивъ положенное время, дѣлаются строгими лютеранскими пасторами;—а наши, русскіе учителя, а тѣмъ болѣе ученики, находятся гораздо дальше отъ центровъ образованія, поэтому и знанія ихъ болѣе поверхностны и достаются имъ гораздо труднѣе. Въ Западной Европѣ, говоря вообще, вмѣстѣ съ матеріализмомъ проникаетъ въ народъ сперва образованіе, а затѣмъ уже немного атеизма; у насъ же это дѣлается наоборотъ: матеріализмъ поселяетъ гораздо больше атеизма, чѣмъ просвѣщенія.

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ профессоромъ М. П. Погодинымъ, который говоритъ, что ни въ одной странѣ подобный матеріализмъ не отражается такъ пагубно на нравственное состояніе полуобразованнаго люда, какъ у насъ въ Россіи, и если матеріализмъ всегда оспаривался и возбуждалъ сильнѣйшіе протесты въ Западной Европѣ, то тѣмъ болѣе это должно относиться до насъ, при сравнительно низшемъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго культа и при чрезвычайной воспримчивости и впечатлительности, свойственной характеру нашего молодаго и только что возрождающаго народа. Теперь въ девятнадцатомъ столѣтіи происходитъ у насъ въ Россіи то-же, что было во Франціи и въ Германіи въ восемнадцатомъ вѣкѣ, т. е. сто лѣтъ назадъ. Образованная публика не убѣждена въ логичности своихъ религіозныхъ воззрѣній и, не умѣя совмѣстить требованія церкви съ практикой своей жизни, охотно примыкаетъ къ болѣе простѣйшему міровоззрѣнію и модному вѣянію, просто отрицаетъ то, чего не понимаетъ и обходитъ молчаніемъ или всѣми силами маскируетъ то, чего не знаетъ, считая позорнымъ въ обществѣ выказать свое незнаніе или непониманіе чего нибудь.

Кромѣ того русская литература не очень заботится о народной пользѣ, она бѣдна, однообразна, малодоступна для большинства и всегда потворствуетъ господствующимъ вкусамъ и модѣ времени, чѣмъ еще больше разжигаетъ страсти и укореняетъ cadaго въ его порокахъ, страстяхъ и въ его фальшивыхъ взглядахъ. У насъ не публика слѣдитъ за литературой, не литература ведетъ публику по пути прогресса, но литература старается лишь поддакивать публикѣ и угодить ея вкусамъ и желаніямъ. При этихъ условіяхъ, если кому-нибудь и удастся отрезвиться, — онъ оказывается совершенно безпомощнымъ и положительно не знаетъ какимъ образомъ оправиться, гдѣ почерпнуть данныя, могущія сколько-нибудь направить его

новый взглядъ, соотвѣтствующій тому настроенію, которое приобрѣтено имъ, какъ слѣдствіе разбитой жизни и полнаго разлада внутреннихъ чувствъ съ привычками ума; и умираютъ они, какъ выражается профессоръ М. П. Погодинъ, въ мученіяхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ.

Въ Россіи между профессорами университетовъ и академій атеисты встрѣчаются рѣже, чѣмъ между учителями школъ и гимназій и гораздо большій процентъ ихъ найдется между самыми обучающимися. Наибольшее число закоренѣлыхъ атеистовъ безспорно находится между людьми, не имѣвшими достаточно умственныхъ силъ окончить университетъ или другія высшія учебныя заведенія.

Было бы совершенно понятно, если бы люди одной какой-нибудь школы или какой-нибудь одной отрасли знанія дѣлались повально атеистами; тогда, конечно, можно было бы сказать, что ученіе этой отрасли знанія ведетъ къ атеизму; напримѣръ, если можно было бы усмотрѣть, что люди, изучившіе естественныя науки или медицину, или вообще тѣ научные предметы, которые занимаются строеніемъ человѣка и животныхъ, или ихъ происхожденіемъ, или тѣ, которые указывали хотя бы косвенно на то, что такое жизнь, въ чемъ заключается сущность ея и причины возникновенія матеріальнаго міра, — дѣлались бы всѣ повально атеистами; но этого мы рѣшительно невидимъ; напримѣръ, между студентами медиками и естественниками столько же атеистовъ, сколько между студентами филологами, юристами и математиками, наука которыхъ рѣшительно не имѣетъ соприкосновенія ни съ чѣмъ, что могло-бы хотя косвенно имъ доказывать и опровергать существованіе Бога. Наука ихъ не имѣетъ ничего общаго ни съ религіей, ни съ чѣмъ либо духовнымъ и, казалось бы, не могла никакимъ образомъ вліять на ихъ религіозныя убѣжденія, а въ дѣйствительности она оставляетъ за собою безвѣріе.

Совершенно то же мы увидимъ, хотя можетъ быть и въ меньшей степени, между техниками и инженерами.

Наконецъ, атеизмъ можемъ мы встрѣтить между коммерсантами, биржевыми дѣятелями, торговцами, чиновниками, разночинцами разнаго рода и положительно надо удивляться — изъ какихъ такихъ особенныхъ познаній могли они почерпнуть свое безвѣріе? Знанія ихъ вообще небольшія, то, что они знаютъ, — знаютъ поверхностно, неосновательно, отрывочно и безъ всякой послѣдовательности; вопросами вѣры также они никогда не занимались, а при каждомъ удобномъ случаѣ съ величайшею готовностью высказываютъ крайнія мнѣнія самой авторитетной оппозиціи.

Фактъ давно доказанный, что представители истинныхъ высокихъ знаній во всѣхъ странахъ міра — адепты чистаго идеальнаго человѣческаго разума, которыхъ Эммануиль Кантъ въ своихъ философіяхъ такъ справедливо противопоставляетъ практическому разуму, люди, увѣнчавшіе себя пальмами первенства міровыхъ открытій въ научномъ мірѣ и дѣйствительно способствовавшіе общему прогрессу науки, — были всѣ людьми глубоко вѣрующими въ Бога и въ загробную жизнь. Ньютонъ никогда не позволялъ себѣ произносить имя Бога, *не снявъ предварительно шапки*, и чѣмъ выше было пониманіе природы, тѣмъ и глубже была вѣра каждаго ученаго, ибо передъ нимъ все шире и глубже открывалась необъятная и безпредѣльная премудрость Божья, передъ которою приходилось только преклоняться и смиряться.

Доказательство тому мы увидимъ ниже.

ГЛАВА II.

Міровоззрѣніе ученыхъ.

Истинные ученые относились всегда очень осторожно ко всякаго рода отрицаніямъ, а тѣмъ болѣе—къ отрицанію Бога. Они всегда понимали, что прямая обязанность и назначеніе науки заключается въ томъ, чтобы искать и доискиваться объясненій именно всего непонятнаго для нея. Всѣ факты и явленія, какъ ни казались бы на первый взглядъ загадочными и чудесными, не могутъ быть отвергнуты наукой; было бы совершеннѣйшимъ отступленіемъ отъ самаго кореннаго назначенія науки отрицать неразъясненный фактъ, или отвергать непонятное явленіе, ибо въ концѣ концовъ, рано или поздно, всѣ они должны получить свое научное разъясненіе, становясь такимъ образомъ совершенно ясными данностями науки.

Лейбницъ прямо предостерегаетъ cadaго отъ ошибокъ отрицанія. Онъ говоритъ: „Я всегда находилъ, что большая часть ученыхъ оказывались справедливы въ томъ, что они утверждали и почти всегда ошибались въ томъ, что они отрицали“, т. е. въ томъ, что они признавали нелѣпымъ. Въ этихъ простыхъ словахъ ясно проглядываетъ то всеобъемлющее глубокомысліе, вслѣдствіе котораго Лейбницъ отдѣляетъ великихъ мыслителей и людей дѣйствительно преданныхъ наукѣ отъ дилетантовъ и полуобразованной толпы. Обыкновенно принято судить обратно:—умными людьми называть тѣхъ, которымъ нравится отрицаніе, которые во всемъ сьумѣютъ найти смѣшную сторону, которые все бранятъ, ничего не одобряютъ, а толко отрицаютъ. Эти личности вполнѣ упускаютъ изъ вида, что каждое утвержденіе—можетъ быть не совсѣмъ точное или даже совершенно ошибочное, — есть все-таки продуктъ

мысли или изслѣдованія, имѣющія все-таки какое-нибудь основаніе, тогда какъ простое отрицаніе, безъ серьезнаго и основательнаго опроверженія, является всегда продуктомъ незнанія и непониманія.

Истинная наука никогда не высказывалась въ смыслѣ отрицанія Бога; такого примѣра никто намъ указать не можетъ, ибо его никогда не было. Напротивъ, чѣмъ глубже знанія человѣка, тѣмъ опредѣленнѣе его понятія о познаніи Божества; въ этомъ смыслѣ высказывались, по крайней мѣрѣ, многіе ученые, и даже Ньютонъ сказалъ: „Чѣмъ дальше человѣкъ проникаетъ тайны природы, тѣмъ яснѣе передъ нимъ открывается Единство Предвѣчнаго Плана“.

Если бы истинное глубокое изученіе науки доводило до отрицанія Бога, то всѣ высшіе и лучшіе представители науки, или, всѣ, такъ сказать, столпы человѣческихъ знаній были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и самыми рьяными атеистами; но этого нѣтъ, — они оказываются глубоковѣрующими людьми, всѣ признавая истиннаго Бога Творцемъ Вселенной и Руководителемъ всего сущаго:

Для большей наглядности приведемъ ихъ подлинныя выраженія:

1) Анаксагоръ первый въ философіи высказалъ противоположность между чувственно-осязаемой матеріей и разумнымъ Духомъ. Онъ училъ, что изъ покойнаго, хаотическаго состоянія, въ которомъ находились сначала оміомеріи (однородныя частички вродѣ атомовъ), онѣ перешли къ движенію не вслѣдствіе необходимости, какъ училъ Эмпедокль, а по волѣ Управляющаго міромъ, Духа, находящагося внѣ міра. (Истор. Философіи Бауера).

2) Сократъ заключилъ свою знаменитую рѣчь, произнесенную имъ послѣ объявленія ему смертнаго приговора, слѣдующими словами: „Теперь намъ пора разстаться, мнѣ — чтобы умереть, вамъ — чтобы жить; но кого изъ насъ ожидаетъ лучшая доля, — это неизвѣстно никому, кромѣ Бога“. (Апология Сократа).

3) Платонъ доказывалъ, что понятіе о существованіи Бога присуще каждому человѣку и что оно волнуетъ и увлекаетъ наши души сознаниемъ нашего сродства съ Нимъ. — „Богъ“, говоритъ онъ, „есть Единое Существо, обнимающее всѣ другія и заключающее въ себѣ причину всего, что существуетъ на небѣ и на землѣ. Богъ есть высшая идея“. — Съ какой бы точки зрѣнія мы не взглянули на космогонію Платона, примемъ-ли мы, что Богъ создалъ Идею, или что Онъ только преобразовалъ безформенную матерію по образцу идей, — въ

обоихъ случаяхъ по ученію Платона Богъ есть высшая Идея всякаго бытія, Онъ есть Великій Разумъ, Источникъ всякаго разума,—Солнце, свѣтомъ Котораго озарень міръ. Богъ есть совершенство, Онъ всегда одинаковъ, Ему чужда зависть и Онъ всегда желаетъ только хорошаго. Познать Бога въ совершенствѣ невозможно для смертныхъ, можно имѣть только приблизительное понятіе о Немъ, или о томъ, съ чѣмъ Онъ представляетъ сродство. Онъ долженъ быть добрымъ, потому, что доволенъ Собою, равнымъ образомъ и міръ долженъ быть прекрасенъ, потому что созданъ Имъ. Но почему Богъ создалъ міръ? Потому что Богъ чуждъ зависти и желаетъ, чтобы все какъ можно болѣе походило на Него; въ виду этого Онъ убѣдиль Необходимость сдѣлаться постоянной и гармоничной и дать преобразовать себя по совершенному образцу. Убѣдиль—это выраженіе Платона. Согласно его воззрѣнію существуютъ два вѣчныхъ принципа: Разумъ и Необходимость, изъ смѣшенія которыхъ произошелъ міръ, но Разумъ убѣдиль Необходимость дать себя преобразовать по совершенному образцу. Приводя въ порядокъ хаосъ, Богъ обратилъ его въ Красоту. (Льюисъ, т. I, стр. 215).

4) Аристотель Принципъ аристотелевской теологіи очень хорошо и очень сжато изложенъ у Ибервера, (Grundriss, 1, 4 Aufl. S. 175 u. f.): „Міръ имѣетъ свой принципъ въ Богѣ, Который есть принципъ, не только такимъ образомъ, какъ порядокъ въ войскѣ, какъ имманентная форма, но и какъ сама по себѣ и для себя сущая субстанція, подобно полководцу въ войскѣ“. Его заключеніе теологіи показываетъ лежащую въ основаніи этическую тенденцію, но онтологическая опора отвлеченнаго Бога заключается въ положеніи, что всякое движеніе, а также и развитіе отъ возможности къ дѣйствительности, имѣетъ движущую причину, которая сама по себѣ недвижима. Какъ всякій отдѣльно возникшій объектъ предполагаетъ дѣйствительную движущую причину, такъ и міръ вообще предполагаетъ абсолютнаго Перваго двигателя, который образуетъ косную саму по себѣ матерію (Ланге т. I, примѣч. у, стр. 67—68). Въ своей логикѣ и метафизикѣ Аристотель училъ, что каждый предметъ состоитъ изъ матеріи и формы, т.-е. изъ матеріальнаго субстрата и изъ идеи, по которой образуется матерія. По этому для объясненія всего міра достаточно признать два начала: совершенно безкачественную матерію и чистую форму, или безкачественное мышленіе. По этому Божественному мышленію матерія принимаетъ различныя формы, когда возможность (потенціальность) переходитъ въ ней въ дѣйствительность (акціональность). Такое безначальное и без-

конечное происхожденіе есть движеніе, никогда не достигающее своей цѣли,—само Божество. (Истор. Философіи Бауера).

5) Ученіе стоиковъ отличалось существеннымъ образомъ отъ началъ аристотелевскаго ученія тѣмъ, что признавало Божество тѣлеснымъ и считало матерію не вѣчной, а сотворенной Божествомъ, которое само себѣ образовало свое собственное тѣло. (Истор. Филос. Бауера).

6) Александрійская школа учила, что Богъ, какъ бытіе и мысль, есть Богъ, представленіе о Которомъ выработано человѣческимъ разумомъ и подняться до высшаго понятія о Богѣ человѣкъ не можетъ. Однако уже то, что разумъ нашъ сознаетъ въ этомъ отношеніи свое безсиліе и увѣренъ, что Богъ есть нѣчто невыразимое и нестижимое, приводитъ насъ къ убѣжденію, что *en dernière analyse* Богъ не есть бытіе и Мысль. Что такое мысль? Каковъ ея типъ? — Очевидно, типомъ ея служить человѣческой разумъ. Но что показываетъ намъ изслѣдованіе человѣческаго разума? — Оно проводитъ насъ къ заключенію, что мыслить — значитъ сознать какой-либо объектъ, отъ котораго мыслящій отличаетъ себя. Мыслить, значитъ сознать себя, отдѣлять свою личность отъ всѣхъ другихъ объектовъ, опредѣлять отношеніе своего „я“ къ „не-я“. Но внѣ Бога нѣтъ ничего, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ установленіи различій, о самоопредѣленіи и взаимныхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ Богъ, въ Своей высшей формѣ, не можетъ думать, Онъ не можетъ быть мыслию, не долженъ быть выше ея. Отсюда необходимость третьей вѣпостаси, которая является третьей лишь въ порядкѣ обнаруженія ея логическимъ анализомъ, не должна быть первой въ порядкѣ бытія; эта вѣпостась есть Единство.

Единство не есть ни бытіе, ни разумъ, но выше того и другаго, выше всякаго дѣйствія, выше всякаго самоопредѣленія. Какъ сложное содержится въ простомъ, а многое въ единомъ, точно также простое содержится въ единствѣ. Пока мы не признаемъ этого абсолютнаго единства, мы не овладѣемъ сущностью предмета, ибо какъ возможно составить себѣ понятіе о ней внѣ этого принципа единства? Что такое индивидъ животное, растеніе, какъ не единство, главенствующее надъ множествомъ? Что такое само множество — армія, собраніе, стадо — это связь, соединяющая части самыхъ сложныхъ предметовъ. Единство безусловно, неизмѣнно, безконечно и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; это не единица въ ариѳметическомъ смыслѣ и не недѣлимая точка. Единство есть абсолютное, всемірное Единое въ его совершеннѣйшей простотѣ. Это

высшая ступень совершенства, идеальная красота, высшее Добро. (Льюисъ, т. I., стр. 290, 291).

7) Декартъ училъ: „Дабы познать природу Бога, на сколько это доступно моей природѣ, я долженъ только соображать о каждой вещи, идею коей въ себѣ имѣю, было ли бы совершенствомъ или недостаткомъ владѣть ею. Я могу быть увѣренъ, что все отмѣченное какимъ-либо несовершенствомъ, отсутствуетъ въ Немъ, все совершенное въ Немъ находится. Такимъ образомъ въ Немъ не можетъ быть сомнѣній, непостоянства, грусти и подобныхъ вещей, не имѣть которыхъ и я былъ бы радъ. Далѣе, я имѣю идеи о многихъ вещахъ тѣлесныхъ и чувственныхъ, ибо хотя я и предположилъ, что нахожусь въ состояніи сновидѣнія, и что все мною видимое и воображаемое есть обманъ, я долженъ былъ однако признать, что идеи эти дѣйствительно присутствовали въ моей мысли. Но познавъ очень ясно, что во мнѣ разумная природа вполнѣ раздѣлена отъ тѣлесной, и соображая, что всякая составленность свидѣтельствуешь о зависимости, а зависимость есть явно недостатокъ, заключимъ, что быть сложнымъ изъ двухъ природъ не было бы для Бога совершенствомъ, и что, слѣдовательно въ Немъ нѣтъ такой составленности. А если есть во вселенной какія-либо тѣла, умы или иныя натуры, не имѣющія совершенства, то всѣхъ ихъ бытіе должно зависеть отъ Его могущества, такъ что безъ Него они не могли бы просуществовать одного мгновенія.

„Наконечъ, если есть еще люди, которыхъ и приведенные доводы не убѣждаютъ въ существованіи Бога и ихъ души независимо отъ тѣла, то пусть знаютъ, что всѣ другія вещи, въ кои они, можетъ быть, болѣе вѣрятъ, какъ то: что они имѣютъ тѣло, что есть звѣзды, земля и тому подобное—менѣе достовѣрны“. (М. Любимовъ, Филос. Декар. 1886, стр. 117—119).

Посвящая свои „Размышленія“ Сорбоннѣ, онъ говоритъ: „Я всегда думалъ, что два вопроса—о существованіи Бога и о сущности души—должны считаться самыми главными въ ряду тѣхъ вопросовъ, рѣшать которые слѣдуетъ скорѣе философіи, чѣмъ теологіи; ибо хотя для насъ, вѣрующихъ, совершенно достаточно вѣрить въ Бога и въ то, что душа не погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, но, безъ сомнѣнія, невѣрующихъ невозможно заставить признать какую-либо религію или даже какую-либо нравственную добродѣтель иначе, какъ путемъ доводовъ разума“. (Льюисъ, т. II, стр. 81).

8) Лордъ Бэконъ Веруламскій находилъ, что ученіе о Богѣ не должно отдѣляться въ возрѣніяхъ человѣка отъ того религіознаго понятія, которое внушаетъ Церковь; какъ мы должны

противъ своей воли повиноваться закону Божью, такъ точно должны приноравливаться къ вѣрѣ тамъ, гдѣ она противорѣчитъ нашей природѣ. Чѣмъ сверхъестественнѣе кажется божественная тайна, тѣмъ большую славу воздаемъ мы Богу, когда вѣруемъ въ Нее. (Истор. Филос. Бауера).

9) Спиноза былъ долгое время пугаломъ для теологовъ и для робкихъ мыслителей и всегда представлялся какимъ-то чудовищемъ, атеистомъ, и при томъ, къ вящему ужасу, атеистомъ-евреемъ; даже тѣ, которыхъ не пугаль самый смыслъ его системы, все-таки считали его не болѣе какъ холоднымъ логикомъ. Но въ сущности этотъ мощный діалектикъ былъ мудрымъ, добродѣтельнымъ и любящимъ человѣкомъ.

Въ теченіе всей своей, въ высшей степени несчастной, жизни, отверженный всѣми, окруженный самой безысходной нищетой, отъ отличался высокимъ мужествомъ, не оставившимъ его и въ его послѣднія минуты; и при томъ холодномъ, спокойномъ стоицизмѣ онъ обнаруживалъ всегда дѣтскую веселость, исходящую изъ его мягкой и доброй души. Въ ученое мѣрѣ распространялъ свои доктрины, на разработку которыхъ потратилъ огромный трудъ, но дѣтей онъ постоянно поучалъ аккуратному посѣщенію богослуженій.

Онъ имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать съ своимъ хозяиномъ и хозяйкой, по возвращеніи ихъ изъ церкви, о слышанной ими проповѣди и о той пользѣ, какую она имъ приносить. Ему былъ чуждъ тотъ неблагоразумный прозелитизмъ, который разрушаетъ извѣстнаго рода убѣжденія въ умахъ, не способныхъ принять убѣжденія другого рода. Однажды хозяйка спросила его, — убѣжденъ ли онъ, что ея религія спасетъ ее. Онъ отвѣчалъ: „Ваша религія хороша и вамъ не слѣдуетъ искать другой; не сомнѣвайтесь въ томъ, что она спасетъ васъ, если вы присоедините къ своему благочестію мирныя добродѣтели семейной жизни“. (Истор. Фил. Льюиса, стр. 105).

Шлейермахеръ (Rede über die Religion, стр. 47) восклицаетъ, говоря о Спинозѣ; „Отдайте вмѣстѣ со мною прядь своихъ волосъ праху святаго, но отверженнаго Спинозы! Всемирный духъ одушевлялъ его: безконечное было для него началомъ и концемъ всего; вселенная—его единственная и вѣчная любовь; онъ исполненъ былъ религіознаго духа и религіознаго чувства, и въ этомъ отношеніи онъ стоялъ одинокъ и непонятый; достигнувъ совершенства въ своемъ искусствѣ, онъ высоко возносился надъ толпою, не имѣя никакихъ приверженцевъ и даже лишенный правъ гражданства“.

Одни изъ главныхъ положеній его этики суть слѣдующія: „Есть одна только безконечная субстанція, — она есть Богъ.

Все, что существует, существует въ Богѣ; внѣ Его ничего нельзя себѣ представить. Онъ есть всемірное существо, по отношенію къ Которому всѣ предметы суть проявленія Его. Онъ есть единственная субстанція; все же другое есть модусъ; безъ субстанціи, однако, модусъ не можетъ существовать. Богъ— какъ соединеніе атрибутовъ безконечной субстанціи, есть *natura naturans*, а какъ проявленіе, какъ рядъ модусовъ, подъ которыми являются Его атрибуты, Онъ есть *natura naturata*. Онъ причина всего, причина постоянная (имманентная), а не проходящая. Онъ имѣетъ два безконечныхъ атрибута— Протяженіе и Мысль. Протяженіе есть видимая мысль, а Мысль есть невидимое протяженіе; это объективная и субъективная стороны, тождество которыхъ есть Богъ. Всякій предметъ есть модусъ Божественнаго атрибута мысли. Декартъ считалъ субстанціями протяженіе и мысль, но что это несправедливо, ясно изъ того, что и то и другое мыслятся не *per se*, но *per aliud*. Если вѣчто протяженно, то оно есть не само протяженіе, но что-то предшествующее ему, оно есть субстанція. Субстанція не создаваема, но она сама творить въ силу внутренней сущности своей. Существоющихъ предметовъ можетъ быть много, но Существованіе только одно; точно также и формъ много, но субстанція только одна. Богъ есть „*Idea immanens*“—Единое и Все“. (Истор. Филос. Льюиса, стр. 115, 116).

10) НЬЮТОНЪ въ своей „*Optics*“ говоритъ такъ: „Первоначальное устройство такихъ чрезвычайно искусныхъ частей животныхъ, какъ глаза, уши, мозгъ, мускулы, сердце и проч., также инстинктъ звѣрей и насѣкомыхъ,— все это не можетъ быть произведеніемъ чего-нибудь другого, кромѣ мудрости и искусства могущественнаго, вѣчно живаго Дѣятеля, который, будучи во всѣхъ мѣстахъ, можетъ двигать тѣлами, заключенными въ его безграничномъ и однообразномъ чувствилищѣ, и такимъ образомъ образовать и преобразовать части міра гораздо легче, чѣмъ мы можемъ двигать по нашей волѣ частями нашего тѣла. Мы не смотримъ однакоже на міръ, какъ на тѣло Бога, и на части міра—какъ на части Бога. Богъ есть однообразное существо, лишенное органовъ, членовъ или частей, и они суть Его созданія, подчиненныя Ему и служащія Его Волѣ“.

„Органы чувствъ не служатъ для того, чтобы ощущать образы вещей, а только для того, чтобы доводить эти образы до чувствилища, Богъ же не имѣетъ нужды въ такихъ органахъ, такъ какъ Онъ повсюду присущъ самымъ вещамъ“.

(Міръ какъ Цѣлое, Страхова).

11) Лейбницъ считалъ правильное понятіе о Богѣ неизбѣжнымъ и необходимымъ; ибо если бы не было въ Богѣ, Творцѣ

міра, достаточной причины для существованія послѣдняго и при томъ, если бы въ насъ не было достаточно условій и опредѣленныхъ способовъ для веденія всего существующаго, то можно бы было съ полною справедливостію спросить, почему „ничто“ не лучше, чѣмъ „нѣчто“?

„Богъ—служащій основаніемъ всего бытія, существующій единственно по своей внутренней необходимости, долженъ естественно соединять въ Себѣ всю реальность, всѣ совершенства; Онъ есть безграничное существо, чуждъ всякаго отрицанія, абсолютная интеллигенція; потому и можетъ быть только одинъ Богъ, Его Одного совершенно достаточно“. (Истор. Филос. Бауера).

12) Гейлинксъ Арнольдъ: „Если мое тѣло двигается соотвѣтственно моему желанію, то основаніе этого движенія не лежитъ во мнѣ, не въ моей волѣ, но единственно по волѣ Бога движеніе мое это происходитъ въ тотъ моментъ, когда я захочу“.

„Мы заблуждаемся, воображая, что мы въ состояніи сдѣлать сами что-либо въ этомъ мірѣ, мы только невольные наблюдатели зрѣлищъ, даваемыхъ Богомъ“. (Истор. Фил. Бауера).

13) Локкъ доказываетъ существованіе Бога тѣмъ, „что міръ долженъ же имѣть Творца, такъ какъ изъ „ничего“ ничего не можетъ сдѣлаться, все должно имѣть свою причину. Многія естественно-историческія знаменитости XVII вѣка выражались въ этомъ направленіи“. (Истор. Фил. Бауера).

14) Кантъ: „Мы постулируемъ бытіе Бога, какъ основаніе нравственнаго образца дѣйствій“. (Ланге, т. I, стр. 272).

„Двѣ вещи“, говоритъ онъ въ заключеніи своего сочиненія (Кг. deg. раст. Vern., 194), „наполняютъ меня все новымъ и возрастающимъ изумленіемъ и страхомъ, чѣмъ чаще и продолжительнѣе я объ нихъ размышляю. Это—звѣздное небо надо мной и нравственный законъ во мнѣ. И то и другое я отнюдь не долженъ мыслить скрытымъ отъ себя въ какомъ-то сумракѣ или лежащимъ въ безконечности за моимъ горизонтомъ; и то и другое я дѣйствительно вижу передъ собою и мое существованіе непосредственно связано съ ихъ бытіемъ. Звѣздный міръ начинается съ того самаго мѣста, которое я занимаю во внѣшнемъ чувственномъ мірѣ, и расширяетъ мою связь съ окружающимъ въ необозримыя протяженія міровъ надъ мірами и системъ за системами... Нравственный законъ имѣетъ начало въ моемъ невидимомъ „я“, въ моей личности и дѣлаетъ меня членомъ другаго міра, истинно-безконечнаго, но доступнаго только разумному познанію. И въ этомъ новомъ мірѣ я нахожу себя уже не случайнымъ звеномъ, но въ необходимомъ и общемъ соединеніи (съ другими, подобными мнѣ, существами). Взглядъ

на звѣздное небо съ его безконечными мірами уничтожаетъ все мое значеніе, какъ физическаго существа, онъ напоминаетъ мнѣ, что я долженъ буду отдать мое тѣло нашей планетѣ (которая сама составляетъ только точку въ безконечномъ мірѣ), мое тѣло, въ которомъ малая часть вещества, на короткое время и непостижимымъ образомъ получила жиненную силу. Но взгляды на присущій моей личности нравственный законъ вновь и безконечно поднимаетъ мое значеніе, и именно какъ разумнаго существа. Этотъ законъ открываетъ мнѣ новую жизнь, независимую отъ моей животной природы и даже отъ всего чувственнаго міра, открываетъ по крайней мѣрѣ по столько, по сколько я цѣлесообразно подчиняюсь въ своихъ дѣйствіяхъ этому нравственному порядку, не ограниченному условіями и предѣлами этой жизни, но простирающемуся въ безконечность“.

15) Шлоссеръ въ своей Римской исторіи (XIV, 7) говоритъ: „Такимъ образомъ даже заблужденіе и обманъ людей стали однимъ изъ орудій, посредствомъ которыхъ Божество изъ гнющихъ остатковъ древняго міра, развило новую жизнь“ (Ланге, т. I, стр. 135).

16) Викторъ Гюго окончилъ свое духовное завѣщаніе словами: „Въ Бога вѣрую“.

17) Паскаль: „Божество христіанъ не заключается просто въ Богѣ, только Творцѣ геометрическихъ истинъ и системы элементовъ—это принадлежность язычниковъ. Оно не заключается просто въ Богѣ, Который вліяетъ на жизнь и благосостояніе людей, чтобы дать счастливое теченіе лѣтъ тѣмъ, которые предъ нимъ преклоняются—это удѣлъ іудеевъ. Но Богъ Авраама и Иакова, Богъ христіанъ есть Богъ любви и утѣшенія; это—Богъ, наполняющій избранную душу и сердце, Богъ, дающій имъ чувствовать ихъ нравственную нищету и свое безконечное милосердіе; наконецъ Богъ, соединяющійся съ ихъ душею и наполняющій ее блаженствомъ, радостью, довѣренностью и любовью.

„Богъ христіанъ есть Богъ, дающій чувствовать душѣ, что Онъ ея единственное благо, что весь покой ея заключается въ Немъ и что радость ея—любить Творца, Который въ то же время заставляетъ ее ненавидѣть препятствія, удерживающія и не позволяющія любить Его всѣми силами. Самолюбіе и похоть, удерживающія душу, для Него нетерпимы. Богъ даетъ ей чувствовать, что хотя она въ основаніи и обладаетъ самолюбіемъ, но что Онъ одинъ въ состояніи ее отъ того исцѣлить.

„Вотъ какъ нужно по-христіански понимать Бога; но чтобы Его узнать, нужно въ то же время проникнуться своей нравственной нищетой и своей гнусностью и знать, что имѣешь

нужду въ посредникѣ, чтобы приблизиться къ Нему и соединиться съ Нимъ. Подобныя чувства не должны быть разединены, потому что въ такомъ случаѣ они не только бесполезны, но и опасны. Познаніе Бога безъ пониманія нашей нравственной нищеты зарождаетъ гордость. Познаніе нашей нравственной нищеты безъ познанія Христа, производитъ отчаяніе, потому что въ Немъ мы находимъ Бога, нашу нищету и единственный путь къ ея улушенію.

„Мы можемъ знать Бога, не зная наши слабости, или зная наши слабости, не зная Бога, или даже Бога и наши слабости, не зная средствъ избавиться отъ нихъ; но мы не можемъ знать Христа, не зная вмѣстѣ Бога и наши слабости и средства отъ нихъ, потому что Христось не только Богъ, но это Богъ, исправляющій наши слабости.

„Такимъ образомъ ищущіе Бога безъ Христа не находятъ удовлетворительнаго или истинно для себя полнаго свѣта, потому что или они не достигаютъ до сознанія одного Бога, или если достигаютъ, то бесполезно для себя, отъ того что находятъ средства сблизиться съ Богомъ безъ посредника, какъ безъ посредника узнали Его; слѣдовательно, они впадаютъ или въ атеизмъ, или въ деизмъ, — двѣ вещи, почти одинаково не признаваемые христіанскою религіею“. (Pensees, page 244—246).

18) Агассисъ: „Соотношеніе родовъ и видовъ органическаго міра указываетъ на предшествовавшій актъ свободной, премудрой и всемогущей воли Божіей“. (Contributions to the natural history).

19) Малекраншъ: „Богъ есть начало всѣхъ нашихъ представленій и воли въ человѣческомъ умѣ. Онъ же есть единственная причина движенія всѣхъ чувственныхъ предметовъ“. (Истор. Филос. Бауера).

20) Берклэ: „Наши представленія, — это нѣчто духовное, истекающее изъ Бога, — Богъ, въ которомъ первообразно соединены всѣ идеи, создаетъ ихъ въ нашемъ воображеніи; поэтому идеи могутъ существовать внѣ насъ, но только въ мыслящемъ существѣ, — въ Богѣ“. (Истор. Фил. Бауера).

21) Ватсонъ астрономъ: „Изученіе дивнаго механизма звѣзднаго неба возбуждаетъ и укрѣпляетъ въ насъ удивленіе къ безконечному совершенству Всемогущаго и живаго Бога“. (Theoret. Astronomy, 1877, стр. 8).

22) Астрономъ Гершель: „Чѣмъ болѣе наука укрѣпляется въ своихъ знаніяхъ, тѣмъ съ каждымъ днемъ является больше и больше доказательствъ безконечной жизни, существованія Творца и силы Его всемогущества. Геологія, математика, астро-

номія, естественная исторія, — всё приносятъ по камню въ храмъ науки, воздвигаемый для восхваленія и прославленія Творца — Бога нашего“.

23) Кеплеръ, открывъ три великихъ удивительныхъ закона, на которыхъ основывается новѣйшая астрономія, восклицаетъ въ заключеніи *Гармоніи міра*: „О Ты, Который чрезъ свѣтъ природы побудилъ насъ желать страстно свѣта Твоего милосердія, чтобы открыть намъ свѣтъ Твоей славы: благодарю Тебя, Создатель мой и Богъ, за то, что дозволяешь мнѣ удивляться Твоимъ твореніямъ и любить ихъ. Я окончилъ теперь подвигъ своей жизни, вполне увѣренный, что Творецъ далъ мнѣ силу совершить его. Я повѣдалъ людямъ славу Твоихъ твореній на столько, на сколько мой умъ могъ понять ихъ величественную безконечность. Мои чувства обратились на отысканіе истины; и на сколько возможно было для меня это, я отыскивалъ ее со всею справедливостью и чистосердечіемъ. Если я, ничтожный червь предъ Тобою, рожденный во грѣхѣ, высказалъ что-нибудь противное Твоимъ благимъ намѣреніямъ, пусть Св. Духъ внушитъ мнѣ это, чтобы я могъ то исправить. Если чудная красота Твоихъ твореній возвысила мою душу, и если я искалъ славы между людьми по мѣрѣ того, какъ подвигался въ своемъ трудѣ, предназначенномъ только къ Твоему прославленію, то прости мнѣ по Твоей благодати и милосердію, и содѣлай, чтобы всё мои произведенія клонились къ Твоей славѣ и способствовали къ благу людей. Славьте Господа, о небесныя гармоніи, и вы, постигающіе земную гармонію, славьте Его! Да прославляетъ душа моя Творца въ продолженіи всей моей жизни! Имъ и въ Немъ существуетъ весь міръ матеріальный и духовный, существуетъ все, что мы постигаемъ и чего еще не постигаемъ, потому что много еще предстоитъ работы надъ тѣмъ, что мы оставляемъ не оконченнымъ!“

24) Гете говоритъ Экерману: „Я утверждаю, что у меня составилось точное понятіе о Богѣ, всё мои мнѣнія заключаются въ слѣдующемъ: Богъ непостижимъ, въ человѣкѣ есть о Немъ только смутное предчувствіе и тусклое понятіе. Но природа и чувство до того проникнуто Божествомъ, что оно насъ руководитъ и поддерживаетъ! Въ немъ мы живемъ, дышемъ и существуемъ; мы радуемся и страдаемъ по вѣчнымъ законамъ, въ отношеніи которыхъ мы, въ одно и то же время, являемся существами дѣйствующими и страдательными; мы подчиняемся имъ часто безсознательно. Дитя ѣстъ съ удовольствіемъ сладкій пирогъ, не заботясь о томъ, кто его приготовилъ; воробей клочетъ вишню, не спрашивая какъ она выросла.

Понятна ли для насъ идея о Богѣ? Хоть бы мы, подобно туркамъ, дали Ему сотню именъ, все-таки не могли бы объять всѣхъ Его безчисленныхъ свойствъ и были бы еще безконечно далеки отъ истины. Высочайшее Существо, Которое мы называемъ Богомъ, проявляется въ человѣкѣ, во всей богатой и могущественной природѣ и великихъ событіяхъ міра; поэтому идея о Немъ, составляемая примѣнительно къ свойствамъ человѣческимъ, очевидно недостаточна“.

25) Гизо сказалъ: „Вотъ фактъ, который, я думаю, заслуживаетъ вниманія противниковъ сверхъестественности. Наукою признано и доказано, что нашъ земной шаръ не всегда находился въ такомъ состояніи, какъ теперь, но что въ различныя и неопредѣленныя эпохи, онъ выдержалъ перевороты и преобразования, измѣнившіе ему видъ, физическій строй, народонаселеніе; что человѣкъ, въ особенности, не всегда существовалъ на немъ и онъ не могъ существовать въ тѣ различныя и послѣдовательныя періоды, черезъ которые прошелъ этотъ міръ. Но какъ же онъ появился на немъ? Человѣкъ можетъ имѣть только два объясненія своего начала: или онъ былъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ природныхъ силъ вещества, или же твореніемъ сверхъестественной силы, высшей надъ веществомъ; и только двумя причинами—самовозрожденіемъ или сотвореніемъ—можетъ онъ объяснить свое появленіе на землѣ. Но, признавая самовозрожденіе (чего я ни въ какомъ случаѣ не допускаю въ своемъ сочиненіи), этотъ образъ творенія могъ только рождать существа младенческія въ первомъ возрастѣ начинающейся жизни, и никто, я думаю, не говорилъ и никогда не скажетъ, что силою только одного самовозрожденія, человѣкъ, т. е. мужчина и женщина—человѣческая чета—могли произойти и однажны произошли изъ нѣдра вещества совершенно сформированными и взрослыми, въ полномъ обладаніи силъ и всѣхъ ихъ способностей; только при этихъ условіяхъ, человѣкъ, являсь въ первый разъ на землѣ, могъ жить на ней, увѣковѣчить себя и основать родъ человѣческой. И такъ очевидно, другое начало человѣческаго рода единственно возможно, и только одинъ фактъ сверхъестественнаго сотворенія объясняетъ появленіе человѣка на землѣ“ . (L'Eglise et la société chrétienne, 1861, chap. IV).

26) Уоллесъ: „Большой шагъ впередъ составляетъ то, что мы, вмѣсто всей этой сложной теоріи, порождающей безчисленныя диллемы и противорѣчія, можемъ предложить гораздо болѣе простое и основательное мнѣніе, именно: матерія не существуетъ, какъ сущность, отличная отъ силы, и что сила, въ свою очередь, есть продуктъ духа“.

Философія уже давно показала, что мы не можемъ доказать существованіе вещества, какъ его обыкновенно понимаютъ, и въ то же время она допускала, какъ доказанное для каждаго изъ насъ, наше собственное, самосознающее существованіе. Теперь наука пришла къ тому же результату, что и философія, и это согласіе должно бы поселить въ насъ довѣріе къ тому, чему онѣ вмѣстѣ насъ учать.

„Взглядъ, къ которому мы теперь пришли, кажется мнѣ болѣе возвышеннымъ и величественнымъ, равно какъ и болѣе простымъ чѣмъ какой бы то ни было другой. По этому взгляду вся вселенная проникнута разумомъ и волей. Благодаря ему же, мы, наконецъ, можемъ перестать считать невозможнымъ изслѣдованія о духѣ иначе, какъ съ точки зрѣнія устарѣвшихъ представленій о матеріи. Этотъ взглядъ открываетъ намъ возможность безконечныхъ формъ бытія, связанныхъ съ безконечно разнообразными проявленіями силы, совершенно отличной отъ того, что мы называемъ веществомъ, хотя не менѣе его реальной“.

27) А. Сенки: „Организмъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть дѣло Предвѣчнаго Зодчаго и то, что мы называемъ природой, ни что иное, какъ работа и искусство этого Высочайшаго Зиждителя. Онъ то и далъ форму организованной матеріи, подобно тому, какъ призвалъ къ существованію и движенію грубую матерію. Исключить это начало подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, значило бы закрыть себѣ путь къ объясненію даже такихъ явленій, гдѣ оно ясно. Это до такой степени справедливо, что тѣ, которые хотѣли бы все объяснить одной матеріей, находятся вынужденными одарить ее силами и активными свойствами, хотя и весьма разнообразными, но все-таки недостаточными для достиженія ихъ цѣлей; но они забываютъ, что эти силы стоятъ въ явномъ противорѣчьи съ основнымъ свойствомъ матеріи — съ инерціею. Во всякомъ случаѣ послѣднее звено этой цѣпи чудныхъ существъ всегда будетъ неразрывно связано съ понятіемъ Божества и служить для насъ знаменитой аллегоріей Гомера“.

28) Дарвинъ, по поводу постепеннаго усовершенствованія глаза на различныхъ ступеняхъ органической лѣстницы, говоритъ: „Пусть этотъ процессъ будетъ происходить въ теченіе милліоновъ лѣтъ; и въ теченіе каждаго года на милліонахъ особей разныхъ видовъ; — не можемъ ли мы повѣрить, что живой оптической инструментъ могъ бы этимъ путемъ стать на столько совершеннѣе стекляннаго, на сколько дѣла Создателя совершеннѣе дѣлъ человѣческихъ?“ (Orig. of spec., VI edit., p. 146). — На послѣдней страницѣ этого сочиненія (т. IV, стр.

429) мы находимъ слѣдующія слова: „Есть величіе во взглядѣ на жизнь съ ея различными силами, по которому она была первоначально вдохнута Творцемъ въ немногія, или въ одну форму“.

Кромѣ того въ заключительной главѣ той же книги (стр. 421, 422) мы находимъ слѣдующее: „ Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли-бы быть оскорбительными для чихъ-бы то ни было релігіозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія, — что на величайшее изъ открытій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ, — на законъ тяготѣнія Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную релігію и непочтительное по отношенію къ релігіи откровенной. Знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь-же вѣрное и столь-же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились-бы новые акты творчества для возмѣщенія пустотъ, причиненныхъ дѣйствіемъ Его-же законовъ“ (Данилевскій, Дарвинизмъ, т. 1, стр. 8, 9 и 11).

29) Карлъ Фохтъ въ Естественной исторіи Мірозданія (перев. Пальховскаго, Москва, 63, стр. 18), говоря о небесныхъ тѣлахъ, заканчиваетъ главу нижеслѣдующими словами: „Какъ великъ и какъ простъ весь этотъ процессъ! Только Божество могло задумать и выполнить его; человѣку-же остается только размышлять о немъ и изслѣдовать его. И конечно, мы черезъ это приближаемся прямымъ путемъ къ нашему Величественному Отцу, Который можетъ все задумать, — соприествуемъ Ему и пребываемъ на Его совѣтѣ; если-же этого нельзя, то падите въ прахъ и молитесь безмолвно“.

30) Тиндаль кончаетъ свою рѣчь, читанную имъ въ British Association, въ Бельфастѣ, въ 1874 году, слѣдующими словами: „Міръ вмѣщаетъ въ себѣ на ряду съ Ньютономъ—Шекспира, на ряду съ Байлемъ—Рафаеля, на ряду съ Кантомъ—Бетховена, на ряду съ Дарвиномъ — Карлейля. Не въ одномъ изъ нихъ, лишь во всѣхъ ихъ вполне выражается человѣческая натура. Они не противоплагаются другъ другу, они другъ друга восполняютъ, одинъ не исключаетъ другаго, и всѣ соединимы вмѣстѣ. И когда духъ человѣка, не удовлетворенный всѣми ими, подобно пилигриму въ тоскѣ по родинѣ, обратится къ той тайнѣ, изъ нѣдра которой онъ вышелъ, захочетъ соединить мысль и вѣру, когда при этомъ будетъ изгнанъ всякій слѣдъ нетерпимости и изуверства и ясно будетъ со-

звано, что здѣсь для мысли нигдѣ не можетъ быть положено крайней преграды и что послѣдующимъ временамъ должна быть гарантирована свобода установить свои отношенія къ этой Тайнѣ сообразно съ своими собственными потребностями, тогда я, разбивъ тѣ преграды, которыя выставляетъ матеріализмъ, буду утверждать, что здѣсь открывается поле для упражненія благороднѣйшихъ способностей, которыя въ противоположность *познавательнымъ*, можно назвать *творческими* способностями.

31) Линней окончивъ свои наблюденія надъ организаціей растеній, восклицаетъ: „Вѣчный, безпредѣльный, всевѣдущій и всемогущій Богъ прошелъ мимо меня. Я не видалъ Его лицомъ къ лицу, но отблескъ божества наполнилъ мою душу безмолвнымъ удивленіемъ. Я видѣлъ слѣдъ Божій въ его твореніи; и вездѣ, даже въ самыхъ мелкихъ, незамѣтныхъ его произведеніяхъ, что за сила! Что за мудрость! Что за неизрѣченное совершенство! Я наблюдалъ, какъ одушевленные существа, стоя на высшей ступени, связаны съ царствомъ растеній, а растенія, въ свою очередь, съ минералами, которые находятся въ нѣдрахъ земнаго шара и, какъ этотъ самый шаръ земной тяготѣетъ къ солнцу и въ неизмѣнномъ порядкѣ обращается вокругъ него, получая отъ него жизнь. Я видѣлъ, какъ солнце и всѣ другія звѣзды, вся солнечная система, безконечное звѣздное небо движется въ пространствѣ, поддерживается въ пустотѣ, по волѣ непостижимаго первоначальнаго двигателя, Существа существъ, Причины причинъ, Правителя и хранителя міра, Господа и Создателя всякаго творенія...

„Всѣ вещи носить на себѣ печать божественной мудрости и силы; въ нихъ заключается наше благо и источникъ нашего счастья. Въ пользѣ, какую онѣ намъ приносятъ, я вижу благость ихъ Творца, ихъ красота показываетъ Его мудрость, а ихъ гармонія—продолженіе ихъ существованія, ихъ точные размѣры и неисчерпаемая производительность показываютъ могущество этого великаго Бога“!

„Не это-ли вы называете провидѣніемъ? Да, это и есть провидѣніе; имъ только и объясняется устройство міра. И такъ, справедливо вѣрить, что есть Богъ, существо безпредѣльное, вѣчное, ни отъ кого не происходящее, не сотворенное, безъ котораго ничего не существуетъ, которое создало и устроило міръ. Онъ невидимъ для нашихъ глазъ, которые наполняетъ лучами своего свѣта; мы только мысленно постигаемъ Его, и Его величіе таится въ глубокомъ святилищѣ нашего духа“.
(Богъ въ природѣ. Флам. стр. 5).

32) Вольтеръ, не смотря на то, что всю жизнь нападалъ на клерикаловъ и религію, находилъ богатую пищу для своего

остроумія въ исповѣдываніяхъ вѣрь, смѣялся надъ чудесами, отлученіями отъ церкви, надъ *каведрой и катихизисомъ* и считалъ за великую для себя честь быть гонимымъ клерикалами, приправляя всякое столкновеніе съ ними ядами своей сатиры, — все же вѣрилъ въ существованіе Бога. Въ вопросѣ, слѣдуетъ ли принять достаточное основаніе для дѣйствія Бога, Вольтеръ ставитъ очень высоко убѣжденія Лейбница, который отвѣчалъ на это утвердительно; кромѣ того, онъ во многихъ своихъ произведеніяхъ рекомендуетъ взгляды Ньютона на Бога и на цѣлесообразность вселенной. Передавая теорію Ньютона, онъ прямо выражается слѣдующими словами; „Ньютонъ разсматриваетъ пространство и время какъ два существа, существованіе которыхъ необходимо слѣдуетъ изъ существованія Бога; ибо безконечное существо существуетъ на каждомъ мѣстѣ, слѣдовательно каждое мѣсто существуетъ; безконечное существо существуетъ безконечное время, слѣдовательно безконечное время есть нѣчто существующее“. (Міръ какъ Цѣлое, стр. 446).

Вольтеръ не хотѣлъ быть матеріалистомъ и энергично осмѣивалъ атеизмъ. Въ немъ бродило, очевидно, неразвитое и не-вполнѣ сознание имъ начало основной исходной точки зрѣнія Канта, когда онъ неоднократно возвращается къ темѣ о Богѣ, которую онъ рѣзче всего выражаетъ извѣстными словами: „Если бы не было Бога, то нужно было бы Его изобрѣсти“. Онъ чрезвычайно остроумно смѣется надъ Балемъ, считавшимъ возможнымъ атеистическое государство, и говоритъ, что если бы Бэлю дать пятьсотъ или шестьсотъ крестьянъ подъ его управленіе, то онъ сейчасъ же заставилъ бы проповѣдывать ученіе о Божественномъ возмездіи. Очистивъ этотъ взглядъ отъ юмора и колкостей, можно безошибочно заключить, что Вольтеръ считалъ понятіе о Богѣ вполнѣ необходимымъ для поддержанія добродѣтели и справедливости. Если онъ и былъ очень далекъ отъ того, чтобы, слѣдуя своимъ учителямъ Ньютону и Кларке, заключить міръ съ Церковью, то онъ все-таки оставался во всю жизнь вѣрнымъ двумъ великимъ основнымъ мыслямъ изъ метафизики. Нельзя отрицать, что человѣкъ, который со всею силою работалъ надъ разрушеніемъ церковнаго вѣрованія, авторъ знаменитаго *Ecrasez l'infame*, есть великій приверженецъ теологіи, и что онъ относится къ бытію Бога можетъ быть серьезно, чѣмъ кто-либо изъ англійскихъ деистовъ. Для него Богъ есть художникъ, Который создалъ міръ на основаніяхъ мудрой цѣлесообразности. Если Вольтеръ позднѣе и перешелъ къ мрачному воззрѣнію, любящему представлять зло въ мірѣ, то, все-таки, онъ былъ очень далекъ отъ признанія слѣпо правящихъ законовъ природы.

Вольтеръ полагалъ, что слѣдуетъ потерять всякій здравый человѣческій смыслъ для того, чтобы думать, что уже простаго движенія матеріи достаточно, чтобы произвести чувствующее и мыслящее существо (см. Hettener, II, S. 183). Слѣдовательно, не только Творецъ нуженъ для того, чтобы создать мыслящую матерію, но Творецъ и не можетъ произвести въ ней мышленіе посредствомъ простаго движенія вещества. Должна быть особенная сила, которою Онъ надѣляетъ матерію и эта сила, по всей вѣроятности, хотя она сама и не есть движеніе, можетъ вызывать и движеніе (въ произвольныхъ дѣйствіяхъ). (Ланге, т. I, стр. 270—273).

33) Фихте въ Sittenlehre (стр. 189—194) говоритъ: „Въ Бога мы должны вѣровать, а не умозаключать о Немъ. Вѣра есть основа всякаго убѣжденія какъ научнаго, такъ и нравственнаго. Почему мы убѣждены въ существованіи міра? Міръ есть ничто иное, какъ воплощеніе того, что заключено въ насъ самихъ, а между тѣмъ мы убѣждены, что онъ существуетъ. Точно также Богъ существуетъ въ нашемъ сознаніи, но мы признаемъ Его бытіе. Богъ есть нравственный порядокъ міра, только такое представленіе о Немъ истинно. Лишь только мы начинаемъ приписывать Ему разумъ или олицетворять Его, — мы необходимо впадаемъ въ антропоморфизмъ. Богъ безконеченъ, поэтому Онъ внѣ вѣдѣнія нашей науки, способной обнять лишь конечное, но Онъ не внѣ нашей вѣры“. (Льюисъ, т. II, стр. 298).

„Я убѣжденъ также, что мы являемся въ этотъ міръ не для наслажденія, а для тяжелаго труда; всякая радость ниспосылается намъ только для того, чтобы подкрѣпить насъ для послѣдующихъ усилій, и я увѣренъ, что отъ насъ требуется не устроеніе своей собственной судьбы, но саморазвитіе. Поэтому я вовсе не беспокоюсь о томъ, что находится внѣ меня; я стараюсь не казаться, а быть. Быть можетъ, этому я и обязанъ тѣмъ глубокимъ спокойствіемъ, которымъ наслаждаюсь; впрочемъ, и мое внѣшнее положеніе довольно благоприятно для такого настроенія духа“. (Льюисъ, т. II, стр. 282).

33) Шеллингъ. Если отдѣлить его умозрѣнія отъ чисто діалектическихъ разсужденій, то выводы получаются такого рода:

„Идеализмъ одностороненъ. Кромѣ субъекта, долженъ существовать объектъ; оба же они совмѣщаются въ абсолютѣ. Этотъ абсолютъ не есть ни идеальное, ни реальное, — ни духъ, ни природа, но и то и другое. Онъ есть Богъ; онъ есть все во всемъ, вѣчный источникъ всякаго бытія. Одна форма, въ которой онъ реализируетъ себя, есть объективность, другая —

субъективность. Онъ сознаетъ самого себя въ чело­вѣкѣ; чело­вѣкѣ же проявляетъ разумъ, какъ высшую форму своего суще­ствования, и посредствомъ этого разума Богъ познаетъ Самого Себя“. (Льюисъ, т. II, стр. 307).

35) Гегель признавалъ Троицу, да и вообще вся его система носитъ тройственный характеръ. Богъ Отецъ есть вѣчная идея *an und für sich*, т. е. идея, какъ безусловная абстракція. Богъ Сынъ, рожденный отъ Отца, есть идея, какъ *Andersein*, или какъ обусловленная реальность. Происшедшее такимъ образомъ раздѣленіе сообщаетъ абстракціи, путемъ отрицанія, реальное бытіе. Богъ Духъ Святой есть совмѣщеніе Бога Отца и Бога Сына или, другими словами, отрицаніе отрицанія и совершенная цѣлостность бытія. Богъ Духъ Святой есть сознание самого себя какъ духа, сознание, составляющее условіе его бытія. Богъ Отецъ существовалъ прежде и создалъ его, это значить, что Богъ Отецъ существовалъ *an sich*, какъ чистая идея, прежде чѣмъ принять реальность. Онъ создалъ міръ потому, что творить — это его природа (*es gehört zu seinem Sein, Wesen, Schöpfer zu sein*). Если бы Онъ не создалъ міра, Его собственное бытіе было бы неполно.

Съ вышеприведеннымъ воззрѣніемъ связано и другое, менѣе точно формулируемое, но столь же распространенное воззрѣніе, согласно которому Богъ, создавъ міръ актомъ Своей воли, предоставилъ затѣмъ міръ Самому Себѣ и не вмѣшивается въ его развитіе, какъ говоритъ Гёте: „Богъ возсѣдаетъ на высотѣ, смотря на движущійся міръ“. Но не таково ученіе Св. Павла, которое онъ выразилъ полными глубокаго смысла словами: „Въ немъ мы живемъ и движемся, имѣемъ бытіе“. Мы живемъ въ Богѣ, а не внѣ Его и не только при посредствѣ Его. Это и разумѣетъ Гегель, утверждая, что творчество не есть единичный актъ. Творчество было, есть и всегда будетъ. Творчество есть реальность Бога, это такая дѣятельность Его, которая прекращается послѣ одного акта и не исчерпывается имъ. (Льюисъ, т. II, стр. 326, 327).

36) Шлейденъ: „Органы, бывшіе въ молодости мягкими и гибкими, дѣлаются жесткими, костенѣютъ и отказываются служить. Прахъ нашего тѣла все больше и больше приближается къ праху земли; душа, утомленная постояннымъ стѣсненіемъ, освобождается, наконецъ, отъ своей тяжелой оболочки; тѣло, происшедшее изъ земли, предоставляется медленному горѣнію, которое мы называемъ разложеніемъ. А душа одна, безсмертная и нетлѣнная, сбросивъ вещественныя оковы, улетаетъ къ вѣчному Источнику духовной свободы“.

37) Клодъ Бернаръ: „Если бы нужно было опредѣлить жизнь однимъ словомъ, я сказалъ бы: „жизнь есть Творчество“. (Introd. a l'etude de la medicine experimentale, p. 163).

38) Физиологъ Беръ говоритъ: „Очевидно, что въ основаніи нападокъ на телеологию лежитъ лишь отверженіе извѣстной ея формы, при которой представляютъ себѣ челоѡкообразнымъ Создателя, дѣйствующаго на пользу челоѡка при каждомъ отдѣльномъ процессѣ природы. Тогда, конечно, можно находить дурнымъ, что жареные голуби не летятъ прямо въ ротъ челоѡку. Тогда происходитъ странный взглядъ, что необходимости не могутъ служить средствами для достиженія цѣлей. Кто же въ томъ виноватъ, что эти господа исходятъ изъ такого жалкаго и мелочнаго взгляда, а не смотрятъ на законы природы, какъ на постоянныя выраженія воли Творческаго начала“? (Studien aus dem Geb. d. Naturw. II, 235).

39) Жофруа Сентъ-Илеръ въ „Principes de philosophie zoologique“, развивая теорію Литтре о законномъ развитіи, утверждаетъ, что она не только не отрицаетъ Бога, но напротивъ есть: „славнѣйшее проявленіе творческаго могущества и побудительная причина къ большому удивленію, признательности и любви къ Нему.

40) Н. Д. Кавелинъ въ своихъ „Задачахъ Этики“ рѣшаетъ слѣдующій вопросъ: „Какъ же объяснить то равнодушіе и забвеніе, которымъ христіанская этика подвергалась въ XVIII и XIX вѣкахъ? Если она есть единственно вѣрное напутствіе личной душевной жизни, то какъ могло случиться, что мы его отбросили, отъ него отворотились и ищемъ на всѣхъ путяхъ того, что у насъ передъ глазами и сіяетъ яркимъ свѣтомъ глубочайшей правды, проникающей челоѡчѣскую психическую природу до мозга костей? Многіе приписываютъ это врожденной грѣховности челоѡка, суемудрію и гордынѣ, обуявшимъ челоѡчѣскій умъ до слѣпоты и ожесточенія. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дурныя и порочныя наклонности отдѣльныхъ лицъ не могутъ объяснить повальнаго отступничества отъ истины и правды. Христіанское ученіе о нравственности—такая же неопровержимая правда личной духовной жизни, какъ математическія, химическія, механическія и т. д. формулы въ особенности положительнаго, реальнаго знанія. Какъ же можно ихъ отвергать или отъ нихъ отворачиваться людямъ съ здравымъ челоѡчѣскимъ смысломъ, которые во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества составляютъ огромное большинство? Ссылка на врожденную грѣховность не имѣетъ, съ точки зрѣнія вѣры, никакой силы и убѣди-

тельности, такъ какъ вѣроученіе прямо говорить, что Спаситель своею землею жизнію и крестною стертью побѣдилъ грѣхъ и смерть и искупилъ отъ нихъ человѣческой родъ. Мы думаемъ, что причины, почему христіанское ученіе временно померкло въ сердцахъ и убѣжденіи людей, должно искать гораздо глубже, — именно въ отношеніяхъ человѣка къ вещественному міру, посреди и въ условіяхъ котораго совершается личная жизнь его. Живя подъ его вліяніемъ, испытывая на себѣ на каждомъ шагу его то благотворныя, то вредныя и губительныя дѣйствія и вліянія, человѣкъ, въ интересахъ своего личнаго существованія, вынужденъ былъ озаботиться о томъ, какъ бы приспособить свою обстановку къ себѣ и себя приладить къ ней. Эти заботы общи человѣку со всѣми другими организмами, но сознаніе чрезвычайно усиливаетъ, расширяетъ и разнообразитъ средства и способы такого рода двойкой дѣятельности. Не оставаясь непосредственною, какъ у животныхъ, она у человѣка переходитъ въ знаніе; знаніе, въ свою очередь, ведетъ къ повѣркѣ и выработкѣ научныхъ приемовъ, способовъ познания, словомъ — научнаго метода, а методъ послѣдовательно приводитъ къ изслѣдованію самыхъ источниковъ и основаній знанія, законовъ умственной дѣятельности и ея значенія и роли въ экономіи человѣческаго существованія. Такимъ образомъ не простая любознательность, не идеальное, безцѣльное стремленіе, а потребность, нужда влекли и гнали человѣческой умъ отъ вопроса къ вопросу, до самыхъ отвлеченныхъ высотъ мышленія, на которыхъ голова естественно кружится, и человѣкъ такъ же естественно и легко теряетъ нить, связующую первые робкіе и неопытные шаги въ области мысли съ самыми отвлеченными задачами ума, какъ онъ теряетъ связь между своимъ личнымъ существованіемъ и условіями среды, въ которой живетъ. Что такое этотъ вещественный міръ, дѣйствующій на людей самъ по себѣ, независимо отъ человѣка — вотъ вопросъ, который тотчасъ же задаетъ себѣ человѣкъ, какъ только въ немъ пробудилось сознаніе, и этотъ вопросъ занималъ его столько же, сколько вопросъ о его личномъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшивались, разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ — каждый — свою историческую судьбу и развитіе. Изслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманіе на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій“ (стр. 52—54).

41) М. П. Погодинъ (О модныхъ толкахъ, стр. 25, 26) говорить: „Въ природѣ есть сила вездѣсущая, невидимая,

потаенная, которая производитъ... вотъ зерно, вотъ капля... Какъ изъ этого зерна вырастетъ пальма, розанъ, померанецъ, или изъ этой капли—верблюдь, соловей, человѣкъ?... Вы не понимаете, философы, а допускаете, ибо видите своими глазами это происхожденіе. А скажи вамъ—Богъ, вы Его отрицаете. Бога нѣтъ? Что же есть? Вы есте.—Да откуда же вы? Сами сотворили вы себя, сотворились, произошли сами собою? Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе такихъ положеній, въ которыя вы упираетесь, идя путемъ логики ума?“

„Вы родились случайно? Живете какъ-нибудь и умрете на-авось? И такая философія васъ удовлетворяетъ? Вашъ умъ не представляетъ никакого требованія болѣе? Вы можете жить спокойно? И вамъ даже хочется жить?“

„Человѣкъ произошелъ самъ собою,—такъ и курица сотворила самоё себя, сотворилася, произошла сама собою, и начала нести яйца. Но откуда же подлетѣлъ къ ней пѣтухъ съ предложеніемъ своихъ услугъ? Курица несетъ яйца, но вѣдь она сама вылупляется изъ яйца? И такъ яйцо было прежде курицы? Откуда же это первое яйцо? Какъ оно произошло? Къ такимъ простымъ вопросамъ и соображеніямъ снисходить ли ваша наука?“

„Вы приписываете все твореніе какой-то силѣ: ну, вотъ это и есть Богъ. Слово только другое. Или у вашей силы нѣтъ сознанія, т. е. она творитъ чудеса премудрости, бывъ сама безумною?“

„Удивительна дерзость или ограниченность тѣхъ философовъ, которые не ищутъ объяснить необъяснимое, и въ безсиліи объяснить ошущаютъ все и вся“.

„Кроты роются въ землѣ, разсуждаютъ и спорятъ о солнцѣ, и вотъ находятся между ними умники, которые предлагаютъ доказательства, что солнца нѣтъ, да и быть не можетъ. Невѣжество рукоплещетъ! Несчастные!“

Подобныя этимъ свидѣтельства можно было бы отыскать многія другія у разныхъ не менѣе ученыхъ людей, если не въ ихъ научныхъ трудахъ, то въ ихъ мемуарахъ, въ частныхъ перепискахъ и другихъ произведеніяхъ, ибо біографіи ихъ показываютъ, что многіе изъ нихъ были людьми глубоко вѣрующими, какъ напримѣръ: А. Гумбольдъ, Бойль, Клеркъ, Фермъ, Монтепюи, Д'Аламберъ, Либихъ, Іоаннъ Бернули, Бюффонъ, Галлилей, Гертли, Дальтонъ, Босюетъ, Коперникъ, Кювье, Лафатеръ, Парацельсъ, Пристлей, Цольнеръ, Бремъ, Гельмгольцъ, Кетле, Пастёръ, Тайлоръ, Фарадей, Бутлери, Сталь, Берклеи, Фехнеръ, Гелленбахъ, Реймарусъ, Шарль Бонне, Жанъ Рено, Дюпонъ-де-Немуръ и многіе другіе. Какъ чита-

тель видеть, мы приводимъ здѣсь имена однихъ только высоко выдающихся надъ общимъ уровнемъ ученыхъ людей, имена которыхъ записаны неизгладимыми буквами въ исторіи человѣческихъ знаній; если бы мы позволили себѣ включить въ этотъ списокъ ученыхъ, стоящихъ хотя одной ступенью ниже, то свидѣтельства ихъ о Богѣ заняли бы собой мѣсто, конечно, гораздо большее, чѣмъ вся книга наша.

Казалось бы, что такія вѣскія свидѣтельства великихъ ученыхъ должны были бы служить сильной аргументаціей въ пользу того мнѣнія, что *истинный смыслъ человѣческихъ познаній не можетъ вести къ безвѣрію и къ отрицанію Бога.*

Странно было бы, конечно, черпать свое познаніе о Богѣ изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ ученыхъ, ибо каждому изъ нихъ открыла ихъ наука одну лишь незначительную и бесконечно малую часть Премудрости Божіей, изъ которой они могли лишь до сознательнаго признанія всей необходимости вѣры въ Бога и въ Его Святое попеченіе о мірѣ и людяхъ. — И это уже великій шагъ и самое благотворное вліяніе, оказанное наукой въ исторіи нравственнаго развитія людей; само же ученіе о величій Божіемъ можетъ, конечно, быть подчеркнуто только изъ ученія Церкви, которое составляетъ единственное правильное ученіе о Богѣ, превыше всякихъ научныхъ и философскихъ попытокъ къ распознаванію Его.

Полнота и опредѣленность всѣхъ вышеприведенныхъ сообщений безапелляціонно рѣшаетъ вопросъ о томъ, что теологическое міровоззрѣніе ученыхъ не можетъ занимать низшую степень въ развитіи мысли, а занимаетъ самую высшую, такъ какъ его придерживались всѣ высшіе умы человѣчества. Это міровоззрѣніе выработано ими послѣ многихъ десятковъ лѣтъ усидчивой работы надъ изученіемъ природы и ея явленій, послѣ многихъ сомнѣній, ошибокъ и заблужденій, какъ окончательный результатъ ихъ жизни, ихъ мысли и ихъ чувствованій. Онъ долженъ быть примѣромъ для всѣхъ и въ связи со всѣмъ вышесказаннымъ можетъ безповоротно рѣшить вопросъ о томъ, что истинныя знанія и мудрость ведутъ прямо къ познанію Божественной Премудрости, къ признанію Бога Творцемъ и Промыслителемъ вселенной и къ необходимости допущенія Высшей безконечной Воли, правящей и руководящей всѣмъ сущимъ, сотвореннымъ Имъ.

Но отчего же Огюсть Контъ и его послѣдователи не обратили на это вниманія при составленіи своей классификаціи развитія мысли? Вѣдь это выходитъ: своя своихъ не познаша? Сами ученые причисляютъ свой лучший цвѣтъ, самыхъ мудрѣйшихъ изъ себя къ низшей степени развитія и ставятъ себя, лю-

дей несравненно менѣе знающихъ на такой высокѣй пьедесталь-учености.

Подробно причины тому будутъ указаны ниже; теперь-же мы скажемъ, что главныхъ тому причинъ двѣ; а именно:

1) Совершенно также поступили бы дѣти, которыхъ заставили бы судить дѣйствія своихъ учителей; не понимая смысла и логики, которые руководятъ ими и судя лишь по однимъ внѣшнимъ проявленіямъ, дѣти очень логично выводятъ по своему, что учителя мѣшаютъ имъ только играть, что для нихъ было бы полезнѣе.

Огюсть Контъ и его послѣдователи, обладая несравненно меньшими умственными и научными средствами, не обладая достаточнымъ количествомъ внутреннихъ силъ души, взялись судить о великихъ мастерахъ науки, которые обладали несравненно большими средствами къ изученію природы. Огюсть Контъ не потрудился даже стать на ту исходную точку мышленія, которая руководила ими, но судилъ о нихъ, не отступая отъ своего матерьялистическаго образа мысли; а потому для него и для его послѣдователей ученія великихъ мастеровъ казались и не ясны и ошибочны, и они никакъ не могли признать за ними того высокаго смысла, который дѣйствительно заключался въ этихъ ученіяхъ.

2) Вторая причина заключается въ неправильномъ пониманіи цѣли и назначенія науки, что образуетъ въ наукѣ двѣ категоріи людей: ученыхъ и позитивистовъ. Къ первой категоріи слѣдуетъ отнести адептовъ истинной и свободной отъ предвзятыхъ идей науки, и эта наука доводитъ своихъ послѣдователей всегда до познанія Бога, всего высшаго и премудраго въ природѣ, а ко второй категоріи принадлежатъ тѣ, которые допускаютъ лишь одинъ позитивный методъ при изслѣдованіяхъ природы. Эту категорію людей доводитъ ихъ позитивизмъ всегда до атеизма или до самого низшаго матеріализма. Постараемся выяснитъ это болѣе подробно.

ЦѢль и назначеніе науки.

Человѣкъ обладаетъ двумя главными силами или способностями души, это: разумомъ и духовно-нравственными чувствами.

Какая изъ этихъ силъ главная?

На этотъ счетъ мнѣнія расходятся.

Одни находятъ, что безусловно разумъ въ человѣкѣ важнѣе, что главнымъ образомъ надо развивать его и уже ему подчинять свои чувства.

Другіе полагаютъ, что міромъ управляютъ чувства, и что разумъ играетъ подчиненную роль.

Третьи говорятъ, что безъ гармоніи разума и чувства нѣтъ внутренняго согласія въ человѣкѣ, нѣтъ силы и мощности проявленій интеллектуальной дѣятельности, дающей максимумъ полезности, а потому не только бесполезно, но и вредно развивать чувства въ ущербъ разуму, или разумъ въ ущербъ чувствамъ; обѣ стороны должны быть развиты въ одинаковой степени.

Прослушаемъ гениальнѣйшее мнѣніе по этому поводу Герберта Спенсера, высказанное имъ въ его брошюрѣ „Классификаціи наукъ“ (стр. 48, 49 и 50); онъ говоритъ: „не идеи управляютъ міромъ и ниспровергаютъ его: міръ управляется и ниспровергается чувствами, которымъ идеи служатъ только руководителями. Соціальныи механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на мнѣніяхъ, а исключительно на характерахъ. Не умственная анархія, а нравственный антагонизмъ составляетъ причину политическихъ кризисовъ. Всѣ соціальныя явленія порождаются общимъ строемъ человѣче-

скихъ ощущеній и вѣрованій, изъ которыхъ первыя опредѣлены почти всегда напередъ, а вторыя опредѣляются почти всегда впослѣдствіи. Большинство желаній человѣческихъ унаслѣдовано, между тѣмъ, какъ большинство вѣрованій пріобрѣтается и зависитъ отъ окружающихъ условій; а важнѣйшія изъ окружающихъ условій зависятъ отъ того состоянія общества, какое породили наиболѣе сильно господствующія желанія. Соціальное состояніе всякой данной эпохи есть равнодѣйствующая всѣхъ честолюбій, своекорыстій, опасеній, поклоненій, негодованій и проч. гражданъ предковъ и гражданъ современниковъ. Общепринятые идеи такого соціального состоянія должны, въ среднемъ выводѣ, быть вполне соотвѣтственны чувствамъ гражданъ и, слѣдовательно, въ уровень съ тѣмъ соціальнымъ состояніемъ, какое породили эти чувства. Идеи вполне чуждыя этому состоянію не могутъ въ немъ развиваться, а если вводятся извнѣ, не принимаются или же если и принимаются, то вымираютъ, какъ только кончается временный фазисъ чувствъ, допустившихъ ихъ принятіе. Поэтому, хотя передовыя идеи, установившись разъ, вліяютъ на общество и содѣйствуютъ дальнѣйшему его прогрессу, но установленіе такихъ идей зависитъ все-таки отъ подготовленности общества къ ихъ воспріятію. На дѣлѣ выходитъ такъ: народный характеръ и соціальное состояніе опредѣляютъ, какія идеи должны получить ходъ въ обществѣ; а не идеи эти опредѣляютъ соціальное состояніе и народный характеръ. Поэтому измѣненіе нравственной природы человѣка, производимое непрерывнымъ вліяніемъ соціальной дисциплины, все болѣе и болѣе приспособляющей эту природу къ соціальнымъ отношеніямъ,—есть главная ближайшая причина общественнаго прогресса.“

То же мнѣніе высказываетъ и Г. Г. Льюисъ (Философія наукъ Огюста Конта, стр. 7, 8), а именно—онъ говоритъ: „я уже не разъ высказывалъ грѣховное убѣжденіе, что умственное міровоззрѣніе не есть наиблагороднѣйшее міровоззрѣніе человѣка. До тѣхъ поръ не будетъ существовать философіи, удовлетворяющей требованіямъ человѣчества, пока не признаютъ той истины, что человѣкомъ управляютъ не его мысли, а его ощущенія. Разсудокъ же служить человѣку только *путеводителемъ*. Другими словами, разсудокъ есть рабъ, а не властелинъ сердца; и наука есть пустое бесполезное дѣло, заслуживающее такъ же мало уваженія, какъ и шахматная игра, если она не ставитъ себѣ какой-нибудь великой *религіозной цѣли*, если она не исходитъ изъ какого-нибудь широкаго взгляда на человѣческую жизнь и предназначеніе“.

Совершенно то же мнѣніе приводилъ даже самъ Огюсть Контъ въ своей „Système de politique positive“; онъ говоритъ, что „умъ долженъ всецѣло быть подчиненъ чувствамъ, или, переводя это съ языка этики на языкъ логики, что упражненіе ума, какъ и всѣхъ прочихъ нашихъ способностей, должно имѣть единственной цѣлью общее благо. Всякое другое употребленіе ума слѣдуетъ считать не только бесполезнымъ и напраснымъ, но даже нравственно преступнымъ. Вполнѣ обязанные челоуѣчеству тѣмъ развитіемъ, которое снабдило насъ умственными силами, какія мы имѣемъ теперь, мы должны всецѣло посвятить эти силы на служеніе ему. И на этомъ фундаментѣ Контъ строить выработанную систему полного подавленія всякой независимой мысли“.

„Въ развитіи мыслительной силы Контъ не видитъ нужды, или, пожалуй, видитъ нужду, но безконечно меньшую, нежели въ покорности и послушаніи. Онъ безпрестанно указываетъ, что, изъ всѣхъ составныхъ атрибутовъ челоуѣческой природы, умъ требуетъ больше всего управленія и обуздыванія. Это самый буйный, „le plus perturbateur“, изъ духовныхъ элементовъ нашей натуры — болѣе даже, нежели эгоистическіе инстинкты. Въ теченіе всего переходнаго періода, начавшагося со временъ древней Греціи (Контъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ мы постоянно находились въ революціонно-переходномъ состояніи), умъ былъ въ положеніи систематическаго возстанія противъ „le coeur“.

У Огюста Конта есть обширѣйшіе трактаты, доказывающіе что нѣтъ возможности себѣ представить возрожденіе челоуѣчества безъ полнѣйшаго прекращенія „умственной анархіи“ и безъ „систематизаціи челоуѣческихъ знаній“, что можетъ лишь быть достигнуто подчиненіемъ ума руководству чувствъ (Д. С. Милль 153, 3, 165).

Обдумаемъ и выикнемъ хорошенько въ глубочайшій смыслъ этихъ трехъ сообщеній великихъ мыслителей. Не приходится ли намъ ежедневно убѣждаться въ справедливости ихъ словъ, разбирая лично свою жизнь, жизнь другихъ людей, жизнь обществъ и народовъ и даже строй каждаго государства.

Спросимъ себя, почерпаетъ ли каждый изъ насъ изъ внѣшняго міра всѣ впечатлѣнія и всѣ знанія, которыя существуютъ въ мірѣ?

О! далеко нѣтъ — отвѣтитъ каждый, который хотя не много вдумывался въ строй вселенной. Окружающій насъ міръ такъ вереполненъ бездною премудрости и самыхъ разнообразнѣйшихъ тайнъ во всѣхъ областяхъ и уголкахъ вселенной, которыя, конечно, со временемъ рано или поздно составятъ пред-

меть изученія; нѣкоторыя открываются каждому изъ насъ лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ онъ самъ созрѣваетъ въ своемъ интеллектуальномъ развитіи и дѣлается способнымъ замѣтить какую нибудь изъ нихъ и остановить на ней свое вниманіе, потому мы должны заключить, что одно и то же явленіе природы или какой нибудь фактъ или какая нибудь великая истина, видѣнная или слышанная нами, производить на каждого изъ насъ совершенно разныя впечатлѣнія. Одни совсѣмъ ея не понимаютъ, есть такіе, которые не способны ее замѣчать ни одной силой или способностью своего существа. Изъ тѣхъ же, которые и видятъ, чувствуютъ или ощущаютъ этотъ фактъ или эту великую истину, всякій объясняетъ ее себѣ, сообразно своему интеллектуальному развитію съ тѣми оттѣнками, которые имѣетъ его развитіе и съ тѣми пробѣлами и уклоненіями отъ общаго и истиннаго смысла этого явленія, которые существуютъ въ немъ самомъ, въ его существѣ, но не въ разбираемомъ явленіи. А слѣдовательно тотъ, кто больше развитъ, черпаетъ большее число впечатлѣній изъ природы, правильнѣе уясняетъ себѣ ихъ и даетъ имъ болѣе близкія къ истинному ихъ смыслу толкованія, чѣмъ тотъ, кто меньше развитъ.

Все ли хорошее, что намъ удастся такимъ образомъ почерпнуть изъ внѣшняго міра, примѣняемъ мы къ жизни? Совершенствуется ли оно насъ и подвигаетъ ли насъ по пути развитія? Мы всякій день убѣждаемся, что видѣть и понимать истину не значитъ быть способнымъ примѣнить ее къ себѣ. Всякій изъ насъ знаетъ множество прекрасныхъ и неоспоримыхъ истинъ, однако, всѣ ли онѣ прививаются къ намъ и входятъ въ нашу жизнь? Изслѣдуемъ ли мы тѣ факты и явленія, которые въ дѣйствительности важнѣе или тѣ, къ которымъ лежитъ больше наше сердце?

Приведемъ примѣры:

1) Изъ области духовной: вспомнимъ ученіе Христа о всеобщей взаимной братской любви, о смиреніи и покорности.

2) Изъ области нравственной: о вредѣ пьянства.

3) Изъ области политической: о несовременности войнъ.

Разумомъ мы превосходно понимаемъ всѣ эти истины; онѣ поражаютъ насъ своей ясной практической мудростью, полной примѣнимостью къ ежедневной жизни нашей на землѣ, а однако онѣ къ жизни не прививаются, развѣ мало по малу совершенно незамѣтнымъ образомъ.

Въ этомъ случаѣ и наука не дѣлаетъ исключеній; она охотнѣе изслѣдуетъ то, къ чему она привыкла и болѣе

склонна. Изучая мельчайшія детали знакомыхъ ей фактовъ и явленій и она оставляетъ не разслѣдованными цѣлыя области чудеснаго и загадочнаго, которыя должны бы были возбуждать ея живѣйшій интересъ. Для примѣра приведемъ весьма своеобразный и вполнѣ оффиціально доказанный историческій фактъ, а именно: цѣлый карауль солдатъ видѣлъ одновременно и Императрицу Анну Иоанновну и ея двойникъ въ тронной залѣ дворца. Подобныхъ фактовъ много; подвергался ли хотя одинъ изъ нихъ разслѣдованію позитивизма.

Скажите, кто не восхищался премудрой простотой великихъ истинъ и не мечталъ о томъ: 1) какъ жилось бы легко на землѣ, если бы каждый былъ слугою другихъ и дѣлалъ бы другимъ только то, что желалъ бы, чтобы ему сдѣлали. Всякій понимаетъ, что земля превратилась бы въ рай и всякому было-бы легко, весело и удобно жить. Жизнь совсѣмъ измѣнила бы свой грубый корыстный характеръ, страсти и интриги исчезли бы и, положительно, всѣ сдѣлались бы лучше.

Всякій скажетъ, что высота этого ученія не соответствуетъ низкой степени средняго уровня нравственнаго развитія людей, а потому они и не въ состояніи примѣнять это ученіе. Когда нибудь въ далекомъ будущемъ, когда люди станутъ совершеннѣе, и эта истина будетъ все болѣе и болѣе входить въ жизнь людей. При настоящемъ же строѣ жизни эта идея составляетъ одну утопію.

2) Кто не понимаетъ вреда отъ пьянства? Если бы люди не пьянствовали, сколько бы денегъ сохранилось, сколько бы уменьшилось преступленій, болѣзней безобразій, оргій, несчастій, нищеты....

— Развѣ могутъ порочные люди не пить, отвѣтятъ Вамъ, — грусть свою топятъ въ винѣ! Можно указать много другихъ болѣе существенныхъ средствъ, чтобы отгонять свою грусть, но пьянство отъ этого нисколько не уменьшится, пока люди не сдѣлаются нравственно чище.

3) Если бы не было войнъ — не было бы и войскъ и военнаго сословія; какъ обогатились бы государства! Это видятъ всѣ. Но всякій понимаетъ тоже, что кромѣ внѣшнихъ враговъ въ государствахъ есть болѣе злѣйшіе внутренніе враги и имя имъ: неразвитость, необузданность, дикость, жестокость, эгоизмъ, алчность, злость, зависть, обманъ и преступленіе, которые много хуже внѣшнихъ враговъ. Если не было бы государство сильно и авторитетно, — какой безпорядокъ царилъ бы въ немъ; такая распушенность, что жизнь всякаго сдѣлалась бы хуже и труднѣй, чѣмъ жизнь первобытнаго человѣка

среди хищныхъ звѣрей, пантеръ и пещерныхъ медвѣдей. Однимъ страхомъ отвѣтственности наказанія и можно только сдержать страсти и злость людскую, и еще много времени пройдетъ, пока чувство долга сдѣлается общимъ достояніемъ.

4) Лѣтъ двадцать тому назадъ только шептались и передавали другъ другу не иначе, какъ по секрету, о сверхестественныхъ явленіяхъ, которыя существуютъ по преданію въ каждомъ семействѣ и о которыхъ не было принято говорить громко, а потому они сохранялись въ тайнѣ. Теперь начали говорить о нихъ въ обществахъ, и даже открыто. Подобныхъ рассказовъ милліоны. Неужели эти факты достойны меньшаго вниманія для изслѣдователя, чѣмъ изученіе грозы, вѣтра, сѣвернаго сіянія? Казалось бы, что они должны были возбудить несравненно большій интересъ, ибо сами явленія загадочнѣе и чудеснѣе, а, между прочимъ, наука и не думаетъ приниматься за ихъ изученіе. Не знать о нихъ ученые не могутъ; зная-же о ихъ существованіи они не могутъ не поражаться ими, совершенно такъ-же, какъ поражается каждый изъ насъ; отчего же никто еще не изучаетъ ихъ? Отвѣтъ ясенъ: духовное развитіе ученыхъ еще не возросло до того, чтобы быть въ состояніи открыто идти противъ невѣжественныхъ модныхъ толковъ и взяться за такое дѣло, которое можетъ подорвать ихъ репутацію позитивистовъ, которой они дорожатъ еще.

Мы всякій день убѣждаемся, что видѣть и понимать истину еще не значитъ быть способнымъ примѣнить ее къ себѣ.

Пока мы понимаемъ истину однимъ своимъ разумомъ, а не сердцемъ и не чувствомъ—мы никогда не будемъ въ состояніи осилить свою природу, передѣлать себя и заставить себя дѣлать то, что намъ не сродно.

Мы всѣ болѣе порочны, чѣмъ добродѣтельны и потому, замѣтите, какъ какая нибудь гадость, пошлость, сальность къ намъ быстро прививается! Мы еле успѣемъ услышать ее еще однимъ ухомъ и уже схватили ее на лету и готовы исполнить. И сколько трудовъ намъ иногда стоитъ удержать себя отъ этого. Вотъ какъ быстро принимается злое сѣмя, упавшее на подходящую ему злую почву души нашей. Совершенно противоположное явленіе происходитъ, если намъ приходится услышать о чемъ нибудь высокомъ, прекрасномъ и мудромъ, о томъ, что выше нашего нравственнаго развитія. Намъ доказываютъ, что это хорошо, убѣждаютъ, что стоитъ намъ только принять эту истину и мы сами будемъ лучше и жизнь наша пойдетъ ровнѣй, безмятежнѣй, и отношенія наши къ окружающему міру и къ людямъ станутъ легче. Мы и сами

знаемъ все это, но все таки упорствуемъ, опровергаемъ и подыскиваемъ разныя препятствія, не смотря на то, что хорошо видимъ всю несостоятельность этихъ опроверженій, и въ концѣ концовъ эта истина нами не принята и къ нашей жизни не примѣнена.

Однимъ словомъ, разсудокъ нашъ во всѣхъ случаяхъ жизни является рабомъ сердца и чувствъ, но не властелиномъ. Разумъ можетъ понимать истину, но воспріять ее человѣкъ можетъ только тогда, когда онъ нравственно достаточно для того развитъ и для того, кто мало развитъ, эти истины будутъ то, что мы называемъ *недосягаемымъ идеаломъ*.

Если бы разумъ былъ властелиномъ, то что мѣшало бы человѣку заставить свое сердце, свой характеръ и свои чувства примѣнять въ своей ежедневной жизни тѣ высокія истины, о которыхъ онъ слышалъ и разумомъ одобрилъ, и тогда не было бы недосягаемаго и не было бы идеаловъ. Идея, постигнутая разумомъ, прививалась бы къ намъ и становилась бы нашей собственной; измѣняя соотвѣтственно нашъ характеръ и привычки—улучшала бы насъ самихъ.

Но природа требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ самъ сперва подготовилъ почву души своей для возможности дальнѣйшаго совершенствованія; если почва не готова—то и совершенствованія нѣтъ. Однимъ словомъ, человѣкъ есть именно то, что онъ есть, не болѣе и не менѣе; и можетъ примѣнять къ своей жизни и къ себѣ лично только то, что соотвѣтствуетъ его нравственному развитію. Если онъ желаетъ совершенствоваться, то долженъ работать надъ собой, надъ развитіемъ своихъ чувствъ и своего духовнаго пониманія природы вещей. Онъ долженъ передѣлывать свой характеръ и свои привычки силой своей воли и принуждать слѣдовать идеямъ высшей правды, высшаго добра и совершенства. Безъ этой борьбы съ самимъ собой нѣтъ истиннаго, внутренняго и душевнаго прогресса и человѣкъ останется тѣмъ же, на томъ же уровнѣ своего развитія. Пока у людей и у общества есть идеалы, до которыхъ они стремятся и не могутъ достигнуть, надо воспитывать ихъ душу и сердце болѣе усиленно, чѣмъ разумъ, ибо разумъ ихъ и такъ уже опередилъ сердце и дальнѣйшее его развитіе не только не принесетъ никакой пользы, но можетъ оказаться вреднымъ, какъ всякій серьезный и опасный инструментъ въ рукахъ ребенка, не умѣющаго обращаться съ нимъ.

Теперь перейдемъ къ другому вопросу и спросимъ себя, что такое наука?

Мы хотѣли бы видѣть въ наукѣ обширнѣйшую хранилищницу или сокровищницу всѣхъ безъ изъятія результатовъ по-

лезной дѣятельности всѣхъ силъ и способностей человѣка, какъ разумныхъ, такъ и нравственныхъ и духовныхъ, ведущихъ какъ все общество, такъ и cadaго отдѣльнаго члена его по пути прогресса. По точному смыслу наука должна охватывать всѣ знанія людскія, какія бы они ни были, въ полномъ ихъ объемѣ. Все, что только можетъ улучшать жизнь человѣка на нашей планетѣ, все, что можетъ совершенствовать и улучшать самую нашу планету и дѣлать ее болѣе легкой и приспособленной къ удобствамъ жизни на ней, все, что возвышаетъ и облагораживаетъ душу человѣка, или способствуетъ къ установленію правильныхъ отношеній людей между собой и къ окружающей ихъ природѣ—все должно бы было имѣть свою рубрику въ наукѣ и соотвѣтствующее мѣсто среди человѣческихъ знаній, ибо все это человѣку одинаково и безусловно необходимо; а слѣдовательно всѣ подобнаго рода темы должны считаться научными.

Выяснивъ себѣ до нѣкоторой степени нашъ взглядъ на цѣль и на назначеніе науки, на необходимость какъ разумаго, такъ и нравственнаго воспитанія людей, рассмотримъ насколько наша современная господствующая наука удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, насколько она способствуетъ изученію великихъ истинъ и насколько она развиваетъ въ насъ нравственность, облагораживаетъ и возвышаетъ наши чувства, чтобы готовить почву нашей души, чтобы она могла быть способна къ воспріятію высшихъ истинъ.

ПОЗИТИВИЗМЪ.

Разбирая современную господствующую науку, мы далеко не найдемъ въ ней всего того, что желали бы видѣть, преслѣдуя наше выше приведенное понятіе о цѣли и назначеніи наукъ. Скажемъ болѣе,—въ настоящее время совершенно *нѣтъ науки*, а есть какая-то несчастная, жалкая и скомканная наука подь весьма горделивымъ названіемъ *позитивизмъ*.

Приверженцы позитивизма окружили науку китайской стѣной положительныхъ принциповъ и предвзятыхъ идей, и тѣ знанія, которыя не соотвѣтствуютъ предначертанной ими программѣ, не включаются вовсе въ область положительныхъ наукъ.

Начало подобному взгляду на науку положилъ Огюсть Контъ въ своей позитивной философіи; программа позитивизма была выработана его послѣдователями, которые, впрочемъ, считаютъ, что ни въ чемъ не нарушили кореннаго смысла первоначальнаго ученія своего учителя; но это нельзя считать безусловно вѣрнымъ.

Строго слѣдуя программѣ позитивизма, въ настоящее время исключены изъ числа наукъ и совсѣмъ къ нимъ не причисляются нижеслѣдующія науки:

1) Вся философія и метафизика, за исключеніемъ нѣкоторыхъ матеріалистическихъ философій, вродѣ Бюхнера и Молешота, которыя названы адептами положительныхъ наукъ научными философіями, за отсутствіемъ въ нихъ и тѣни чего нибудь метафизическаго.

Огюсть Контъ самъ писалъ философію, и многія его сужденія и допущенія имѣютъ ясный метафизичный характеръ;

притомъ же Контъ не отвергалъ необходимости изученія причины, какъ это совершенно неправильно утверждаютъ многіе. „Въ точномъ смыслѣ это невѣрно: онъ отвергаетъ только вопросы о первоначальномъ происхожденіи и о дѣятеляхъ, отличныхъ отъ того, что называютъ причинами естественными. Онъ считаетъ недоступными для насъ причины, которыя сами не суть явленія. Подобно многимъ, онъ допускаетъ изслѣдованіе причинъ въ томъ смыслѣ, по которому одинъ естественный фактъ можетъ быть причиною другого. Но Контъ не терпитъ слова „причина“, онъ согласенъ говорить только о законахъ послѣдовательности. Отказываясь отъ употребленія слова, имѣющаго положительное значеніе, онъ упускаетъ изъ виду и мысль, выражаемую имъ. Онъ не видитъ различія между двумя такими обобщеніями, какъ законы Кеплера и теорія тяготѣнія. Онъ не старается понять разницу между законами послѣдовательности и сосуществованія, которые мыслителями другой школы называются законами явленій и законами того, что они зовутъ дѣйствиемъ причинъ. (Д. Стюартъ Милль стр. 53)“. А потому точный смыслъ ученія Огюста Конта не имѣетъ своимъ основаніемъ исключеніе философіи и метафизики и надо признать, что это сдѣлано его послѣдователями совершенно самовольно. Исключать философію изъ числа наукъ не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго основанія, ибо въ истинномъ своемъ смыслѣ философія есть наука „о самомъ человѣкѣ, какъ о существѣ разумномъ, нравственномъ и социальномъ. Такъ какъ умственныя способности человѣка заключаютъ въ себѣ и его познавательную способность, то наука о человѣкѣ обнимаетъ собою и все то, что онъ можетъ знать—насколько это касается способа познаванія; другими словами, она вмѣщаетъ въ себѣ цѣлое ученіе объ условіяхъ человѣческаго знанія. Философія науки есть такимъ образомъ ни что иное, какъ сама наука, рассматриваемая не по отношенію къ ея результатамъ и истинамъ, которыя она опредѣляетъ, а по отношенію къ процессамъ, посредствомъ которыхъ умъ достигаетъ этихъ результатовъ, или по отношенію къ признакамъ, по какимъ онъ узнаетъ эти истины, а также по отношенію къ стройному и методическому расположенію ихъ въ видахъ возможно большей ясности пониманія, равно какъ самаго полнаго и удобнаго примѣненія: однимъ словомъ, это—логика науки. (Д. Стюартъ Милль стр. 49, 50)“.

2) Изъ числа положительныхъ наукъ исключены всѣ богословскія науки, вся теологія, этика и всѣ нравственныя науки. Труды глубокихъ мыслителей, вродѣ Боссюэта, Паскаля, Давида Гартли, Руссо, Дидро, Даланберта и многихъ другихъ,

не находятъ себѣ мѣста среди положительныхъ наукъ, несмотря на то, что, воспитывая нравственность и образывая чувство, они лучше другихъ наукъ способствуютъ развитію людей и общей ихъ подготовкѣ для болѣе успѣшнаго слѣдованія по пути прогресса.

Это исключеніе совсѣмъ противорѣчитъ духу ученія Огюста Конта. Къ шести основнымъ наукамъ своего первоначальнаго ряда Огюсть Контъ прибавлялъ еще седьмую подъ именемъ „науки нравственности“; она, по его мнѣнію, образуетъ самую высшую ступень лѣстницы, непосредственно выше вслѣдъ за социологіей. Огюсть Контъ не могъ исключить нравственныхъ наукъ изъ числа наукъ, такъ какъ въ ученіи о нравственности онъ былъ вполне солидаренъ съ Гербертомъ Спенсеромъ и ставилъ нравственные познанія выше всѣхъ существующихъ.

3) Огюсть Контъ самъ исключилъ изъ числа положительныхъ наукъ политическую экономію, на которую онъ ужасно нападалъ за всѣ ея выводы, находя ихъ не серьезными и лишеными всякаго основанія. Онъ самъ исключилъ также и военныя науки, находя ихъ характеръ лишь временнымъ, утверждая, что будто бы съ увеличеніемъ развитія эти науки будутъ со временемъ замѣнены коммерческими. Въ своемъ линейномъ ряду Огюсть Контъ не даетъ мѣста *психологіи* и повсюду говоритъ о ней съ пренебреженіемъ. Изученіе умственныхъ явленій, или какъ онъ выражается, интеллектуальныхъ и нравственныхъ отпаденій, помѣщено у него подъ рубрикою биологіи, но и то какъ вѣтвь фізіологіи. Наши познанія объ умѣ человѣческомъ, полагаетъ Контъ, должны пріобрѣтаться чрезъ наблюденіе другихъ людей. Ему показалось, что самонаблюденіе можетъ дать намъ весьма не многое относительно чувствъ и ничего не даетъ касательно разума. Онъ полагалъ, что нашъ умъ въ состояніи наблюдать все другое, кромѣ себя самого, что мы не въ силахъ наблюдать свое наблюденіе и разсужденіе во время самыхъ процессовъ; и, еслибы захотѣли сдѣлать это, то вниманіе къ самому рефлексу уничтожило бы его объектъ, остановивъ собою наблюдаемый процессъ.

4) Изъ трудовъ всѣхъ ученыхъ позитивисты выкраиваютъ и исключаютъ все, что не поддается непосредственному опыту и наблюденію и все, что не можетъ быть провѣрено мѣрой и вѣсомъ. Опытъ, по мнѣнію позитивистовъ, не можетъ имѣть никакого значенія въ вопросахъ сущности, происхожденія и начала, а слѣдовательно о сущности и происхожденіи вещей, фактовъ и явленій природы позитивизмъ не долженъ выражать никакихъ заключеній и не долженъ имѣть никакихъ сужденій, и всѣ попытки къ тому должны считаться не научными. Огюсть

Контъ порицалъ даже „изученіе солнечной системы, если оно простирается на какія-либо планеты кромѣ тѣхъ, которыя видимы невооруженному глазу и одни только обнаруживаютъ въ дѣлѣ тяготѣнія на нашу землю вліяніе, доступное опредѣленію. Даже изслѣдованіе возмущеній въ ихъ движеніяхъ онъ считаетъ напраснымъ, коль скоро оно идетъ далѣе общаго понятія о нихъ; онъ думаетъ, что астрономія съ пользой могла бы ограничить свою сферу движеніями и взаимнымъ дѣйствіемъ другъ на друга земли, солнца и луны. Подобнымъ же образомъ Контъ имѣлъ въ виду очистить и всѣ другія науки. Въ одномъ мѣстѣ онъ прямо говоритъ, что большая часть дѣйствительно доступныхъ для насъ изслѣдованій напрасна и бесполезна. Онъ хотѣлъ бы сѣзуть насколько возможно больше предѣлы всѣхъ наукъ. Онъ постоянно повторяетъ, что всякая наука, какъ изслѣдованіе абстрактное, не должна идти далѣе, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы положить основаніе слѣдующей за нею наукѣ, а въ окончательномъ результатѣ социальной наукѣ — главной цѣли всѣхъ ихъ“. (Д. С. Милль, стр. 158).

Всѣ отвлеченныя сужденія и выводы, какъ бы логичны они ни были, всѣ умозрѣнія и гипотезы, какъ бы онѣ ни были научны—не включаются въ область позитивизма, ибо человѣческой разумъ въ продолженіи своего развитія не разъ принимаетъ теоріи и системы, которыя прежде казались ему не мыслимыми, и на оборотъ отказывался отъ другихъ, которыя считалъ раньше логичными; и всѣ эти заблужденія позитивисты относятъ къ тому, что каждый человѣкъ (хотя и ученый) долженъ считать себя въ научныхъ вопросахъ какъ бы психически несостоятельнымъ.

Нечего говорить уже о томъ, что позитивизмъ никогда не касался и считаетъ выше своихъ силъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ: о Высшей Волѣ, правящей вселенной, о Богѣ, какъ началѣ всего сущаго, о душахъ и духахъ и о загробной жизни.

М. Литтре очерчиваетъ раіонъ дѣятельности позитивизма слѣдующими словами: „Въ основѣ своей положительная философія отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что разъ признавъ относительность человѣческаго знанія, она никогда и нигдѣ не забываетъ этого факта и строго сдерживается въ его границахъ. Подъ относительностію человѣческаго знанія слѣдуетъ разумѣть то, что нашему знанію есть предѣлы; все что не находится въ предѣлахъ познавательной способности разума, — все что положительная философія отвергаетъ, какъ знаніе гипотетическое, положительнымъ наблюденіемъ и опытомъ не доказанное. Какъ бы вѣроятными эти гипотезы ни казались, положительная философія не принимаетъ ихъ и не

выводить изъ нихъ никакихъ заключеній, не строить на нихъ ни системъ, ни предположеній, ни догадокъ.

„Мы никогда не можемъ узнать всего, — говоритъ, Литтре, — и всѣ наши усилія достигъ абсолютнаго, безусловнаго знанія не могутъ дать положительныхъ результатовъ; будемъ же скромны и ограничимся въ нашихъ научныхъ стремленія тѣмъ полемъ, гдѣ открыть просторъ наблюденію и опыту, и станемъ принимать за истину лишь то, что можетъ быть изслѣдовано и провѣрено научнымъ образомъ; только такимъ путемъ мы приобрѣтемъ дѣйствительныя, положительныя знанія, изъ которыхъ можно выводить вѣрныя заключенія какъ для нашей матеріальной жизни, такъ и для нравственной (?!); все прочее, что сочиняють разныя абсолютныя теоріи, всегда вело лишь къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Согласимся разъ навсегда, что и наши концепціи, наши доктрины, ни наши системы никогда не могутъ стать абсолютными и должны оставаться, и по сущности своей и по необходимости, относительными. Матеріальное пространство есть ничто иное, какъ образъ пространства умственнаго: что ограничиваетъ одно, тѣмъ же ограничено и другое. Наши концепціи, наши доктрины, наши системы могутъ быть вѣрными лишь для человѣчества и среди человѣчества. Тщетною и ребяческою оказалась бы гордость наша, если бы мы вздумали достигнуть чего-нибудь универсальнаго въ опредѣленномъ и безусловномъ смыслѣ. Но благородно и справедливо можетъ хвалиться человѣкъ тѣмъ, что посредствомъ генія и терпѣнія ему удалось вызвать свѣтъ, постоянно возрастающій, интеллектуальное солнце, которое просвѣщаетъ его въ созерцаніи вещей и ведетъ его по пути коллективной жизни.

„Я никогда не найду лишнимъ повторить, — продолжаетъ Литтре, — что все мыслимое или немислимое имѣетъ приложеніе лишь въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ: таковъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ психической фізіологіи. Въ этихъ предѣлахъ эти термины обладаютъ истиной, достоинствомъ, вѣрностью, но при первой попыткѣ перенести ихъ за наши предѣлы, мы уже лишаемся увѣренности въ томъ, что они имѣютъ какое-либо значеніе и они падаютъ на насъ какъ оружіе, неудачно брошенное въ пространство.

„Извѣстно, — говоритъ онъ, — что человѣческой разумъ не предугадываетъ міра, а открываетъ его посредствомъ опыта, и извѣстно также, *что опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала.*

„Ничего не даетъ намъ права распространять психическую

теорію нашего сознанія и сознанія животныхъ на *всѣ* вещества, во *всѣ* времена и во *всѣ* пространства.

„Позитивизмъ имѣеть въ виду разъяснить лишь то, что подлежить человѣческому *опыту и наблюденію*; каждый разъ, когда логика даннаго времени пыталась проникнуть за предѣлы опыта и наблюденія, философія позитивистовъ благоразумно останавливается и скромно *сознается въ безсиліи человеческого разума*. За этими предѣлами положительная философія *ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ, она, однимъ словомъ, не знаетъ непознаваемаго*, но констатируетъ существованіе его. Такова высшая философія; идти далѣе химерично, но доходить до этого, значило бы бѣжать отъ нашего сознанія.

„Человѣческой разумъ въ продолженіи своего развитія, не разъ принималъ вещи, которыя прежде казались ему невыслыми, и отказывался отъ другихъ, которыя считалъ единственно логичными: эта психическая несостоятельность въ немъ есть“.

Необходимость позитивнаго метода при научныхъ изслѣдованіяхъ очень убѣдительно подтверждается къ несчастію слишкомъ многими учеными.—Приведемъ для примѣра слова Дж. Г. Льюиса (Истор. Филосов., пер. 1885 г., стр. 5 и 294): „Напрасно нѣкоторые селятся доказать, что философія до сихъ поръ не подвинулась впередъ потому, что ея задачи сложны и требуютъ большихъ усилій въ сравненіи съ болѣе простыми вопросами положительнаго знанія. Напрасно предостерегаютъ насъ отъ заключеній о будущемъ по прошедшему, отъ увѣренности, что никакихъ успѣховъ не послѣдуетъ потому, что ихъ не было. Правда, рискованно становить безусловныя границы развитію человѣческихъ способностей, но нисколько не рискованно утверждать, что философія никогда не достигнетъ своихъ цѣлей, потому что достиженіе ихъ внѣ человѣческихъ силъ. Здѣсь дѣло не въ трудности, а въ невозможности. Прогресса здѣсь быть не можетъ, потому что нѣтъ критерія правильности результатовъ метафизическаго изслѣдованія. Мы можемъ познавать только явленія, ихъ сходства, сосуществованія и послѣдованія, стремиться же къ познанію большаго, значитъ пытаться перейти положительныя границы человѣческихъ способностей, — *чтобы знать больше, надо быть больше, чѣмъ мы есть*“.

Основной смыслъ этихъ двухъ выдержекъ изъ ученія двухъ ярыхъ позитивистовъ имѣеть слѣдующее значеніе:

1) Придерживаясь программы положительныхъ наукъ при изслѣдованіяхъ и изученіяхъ природы и ея явленій, мы рискуемъ вдаться въ меньшія ошибки, чѣмъ то можетъ случиться,

изыскивая умозрительнымъ путемъ отвлеченную для насъ область въ природѣ.

2) При настоящемъ развитіи наукъ позитивисты не видятъ никакой возможности начать какія-либо научныя изслѣдованія этой области, не потому чтобы ея въ дѣйствительности не было, а единственно ссылаясь на человѣческую несостоятельность, ибо они находятъ, что *человѣку пришлось бы быть больше того, чѣмъ онъ въ сущности есть.*

3) Для того, чтобы быть болѣе послѣдовательнымъ и менѣе погрѣшимымъ, позитивизмъ можетъ признавать только то, что подлежитъ наблюденію и опыту.

4) Опытъ не можетъ имѣть никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала, т.-е. о сущности и началѣ мы не можемъ знать ничего по опыту, слѣдовательно и разсуждать о нихъ положительныя науки права за собой не оставляютъ.

5) За предѣлами опыта и наблюденія позитивизмъ останавливается, и далѣе онъ ничего не отвергаетъ и не утверждаетъ.

Вотъ основные принципы и программа нашей современной господствующей науки, которая послѣ всѣхъ урѣзваний, которыя необходимо было въ ней сдѣлать для удовлетворенія программы, должна называться уже не наукой, а непременно позитивизмомъ, въ отличіе отъ истинной свободной науки.

Съ прискорбіемъ надо сказать, что въ настоящее время почти нѣтъ другой науки, ибо всякіе даже проблески свободной мысли подавляются моднымъ позитивизмомъ; они отвергаются, осмѣиваются и не получаютъ мѣста въ наукѣ.

Положимъ, что позитивисты могутъ принять и преслѣдовать какую имъ угодно программу, ставить какія угодно рамки для своихъ знаній, далѣе которыхъ они не должны идти. Они, можетъ быть, правы, признавъ человѣка психически несостоятельнымъ, рѣшивъ въ принципѣ довѣрять болѣе мѣрѣ и вѣсу, чѣмъ обманчивымъ и несовершеннымъ чувствамъ человѣка. Подобный взглядъ на вещи избавить ихъ несомнѣнно отъ многихъ ошибокъ, неточностей и гипотетичностей.

Но человѣчество—можетъ ли оно удовлетвориться этой программой? Развѣ этимъ могутъ исчерпываться всѣ познанія, такъ глубоко интересующія его? Какъ можетъ отрѣшиться человѣкъ отъ врожденнаго желанія, хотя бы когда-нибудь узнать начало и сущность свою и вселенной? Каждый чело- рѣкъ мало-мальски мыслящій задаетъ себѣ прежде всего вопросъ: что же я такое? Какъ мнѣ понять вселенную и все меня окружающее? Но каждый разъ, когда затрогиваются подобнаго рода вопросы, появляется полная несостоятельность поло-

жительныхъ наукъ. Придерживаясь своей программы, онѣ должны разсматривать вселенную въ томъ видѣ, какъ она въ настоящее время есть, не заглядывая ни въ прошедшее, ни въ будущее; но вѣдь результатъ подобнаго изслѣдованія можетъ быть только обширнымъ генеалогическимъ описаніемъ вселенной, или чего нибудь въ этомъ родѣ, вотъ и все.

Въ какое безотрадное положеніе ставятъ человѣка положительныя науки; онѣ обрекаютъ его никогда не изучать вопросовъ, наиболѣе его интересующихъ; вопросовъ, составляющихъ главный смыслъ его жизни, а что важнѣе всего, — онѣ не допускаютъ даже и попытокъ къ изученію ихъ. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, если вопросы о внутренней жизни человѣка и духовномъ элементѣ природы трудны и кажутся намъ не легко разрѣшимыми, то правильно не пытаться совсѣмъ ихъ разрѣшать, а прямо изгонять ихъ изъ предѣловъ науки, совершенно игнорировать ихъ?

Тѣмъ не менѣе позитивизмъ строго держится своей программы. Онъ не допускаетъ ни въ одинъ научный предметъ ничего духовнаго, ничего волеваго, или отвлеченнаго, и ничего, что вслѣдствіе незнанія факта или явленія съ перваго взгляда кажется таковымъ.

Если позитивисты признаютъ человѣка въ самомъ дѣлѣ психически несостоятельнымъ, то, конечно, надо признать вполне правильнымъ, что они постановили не довѣрять ему. Но мы спросимъ, — можно ли психически-несостоятельному человѣку вѣрить въ чемъ бы то ни было? Какой вѣрный выводъ изъ опыта можетъ сдѣлать этотъ психически-несостоятельный человѣкъ? Если по отношенію однихъ чувствъ мы должны допустить возможность невольнаго обмана или безотчетной галлюцинаціи, то должны и по отношенію другихъ чувствъ допустить то же самое. Почему зрѣніе и слухъ — два чувства, чаще всего галлюцинирующія, — даютъ правильныя показанія, по крайней мѣрѣ такія, на которыя и позитивисты позволяютъ ссылаться, а другія, менѣе поддающіяся галлюцинаціи, заставляютъ признавать человѣка психически несостоятельнымъ? Намъ кажется, что психическую несостоятельность надо искать совершенно не тамъ, гдѣ ее ищутъ позитивисты. Есть люди, которые видятъ, чувствуютъ и познаютъ природу больше другихъ, и именно они и заслужили со стороны позитивистовъ названіе психической несостоятельности; не будемъ ли мы ближе къ дѣйствительности, если скажемъ, что это „слѣпыя увѣряютъ зрячихъ въ томъ, что все, что эти послѣдніе видятъ больше первыхъ, — есть не болѣе, какъ ихъ бредъ, обманъ зрѣнія, или выдумка“. Но такъ какъ подобнаго

рода слѣпцовъ во всѣ времена было несравненно больше, чѣмъ дѣйствительно зрячихъ, такъ какъ они смѣлѣе нападали, энергичнѣе доказывали и отстаивали свои невѣрныя положенія, тогда какъ противная сторона, увѣренная въ своей правотѣ, держала себя всегда болѣе скромно и съ достоинствомъ, болѣе подходящимъ къ истинному и глубокому смыслу науки, то личности, привыкшія судить по одной наружной формѣ, не входя въ самую суть факта, которую они и не поняли бы, считали все это вполнѣ правильнымъ и въ порядкѣ вещей.

Эммануиль Кантъ, выводилъ категоріи знанія изъ формъ сужденія обыкновенной логикой, лѣтъ семьдесятъ раньше чѣмъ говорили Огюсть Контъ, Д. Г. Льюисъ и М. Литтре о цѣли позитивизма; и Кантъ въ сущности дошелъ до того же самаго заключенія, до котораго дошли и эти послѣдніе; но смыслъ его великихъ словъ имѣетъ совершенно другое, болѣе глубокое, чисто философское значеніе. Онъ предостерегаетъ всякаго не впадать въ ошибки, слѣдуя шаткимъ и скользкимъ путемъ отвлеченностей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ желаніе проникнуть въ духовнонравственный міръ вполнѣ естественнымъ и прирожденнымъ человѣческой природѣ. Онъ находитъ, что идеи души, міра и Бога, если мы приписываемъ имъ объективное существованіе внѣ насъ, бросаютъ насъ въ безбрежное море метафизическихъ заблужденій, но если мы чтимъ ихъ, какъ идеи наши, то мы исполняемъ лишь требованія нашего разума, ибо искать причину, предшествующую причинѣ, есть естественная потребность нашего разума.

Идеи служатъ не для того, чтобы расширить наше познаніе, но для того, чтобы уничтожить утвержденія матеріализма и черезъ то дать мѣсто *нравственной философіи*, которую Кантъ считаетъ самою важною частью философіи.

Для признанія метафизики, какъ науки, Кантъ поставилъ условіемъ, чтобъ она, по отношенію къ своимъ источникамъ, не была эмпирическою (т.-е. не основывалась только на одномъ опытѣ), потому что это условіе заключается въ самомъ понятіи о метафизикѣ; чтобы представить аподиктическую достовѣрность, она должна, по мнѣнію Канта, быть познаніемъ а priori.—Кантъ говоритъ (Пролегомены), что „разумъ нашъ, не смотря на всѣ свои апіористическія начала, никогда ничего не познаетъ, кромѣ предметовъ возможнаго опыта и о нихъ узнаетъ только то, что можетъ быть доказано на опытѣ, но это ограниченіе не мѣшаетъ ему довести насъ до объективнаго предѣла опыта, т.-е. до чего-то, что само по себѣ не есть уже предметъ опыта, но должно быть высшимъ основаніемъ всякаго опыта“. Такъ какъ Кантъ относитъ эти слова

къ физико-теологическому доказательству бытія Божія, какъ высшаго основанія, то тѣмъ болѣе должно быть позволено выводить заключенія изъ необходимыхъ отношеній нашего опыта къ чему-то внѣ его лежащему, когда это что-то стоитъ къ намъ во всякомъ отношеніи ближе, нежели Божество, которое есть нѣчто наиметафизичнѣйшее, тогда какъ никакъ нельзя сказать, чтобы какой-нибудь научный предметъ находился уже совсѣмъ внѣ области нашего опыта.

Человѣчество стремится, конечно, какъ въ положительныхъ, такъ и въ трансцендентныхъ наукахъ, къ достиженію достовѣрности; но когда не можетъ достичь ея, то должно довольствоваться вѣроятностью; и ею дѣйствительно всегда довольствовалась не только посредственная, но и серьезно-научно-образованная часть человѣчества. Что наша организація ставитъ намъ предѣлы—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но находимся ли мы уже у этого предѣла—это еще вопросъ; мы все же должны проанализировать сами эти предѣлы и, сообразуясь съ возможностью, расширять ихъ, чтобы добыть для нашихъ взглядовъ на природу вещей нѣсколько надежныхъ предикатовъ; отъ нашихъ же преемниковъ будетъ зависѣть увеличить еще больше ихъ число и такимъ образомъ можетъ устанавливаться наука.

Взглядъ Канта относительно необходимости наблюденій и опытовъ совершенно не носить того абсолютно запрещающаго и деспотическаго характера, который мы видимъ у всѣхъ позитивистовъ. Кантъ предлагаетъ въ этомъ случаѣ благоразуміе и осторожность, и не въ видахъ психической несостоятельности человѣка; онъ ссылается на неполноту нашихъ знаній и на несовершенство нашихъ опытовъ. „Было бы нелѣпостью,—говоритъ онъ,—надѣяться узнать о какомъ-нибудь предметѣ больше того, что заключается въ возможномъ опытѣ; нелѣпо было бы имѣть притязаніе опредѣлить такую вещь въ ея свойствѣ, какъ она есть сама по себѣ; ибо посредствомъ чего мы сдѣлаемъ такое опредѣленіе, когда время, пространство, всѣ разсудочныя понятія и кромѣ того всѣ тѣ понятія, которыя отвлечены отъ эмпирическаго воззрѣнія или воспріятія въ чувственномъ мірѣ, не имѣютъ и не могутъ имѣть никакого другаго употребленія, какъ только обуславливать возможность опыта. Но, съ другой стороны, еще большею нелѣпостью будетъ, если мы не признаемъ совсѣмъ никакихъ вещей самихъ по себѣ, или станемъ считать нашъ опытъ за единственный способъ познанія вещей, слѣдовательно будемъ считать наше воззрѣніе въ пространствѣ и времени за единственное возможное воззрѣніе, нашъ дискурсивный разсудокъ—за первообразъ всякаго возможнаго разсудка, и слѣдовательно примемъ прин-

пыпы возможности опыта за всеобщія условія вещей самихъ по себѣ. Это правда: за предѣлами всякаго возможнаго опыта мы не можемъ дать никакого опредѣленнаго понятія о томъ, чѣмъ могутъ быть вещи сами по себѣ. Однако при вопросѣ объ этомъ мы не свободны вполне воздержаться отъ всякаго отвѣта, ибо опытъ никогда не удовлетворяетъ разума вполне, онъ отсылаетъ насъ при отвѣтѣ на вопросы все далѣе назадъ и оставляетъ неудовлетворенными относительно ихъ полнаго разрѣшенія, какъ это каждый можетъ достаточно усмотрѣть изъ діалектики чистаго разума, которая именно поэтому имѣетъ свое законное субъективное основаніе. Кто можетъ допустить, что относительно природы нашей души мы достигаемъ до яснаго сознанія субъекта и вмѣстѣ съ тѣмъ до убѣжденія, что его явленія не могутъ быть объяснены матеріалистически, — и не спросить при этомъ, что же такое собственно душа? А такъ какъ тутъ недостаточно никакого опытнаго понятія, то во всякомъ случаѣ приходится принять нарочно для этого нѣкоторое разумное понятіе (простаго нематеріальнаго существа), хотя бы мы никакъ не могли доказать объективную реальность этого понятія. Кто можетъ удовлетвориться однимъ опытнымъ познаніемъ во всѣхъ космологическихъ вопросахъ о продолжительности и величинѣ міра, о свободѣ и естественной необходимости, когда, какъ бы мы ни начали, каждый отвѣтъ, данный на основаніи опытныхъ законовъ, всегда порождаетъ новый вопросъ, который точно такъ же требуетъ отвѣта и этимъ ясно показываетъ недостаточность всѣхъ физическихъ объясненій для удовлетворенія разума? Наконецъ, при совершенной случайности и относительности всего, что мы мыслимъ и принимаемъ только по опытнымъ принципамъ, кто не видитъ невозможности остановиться на этихъ принципахъ и не чувствуетъ себя принужденнымъ, не смотря на всякія запрещенія — пускаться въ область запредѣльныхъ идей, не чувствуетъ себя принужденнымъ искать успокоенія и удовлетворенія за предѣлами всякихъ опытныхъ понятій, — въ понятіи существа, котораго идея сама по себѣ хотя и не можетъ быть ни доказана, ни опровергнута въ своей возможности, такъ какъ касается чисто мысленной сущности, но безъ которой (идеи) разумъ долженъ бы былъ навсегда остаться неудовлетвореннымъ?“ (Пролегомены, стр. 146—149).

Нельзя не признать всеобъемлющаго значенія этихъ въ высшей степени глубокомысленныхъ словъ великаго мыслителя, которому должны бы были поклоняться люди и положительно учить ихъ наизусть, чтобы никогда не вдаваться въ такія круп-

ныя ошибки въ выборѣ своего міровоззрѣнія, какъ это мы слишкомъ часто можемъ замѣтить въ людяхъ нашего вѣка.

Отнять отъ людей возможность изслѣдованія цѣлыхъ областей знанія, несравненно большихъ, чѣмъ тѣ, надъ которыми трудится въ настоящее время наука, единственно потому только, что изучай и работая надъ ними они могутъ впасть въ ошибку, казалось бы, не можетъ быть названо цѣлесообразнымъ и серьезнымъ, и врядъ ли такой методъ, принятый людьми нашего вѣка, можетъ долго еще продержаться; самъ Кантъ сомнѣвался въ этомъ и надѣялся на большое благоразуміе: „Если спросятъ меня,—говоритъ онъ—на чемъ я основываю эту надежду? Я отвѣчаю: на неотвратимомъ законѣ необходимости. Чтобы изъ опасенія ложной метафизики духъ человѣческой бросилъ вовсе метафизическія изслѣдованія—это также не вѣроятно, какъ и то, чтобы мы когда-нибудь совсѣмъ перестали дышать изъ опасенія вдохнуть дурной воздухъ. Всегда и у каждаго мыслящаго человѣка будетъ метафизика и при недостаткѣ общаго мѣрила у каждаго на свой ладъ“. (Пролегомены, стр. 173).

Если бы позитивисты только поняли, что избѣгая возможности однѣхъ ошибокъ, они впадаютъ въ другія бѣдшія, при которыхъ они придаютъ всей своей наукѣ фальшивый тонъ,—они навѣрное измѣнили бы свои отношенія къ наукѣ и установили большую откровенность въ оцѣнкѣ своихъ знаній, и тогда они вводили бы своихъ послѣдователей въ меньшія ошибки, и, слѣдовательно, позитивизмъ не имѣлъ бы такихъ дурныхъ и чисто пагубныхъ послѣдствій.

Существенно необходимо, чтобы каждый зналъ и всегда помнилъ, что за каждымъ невыясненнымъ по существу понятіемъ кроется цѣлый недосыгаемый для науки міръ, разслѣдованіе котораго еще предстоитъ, но пока еще остановлено и даже совсѣмъ запрещено позитивизмомъ, вслѣдствіе младенчества науки и умственной несостоятельности современнаго человѣчества; одно уже это сознаніе совершенно мѣняло бы взглядъ человѣка на свою науку и ставило бы ее на ту истинную почву въ ряду всѣхъ человѣческихъ знаній, которая по справедливости ей принадлежитъ. Этого въ настоящее время совершенно нѣтъ, всѣ относятся къ наукѣ какъ къ чему-то вполнѣ законченному, цѣльному, непреложно-вѣрному и авторитетному во всѣхъ отношеніяхъ. Позитивисты не хотятъ и допустить, чтобы могли существовать такія явленія въ природѣ, которыя не были бы имъ извѣстны и не были бы ими разъяснены, они полагаютъ, что всѣ явленія составляютъ достояніе ихъ науки. Все же непонятное имъ безжалостно исключается изъ среды до-

стойнаго подлежать изученію; цѣлыя группы фактовъ, дѣйстви- тельно существующихъ, отвергаются, цѣлыя теоріи извращаются, ссылаясь на психическую несостоятельность человѣка для того, чтобы наука не сталкивалась съ тѣми темами, которыя могутъ пошатнуть ея, такъ удобно для нихъ сложенное, миро- созерпаніе.

Приведемъ примѣры:

1) Вспомнимъ какъ сто лѣтъ тому назадъ Месмеръ открылъ новую силу въ человѣчествѣ, способную вызывать разныя непонятныя состоянія организма. Къ Месмеру стекались тысячами больные и получали исцѣленіе. Месмеръ долго и упорно про- водилъ свое открытіе, бесплодно борясь съ ученымъ медицин- скимъ міромъ, отъ котораго такъ и не добился оффиціального изслѣдованія его открытія, какъ способа лѣченія больныхъ.

Открытіе Месмера возбудило противъ себя весь медицин- ской міръ Франціи; медицинскій факультетъ выступилъ открыто противъ него и сталъ хлопотать о томъ, чтобы администра- тивнымъ порядкомъ было бы запрещено Месмеру продолжать свои опыты и лѣчить больныхъ. Когда происки эти не удались факультету, то онъ началъ дѣйствовать самъ. Онъ предложилъ ординарному профессору и доктору медицинскаго факультета Деслону, который помогаль Месмеру, опомниться и оставить это дѣло. Когда тотъ отказался, факультетъ исключилъ его изъ числа профессоровъ факультета. Затѣмъ, видя, что успѣхи Месмера, съ исключеніемъ Деслона, ставятся еще болѣе по- популярными и стали еще больше привлекать вниманіе врачей, факультетъ, для вразумленія остальныхъ, неразумныхъ, сбив- шихся съ пути истиннаго членовъ своихъ, положилъ для пол- наго прекращенія всякихъ дальнѣйшихъ недоразумѣній, ото- брять подписки отъ всѣхъ членовъ факультета въ отрѣченіи отъ ученія Месмера. Отрѣченіе это слѣдующее: „никогда не принадлежать къ числу послѣдователей животнаго магнетизма, ничего не говорить и не писать въ его пользу, подъ страхомъ исключенія изъ списка профессоровъ факультета“. Многіе под- писали; другіе отказались, — и между послѣдними былъ заслу- женный профессоръ Донгле. Поступокъ этотъ возмутилъ весь факультетъ, и научныя заслуга Донгле не спасли его отъ этихъ нападковъ, — онъ былъ такъ же, какъ и Деслонъ, исключень изъ числа профессоровъ.

Ясно, что послѣ такихъ внушительныхъ и рѣшительныхъ актовъ медицинскаго ареопага трудно было Месмеру добиться оффиціального и, тѣмъ болѣе, конечно, безпристрастнаго на- учнаго разбора своего открытія и оно было забыто для науки.

Съ тѣхъ поръ, всѣмъ вопросамъ, касательно месмеризма,

гипнотизма, сомнамбулизма и т. п., входъ въ среду европейской науки оказался закрытымъ до тѣхъ поръ, пока „фокусникъ“ и „шарлатанъ“, какъ его называютъ адепты положительныхъ наукъ, Ганзенъ, около 1880 года, вздумалъ продемонстрировать ихъ на театральныхъ подмосткахъ, объѣхавъ съ этою цѣлью всѣ города Германіи. Тогда только болѣе разсудительные люди науки почувствовали себя устыженными въ своемъ невѣжествѣ и были принуждены открыть двери ученыхъ коллегій для этихъ ненавистныхъ и назойливыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поразительныхъ явленій. Двери ученыхъ коллегій въ настоящее время открыты, но эти непрошенные гости и до сихъ поръ не встрѣчаютъ радушнаго и справедливаго приѣма въ храмѣ знаній; ихъ извращаютъ, издѣваются надъ ними и отказываются отъ нихъ до такой степени дерзко и упорно, что болѣе совѣстливые адепты положительныхъ наукъ обличаютъ сами своихъ же товарищей въ небрежномъ и даже въ недобросовѣстномъ отношеніи къ нимъ, а слѣдовательно, и по отношенію ко всѣмъ отраслямъ науки, которыя зависятъ отъ нихъ. Для примѣра приведемъ публичный упрекъ, сдѣланный Карпентеру Эдуардомъ фонъ-Гартманомъ въ его „Спиритизмъ“, гл. II-я, упрекъ, который вполне заслужилъ Карпентеръ рядомъ своихъ статей по предмету совершенно имъ не изученныхъ и еще не понятныхъ явленій. Еще Сократъ училъ: „что есть доля мудрости“ отчетливо знать: „что я знаю и чего я не знаю“. Противъ этого великаго и простаго положенія Сократа грѣшатъ многіе изъ современныхъ мыслителей, и въ особенности противъ такихъ явленій, знаніе которыхъ, по своему первенствующему значенію, должно въ скоромъ времени положительно измѣнить всю науку и уничтожить позитивизмъ съ самымъ корнемъ его, ибо значеніе его слишкомъ всеобъемлющее. Въ настоящее время въ этомъ убѣждены не одни спиритуалисты, но и люди противоположнаго лагеря. Выслушаемъ, для примѣра, что сказала Артуръ Шопенгауеръ о гипнотизмѣ и сомнамбулизмѣ: „Послѣ краткаго введенія, я перейду къ изложенію самаго предмета настоящаго изслѣдованія, но предварительно замѣчу, что фактическій матеріалъ предполагаю уже извѣстнымъ читателю. Ибо, въ-первыхъ, задача моя—дать объясненіе, теорію фактовъ, а не изложеніе ихъ; во-вторыхъ, мнѣ пришлось бы написать довольно объемистую книгу, еслибъ я сталъ повторять здѣсь многочисленные случаи магнетизма, сомнамбулизма, сновидѣній и проч., собранные въ разныхъ сочиненіяхъ объ этомъ предметѣ; въ третьихъ, наконецъ, я вовсе не чувствую признанія бороться съ невѣжественнымъ скептицизмомъ, лжемудрыя нападки котораго съ каждымъ годомъ теряютъ кредитъ

своей. Человѣкъ, сомнѣвающийся нынѣ въ этихъ фактахъ магнетизма и ясновидѣнія, по моему, долженъ считаться не скептикомъ, а просто крупнымъ невѣждой“. (Parerga und Paralipomena). Или далѣе въ этомъ же сочиненіи своемъ А. Шопенгауеръ говоритъ: „Животный магнетизмъ, разсматриваемый съ философской точки зрѣнія, есть важнѣйшее изъ всѣхъ открытій, сдѣланныхъ умомъ человѣческимъ, но въ то же время представляетъ собою почти неразрѣшимую загадку. Кромѣ того, его можно разсматривать какъ истинную практическую метафизику, такъ какъ имъ устраняются въ извѣстныхъ случаяхъ самыя общія законы природы и становится возможнымъ то, что даже аргіогі считалось невозможнымъ. Если въ обыкновенной физикѣ только одни опыты и факты недостаточны для пониманія явленія и чувствуется потребность еще въ правильно построенной гипотезѣ или теоріи, тѣмъ болѣе это необходимо для объясненія загадочныхъ явленій животнаго магнетизма — этой эмпирической метафизики. Такимъ образомъ рациональная или теоретическая метафизика должна идти рука объ руку съ эмпирической, и можно надѣяться, что со временемъ философія, животный магнетизмъ и естествознаніе такъ озарятъ своимъ свѣтомъ міръ и природу человѣческую, что обнаружатся истины, о которыхъ и мечтать теперь никто не смѣетъ“.

II) Какъ встрѣтили ученые общества французскихъ микрографовъ, когда они вздумали увѣрять, что споры тайно-брачныхъ растений имѣютъ всѣ характеристическія признаки животныхъ, а потому должны быть сопричислены къ царству животныхъ? Германія приняла ихъ хуже всѣхъ, она отразила это открытіе такими недостойными насмѣлками и глумленіемъ, каковыхъ не слѣдовало бы допускать въ наукѣ; гораздо серьезнѣе было бы взять микроскопъ и убѣдиться въ этомъ, теперь уже несомнѣнномъ, научномъ фактѣ. Они охотно сдѣлали бы съ ними то же, что сдѣлалъ Наполеонъ I послѣ того, какъ увидѣлъ идущимъ въ первый разъ по рѣкѣ Сенѣ пароходъ Фультона: онъ велѣлъ засадить Фультона въ тюрьму, гдѣ и продержалъ его до смерти, находя, что пароходы для Франціи вредны.

Иногда гибкость ума человѣка допускаетъ разныя вольности, даже и въ наукѣ; но встрѣчаются и такія роковыя темы, которымъ человѣкъ, несмотря на всю очевидность доказательствъ, не хочетъ дать мѣста въ числѣ своихъ знаній изъ упорства, и единственно изъ принципа: *не затрогивать этихъ опасныхъ темъ*.

III) Вспомнимъ, какъ Парижская академія наукъ, послѣ вполне доказаннаго паденія съ неба камня около города Эгля,

въ 1803 году, запретила говорить своимъ членамъ объ аэролитахъ, считая для себя постыднымъ говорить такіе абсурды, какъ паденіе камней съ неба, въ которомъ, по ея мнѣнію, никакихъ камней быть не могло. Когда одинъ академикъ заявилъ, что онъ все-таки убѣжденъ, что этотъ камень упалъ именно съ неба, то другой сказалъ ему, что вѣроятно этотъ камень попалъ ему на голову, что онъ рѣшается говорить такія глупости.

Послѣ всего вышесказаннаго имѣемъ ли мы право возставать на позитивизмъ и его примѣненіе къ наукѣ? — Несомнѣнно — да, — на сколько онъ можетъ быть и правъ, когда останавливаетъ онъ знанія тайнъ природы людей, погруженныхъ въ изученіе одной только матеріи, слѣдовательно совершенно не подготовленныхъ къ принятію болѣе глубокихъ истинъ природы, на столько же, а можетъ быть и въ тысячу разъ больше, онъ виновенъ, запирая всѣ двери науки даже къ знанію самаго существованія этихъ тайнъ, преграждая всѣ пути къ истинной опѣнкѣ своихъ знаній.

Всѣ три вышеприведенные историческіе примѣры научной нетерпимости заимствованы нами изъ того періода времени, который предшествовалъ научной дѣятельности Огюста Конта и его послѣдователей, т. е. изъ того именно времени, когда позитивизмъ былъ еще безсознательнымъ и наука считала себя свободной въ постановкѣ предѣловъ для своей компетенціи, такъ какъ не была сознательно и фактически закована въ тѣсныя рамки позитивныхъ принциповъ. Ученые, однако, и тогда еще вооружались не только на людей, которые создавали теоріи и научныя системы, не соответствующія временнымъ взглядамъ на факты и явленія природы, или просто сказать на людей, опережающихъ свой вѣкъ; но ученые не рѣдко вооружались даже на самые факты и явленія природы, которыхъ они не понимали и не хотѣли признать, ибо они могли бы пошатнуть существующее въ наукѣ мировоззрѣніе и могли заставить измѣнить привычный образъ научныхъ мыслей.

Нетерпимость современнаго господствующаго у насъ позитивизма къ новымъ передовымъ научнымъ идеямъ и къ фактамъ и явленіямъ природы, которые не соответствують программѣ позитивизма и которыхъ позитивисты не считаютъ возможнымъ затрогивать, еще несравненно деспотичнѣе, чѣмъ была эта нетерпимость въ старое время—она фанатически упорна. Въ нашъ вѣкъ позитивные взгляды на столько соответствують общимъ практическимъ взглядамъ людей на ихъ жизнь и на ихъ дѣятельность, что они охватили всѣ убѣжденія людей, вошли какъ бы въ кровь и плоть всѣхъ ученыхъ и не ученыхъ и до

такой степени отвоевали себѣ прочное положеніе въ умахъ, что слово „позитивный“ стало синонимомъ словъ: научный, серьезный и разумный. Всѣ научныя теоріи и системы и даже всѣ безспорно существующіе въ природѣ факты и явленія, но которые не отвѣчаютъ позитивнымъ взглядамъ на науку, считаются прямо: не научными, не серьезными и не разумными, а потому встрѣчаются съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ и не удостоиваются ровно никакого обсуждения, ни опроверженія, ни оспариванія, а прямо со сдержанной саркастической улыбкой, желающей сказать: „какъ онъ глупъ, что затрогиваетъ такія неблагодарныя и несерьезныя темы“.

Обратите вниманіе, какое въ настоящее время появляется огромное количество новыхъ изобрѣтеній и научныхъ открытій. Наука, искусства, техника, фабрики, заводы, мануфактуры, мастерства и разныя ремесла снабжаютъ насъ ежегодно неисчислимымъ количествомъ новыхъ свѣдѣній о природѣ, указывающихъ намъ новыя области знаній, до которыхъ постепенно доходить человѣкъ и черезъ что отвоевывааетъ себѣ мало-помалу все большій просторъ для своей мысли. Если судить по успѣхамъ экспериментальной части науки, можно подумать, что въ самомъ дѣлѣ наши познанія природы обогащаются неизмѣнно и что слѣдовательно наука подвигается быстрыми шагами по пути развитія и прогресса. Но если мы болѣе внимательно проанализируемъ всѣ эти успѣхи знаній то увидимъ:

1) что раіонъ области, кругомъ которой концентрируются всѣ эти открытія и изобрѣтенія, чрезвычайно ограниченъ въ сравненіи съ раіономъ области, которою должна бы была заняться наука и безспорно могла бы это сдѣлать еслибы бы не была позитивной.

2) Всѣ открытія и изобрѣтенія вращаются преимущественно около одного неизмѣннаго центра, а именно: около матеріи и ея видимыхъ проявленій.

3) Всѣ они въ большинствѣ случаяхъ удовлетворяютъ требованіямъ нашей практической жизни или практическимъ взглядомъ на природу, но имѣютъ весьма мало назидательнаго и образовательнаго значенія и не могутъ удовлетворить научной любознательности современнаго развитаго общества, требующаго отъ науки совершенно иныхъ, болѣе глубокихъ отвѣтовъ, касающихся смысла жизни и явленій и условій существованія всего сущаго.

Видѣть, слышать, осязать что нибудь, владѣть чѣмъ нибудь, еще далеко не значить знать, что это такое. Дикарь видитъ солнце, видитъ землю пользуется ими, но отдаетъ ли онъ себѣ

правильно отчеть, что это такое? Конечно нѣтъ. Не такъ ли и мы? пользуемся паромъ, электричествомъ, теплотой, свѣтомъ, строимъ гигантскія сообщенія черезъ океаны для передачи нашей мысли, переносимся съ материка на материкъ скорѣе рыбы, унижтожаемъ континентальныя разстоянія черезъ постройку желѣзныхъ дорогъ, говоримъ другъ съ другомъ на огромныя разстоянія, дѣлаемъ химическій анализъ звѣздъ, совершаемъ самыя чудовищныя и удивительныя дѣла — но знаемъ ли мы чѣмъ мы пользуемся? понимаемъ ли какъ это все происходитъ? въ силу какихъ импульсовъ и причинъ все это совершается? Мы въ этомъ случаѣ хуже cadaго дикаря, ибо тотъ объясняетъ себѣ явленія природы какъ нибудь, какъ позволяютъ ему его умственныя средства, напримѣръ затмѣнiе солнца онъ объясняетъ злостью дракона, желающаго скрыть отъ людей солнце — мы же пользуемся несравненно большими средствами и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не задаемъ себѣ вопроса: чѣмъ мы пользуемся?

Всякій у кого есть глаза, тотъ видитъ; у кого они лучше, видитъ дальше, чѣмъ тотъ, у кого они хуже; человекъ вооруженный телескопомъ, химической лабораторiей или физическимъ кабинетомъ видитъ природу лучше и подробнѣе, чѣмъ тотъ у кого подобныхъ средствъ нѣтъ, это вполне естественно. Но какъ бы онъ хорошо не видѣлъ, какъ бы онъ подробно не экспериментировалъ и не анализировалъ природу, онъ еще не можетъ сказать, что знаетъ тѣ явленія природы, которыя онъ подмѣтилъ черезъ свои наблюденія, пока онъ ихъ не изучитъ, не выяснитъ до полной ясности представленія.

Всякое знанiе, также какъ и наука, состоитъ изъ двухъ самостоятельныхъ факторовъ, другъ на друга окончательно не похожихъ. Первый факторъ есть экспериментъ; прежде чѣмъ начать изученiе чего либо, человекъ долженъ убѣдиться въ существованiи предмета изслѣдованiя. Второй который долженъ непосредственно слѣдовать за первымъ, чтобы сдѣлать наши познанiя природы полными, есть факторъ чисто умозрительный, выясняющiй разуму категорiю факта, его природу, сущность, начало, происхожденiе, его связь и соотношенiе съ другими ему подобными фактами и средой, въ которой онъ проявляется. Чтобы человекъ имѣлъ право сказать, что онъ знаетъ данный фактъ, онъ долженъ непременно составить себѣ хотя идею о его прошедшемъ, о его будущемъ и настоящее его значенiе. Мало того, что я знаю, напримѣръ *электричество настолько, чтобы умѣть имъ пользоваться, устраивать черезъ него двигатели, телеграфы, телефоны*, я долженъ знать, что это такое и какую роль оно играетъ не въ моихъ практическихъ примѣненiяхъ, но въ самой природѣ, зачѣмъ оно тамъ нужно, какое

дѣйствительное назначеніе его; первое составляетъ задачу техники, второе задачу науки;—если этого нѣтъ, нѣтъ и знаній; если нѣтъ такой науки, которая даетъ такія познанія, то нѣтъ и науки, ибо ея труды не научны.

Представьте себѣ, что вы вошли въ музей, но не имѣете ни человѣка могущаго выяснитъ вамъ значеніе каждаго предмета, ни каталога съ комментаріями; вы будете въ весьма двусмысленномъ положеніи. Бродя безъ толку по музею, взоры ваши будутъ останавливаться на пустякахъ, а самые замѣчательные предметы, составляющіе гордость и славу музея, имѣющіе міровое значеніе, ускользнутъ отъ вашего вниманія; на все вы будете смотрѣть съ недоумѣніемъ, съ догадкой и съ досадою, что не имѣете возможности узнать все то, что вамъ было бы необходимо знать. Выйдя изъ этого музея вы будете принуждены сказать: „Да я былъ въ этомъ музеѣ, видѣлъ все, что въ немъ находится, удивлялся отъ души всему богатству свѣдѣній, которыя я бы могъ получить черезъ него, но съ величайшимъ сожалѣніемъ я принужденъ сказать, что умнѣе я отъ этого не сталъ, ибо я ничего не понялъ, я ничего не знаю что тамъ находится“.

Совершенно также поступаетъ и современный нашъ позитивизмъ: онъ накопляетъ массы разныхъ научныхъ свѣдѣній, ставитъ ихъ на полочки своей науки подъ извѣстной рубрикой, сообразно рода и класса явленія или факта и никогда не спрашиваетъ себя, что это въ сущности такое, откуда это взялось для чего что нужно и какое истинное назначеніе этихъ вещей? Все что позитивизмъ себѣ позволяетъ, это найти видимое соотношеніе этого факта или явленія съ другими ему подобными и объяснить его въ предѣлахъ опыта и наблюденія, т.-е. дать разъясненіе, касающееся самого опыта или наблюденія. Однимъ словомъ онъ собираетъ сырой матеріалъ для науки, но самой науки еще въ этихъ трудахъ нѣтъ; такъ какъ главной умозрительной части науки нѣтъ, есть одинъ лишь экспериментъ.

Никто не будетъ спорить, что для собранія всего этого сырого матеріала положено много труда, много самаго добросовѣстнаго старанія дать возможно большее число новыхъ научныхъ описаній явленій природы и новыхъ свѣдѣній о ней и наконецъ огромное искусство пользоваться тѣми средствами, которыя даетъ наукѣ современная техника. Въ этомъ надо видѣть главную заслугу позитивизма; но вѣдь это опять не научно: добросовѣстные отношенія къ дѣлу, трудъ, старанія, искусство, ловкость и сообразительность при производствѣ опытовъ, суть лучшіе атрибуты науки, но еще не наука.

Успѣхи техники, механики разнаго мастерства и ремесла

идутъ неимовѣрными шагами впередъ; въ настоящее время видѣваются самыя чудовищныя машины и самыя тончайшіе аппараты съ педантичною точностью. Войдите въ любую физическую, механическую или химическую лабораторію или въ какую нибудь обсерваторію, вы будете поражены роскошью, точностью, чистотой и тщательностью отдѣлки аппаратовъ, инструментовъ и приборовъ, которыми ученые изслѣдуютъ природу и невольно зададите себѣ вопросъ: чья заслуга больше, техниковъ и механиковъ, которые довели совершенство своихъ издѣлій до такой высокой степени, черезъ что дали наукѣ столь обширныя средства изучать природу или того ученаго, который, пользуясь этими средствами, видитъ далѣе насъ и описываетъ намъ то, что онъ видитъ? Этимъ мы хотимъ сказать, что успѣхи эксперимента не могутъ быть приписаны одному позитивизму; много способствуетъ тому интеллектуальное развитіе общества и успѣхи техники.

Техника и механика будутъ и далѣе улучшать съ каждымъ годомъ свои издѣлія и приобрѣтатъ все большее совершенство и большую точность въ изготовленіи научныхъ приборовъ, черезъ которые ученые будутъ все подробнѣе и точнѣе изучать природу и ея тайны. Но, какъ бы далеко ученые не зашли въ этомъ направленіи и какими бы богатствами своего эксперимента не снабдили бы міръ но пока все объясненіе этихъ новыхъ фактовъ и явленій будетъ ограничиваться словами: я вижу, я слышу, я осезаю, взвѣшиваю, взмѣриваю, наблюдаю, я нахожу отношеніе или подобіе между такими-то или другими фактами и явленіями изъ того же вещественнаго міра, я нахожу математическую или химическую формулу, объясняющую мнѣ видъ движенія или составъ вещества,—все это будетъ не наука, но одна лишь экспериментальная часть ея, все это будетъ маскированный на разные лады позитивизмъ или вообще говоря все тѣ же вѣтви отъ несчастнаго дерева, посаженнаго Огюстомъ Контомъ; все это будетъ одно собраніе инвентаря фактамъ и явленіямъ природы. Этотъ инвентарь вселенной будетъ несомнѣнно грандіозенъ, величественъ и обширенъ; намъ конечно, придется преклоняться передъ нимъ безмолвно, изумляться ему, признать, что премудрость творенія и тайны бытія дѣйствительно безконечны; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказать: „я вижу все это чувствую свое ничтожество и величіе вселенной, но это не дѣлаетъ меня умнѣе, такъ какъ изъ всего этого я ничего не понимаю, мнѣ позитивизмъ ничего ровно не объясняетъ“.

Многія возстанутъ на эти слова. Въ наше время слишкомъ много защитниковъ позитивизма и почти нѣтъ ему противниковъ, а потому на насъ обрушатся цѣлыя горы негодованія,

которыя всё могут быть сведены къ нижеслѣдующимъ двумъ главнымъ протестамъ, а именно:

Во первыхъ намъ скажутъ, что главная задача всякой науки быть по возможности непогрѣшимой. Она должна стоять неизбежно на реальной почвѣ чистыхъ и неопровержимыхъ доказательствъ. Не можетъ наука допускать въ свои рамки ничего гадательнаго, гипотетичнаго и метафизичнаго, это было бы не серьезно и не научно. Въ прежнія времена было уже сдѣлано много къ тому попытокъ которые повели ко многимъ неточностямъ и не разъ заводили науку въ область загадочнаго и придали ей фантастическое направленіе. Чтобы впредь избѣгнуть подобныхъ ошибокъ весь образованный міръ остановился на томъ именно принципѣ, который нынѣ практикуется позитивизмомъ и только это направленіе способно дать положительное и рациональное знаніямъ природы.

Во вторыхъ скажутъ намъ, что позитивизмъ обладаетъ совершенно достаточной полнотой знаній и объясняетъ всё факты и явленія природы съ той подробностью, съ которой позволяютъ ему его научныя силы и средства. Сообразуясь съ ними онъ ставитъ предѣлы познаваемаго, дальше которыхъ распространять свои умозаключенія онъ считаетъ безразсуднымъ и тотъ, кто требуетъ отъ рационально поставленной науки большаго, требуетъ невозможнаго и именно того, чего она при ея наличныхъ средствахъ дать не можетъ. Лучше знать меньше, но быть увѣреннымъ въ безошибочности своихъ познаній, чѣмъ знать много, но стоять на шаткой почвѣ.

Прежде чѣмъ представить свои выраженія на эти протесты, мы замѣтимъ, что воззрѣнія наши съ позитивизмомъ рѣзко разнятся. Позитивизмъ стремится достигнуть безошибочныхъ знаній и добивается ихъ получить для нихъ самихъ, исключительно для того, чтобы знать, не преслѣдуя никакой другой цѣли и не заботясь ни о чемъ остальномъ. Наше же убѣжденіе о цѣли и назначеніи науки было высказано выше; изъ него читатель могъ уже себѣ составить понятіе, что мы считаемъ главнымъ назначеніемъ науки приносить пользу обществу, способствуя интеллектуальному развитію каждаго его члена, а потому понятно, что мы впадаемъ въ такія съ нимъ крупныя разнорѣчія. Онъ ищетъ знанія для знаній самихъ, мы ищемъ знаній для общественной пользы, мы желали бы, чтобы каждое новое достояніе науки, добытое экспериментомъ, расширяло бы уже кругозоръ людей и приносило бы сильную пользу развитію идей, но не пропадала бы даромъ, какъ древняя вещь, поставленная въ музей и не имѣющая своей исторіи. Поэтому указывая въ своихъ возраженіяхъ на замѣчен-

ные нами пробѣлы и недостатки позитивизма, мы кое гдѣ будемъ намѣчать и желательныя исправленія его.

Первое свое возраженіе мы начнемъ съ вопроса: можно ли дѣйствительно считать позитивное міровоззрѣніе, способы, употребляемые позитивистами при ихъ изслѣдованіяхъ природы и дѣлаемые ими выводы безусловно вѣрными и непогрѣшимыми?—Намъ кажется весь позитивизмъ со всѣмъ его міровоззрѣніемъ, его способами и выводами, однимъ сплошнымъ заблужденіемъ. Мы убѣждены, что позитивизмъ вдается въ несравненно болѣе крупныя ошибки, чѣмъ всякая фантастическая наука, т. е. наука, позволяющая себѣ затрогивать вопросы сущности, начала и происхожденія фактовъ и явленій природы, такъ какъ въ самомъ основномъ смыслѣ позитивнаго ученія лежитъ крупное заблужденіе.

Дѣло въ томъ, что всѣ свои выводы позитивисты основываютъ на опытахъ и на непосредственныхъ наблюденіяхъ. Считая сами себя психически несостоятельными, они рѣшили недовѣрять ни обманчивымъ чувствамъ человѣка, ни умозаключеніямъ, ибо бывали случаи, что чувства и умъ заводили ученыхъ въ дебри заблужденій.

Очевидно, что такое рѣшеніе не выполнимо; какъ можетъ человѣкъ дѣлать опыты, не употребляя своихъ чувствъ и своего разума; при этомъ условіи экспериментаторъ не будетъ въ состояніи ни видѣть, ни слышать, ни осязать, ни осмыслить самихъ результатовъ имъ производимыхъ опытовъ; а что уже окончательно не мыслимо—это обойтись безъ ума и умозаключеній. На повѣрку такъ и выходитъ: для производства своихъ опытовъ они, такъ же какъ и всѣ люди ученые и не ученые, руководствуются показаніями всѣхъ своихъ чувствъ; что же касается умозаключеній, то они относятся къ нимъ весьма осторожно и не позволяютъ имъ простирается за предѣлы опыта и наблюденія.

Довѣряя своимъ чувствамъ болѣе, чѣмъ выводамъ разума, они неминусомо должны считать всѣ показанія своихъ чувствъ за нѣчто реальное, дѣйствительно въ природѣ существующее и существующее именно въ томъ видѣ, какъ они это черезъ посредство своего опыта видятъ, слышатъ или осмысливаютъ. Все добытое опытомъ и подтвержденное наблюденіемъ считается позитивистами непреложно—вѣрными данными науки, если они убѣждаются, что ихъ чувства не обманывали ихъ и не галлюцинировали. Но они никогда не принимали во вниманіе, что даже тогда, когда ихъ чувства не галлюцинируютъ и находятся въ самомъ трезвомъ и нормальномъ состояніи, не въ силахъ дать имъ представленіе о вещи въ самой себѣ

(какъ выражался Эммануиль Кантъ), т. е. о томъ видѣ какой имѣеть вещь въ дѣйствительности для самой себя, т. е. объ абсолютномъ видѣ и значеніи этой вещи.

У Рене Декарта, у Эммануила Канта, у Артура Шопенгауера, у Цельнера, у Гелленбаха и у многихъ другихъ мы находимъ подробныя ученія, въ которыхъ ясно и точно доказано, что чувства наши не имѣютъ положительно никакихъ средствъ познать дѣйствительный или абсолютный видъ ни одного предмета и ни одного явленія природы. Видъ всякаго предмета или явленія, передаваясь черезъ органы чувствъ нашему сознанию, можетъ быть совершенно извращенъ для насъ до такой степени, что вся сущность этого предмета, вся его природа и весь его смыслъ можетъ быть совершенно инымъ, чѣмъ познаютъ его наши чувства. Наши чувства въ состояніи передать нашему сознанию одно только впечатлѣніе, которое произвели на нихъ или этотъ предметъ, или это явленіе, но не видъ самаго предмета. Познаніе предмета или явленія въ въ самомъ себѣ возможно только умозрительнымъ способомъ чрезъ цѣлый рядъ правильно построенныхъ умозаключеній, чего позитивисты окончательно не допускаютъ.

Если же чувства наши не въ состояніи передавать намъ видъ предмета или явленія въ самомъ себѣ, то мы должны придти къ убѣжденію, что и опыты и наблюденія, произведенныя подъ руководствомъ этихъ несовершенныхъ чувствъ, не могутъ считаться абсолютно непогрѣшимыми, если въ нихъ не введена соотвѣтствующая поправка, достаточно провѣренная умомъ и свободными, не стѣсняемыми никакими предѣлами, умозаключеніями; что опять не согласно съ программой позитивизма, который, не допуская умозаключеній простирающихся за предѣлы опыта и наблюденія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить такихъ выводовъ ума, которые діаметрально противорѣчатъ указаніямъ опыта.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы имѣемъ полное право заключить, что какъ міровоззрѣніе позитивистовъ, ихъ способы изслѣдованія природы, такъ и выводы, дѣлаемые ими, не могутъ считаться безусловно вѣрными и непогрѣшимыми, ибо предметомъ ихъ изученія служить не сама вещь, не самое явленіе природы, разсматриваемыя въ самомъ себѣ, а лишь одно впечатлѣніе, которое производитъ эта вещь на органы чувствъ. Изучая впечатлѣнія вмѣсто самихъ предметовъ позитивисты изучаютъ нѣчто, совершенно, въ природѣ не существующее и совершенно не схожее ни по своей природѣ, ни по своей сущности съ дѣйствительно существующимъ предметомъ.

Съ этимъ обстоятельствомъ, котораго никогда позитивисты не принимали во вниманіе при своемъ изслѣдованіи природы, надо считаться гораздо серьезнѣе, чѣмъ съ психической несостоятельностью человѣка, чѣмъ съ научными правильно построенными гипотезами и чѣмъ съ галлюцинаціями чувствъ. Если въ припадкѣ психическаго аффекта, какойнибудь позитивистъ и составитъ нелѣпую теорію, то другіе немедленно это замѣтятъ и исправятъ ошибку, а невозможность познанія предметовъ въ самомъ себѣ черезъ непосредственный опытъ есть болѣзнь повальная, противъ которой до сихъ поръ позитивисты никакихъ мѣръ не приняли и которая съ основанія ихъ науки вводила ихъ въ страшныя заблужденія и продолжаетъ это и въ настоящее время, придавая всему позитивизму не научное и не серьезное значеніе.

Второе возраженіе, которое мы обязаны представить, должно касаться вопроса о полнотѣ позитивныхъ знаній и достаточности объясненій, даваемыхъ позитивизмомъ фактамъ и явленіямъ, добытымъ экспериментомъ. Отчасти вопросъ этотъ выясненъ предъидущимъ возраженіемъ. Въ немъ мы видѣли наглядно ту крупную ошибку, въ которую вдаются позитивисты при каждомъ своемъ опытѣ вслѣдствіе того, что не допускаютъ протора мысли и останавливаютъ ходъ всякаго вывода въ предѣлахъ опыта. Если бы не мысль была подчинена опыту, но опытъ былъ бы подчиненъ выводамъ разума, то съ измѣненіемъ ролей обоихъ факторовъ знанія, измѣнился бы и самый смыслъ эксперимента, а предѣлы познаваемаго расширились бы сами собой естественнымъ образомъ, сообразно развитію мысли. Въ этомъ случаѣ позитивизмъ никогда не могъ бы вдатся въ столь грубую ошибку, чтобы принимать впечатлѣніе, производимое какимънибудь предметомъ на органы чувствъ за самый предметъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ.

Прослѣдите все ученіе позитивистовъ, всѣ ихъ теоріи и всѣ выводы и вы всюду замѣтите постоянное угнетеніе мысли, порабощеніе свободы всякаго умозаключенія и ограниченіе выводовъ предѣлами опыта и наблюденія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствія при изученіи фактовъ и явленій природы является вполнѣ понятная узкость и поверхность позитивныхъ взглядовъ на природу, дѣлающая всѣ ихъ теоріи недоконченными и недосказанными. Эта недоконченность заставляетъ всякаго свободно мыслящаго и любознательнаго человѣка желать болѣе просторныхъ, болѣе смѣлыхъ выводовъ и чувствовать, что они вполнѣ возможны, но что почему то они не дѣлаются, что почему то позитивная мысль

обрывается безъ видимой для разума причины въ то время, когда она вполне свободно могла бы идти дальше, не погрѣшая ни противъ логики, ни противъ здраваго смысла.

Въ настоящее время большинство самихъ приверженцевъ позитивизма чувствуетъ этотъ гнетъ мысли и недостаточность своихъ же собственныхъ теорій и системъ. Они охотно извиняютъ ему этотъ недостатокъ, видя въ немъ доказательство молодости своей науки. Они полагаютъ, что наука имѣетъ еще мало данныхъ для того, чтобы позволить себѣ дѣлать болѣе смѣлыя заключенія, но что современемъ эти всѣ пробѣлы и недоговоренности сами собой заполнятся. Однако не всѣ такого мнѣнія, и въ настоящее еще время мы можемъ указать на людей, которые положительно настаиваютъ на томъ, что нѣтъ пробѣловъ и недомолвокъ въ позитивизмѣ, что всѣ его теоріи и системы достаточно полны, что рациональная наука не имѣетъ права давать болѣе смѣлыхъ сужденій, иначе она утратитъ свой серьезный характеръ и станетъ не положительной, не позитивной.

Попробуемъ отвѣтить на оба эти мнѣнія, какъ тѣмъ, которые сознаютъ неполноту позитивнаго ученія, такъ и тѣмъ, которые считаютъ ихъ достаточно полными. Начнемъ съ послѣднихъ.

Чтобы отвѣтъ былъ нагляднѣе, сравнимъ полноту естествознаній, которыми владѣетъ позитивизмъ, съ полнотой знаній, которую мы требуемъ отъ специалиста по какому-либо другому, военному, коммерческому или техническому дѣлу.

На подобнаго рода сравненіе мы имѣемъ полнѣйшее право, ибо слово „знаю“ также какъ и всякое другое слово, должно заключать въ себѣ только одно значеніе. Если понятій нѣсколько или одно и то-же понятіе имѣетъ рѣзкіе оттѣнки, то одного слово становится недостаточнымъ и для обозначенія ихъ нужно столько же словъ, сколько понятій или ихъ оттѣнковъ. Значеніе словъ иногда мѣняется прилагательными, которыя сопровождаютъ это слово, но если и прилагательныя одинаковыя, то мы всегда приписываемъ этому слову или выраженію, абсолютно одинаковое значеніе, иначе была бы всегда путаница въ пониманіяхъ при передачѣ мыслей, и говорящій въ одномъ смыслѣ могъ бы быть понятымъ въ другомъ.

Сопоставимъ полноту двухъ родовъ знанія, двухъ почти однородныхъ предметовъ. Положимъ, что первый предметъ есть большой каменный шести-этажный домъ, второй небольшая гора, которая, пожалуй, не выше и не больше этого дома. Положимъ, что объ этихъ двухъ предметахъ мы слышимъ два однозначашихъ заявленія; какъ-то: 1) архитектора, который

заявляеть, что онъ научно изучилъ и знаетъ все, что касается этого дома, 2) позитивиста, который говоритъ тоже самое о горѣ: я изучилъ и знаю все, что касается этой горы.

Не будемъ спорить что не всякій позитивистъ рѣшится такъ смѣло выразиться, эта ффраза слишкомъ самоувѣрена и имѣеть слишкомъ абсолютный характеръ. Однако тотъ, кто признаеть свою науку полной и обладающей всесторонними выводами и заключеніями, будетъ принужденъ выразиться именно такъ или отказаться отъ своего убѣжденія о полнотѣ своей науки.

Спросимъ себя, что требуемъ мы отъ архитектора, спеціально знающаго вопросъ городскихъ домовъ? Онъ долженъ умѣть отвѣтить: 1) на вопросы географическіе, а именно: почему этотъ домъ строится въ Петербургѣ, а не гдѣ нибудь за границей, почему онъ въ центрѣ города, а не гдѣ либо на окраинѣ и т. д.; 2) на вопросы ффинансовые: какимъ образомъ и гдѣ достать выгоднѣе денегъ для постройки дома, какіе ффинансовые обороты ведутъ къ уменьшенію цѣнности постройки, какіе усложняютъ неблагопріятно бюджетъ и т. д.; 3) на вопросы экономическіе: почему домъ выстроенъ подъ мелкія квартиры, а не барскій и не особнякъ; какіе доходы можно было бы ожидать во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ и вывести выгодность; затѣмъ вывести относительную выгодность этого дома сравнительно съ другими домами того же назначенія и доказать, что въ данномъ случаѣ избранъ наивыгоднѣйшій типъ и т. д.; 4) на вопросы административные, т. е. кто будетъ управлять этимъ домомъ, собирать плату за квартиры, исполнять полицейскія и городскія требованія; какъ будетъ ремонтироваться этотъ домъ, во что будетъ обходиться этотъ ремонтъ и т. д. 5) на вопросы санитарные и на вопросы удобства живущихъ; почему устроены: подъемныя машины, электрическое освѣщеніе, водопроводы, водостоки, вентиляція, отопленіе и т. д. Онъ долженъ умѣть сказать, зачѣмъ нужно все это, вѣдь есть же дома безъ всѣхъ этихъ затѣй, во что онѣ обойдутся, что онѣ взаменъ этого принесутъ хозяину и какія системы выгоднѣе; и наконецъ въ 6) на вопросы конструктивные; а именно: откуда и по какой цѣнѣ будетъ пріобрѣтенъ кирпичъ, камень, дерево, известь, песокъ, приборы и т. д. Почему именно предпочли одинъ способъ постройки передъ другимъ, почему нужно производить кладку такъ, а не иначе. Однимъ словомъ, чтобы имѣть право назваться специалистомъ по какому нибудь вопросу, мы требуемъ отъ человѣка милліонъ разныхъ знаній, самыхъ мелочныхъ и детальныхъ, которыя всѣ влияют на ходъ дѣла и на успѣхъ предпріятія и если онъ не усмотрѣлъ или не предвидѣлъ какого либо пустяка, отъ ко-

тораго могутъ явиться какія нибудь худыя слѣдствія, мы безжалостно клеймимъ опрометчивость этого дѣятеля и объявляемъ, что „онъ своего дѣла не знаетъ“.

Такихъ точно подробныхъ знаній требуемъ мы отъ всѣхъ рѣшительно людей, знающихъ какое либо дѣло: фабричное, заводское, техническое, отъ всѣхъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, сельскихъ хозяевъ, финансистовъ, коммерсантовъ, торговцевъ, однимъ словомъ, отъ всѣхъ рѣшительно. Обратите вниманіе, какое тонкое знаніе судового хозяйства и деталей мореходства требуется отъ капитана корабля или парахода и за каждое мелочное отступленіе отъ милліона ему предписанныхъ правилъ и на практикѣ изученныхъ имъ приемовъ—отвѣчаетъ онъ головой.

Только для науки дѣлаемъ мы снисхожденіе. Каждый разъ, какъ дѣло коснется науки, мы немедленно понижаемъ камертонъ нашей требовательности и становимся неимоверно сговорчивы и говоримъ: знаю, понимаю, когда мы еще ровно ничего не знаемъ и ровно ничего не понимаемъ. Было бы совершенно справедливо не употреблять этихъ словъ въ такомъ абсолютномъ смыслѣ для науки, а выдумать какія либо другія слова ибо значеніе этихъ словъ, когда мы говоримъ о наукѣ, совсѣмъ другое.

Для сравненія глубины и подробности научныхъ знаній о горѣ прослушаемъ позитивиста, на какія вопросы можетъ онъ отвѣтить? Всѣ вопросы, поставленные для дома, могутъ быть безусловно примѣнимы и для горы, разумѣется съ нѣкоторыми поправками редакціи и перестановкой нѣкоторыхъ понятій, а именно: вмѣсто денегъ намъ придется сказать энергія; вмѣсто средства — сила, вмѣсто цемента — тяготѣніе или притяженіе; вмѣсто администраціи—воля или законъ, вмѣсто кирпичъ, желѣзо — матерія и вещество; вмѣсто постройка — созданіе или происхожденіе и т. д. Но кромѣ этихъ вопросовъ, изучая гору, мы должны будемъ добавить еще массу другихъ, касающихся ея происхожденія. Мы замѣчаемъ, что гора произошла не въ одинъ какой либо періодъ времени, не въ одинъ приемъ, какъ домъ, но мы видимъ, что однѣ ея части имѣютъ огненное происхожденіе, другія водяное, что она образовывалась черезъ какія нибудь подземныя катастрофы, вѣроятно въ силу подземныхъ переворотовъ; видимъ, что ея прошлая жизнь есть чрезвычайно сложная и величественная трагедія, что проходила она черезъ разныя фазы еще съ того времени, когда она сама была туманностью и мало-по-малу доходила до того вида, въ которомъ мы ее теперь находимъ. Въ настоящее время гора покрыта травой и лѣсомъ, т.-е. растительною жизнью;

на каждомъ листочкѣ живутъ миллиарды инфузорій, на поляхъ разгуливаютъ животныя и люди, т.-е. животная жизнь. Принимая все это въ соображеніе, мы видимъ, что наукѣ придется считаться не съ одной бездушной матеріей, но и съ жизненнымъ и съ духовнымъ элементомъ; съ чрезвычайно важными вопросами, которые не входили въ программу знаній архитектора. Вообще, разбирая жизнь горы, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ бездну премудрости, которая не можетъ не возбуждать нашего живѣйшаго интереса и самой настойчивой любознательности.

Съ самымъ горячимъ и естественнымъ желаніемъ познать и изучить все, чѣмъ мы поражаемся и восторгаемся въ природѣ, обращаемъ мы умоляющій взоръ къ наукѣ, испрашивающій могущихъ насъ удовлетворить отвѣтовъ. Мы убѣждены встрѣтить въ наукѣ добрую, разумную мать, которая съ полнымъ участіемъ встрѣтитъ своихъ дѣтей, одобрить въ нихъ эту жажду знаній, поддержитъ дальнѣйшую любовь къ природѣ и ко всему такъ премудро сотворенному Создателемъ и научитъ понимать тайны и красоты вселенной. Мы убѣждены, что наука чистосердечно откроетъ передъ нами истинную силу своихъ знаній безъ прикрасъ и безъ маскировки ихъ; расскажетъ намъ, какими знаніями она владѣетъ, какія изъ нихъ слѣдуетъ считать непогрѣшимыми, какія вѣроятными, какія гадательными или гипотетичными, на какихъ изъ нихъ намъ можно основывать наше сужденіе, какія знанія мы должны принимать только какъ соображенія и вообще какъ владѣть каждымъ знаніемъ, чтобы одновременно и пользоваться ими, и разумно мыслить, и вдаться на скользкомъ научномъ пути по возможности въ меньшія ошибки. Но не встрѣчаемъ мы въ наукѣ такой симпатичной и радушной матери; встрѣчаетъ насъ сухая и костлявая мачиха, въ видѣ позитивизма. Онъ съ необыкновеннымъ цинизмомъ сразу охлаждаетъ нашу любознательность словами: „О чемъ вы заботитесь, ничего тутъ интереснаго нѣтъ все это матерія, матерія и одна матерія. Мы уже все, что можно было, то сдѣлали, все изучили, описали каждую вещь, каждый предметъ, каждую манифестацію матеріи и дали всему латинскія названія. Нами изучены и нѣдра земли и поверхность, растительность, животное царство и все это отнесено въ соотвѣтствующія рубрики науки, сообразно класса, рода, вида и семейства; явленія физическія отнесены къ физикѣ, химическія къ химіи, и все приведено въ стройную систему.“

— „Мы безусловно вѣримъ Вамъ,“ говоримъ мы несмыслымъ, заискивающимъ тономъ, какъ школьники передъ серди-

тымъ учителемъ, „мы привыкли повиноваться наукѣ и преклоняться передъ ней, мы знаемъ какое обиліе знаній содержитъ она въ себѣ, а потому просимъ объяснить намъ, какъ произошла эта гора? Позвольте намъ мысленно отодвинуться къ отдаленнѣйшимъ періодамъ древнѣйшихъ временъ и прослѣдить жизнь горы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей земли съ того еще времени, когда она была туманностью и постепенно переходила изъ одного состоянія въ другое, пока не сдѣлалась такою, какою мы ее видимъ въ настоящее время. Наука обладаетъ многими, вполнѣ научными гипотезами о происхожденіи земли, составленными въ разное время лучшими учеными; но всѣ эти системы не согласованы между собой; ни одна не похожа на другую, но скорѣе каждая противорѣчитъ остальнымъ. Въ этомъ обиліи мнѣній, мы, люди не обладающіе достаточными научными познаніями, только теряемся и путаемся. Позитивизмъ, вѣроятно же, провѣрилъ ихъ, оцѣнилъ и опредѣлилъ, какая изъ этихъ космогоній можетъ быть названа болѣе достовѣрною, какія мѣста въ этихъ всѣхъ ученіяхъ слабы и сбивчивы и какія вѣроятны; а потому мы просимъ сообщить намъ послѣднія научныя мнѣнія касательно хотя главныхъ основныхъ вопросовъ жизни земли, а именно: Вѣдь до образования земли существовала одна первичная, инертная и газообразная матерія, изъ которой произошли всѣ остальные; кто или что заставилъ эту первичную матерію покинуть свой покой и перейти къ такой въ высшей степени цѣлесообразной и премудрой дѣятельности? Кто или что проявилъ это обиліе энергій? Въ какомъ видѣ проявилась она. Въ видѣ ли Высшей Всеобъемлющей Воли, въ видѣ ли необходимости; въ этомъ послѣднемъ случаѣ объясните, какая причина вызвала эту необходимость? Какъ это все случилось? Въ какомъ послѣдовательномъ порядкѣ выразились эти слѣдствія Величайшей Энергій, которая привела въ движеніе эти массы хаоса, сформировала изъ нихъ міры и довела все до такой гармоніи, до такого стройнаго цѣлаго, какимъ мы все видимъ въ настоящее время? У кого хватило ума и предусмотрительности совершить все это?“

— „Позитивизмъ своихъ гипотезъ не создаетъ и чужихъ не провѣряетъ потому, что ни одну изъ нихъ онъ не можетъ признать ни научной, ни серьезной, ни разумной; всѣ онѣ внѣ науки. Научно только то, что подтверждается опытомъ и наблюденіемъ, но какой же опытъ возможно приложить для изслѣдованія столь отдаленнаго времени? Ваша правда, есть много космогоній и надо удивляться, какъ могли такіе великіе умы, какъ Декартъ, Лапласъ, Фай заниматься такими

шаткими темами и трудиться надъ теоріями, которыя не могутъ быть ни доказаны, ни провѣрены. Позитивизму нѣтъ рѣшительно до нихъ дѣла. Читайте ихъ сами, если онѣ Вамъ интересны, и провѣряйте, какъ хотите, но не спрашивайте насъ о нихъ, мы ничего съ ними общаго не имѣемъ. Позитивизмъ можетъ Вамъ дать только одни общія указанія, онъ не вдается ни въ какія детали, но зато его разъясненія вопроса о происхожденіи земли непреложно-вѣрны и безошибочны, а именно: Всѣ манифестаціи матеріи, какъ первоначальныя, такъ и послѣдующія, вызываются, производятся и руководятся въ силу неотразимыхъ законовъ природы. Законъ природы есть главный моторъ и причина проявленія всего сущаго, онъ призвалъ все къ дѣятельности и произвелъ все...“

— „Но, скажите, какъ произошла жизнь на землѣ? Вѣдь всѣ опыты самопроизвольнаго самозарожденія показали отрицательные результаты. Вѣдь тысячи ученыхъ, въ числѣ которыхъ можно назвать самыя высокіе умы, какъ Либихъ, Клодъ-Бернаръ, даже самъ докторъ Бишъ требовали признанія жизненной силы въ живыхъ организмахъ. Жизнь могла проявиться только черезъ особый актъ творчества, совершенный Волей Всевышняго Разума. Ничего другого мы себѣ представить не можемъ, ибо всякое разумное дѣйствіе должно имѣть свою разумную причину; нѣчто не разумное не можетъ произвести разумное. Разбирая же жизнь, сознаніе, мысль, волю мы положительно теряемся въ безконечной безднѣ премудрости всего сотвореннаго, а потому совершенно сознательно должны заключить, что Творившій все это долженъ быть выше того, что Самъ сотворилъ, а слѣдовательно, Онъ долженъ быть Безконечно Премудръ, Безконечно Предусмотрителенъ и Всесиленъ“.

— „Вы поэтизируете, и это заводитъ Васъ въ міръ представленій; опуститесь на землю и разберите вопросъ научно, тогда Вы поймете все иначе. Самостоятельно существуетъ въ природѣ одна матерія, а все остальное, что намъ иногда кажется столь хитрымъ и загадочнымъ, не болѣе какъ проявленія ея свойствъ и качествъ. Одни изъ нихъ проще, другія сложнѣе, развѣ въ этомъ случаѣ можетъ сила проявленій служить препятствіемъ къ утвержденію очевидности? Какъ бы всѣ эти явленія не были бы загадочны и какъ бы ни казались отвлеченны, они все таки останутся проявленіями способностей матеріи. Вѣдь этотъ фактъ не можетъ требовать доказательствъ, такъ какъ онъ самъ по себѣ очевиденъ. Въ незнаніи своемъ Вы, конечно, можете одно называть живымъ, а другое мертвымъ, но проанализируйте внимательно всѣ состоянія вещества и Вы не найдете грани, рѣзко отдѣляющей одно состоя-

ніе отъ другого, а потому безошибочно Вы можете все назвать мертвымъ и будете одинаково близки къ истинѣ, ибо и камни имѣютъ свою жизнь. Все находящееся на землѣ все очень просто и однообразно, и живое не имѣетъ никакого другого отличія отъ мертваго, кромѣ того, что нѣкоторыя силы проявляются въ живомъ организмѣ, которыхъ въ мертвомъ не проявляется. На какомъ основаніи будемъ мы дѣлать различіе и считать одно живымъ, а другое мертвымъ; все это проявленія все той же самой матеріи, руководимой неизмѣняемыми законами природы.

— „Вы вторично настаиваете на столь всеобъемлющемъ значеніи закона природы, можете ли намъ объяснить, что это такое за законъ? Откуда онъ произошелъ? Если онъ созданъ, то кѣмъ? Какая его природа или его сущность? Изъ чего онъ состоитъ? Сила-ли это? Матерія-ли? Если отвлеченность, то какая? Однимъ словомъ, какое представленіе можемъ мы себѣ составить о немъ? Есть-ли это вещь или существо? Можетъ быть это духъ? Но казалось бы позитивизму говорить о духѣ не разумно. Мы совершенно недоумѣваемъ: какъ можетъ нѣчто не существующее, нѣчто невозможное быть представленнымъ никакимъ воображеніемъ, никакимъ сопоставленіемъ идей—имѣть столь существенное значеніе въ судьбахъ міра, каждого отдѣльнаго явленія, и проявлять такое обиліе разума, воли, премудрости, силы, цѣлесообразности и предусмотрительной премудрости?“

— „Позитивизмъ никогда ни касался ни одного вопроса о сущности и природѣ; и на этотъ вопросъ онъ совершенно не въ правѣ отвѣчать Вамъ. Неужели же Вы не замѣтили рокового однообразія слѣдствій при однообразіи причинъ? Если только Вы это признаете, то ни въ какомъ случаѣ не имѣете права сдѣлать другого вывода, кромѣ признанія неизмѣнности законовъ природы. Идти дальше въ своихъ мысленіяхъ и разбирать сущности позитивизмъ за собой права не оставляетъ, это было бы безразсудствомъ. Вы въ своихъ вопросахъ требуете отъ науки большаго, чѣмъ она въ состояніи Вамъ дать“.

— „Вы отказались отъ разрѣшенія вопросовъ о происхожденіи земли, ссылаясь на то, что ни одно заключеніе, касающееся древнихъ временъ, не можетъ быть подтверждено опытомъ или наблюденіемъ. Но эта причина была бы неумѣстна при изученіи современнаго состоянія земли, ибо правильно организованная наука должна умѣть экспериментировать всѣ безъ исключенія факты и явленія природы, ибо это именно и составляетъ ея прямое назначеніе. Если бы нашлись такіе, ко-

торыхъ наука не могла бы изучать или не могла бы дать о нихъ своего компетентнаго заключенія, то должна бы была отказаться отъ званія науки, руководительницы интеллигентной мысли вѣка. На этомъ основаніи мы просимъ разъяснить намъ: чѣмъ поддерживается энергія нашихъ міровъ, несущихся въ настоящее время съ неимовѣрной быстротой въ безпредѣльномъ пространствѣ? Если эту энергію поддерживаетъ законъ природы, создавшій по Вашему мнѣнію міры, то объясните, откуда онъ ее черпаетъ, какъ проявляетъ и какъ распредѣляетъ? Не можете ли выяснить намъ жизнь cadaго изъ безконечнаго числа атомовъ, составляющихъ вселенную? Какъ получаетъ онъ свое цѣлесообразное движеніе? Чѣмъ руководится законъ природы, распредѣляя эти движенія? Къ чему ведетъ онъ эти манифестаціи? Порядокъ, гармонія, цѣлесообразность во всѣхъ явленіяхъ природы невольно заставляеть насъ предположить и дальнѣйшую цѣлесообразность въ великихъ и тайныхъ цѣляхъ, къ которымъ стремятся міры и вся вселенная, и если неорганической міръ такъ полонъ дѣятельной цѣлесообразной попечительностью о немъ кого-то или чего то, то подавно мыслящая природа тѣмъ болѣе должна имѣть Высшую и разумную цѣль и причину своего существованія.

„Эти соображенія заставляють въ нашихъ умахъ возникать цѣлой серіи новыхъ весьма существенныхъ для жизни нашей вопросовъ, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно правильно мыслить, невозможно установить правильнаго взгляда на свою собственную жизнь въ связи съ жизнью цѣлаго міра и всей вселенной. Человѣкъ, не выясняющій себѣ этихъ вопросовъ, не можетъ достигнуть полной спокойной жизни и установить правильнаго міровоззрѣнія. Эти вопросы слѣдующіе: Для чего живемъ мы на землѣ? Кто и для чего сотворилъ всѣ твари, все живущее и самого человѣка? Что такое жизнь? Что такое смерть? Для чего все живущее умираеть? Для чего оно живетъ? Для чего мучается человѣкъ, искушая каждую отрадную минуту своей жизни долгими страданіями и испытаніями? Признать ихъ безцѣльными мы не можемъ, гдѣ же цѣль ихъ? Въ чемъ она? Почему и зачѣмъ такъ жестка и трудна жизнь человѣка на землѣ? Нельзя ли сравнить жизнь человѣка на землѣ съ жизнью людей на другихъ планетахъ? Есть ли жители на другихъ планетахъ? Многіе ученые давали свѣту свои соображенія на этотъ счетъ; они описывали жителей планеть, но мы рѣшительно не знаемъ, на сколько научны эти описанія? На сколько мы, публика, можетъ вѣрить имъ? Главною причиною трудности земной жизни приписываютъ большому уклоненію эклиптики къ орбитѣ нашей планеты и ни-

кто не укажетъ намъ уменьшается ли она? Нѣтъ ли основаній предполагать, что условія жизни на нашей землѣ когда нибудь улучшатся и человѣкъ получитъ возможность облегчить свое существованіе на землѣ черезъ улучшение физическихъ условій жизни? Или все улучшение жизни онъ долженъ ожидать отъ своего нравственнаго развитія. Если такъ, то что такое эта нравственность? Какая ея зависимость отъ физическаго міра? Для чего она нужна? И какъ она порождается?"

— „Вы уже давно зашли слишкомъ далеко и предъявляете такія требованія къ позитивизму, которыя могутъ назваться сплошными праздыми притязаніями. Зачѣмъ нужно все это знать человѣку, а подавно наукѣ? Рациональная наука не должна заниматься подобными вопросами. Всѣ, какъ Вы ихъ называете, великіе вопросы: *зачѣмъ и почему вселенной* давно сданы вами въ архивъ, ибо они всѣ не серьезны, не научны и не разумны“

— „Позвольте предложить Вамъ еще одинъ, послѣдній, вопросъ. Мы увѣрены, что онъ будетъ болѣе удаченъ, чѣмъ всѣ предыдущіе, на которые Вы не могли отвѣтить намъ. Но теперь мы попросимъ Васъ развить Ваши же собственные слова, сказанныя въ Вашемъ возраженіи на нашъ второй вопросъ. Вы сказали, что нѣтъ другой разницы между живымъ и мертвымъ, какъ только та, что въ живомъ проявляются нѣкоторыя силы, которыхъ въ мертвомъ нѣтъ. Мы въ восторгѣ отъ этого Вашего научнаго вывода. Мы увѣрены, что если Вы открыли ихъ присутствіе въ органическомъ мірѣ, Вы изучили всѣ эти силы подробно во всѣхъ ихъ деталяхъ и не откажете разъяснить намъ все, что насъ интересуеть въ нихъ. Мы догадываемся о какихъ силахъ Вы упомянули: это о жизненной силѣ, о духовномъ и разумномъ началахъ, заключающихся въ человѣкѣ, о силѣ воли и о пѣлой серіи загадочныхъ силъ, производящихъ сверхъчувственныя состоянія органической природы, въ особенности часто встрѣчающихся въ жизни людей. Эти силы во всѣ времена существованія человѣка заставляли его задумываться, возбуждая его удивленіе и желаніе искать разгадки ихъ. Душевно радуемся и поздравляемъ себя, что наконецъ въ позитивизмѣ мы найдемъ научное мотивированное мнѣніе о всѣхъ подобнаго рода явленіяхъ, фактахъ, силахъ и состояніяхъ.“

„Мы удивляемся давно, что, несмотря на всю свою образованность, современная публика рѣшительно недоумѣваетъ, какъ относиться ко всѣмъ проявленіямъ этихъ силъ. Наука не руководитъ ея въ этой области, а между прочимъ нѣтъ дня, чтобы литература не сообщала какого либо загадочнаго явленія. Передъ праздникомъ Рождества Христова нѣтъ ни одной га-

зеты или журнала, которые не печатали бы на своихъ страницахъ десятками рассказы о самыхъ чудесныхъ происшествіяхъ, встрѣчающихся въ жизни людей. 200 журналовъ и газетъ въ настоящее время круглый годъ помѣщаютъ статьи трансцендентальнаго характера, а 50 изъ нихъ составили себѣ спеціальность печатать на своихъ страницахъ только статьи трансцендентальнаго содержанія. Нѣтъ рѣшительно возможности относиться легко и безралично къ подобнаго рода явленіямъ и тѣмъ болѣе обвинять ихъ во лжи и обманѣ, ибо мы встрѣчаемъ между авторами статей великихъ ученыхъ, которые относятся совершенно къ нимъ серьезно и научно. Наконецъ, во всемъ образованномъ мірѣ устроены психическія, теософскія, спиритическія общества, въ которыхъ сотнями участвуютъ первоклассные ученые; они даютъ множество теорій и системъ, повидимому, вполне серьезныхъ и научныхъ. Число приверженцевъ окултизма, спиритизма и всѣхъ трансцендентальныхъ знаній растетъ не по днямъ, а по часамъ, а между прочимъ наука никогда не выражала своего мнѣнія объ этихъ явленіяхъ и состояніяхъ. Она никогда не наставляла публики и не указывала ей, какихъ изъ всѣхъ этихъ теорій и системъ надо придерживаться, чтобы по возможности правильно смотрѣть на природу этихъ явленій. Она никогда не анализировала, не изучала этого предмета, не установило правильнаго взгляда на нихъ, а потому мы видимъ полное разногласіе въ мнѣніяхъ, а именно: одни ученые признаютъ въ человѣкѣ одну душу, другіе другую, третьи совсѣмъ отвергають ее, ссылаясь на какой то психизмъ, руководящій внутренними проявленіями организма; четвертые приписываютъ все психомоторнымъ центрамъ; пятые находятъ въ человѣкѣ нервныя жидкости; шестые находятъ въ человѣкѣ новый элементъ, который называютъ астраломъ; однимъ словомъ, что ни общество, что ни ученый, занимающійся этимъ вопросомъ, то новое мнѣніе. Ихъ такъ много, всѣ они до того не похожи другъ на друга, что мы просто теряемся въ соображеніяхъ, котораго слѣдуетъ держаться, чтобы хотя сколько нибудь имѣть понятіе о всѣхъ этихъ трансцендентальныхъ явленіяхъ“.

— „Позитивизмъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не можетъ Вамъ отвѣтить, онъ не идетъ такъ далеко въ своихъ умозаключеніяхъ и никогда не затрогивалъ столь неблагоприятныхъ темъ. Силы, о которыхъ мы говорили Вамъ, ни что иное, какъ проявленіе свойствъ и качествъ матеріи. Позитивизмъ изучаетъ подробно матерію во всѣхъ ея деталяхъ и уже какъ слѣдствіе проявленій этой матеріи, какъ побочный продуктъ манифестаціи матеріи, касается силъ на столько, на сколько

ко онѣ нужны для дальнѣйшаго и болѣе рациональнаго изученія матеріи“.

— „Что матерія изучена Вами въ подробности, нѣтъ ничего удивительнаго, ибо наука изучаетъ ее съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сама начала существовать, т. е. со временъ древнихъ кельтовъ, кельтиберовъ и египтянъ, или лучше сказать изучаетъ ее уже болѣе пяти тысячъ лѣтъ. Но не смотря на то, къ стыду нашему, мы, публика, должны признаться, что до сихъ поръ не уясняли себѣ, что такое матерія. Мы до сихъ поръ не знаемъ, изъ чего она состоитъ: если изъ атомовъ, то мы никакъ не можемъ уяснить себѣ, что такое атомъ? Какая его форма? Его размѣръ? Что заставляетъ одинъ атомъ держаться на извѣстномъ разстояніи отъ другого? Мы не знаемъ, какое это разстояніе? Если силы поддерживаютъ взаимное отношеніе атома къ атому, то опять для насъ остается темно: что такое сила? Что такое тяготѣніе? Какова природа того и другого? Какое различіе между ними? Кто проявляетъ ихъ? Каковъ запасъ ихъ? Великъ ли онъ? И разные подобнаго рода вопросы“.

— „Вы поступаете весьма благоразумно, что не наполняете своей головы праздными и не разрѣшимыми вопросами. Матерія не можетъ быть изучаема съ точки зрѣнія: „что такое матерія“, это не серьезно и не научно; матерія изучается со стороны ея проявленій или манифестацій. Мы не имѣемъ права спрашивать себя: „что такое матерія“? Но должны себя спрашивать, какъ проявляется матерія? Что она производитъ? Чѣмъ она можетъ быть? Разбирая же вселенную съ этой точки зрѣнія, мы приходимъ къ заключенію, что все въ природѣ есть матерія, или что матерія это все, и что кромѣ матеріи ничего нѣтъ“.

— „Но что-же послѣ этого составляетъ предметъ дѣятельности позитивизма? Вы сами заявляете, что спеціальность Вашихъ изслѣдованій природы есть изученіе манифестацій матеріи. Но вѣдь матерію въ самой себѣ Вы познать ни однимъ органомъ Вашихъ чувствъ, ни однимъ инструментомъ, которымъ Вы производите Ваши опыты и наблюденія, познать не можете? Вполнѣ въ настоящее время доказано, что чловѣкъ прямымъ опытомъ можетъ познавать одно лишь впечатлѣніе, производимое предметомъ черезъ органы чувствъ на головной мозгъ, и что эти впечатлѣнія часто совершенно не похожи ни по своей природѣ, ни по существу на самый предметъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ. Изъ чего слѣдуетъ, что вся задача позитивизма заключается въ завѣдомомъ изученіи этихъ несуществующихъ фикцій, этихъ призраковъ, кото-

рые проявляются въ мозгу каждаго человѣка особо, при томъ условіи, что никто не можетъ провѣрить, одинаковыя ли впечатлѣнія получаютъ у всѣхъ отъ одного и того же предмета. Можетъ быть и впечатлѣнія, производимыя предметомъ на мозги двухъ стоящихъ рядомъ людей, тоже разныя. Чѣмъ доказалъ позитивизмъ, что эти впечатлѣнія у разныхъ людей получаютъ одинаковыя? Вѣдь это тоже весьма сомнительно, и мы желали бы получить и этому обстоятельству какое либо доказательство“.

Вся эта масса не отвѣченныхъ вопросовъ ясно очерчиваетъ, на сколько дѣятельность позитивизма ограничена и какъ онъ мало удовлетворителенъ. Тотъ, кто будетъ говорить, что позитивизмъ принесъ много пользы знаніямъ, конечно, будетъ правъ, ибо познанія природы ежегодно расширяются неимо-вѣрно. Но съ другой стороны надо сказать, что все это кажущееся расширеніе знаній передъ той обширной областью, которая давно раскрыта для науки и настоятельно требуетъ своего изученія, сущее ничтожество. А потому надо сказать съ увѣренностью, что позитивизмъ не обладаетъ полными знаніями природы, и что тотъ, кто это утверждаетъ, крупно заблуждается.

Теперь разберемъ мнѣніе тѣхъ защитниковъ позитивизма, которые ощущаютъ и сознаютъ все ничтожество его настоящихъ трудовъ и задачъ и прощаютъ ему это, ссылаясь на его молодость; они надѣются, что настанетъ, наконецъ, то время, когда позитивизмъ заполнить всѣ пробѣлы своихъ знаній, которыми онъ изобилуетъ теперь.

Намъ кажется, что позитивизмъ не имѣетъ права ссылаться на свою молодость. Наука такъ же, какъ и всякое дѣло имѣетъ свою цѣль и назначеніе; если кто не исполняетъ своихъ обязанностей, тотъ не стоитъ на той высотѣ своего положенія, на которой ему надлежало бы стоять. Почему сдѣлали бы мы наукѣ большее снисхожденіе, чѣмъ, напримѣръ, воину, который сложилъ бы свое оружіе передъ трудностью борьбы съ болѣе сильнымъ врагомъ? Или должнику, который отказался бы платить по векселю? Наука—позитивная она или какая бы она ни была, она все же остается наукой и обязана давать научныя разъясненія тѣмъ фактамъ и явленіямъ природы, которые она добываетъ путемъ эксперимента; она обязана отвѣчать на всѣ вопросы, возрождающіеся въ мозгахъ мыслящей публики. Если бы даже ей былъ бы предъявленъ глупый вопросъ, она обязана снизойти къ неразвитости общества и сказать ему дурака, но не просто, не однимъ только словомъ, но вполне толково и мотивировано. Она обязана

давать отчетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ природы, доводя свои умозаключенія до того конца, который требуетъ средней уровень развитія публики. Если позитивизмъ дѣйствительно молодъ, онъ въ первое время могъ бы давать менѣе совершенныя объясненія, можетъ быть даже ошибочныя, но во всякомъ случаѣ они были бы ближе къ истинѣ, чѣмъ въ настоящее время объясняютъ сами себѣ эти факты, и каждый по своему, люди совсѣмъ не компетентные въ научномъ дѣлѣ. Со временемъ, по мѣрѣ того, какъ позитивизмъ крѣпнулъ бы въ своемъ дѣлѣ и его разьясненія природы были бы все болѣе и болѣе совершенны, тогда успѣлъ бы онъ выправить старыя неточности прежнихъ знаній.

Дѣло совсѣмъ не въ томъ, что позитивизмъ не можетъ давать разьясненія фактовъ и явленій, но въ томъ, что онъ не хочетъ, не считаетъ себя въ правѣ дѣлать это. Позитивисты увѣрили сами себя, что они психически несостоятельны и что они не могутъ доводить своихъ заключеній до конца, и, конечно, пока они будутъ держаться этого убѣжденія, они не будутъ расширять предѣловъ своей мысли. Дѣло совсѣмъ не въ молодости науки, но въ предвзятыхъ идеяхъ и принципахъ. Во всякомъ случаѣ наука опѣнивается не потому, что изъ нея можетъ современемъ быть, но по наличнымъ результатамъ. Наука, въ которой окончательно отсутствуетъ главный умозрительный элементъ, не можетъ быть названа молодой наукой, ибо, какъ наука, она еще совсѣмъ не родилась. Она тогда начнетъ быть наукой, когда введетъ въ свои стѣнки умозрительную часть. А въ томъ видѣ, въ какомъ въ настоящее время мы видимъ позитивизмъ, онъ не болѣе, какъ искусство.

Намъ скажутъ, въ современной наукѣ есть прекрасныя и точныя умозрительныя объясненія многихъ фактовъ и явленій природы; нѣкоторыя изъ нихъ чрезвычайно смѣлы и простираютъ свои умозаключенія далеко за предѣлы познаваемаго, которыми оградили науку Огюста Конта, Литтре и Льюиса, а потому несправедливо было бы обвинять современный позитивизмъ въ томъ, что онъ до сихъ поръ строго держится ихъ программъ. Вѣдь это было бы косненіемъ, а всякое косненіе есть врагъ прогресса и науки.

На это мы просимъ позволенія возразить:

1) Какъ подробно читатель увидитъ ниже, въ статьѣ „Исторія развитія мысли“, — мы совершенно не считаемъ Огюста Конта и его послѣдователей создателями или творцами позитивизма. Позитивизмъ также старъ, какъ и наука. Огюсть Контъ и его послѣдователи только описали и мотивировали то, что раньше по необходимости и безъ отчетно существовало въ наукѣ;

они уяснили значеніе позитивизма и классифицировали знанія. Позитивизмъ очень древень. Александръ фонъ-Гумбульдтъ находитъ, что въ наукѣ древнихъ арабовъ преслѣдовались совершенно тѣ же принципы эспериментальности, какъ и въ современномъ позитивизмѣ. Въ томъ то и состоитъ главное горе, что позитивизмъ вошелъ въ кровь и въ плоть ученыхъ уже тысячелѣтія тому назадъ и сидитъ такъ глубоко въ нѣдрахъ науки, что его никто больше не замѣчаетъ; къ нему такъ всѣ привыкли, что считаютъ науку невозможной безъ него. Но узкость его программы дѣлаетъ то, что каждый ученый, произнося свои умозаключенія, принужденъ въ большей или меньшей степени преступать эту программу; себѣ онъ это разрѣшаетъ, видя всю возможность, логичность и необходимость подобной вольности; но въ другихъ онъ этого не терпитъ, также какъ и другіе не терпятъ его свободнаго умозаключенія. Отчего всѣ эти научныя вольности не становятся общепринятыми, и каждый ученый принужденъ не надстраивать зданіе науки, основывая свои выводы на прежде выведенныхъ умозаключеніяхъ, но принужденъ основываться на позитивныхъ данныхъ и начинать свои выводы сначала. Всякая система или теорія, преступающая хотя отчасти программу позитивизма, разбору науки не подлежитъ, какъ бы она въ сущности не была логична, научна и разумна и, какъ справедливо говоритъ М. Литтре, она не обсуждается, не оспаривается и не утверждается, но прямо игнорируется, оставляется безъ вниманія, безъ обсужденія адептовъ раціональной науки; слѣдовательно, она не связывается съ остальными данными науки и не становится научнымъ достояніемъ. Подобное отношеніе позитивизма къ знаніямъ образуетъ полную безпровѣрочную анархію въ наукѣ, полную разрозненность мнѣній, однимъ словомъ, хаосъ.

2) Мы, дѣйствительно, видимъ въ наукѣ очень много смѣлыхъ умозаключеній и разъясненій фактовъ и явленій; но разберите ихъ глубже и вы увидите, что большинство изъ нихъ все вѣтви отъ древа, описаннаго Огюстомъ Контомъ. Эти вѣтви могутъ далеко удаляться отъ ствола, онѣ могутъ быть покрыты до того роскошной листвою, что она скроетъ отъ насъ все происхожденіе этой вѣтви, но, какая бы она ни была, она всегда будетъ вѣтвь, ибо всѣ основанія для выводовъ и всѣ исходныя точки мышленія исходятъ изъ позитивнаго ствола; и если когда нибудь позитивизмъ будетъ признанъ заблужденіемъ и ему придется пасть, то погибнуть и эти всѣ его прекрасныя и роскошныя вѣтви, какъ слѣдствія заблужденія позитивизма.

Многія изъ этихъ вѣтвей позитивизма необыкновенно красивы и заманчивы, мы считаемъ ихъ великими, научными от-

крытіями, могущими составить славу и гордость нашего времени, но дѣйствительно ли это такъ и не потому ли мы ихъ считаемъ такими, что сами привыкли къ рутинѣ позитивизма и составляемъ невольныхъ и машинальныхъ его рабовъ и со-общниковъ и въ другихъ мы такъ же, какъ и всѣ остальные, не перевариваемъ научнаго вольнодумства.

Однако, мы совершенно не желаемъ бросать тѣнь на всю науку и утверждать, что, кромѣ позитивной, нѣтъ въ ней другой, болѣе свободной и правильной мысли. Мы говоримъ о господствующей наукѣ и о большинствѣ. Свободная мысль существуетъ и въ наше время, ея можетъ быть больше, чѣмъ когда либо она была. Умъ человѣческой работаетъ въ настоящее время такъ же, какъ и во всѣ времена существованія науки; это его естественное назначеніе, составляющее неизбѣжную потребность. Въ настоящее время появляются теоріи и системы, основанныя на выводахъ разума, не стѣсненнаго позитивными принципами; но въ массѣ самыхъ разнорѣчивыхъ научныхъ данныхъ очень трудно намъ, публикѣ, отличить пшеницу отъ плевелъ. Укажемъ также на то, что всѣ эти вольнодумныя теоріи и системы, какъ тѣ, которыя основаны на свободной мысли; такъ и тѣ, которыя имѣютъ своимъ основаніемъ позитивные принципы, но въ выводахъ своихъ удаляются отъ позитивнаго ствола, не считаются достояніемъ науки. Привычка къ научной нетерпимости всего, что переступаетъ извѣстный предѣлъ познаваемаго, заставляетъ науку чуждаться ихъ, не затрогивать ихъ, не развивать, не считать ихъ безспорными данными науки; а потому онѣ не провѣряются, не прилагаются къ наукѣ, какъ безспорныя ея данныя, и на нихъ позитивизмъ не строить для дальнѣйшихъ выводовъ своей науки.

Для примѣра, укажемъ на эфиръ. Необходимость признанія реальнаго существованія эфира въ настоящее время кажется намъ прочно установленною. Необходимость его участія во всѣхъ явленіяхъ и манифестаціяхъ матеріи доказана вполне; выяснена величина его волнъ, его значеніе въ явленіяхъ, его вліяніе на каждое явленіе, но сталъ ли онъ отъ этого общепринятымъ въ наукѣ? Можно ли сказать, что онъ сталъ безспорной данностью науки, если всѣ разнородныя о немъ свѣдѣнія не согласованы между собой, если то, что признаетъ одинъ, отвергаетъ другой, то, что одинъ ученый признаетъ доказаннымъ, то признаетъ другой сомнительнымъ, наконецъ, и до сего времени Вы найдете ученыхъ, которые отвергаютъ его совсѣмъ и рѣшительно признать не хотятъ.

Такая разрозненность и такой хаос царствуют во всем позитивизмѣ, даже въ теоріяхъ и въ системахъ, которыя должны бы были быть согласованы между собой, такъ какъ составляютъ область непосредственнаго и спеціальнаго вѣдѣнія позитивизма. Напримѣръ, А. Введенскій, приступая къ теоріи построеній матеріи на принципахъ критической философіи, собралъ нѣкоторыя несогласія въ ученіяхъ о матеріи и говорить: „Многіе ученые объявляютъ невозможнымъ существованіе въ матеріи такихъ силъ, какъ непосредственное притяженіе на разстояніи земель луны, и считаютъ необходимымъ объяснять эти явленія комбинаціями толчковъ междупланетной среды и т. п. „Въ настоящее время, говоритъ г. Хвольсонъ, ни одинъ мыслящій физикъ не признаетъ такого дѣйствія одного тѣла на другое. Всякій понимаетъ, что приближеніе тѣлъ другъ къ другу должно имѣть какую нибудь внѣшнюю причину, которая, однако словомъ „притяженіе“ не объясняется“. Однако эти дѣйствія признавались и признаются такими физиками, которыхъ никакъ нельзя назвать немыслящими, и не только физиками недавняго прошлаго, еще почти вчера жившими, — каковы, Амперъ, Коши, Кренель и др., но и современными — Вильгельмомъ Веберомъ, Цѣллернеромъ, Гельмгольцемъ, Гирномъ и др.; послѣдній называетъ объясненіе тяготѣнія посредствомъ движеній *non sens absolu*. Не очевидный ли хаосъ мнѣній? По словамъ одного ученаго выходитъ, что такой изслѣдователь, какъ Гирнъ, оказывается немыслящимъ, а по словамъ послѣдняго, — первый проповѣдуетъ абсолютную бессмыслицу! Но каково мнѣніе самого Гирна? Для всѣхъ силъ, кромѣ развѣ тяготѣнія и упругости, онъ допускаетъ существованіе какой то особой подвижной, нематеріальной субстанціи, благодаря которой (но не ея движеніямъ) матеріальные атомы испытываютъ тѣ или другія перемѣны; она то и составляетъ силу электричества, свѣта, теплоты и магнетизма. „Гирнъ, блестящимъ работамъ котораго по теплотѣ справедливо отдаетъ уваженіе весь ученый міръ, говоритъ Секки, придумываетъ для силъ какія то особыя сущности, не то духовныя, не то матеріальныя, или, лучше сказать, нѣчто такое, что трудно и даже невозможно себѣ уяснить. Нельзя не пожалѣть, что столь искусный изслѣдователь вводитъ въ науку подобныя туманности“. Такое же разногласіе мы встрѣчаемъ въ вопросѣ о построеніи матеріи. По однѣмъ теоріямъ она считается сплошной и непрерывной, по другимъ же атомистичной, при чемъ и тѣ и другія подраздѣляются еще больше. Такъ, теоріи сплошной матеріи далеко не одинаково объясняютъ разнообразіе тѣлъ: Томсонъ

предполагаетъ для этой цѣли существованіе въ матеріи неразрушимыхъ и несливающихся между собой вихревыхъ колець (вродѣ колець табачнаго дыма); Делингсгаузенъ же допускаетъ въ ней состоянія волны (вродѣ тѣхъ, которыя возникаютъ при колебаніяхъ струны не какъ цѣлаго, а раздѣлившейся на отдѣльно колеблющіяся части) и т. д. Столь же разнообразны и признаваемые нынѣ атомистическія теоріи. Однѣ допускаютъ протяженные атомы, которые не имѣютъ никакихъ силъ. Другія сверхъ протяженнаго вещества допускаютъ въ нихъ и силы. Третьи, напротивъ, отрицаютъ въ атомахъ протяженность и считаютъ ихъ только пунктами, изъ которыхъ исходятъ дѣйствующія на разстояніи силы. Четвертыя считаютъ атомы постоянно-однообразно измѣняющимися скопленіями матеріи и т. д. Тоже самое разногласіе повторяется и въ пониманіи массы. Одни ее считаютъ какимъ то присущимъ матеріи сопротивленіемъ перемѣнамъ состояній, и ставятъ ее въ связь съ инерціей и даже непроницаемостью. Другіе рассматриваютъ ее какъ показателя количества матеріи, понимая подъ словомъ количество объемъ послѣдней. Третьи утверждаютъ, что масса не имѣетъ ни малѣйшей связи съ протяженіемъ. Четвертые предлагаютъ ограничиться только пониманіемъ массы какъ коэффиціента, соопредѣляющаго вмѣстѣ съ величиной дѣйствующей силы скорость тѣла и т. д.“

Весь этотъ хаосъ и вся эта распушенность въ наукѣ, порождающая полную анархію въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ ученыхъ, доказываетъ, что въ настоящее время науки нѣтъ и что позитивизмъ не есть наука, ибо не представляетъ изъ себя чегонибудь цѣльнаго, объединеннаго, стройнаго и авторитетнаго, т. е. того именно, чего мы невремѣнно должны требовать отъ всякой науки и что должно проявляться на каждомъ шагѣ, при каждомъ новомъ открытіи или изобрѣтеніи. Позитивизмъ не держитъ въ своихъ рукахъ человѣческихъ знаній, онъ не управляетъ и не руководитъ ими, но собираетъ лишь экспериментальныя данныя и сваливаетъ ихъ въ общую кучу, изъ которой каждый ученый выбираетъ, по своему усмотрѣнію, что ему подходитъ, безъ всякой системы, безъ всякой связи съ остальными данностями науки, равно и строитъ свои заключенія, совершенно не справляясь съ параллельными трудами другихъ ученыхъ въ другихъ областяхъ знаній.

Вѣдь объединять знанія и вырабатывать принципіальныя понятія можетъ только философія. Философіи же съ конца XVIII вѣка совершенно нѣтъ, она вырвана съ корнями изъ науки и все, что носитъ маломальски философскій характеръ, считается не научнымъ, не серьезнымъ и не разумнымъ.

Пусть читатель не думаетъ, что мы требуемъ введенія метафизики въ науку. Какъ метафизика въ наукѣ не понятна и не умѣстна, такъ и наука безъ научной философіи одинаково не понятна. Самъ Огюстъ Контъ считалъ философію (не метафизику, повторяемъ) логикой науки и считалъ, что только она одна можетъ слить всѣ научныя знанія въ одно гармоничное цѣлое, свести ихъ всѣ къ одному общему выводу, правильно оцѣнить и сгруппировать ихъ.

Прослѣдимъ правильный научный ходъ развитія мысли, способный удовлетворить условіямъ правильнаго и всесторонняго изученія какой либо области явленій. Прежде чѣмъ приступить къ изученію чего-либо, я долженъ предварительно отмѣтить, что именно и съ какой точки зрѣнія я буду изучать. Затѣмъ, я долженъ справиться во всѣхъ областяхъ знанія, что именно было уже изучено по этому поводу, и знать какія изъ найденныхъ мной такимъ образомъ данностей науки имѣютъ абсолютный, смыслъ, какія—вѣроятный, какія гипотетичный, а слѣдовательно какія могутъ служить исходными пунктами мышленія, ибо онѣ провѣрены наукой и приняты ею, какія могутъ служить лишь какъ соображенія и какихъ должно избѣгать, какъ заблужденій. Руководствуясь этими данными, я могу строить свои умозаключенія, владѣя незыблыми руководящими нитями принциповъ, справляясь постоянно со всѣми выводами параллельныхъ областей знанія. Эта уже одна задача объединенія всѣхъ знаній не можетъ быть выполнена экспериментальной наукой, но должна составить предметъ научной философіи. Но, кромѣ того, научная философія должна бы была считаться еще съ однимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ, а именно: почти всѣ приобрѣтенныя экспериментальнымъ путемъ понятія о природѣ не могутъ быть приняты прямо, какъ реальности, ибо вещь въ самой себѣ не есть еще то представленіе о ней, которое получено черезъ экспериментъ. Принимая, какъ до сихъ поръ принималъ позитивизмъ, понятія, добытыя экспериментомъ, за реальности, безъ всякой предварительной переработки ихъ философскимъ путемъ, и не одѣливъ въ нихъ возможное и вѣроятное отъ сомнительнаго, мы дѣйствуемъ опрометчиво и вполнѣ не научно, что свидѣтельствуемъ: 1) что мы не обладаемъ чувствомъ фактичности, ибо въ противномъ случаѣ мы не смѣшивали бы условныя понятія съ абсолютными; а въ 2) то, что тѣ понятія, какія должны бы были служить одними лишь соображеніями ума, мы переносимъ на самыя явленія и устанавливаемъ на нихъ свое понятіе о реальности; тогда какъ завѣдомо они составляютъ только непогрѣшимые исходные пункты мышленія, отъ

которыхъ мы должны бы были исходить выводомъ нашего познанія природы, а ни въ какомъ случаѣ не принимать ихъ за самыя знанія. Принимая же начало мышленія за конечный выводъ, мы необходимо должны вдаваться въ безысходныя противорѣчія и въ неисправимыя заблужденія.

Чтобы быть болѣе или менѣе непогрѣшимымъ, параллельно со всякимъ естественно-научнымъ изслѣдованіемъ, должна непремѣнно производиться философская обработка его, цѣль которой состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи данныхъ, добытыхъ экспериментомъ, правильно установить наши познанія о немъ; т. е. выдѣлить все реальное, находящееся въ нихъ, и построить такія понятія о природѣ, которыя имѣли бы дѣйствительное значеніе, вполне возможное или вѣроятное, связанное со всѣмъ остальнымъ зданіемъ науки. Эти понятія могли бы при дальнѣйшихъ выводахъ нашего ума служить въ свою очередь исходными пунктами послѣдующаго мышленія. Безъ такого образа дѣйствій наука не можетъ приобрѣсти никакого критерія, который далъ бы намъ возможность отличить реальное отъ воображаемаго, и мы будемъ всегда бродить въ туманѣ фантазій и противорѣчій.

Что позитивизмъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ считаться наукой не лучше ли всего доказываютъ царствующіе въ настоящее время въ немъ анархія мнѣній и полный хаосъ знаній, вызывающіе непримиримыя разногласія въ наукѣ, взаимныя попреки и обвиненія въ недомыслии и въ нелѣпостяхъ, которыя дѣлаютъ другъ другу ни кто оной, какъ представители физики, т. е. той области, гдѣ, повидимому, не должно быть мѣста для произвольныхъ, шаткихъ и фантастическихъ взглядовъ.

Все вышесказанное доказываетъ, что въ настоящее время наука безъ руля и вѣтриль двигается по инерціи, въ ожиданіи того времени, когда на нее взглянуть болѣе серьезно и примутся за окончательную перестройку и переработку заново всего, что въ ней находится.

Не надо этому удивляться, мысль эта не нова: самъ Огюсть Контъ никогда не ставилъ высоко задачи позитивной науки. Онъ никогда не называлъ ее ни позитивной и ни рациональной наукой, а просто экспериментальной и придавалъ ей весьма ничтожное значеніе среди всѣхъ остальныхъ человѣческихъ знаній. Онъ самъ отвергалъ, чтобы эта экспериментальная наука могла бы быстро слѣдовать по пути своего развитія и совѣтывалъ умышленно тормозить ея развитіе, ибо величайшей изъ заботъ его была единственно та, чтобы люди не старались знать больше, чѣмъ достаточно. А потому разработку по-

зитивизма онъ поручалъ только неудачнымъ кандидатамъ на священническую должность, кандидатамъ, „которымъ было отказано въ приѣмѣ въ священники по недостаточности нравственнаго величія и твердости характера, но которые могли быть признаны достойными оставаться въ числѣ пенсионеровъ духовнаго званія во вниманіе къ ихъ теоретическимъ способностямъ“. (Д. С. Милль, стр. 159). До такой степени пустымъ считалъ онъ экспериментальную науку. Онъ питалъ прямо ненависть къ ней и допускалъ ее только въ предѣлахъ строгой необходимости, когда черезъ нее можно было достигать или нравственной, или соціальной пользы.

Многіе ученые открыто протестовали противъ университетской науки вообще и возможности считать нашъ современный позитивизмъ наукой; напримѣръ, Артуръ Шопенгауеръ весьма энергично возстаетъ на возможность примѣненія принциповъ университетской науки въ серьезной наукѣ и философіи. Онъ называетъ подобныхъ людей рыцарями ремесла и профессіи и въ своихъ „Философскихъ разсужденіяхъ о четвертомъ корнѣ закона достаточности основанія“ (Перев. Фета, Москва, 1886) говорить: „Если бы съ высокаго Олимпа истина сошла бы нагая, какъ мать ея родила, и приносимое ею найдено было бы несоотвѣтствующимъ требованіемъ тогдашнихъ временныхъ обстоятельствъ и цѣлямъ высшаго начальства, господъ „профессіи и ремесла“ воистину не стали бы терять времени съ этой непристойной нимфой, съ этой невѣстой безъ приданого, а поскорѣе прогнали бы ее комплиментами обратно на родной Олимпъ. Ибо, конечно, вступающій въ связь съ этой заманчивой сиреной долженъ отказаться отъ счастья быть философомъ на государственной кафедрѣ. Онъ будетъ, если и пойдетъ высоко, то развѣ философомъ на чердакѣ изъ-за куска насущнаго хлѣба.“

„Пусть они продолжаютъ поступать какъ хотятъ: истина „въ угожденіе ремеслу“ не станетъ другой.“

„Дѣйствительно серьезная философія переросла университетъ. Быть можетъ дѣло дойдетъ до того, что она будетъ сопричислена къ тайнымъ наукамъ; тогда какъ ея изнанка, та университетская ancilla-theologiae, этотъ плохой дублетъ схоластики, коего высшимъ критеріумомъ философической истины—мѣстная догматика, тѣмъ громче будетъ раздаваться въ аудиторіяхъ: „Мы пойдемъ однимъ путемъ, а вы ступайте другимъ“.“

Карлейль говоритъ: „Жизнь этихъ людей посвящена поруганію истины и религіи. Взоръ ихъ только скользитъ по поверхности природы. Вся ея красота съ безконечнымъ тай-

нымъ величіемъ, никогда, ни на одно мгновеніе, ими не была понята.... Разлагая матерію, роаясь во внутренностяхъ человѣческихъ труповъ и не находя въ нихъ ничего, кромѣ того, что можно взвѣсить и ощупать, они рѣшили, что нѣтъ души, нѣтъ Провидѣнія,— есть однѣ прирожденныя матеріи силы.... Ихъ теорія міра, картина человѣка и человѣческой жизни— какъ они мелочны и жалки“.

Огюстъ Контъ находитъ, что метафизики и литераторы (lettrés) содѣйствовали ниспроверженію старой религіи и стараго соціального порядка, но волюнѣ враждебно относятся къ созданію чего-либо новаго; они желаютъ только продлить время существующаго скептицизма и умственной анархіи, которые доставляютъ имъ дешевое средство къ соціальному вліянію, избавляя ихъ отъ труда пріобрѣтать его посредствомъ прочной подготовки. Ученый классъ, отъ котораго можно было бы ожидать самыхъ лучшихъ проявленій, оказывается, если возможно, еще хуже. Чуждые обширныхъ взглядовъ, пренебрегающіе всѣмъ, что слишкомъ широко для ихъ пониманія, посвятившіеся каждый исключительно своей спеціальности, презрительно равнодушны къ нравственнымъ и политическимъ интересамъ— ученые имѣютъ единственную цѣль: пріобрѣсти поскорѣй репутацію, а во Франціи (путемъ состоящихъ на жалованіи академій и профессорскихъ кафедръ) даже и личную выгоду, сводя свою науку на праздныя и бесполезныя изслѣдованія, не имѣющія значенія для дѣйствительныхъ интересовъ человѣчества и стремящіяся отвлечь мысль отъ этихъ интересовъ. Одна изъ самыхъ важныхъ обязанностей общественнаго вниманія и духовной власти состоитъ въ томъ, чтобы клеймить какъ безнравственное и дѣятельно устранить такое бесполезное употребленіе умственныхъ способностей. Надо удерживать всякое упражненіе мысли, не приносящее какой-либо пользы человѣчеству“ (Миль о Контѣ, стр. 155—156).

Кантъ признаетъ матеріализмъ первою законною ступенію на длинной лѣстницѣ философскихъ системъ, ведущей постепенно до чистаго идеализма; вторая ступень, по его мнѣнію, есть скептицизмъ. Обѣ эти системы онъ считаетъ чистѣйшими заблужденіями, но говоритъ, что эти заблужденія весьма естественны при развитіи наукъ. Въ „Прологоменахъ“, стр. 166 и 167, онъ говоритъ слѣдующее: „Я нахожу, что психологическая идея, хотя и не открываетъ мнѣ ничего относительно чистой сверхъопытной природы человѣческой души, однако, по крайней мѣрѣ, довольно ясно показываетъ неудовлетворительность опытныхъ понятій объ этомъ предметѣ и этимъ отклоняетъ меня отъ матеріализма, какъ такого психологическаго

понятія, которое негодится ни для какого естественнаго объясненія и сверхъ того суживаетъ разумъ въ практическомъ отношеніи. Точно также космологическія идеи, показывая очевидную недостаточность всего возможнаго естествознанія къ удовлетворенію законныхъ запросовъ разума, удерживаютъ насъ отъ натурализма, признающаго природу самодовлеющею. Такимъ образомъ трансцендентальныя идеи, хотя и не даютъ намъ положительнаго знанія, однако служатъ къ упраздненію дерзкихъ и суживающихъ область разума утверждений матеріализма, натурализма и фатализма, и чрезъ то даютъ просторъ нравственнымъ идеямъ внѣ области умозрѣнія; это, мнѣ кажется, въ нѣкоторой степени объясняетъ естественную способность къ этимъ идеямъ“.

Либихъ въ своихъ химическихъ письмахъ называетъ матеріалистовъ прямо „дилетантами“.

Ф. А. Ланге, какъ выводъ изъ своей „Исторіи Матеріализма“, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „что провозглашеніемъ матеріалистическихъ идей въ большинствѣ случаевъ занимались не самые основатели, открыватели и изобрѣтатели, однимъ словомъ,—не первые мастера какой-нибудь спеціальной области, и что потому не мало ошибокъ въ стромъ методѣ сдѣлано людьми, подобными Бюхнеру, Мошотту и Фогту (стр. 120).

„Желаніе построить философское міровоззрѣніе исключительно на естественныхъ наукахъ въ наше время можетъ быть обозначено какъ философская односторонность самага дурнаго свойства. Съ тѣмъ же правомъ, съ которымъ эмпиристическій натурфилософъ, на манеръ Бюхнера, противопоставляетъ себя одностороннему спеціальному изслѣдованію, всякій всесторонне образованный философъ можетъ противопоставить себя Бюхнеру и поставить ему въ упрекъ тѣ предубѣжденія, которыя неизбежно должны произойти изъ ограниченности его круга зрѣнія“ (Ланге, т. II, стр. 123, 124).

Чольбе, въ сущности самъ матеріалистъ, и упрекаетъ своихъ же собратій въ томъ, что, не смотря на постоянные и вѣковые споры за и противъ матеріализма, они не могли еще сдѣлать чего-нибудь, чтобы привести свой способъ пониманія вещей въ удовлетворительную систему: „чтѣ въ самое новѣйшее время“, спрашиваетъ онъ, „сдѣлали для этого Фейербахъ, Фогтъ, Мошоттъ и др.—суть лишь возбуждающія, отрывочныя утверждения, которыя при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи дѣла неудовлетворительны. Утверждая лишь вообще объяснимость всѣхъ вещей чисто естественнымъ образомъ, но не сдѣлавши даже попытки доказать ее въ частности, они находятся еще

въ сущности на почвѣ враждебной имъ религіи и умозрительной философіи“. (N. Darst. d. Sensual. Leipzig, 1885 г., S. VII). (Ланге, т. II, стр. 113).

Ботаникъ фонъ-Моль: „Кто собственно велѣлъ натуралистамъ философствовать, вмѣсто того чтобы изслѣдовать? Развѣ когда нибудь какой-либо философъ, даже въ періодъ сильнѣйшаго броженія, хотѣлъ серьезно замѣнить точное изслѣдованіе своею системою? Даже Гегель, самый высокоумный изъ новѣйшихъ философовъ, никогда не смотрѣлъ на свою систему, какъ на положительное завершеніе научнаго познанія, какъ это должно бы быть по тому пониманію, которое мы оспариваемъ. Онъ очень хорошо зналъ, что никакая философія не можетъ пойти дальше совокупнаго умственнаго содержанія своего времени. Конечно, онъ былъ достаточно ослѣпленъ, чтобы не цѣнить богатыхъ философскія сокровища, которыя частныя науки даютъ мыслителю, и въ особенности онъ ставилъ слишкомъ низко умственное содержаніе положительныхъ наукъ. Если бы ихъ собственная наука имѣла болѣе твердое основаніе, то она лучше противостояла бы бурямъ страсти къ умозрѣнію.

„Это происходитъ отчасти отъ того, что наука, часто, ради денегъ и почестей, позволяла злоупотреблять собою для того, чтобы поддерживать отжившія силы и служила хищническому интересу указаніемъ на прошлое великолѣпіе и на историческое приобрѣтеніе общевредныхъ правъ“. (Ланге, т. II, стр. 150, 151).

Н. Я. Гротъ. Профессоръ Новороссійскаго университета, въ своей книжкѣ „О душѣ какъ силѣ“, 1886 г., восклицаетъ: „Не пора ли, наконецъ, намъ очнуться отъ „позитивнаго террора“, который овладѣлъ обществомъ въ послѣднія десятилѣтія“.

Докторъ Бенедиктъ въ Вѣнѣ (въ своей книгѣ „Каталепсія и Месмеризмъ“, СПб., 1880, перев. Дмитріева, на 12 страницѣ) говоритъ: „Во-первыхъ, ученый міръ издавна свирѣпствовалъ противъ истинъ, вышедшихъ не изъ цеха, — это фактъ историческій. Но хотя бы истина вышла изъ среды ученыхъ и премудрыхъ, все-таки, если она не одобрена ученымъ міромъ, пеховое фарисейство ополчалось противъ ученія и учителя; если бы союзъ фарисейства съ свѣтской властью не былъ историческимъ фактомъ, — не пришлось бы Сократу выпить цикуту, Христу Спасителю быть распятымъ, Гуссу быть сожженному и т. п.

„Во-вторыхъ, цеховая оппозиція вооружается и тогда, если мысль не созрѣла для научнаго міра, или самъ научный міръ не созрѣлъ для этой истины.

„Непонятность Месмеровскаго вліянія не должна бы вызывать противъ себя столь злобной вражды со стороны врачей; дѣйствіе большей части лекарствъ и прежде было, да и теперь остается неизвѣстнымъ. Кому же извѣстенъ, на примѣръ, механизмъ дѣйствія морфія, атрофина, или почему яды дѣйствуютъ такъ, а не иначе?“

М. П. Погодинъ: „Наука, грамота, религія и вообще все можетъ быть употребляемо во зло. Злоупотребленія, увлеченія, дерзость возгордившихся жрецовъ науки возмущаютъ всякаго благочестиваго скромнаго искателя истины (или, лучше сказать, нашихъ поугаевъ имѣль я въ виду, говоря о безответственности науки на высшіе вопросы человѣческіе).

„Если бы мы поняли что-нибудь совершенно, если бы могли имѣть надежду, по вѣрнымъ даннымъ, что можемъ понять и узнать все, хотя мало-по-малу, то наше невѣріе могло-бы сколько-нибудь оправдаться. Но вѣдь мы остаемся во мракѣ среди своихъ усиленныхъ, напряженныхъ изслѣдованій, и не должны имѣть никакой надежды выдти на свѣтъ по одному этому пути, подъ руководствомъ разума.

„Неужели весь родъ человѣческой осужденъ на Сизифову работу—втаскивать съ усиленіемъ на гору камень, который скатывается оттуда внизъ? или на занятія Данаидъ, которыя должны были накачивать бездонныя кадки? Можетъ ли быть такъ? Неужели такъ должно быть, и этому не будетъ конца? Умъ отказывается вѣрить такому ученію. Что-нибудь да не такъ.

„По одному пути науки, разумѣется, въ своей степени необходимому, нельзя, видно, найти истины, получить здѣсь полное удовлетвореніе.

„Откуда все взялось? какъ произошло? кто далъ намъ жизнь? что она такое? для чего мы живемъ? что такое смерть? безконечность, безпредѣльность, вѣчность, пустота?... Одни изъ модныхъ философовъ ищутъ себѣ отвѣтовъ на эти и подобныя существенные вопросы, не находятъ, встрѣчаются съ противорѣчіями и отвергаютъ; другіе, позитивисты, не отрицая существованія вопросовъ, объявляютъ ихъ не принадлежащими наукѣ; третьи говорятъ, что искать отвѣтовъ нечего, что вопросы эти не стоятъ вниманія, а должно думать только о томъ, изслѣдовать только то, что подлежитъ нашимъ чувствамъ.

„Другіе философы признаютъ существованіе вопросовъ, но объявляютъ ихъ не принадлежащими позитивной наукѣ.

„Кому же они принадлежатъ? Куда дѣтсся отъ нихъ? Что дѣлать съ ними? Подъ красное сукно положить ихъ нельзя.

„Вы считаете ихъ не принадлежащими наукѣ, потому что

объяснить ихъ не можете, но вы допускаете ихъ существованіе, такъ отнеситесь по крайней мѣрѣ къ вопросамъ этого рода, какъ къ высшимъ тайнамъ религіи, съ бѣльшимъ почтеніемъ и смиреніемъ.

„Можно недоумѣвать, можно сомнѣваться, можно быть неувѣренну и говорить: не понимаемъ, не знаемъ, но отрицать безусловно непонимаемое есть и дерзость, и невѣжество.

„Ученые, отвлекаясь, увлекаясь и завлекаясь, могутъ иногда довольствоваться мнимою положительностію и даже наслаждаться своими открытіями въ ея предѣлахъ: иные, погружаясь въ свои изысканія, тонуть въ ихъ глубинѣ (а наши— въ помойныхъ ямахъ Запада), и до такой степени овладѣваются ими, что лишаются способности поднять голову, посмотреть на небо и обозрѣть горизонтъ. Теряясь въ частности, они не могутъ уже возвыситься до общаго; занимаясь мелкими дробями, тупѣютъ для воображенія миллиардныхъ чиселъ и такъ тяжелѣютъ, что не могутъ возвыситься до мысли о великой Единицѣ трехъ упростасей.

„А вы развѣ понимаете?—спрашиваютъ эти философы своихъ противниковъ. — Нѣтъ, не понимаемъ, — тѣ отвѣчаютъ, — и даже болѣе, не смѣемъ сказать, что вѣримъ, потому что часто колеблемся и забываемся, но можемъ сказать, что преклоняемся со страхомъ и трепетомъ предъ вѣчною Премудростію, чьею бы то ни было, говоря вашимъ языкомъ, передъ Богомъ, какъ мы ее называемъ, благоговѣемъ предъ Спасителемъ, великимъ Учителемъ рода человѣческаго, Исусомъ Христомъ, и въ лучшія минуты своего сознанія, молимся: вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію!

„Мы не понимаемъ и смиряемся предъ непостижимостію, а вы сквернословите и богохульствуете.

„Наши философы, нигилисты и прогрессисты суть большею частію недоучившіеся студенты и озлобленные семинаристы, или дилетанты самоучки.

„Со всѣми науками, искусствами, теоріями, системами, политикою и всякою премудростію они познакомились какъ будто изъ телеграммъ и, не дождавшись почты, пустились судить и рядить вкось и вкривь о всѣхъ великихъ задачахъ человѣческой жизни, о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго управленія.

„Друзья мои! Подождать бы вамъ почты: можетъ быть принесла бы она вамъ основанія болѣе твердыя и прочныя“. (О модн. толк., стр. 22, 23 и 30).

Н. Я. Данилевскій въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Дарвинизмъ“ (т. II, стр. 504—506) говоритъ: „Я весьма да-

лекъ отъ той мысли, что границы положительной науки не только въ данное время, но и вообще совпадаютъ съ законными границами человѣческаго мышленія. Есть ученіе, дающее себѣ названіе позитивной философіи, утверждающее это. Здѣсь не мѣсто его разбирать, и я замѣчу только, что такъ называемый позитивизмъ, такъ же мало имѣетъ права называться философіею, какъ ученіе, которое бы утверждало, что всякое врачеваніе (и діетическое и профилактическое, конечно, въ томъ числѣ) бесполезно и безцѣльно, имѣло бы право называть себя врачбною наукой; или ученіе аббата Сентъ-Пьера о вѣчномъ мірѣ—стратегіей или тактикой. Притязанія позитивизма представляются мнѣ въ образѣ датскаго и англійскаго короля Канута Великаго, повелѣвающаго морскому приливу остановиться у ногъ, съ тою, однако же, существенною разницею не въ пользу позитивизма, что Кануть приказывалъ приливу иронически, для посрамленія своихъ льстецовъ,—Контъ же и его послѣдователи серьезно отдають приказъ человѣческой мысли остановиться и не идти далѣе. Конечно, и мысль имѣетъ столь же мало возможности послѣдовать ихъ велѣнію, какъ и море приказанію Канута.

„Неправильно то представленіе, по которому метафизика и положительная наука представляются фазисами развитія человѣческой мысли. Это не фазисы развитія, а два метода, которые всегда совмѣстно дѣйствуютъ при стремленіи человѣка познать природу (т. е. все, что есть). Но если, по великолѣпному выраженію Бера: „наука вѣчна въ своемъ источникѣ, не ограничена ни временемъ, ни пространствомъ въ своей дѣятельности, неизмѣрима въ своемъ объемѣ, безконечна въ своей задачѣ, непостижима въ своей цѣли“ (Baer Reden., 1864, S. 121), то напрасны опасенія или надежды, что она когда-нибудь достигнетъ той точки, на которой или обратится вся въ философію, въ метафизику, въ дедуктивный выводъ изъ единой общѣйшей идеи; или, наоборотъ, вытѣснить всякую метафизику, т. е. послѣдовательнымъ и непрерывнымъ рядомъ наблюдений и опытовъ достигнетъ полнаго всецѣлаго знанія. То и другое одинаково невозможно!“

Послѣ всего вышесказаннаго дѣлается понятнымъ, отчего послѣдователи позитивизма должны непременно быть атеистами, или матеріалистами. И какое же другое міровоззрѣніе можетъ дать наука, которая проповѣдуетъ, что природа обходится своими собственными законами, что матерія обладаетъ достаточнымъ количествомъ свойствъ ей присущихъ отъ вѣчности, чтобы производить всѣ явленія природы. Человѣкъ изучаетъ науку съ самыхъ раннихъ лѣтъ и не только никогда

въ ней не встрѣчался съ вопросомъ о Богѣ, но считалъ запрещеннымъ и постыднымъ поднимать такой пустой вопросъ, на который онъ впередъ зналъ какой получить отвѣтъ.

На это намъ возразить, что въ каждой школѣ обязательно изучать законъ Божій и что всякій знаетъ насколько это необходимо.

Но дѣло не въ томъ, что учать, а на какую почву подаетъ сѣмя ученія. Если почва плохая, не разработанная, не готовая, то и плоды будутъ скудны.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя элементами: съ вопросомъ о безвѣрїи, который весьма легко принимается на почвѣ нашей порочной души, нравственно парализованной, и съ вопросомъ о вѣрїи въ отвлеченнаго Бога, который, какъ всякая отвлеченность, не соотвѣтствуетъ нашимъ привычкамъ и складу нашего позитивнаго ума.

Оставляя въ сторонѣ современный позитивизмъ, надо сказать, что во всѣ времена существованія науки, начиная съ самой глубокой древности, люди съ атеистическимъ и материалистическимъ складомъ ума давали изслѣдованія природы несравненно уже и поверхностнѣе, чѣмъ ученые со спиритуалистическимъ міровоззрѣніемъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Міровоззрѣніе матеріалистовъ.

Во всѣ времена существованія человѣка появлялись люди съ могучимъ и высокимъ развитіемъ своихъ внутреннихъ чувствъ, своего сердца и души, которые открывали въ природѣ впечатлѣнія истины и красоты, остающіяся для всѣхъ остальныхъ вполне непонятными и недосыгаемыми. Если къ этой нравственной силѣ присоединялись гениальный умъ и научныя познанія то свѣтъ обогащался новымъ ученымъ, обширнѣйшій кругозоръ котораго дарилъ наукѣ новыя ученія и великія открытія.

Современники рѣдко понимали всю высоту мысли ихъ и все значеніе этихъ ученій. Они всегда понимали ихъ по своему; частью ученія эти совсѣмъ оставались непонятыми и скоро забывались; частью они переиначивались и приспособлялись къ болѣе узкому и поверхностному взгляду людей на природу вещей.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ средній уровень нравственнаго развитія людей возвышался, и пониманіе этихъ ученій все болѣе и болѣе приближалось къ тому коренному смыслу, который самъ ихъ творецъ придавалъ имъ.

Ученія многихъ знаменитыхъ мыслителей оставались цѣлыя тысячелѣтія непонятыми и не понимаются въ истинномъ ихъ свѣтѣ и до настоящаго времени. Многое, что говорили намъ такіе мыслители, какъ Сократъ, Сенека, Маркъ Аврелій возбуждаютъ въ насъ еще въ настоящее время сомнѣніе и даже улыбку; но свѣтъ дозрѣетъ и до нихъ, и когда нибудь и они будутъ поняты и оцѣнены.

Великіе мыслители и столпы образованности рѣдко оцѣнивались ихъ современниками по достоинству. Оцѣнивали ихъ развѣ въ десятомъ и двадцатомъ поколѣніи; при жизни-же они были обречены влачить тяжелое существованіе въ одинокой борьбѣ съ грубостью и невѣжествомъ.

Въ противоположность имъ, мы видимъ какую популярностью и любовью общества пользуются матеріалистическіе и атеистическіе писатели и философы. Нравственное развитіе ихъ болѣе подходит подъ развитіе общества, всѣ ученія ихъ уже и поверхностнѣй и потому лучше усваиваются обществомъ. Изъ нихъ многіе были люди высоко умственно-развитые, обладали большой ученостью, даромъ слова, неотразимой логикой и умѣнемъ излагать свои мысли просто и естественно, такъ что слушатель не могъ не согласиться съ ними. Они при жизни своей уже пожинали лавры отъ научныхъ своихъ трудовъ и имѣли толпы послѣдователей.

Съ одной стороны, надо справедливо отнестись къ ихъ полезной дѣятельности, ибо хотя они проповѣдывали и матеріалистическія ученія, но этимъ они возбуждали научный интересъ общества и черезъ это подготавливали его къ воспріятію высшихъ истинъ. Неразвитое еще общество требовало себѣ легкихъ формъ ученій и пользовалось ихъ философіей, какъ временной и переходной формой, чтобы современемъ умѣть понимать великихъ мастеровъ науки.

Съ другой стороны, не трудно видѣть и ихъ заблужденія. Многіе изъ нихъ рѣшительно не могли объять никакихъ отвлеченныхъ представленій, ничего индуктивнаго; понятія о духовной сущности вещей и причинности были для нихъ положительно недоступны, и вся мудрость ихъ ограничивалось поверхностнымъ изученіемъ матеріи, ея законовъ и видимыхъ проявленій природы. Они въ матеріи самой и искали причину возникновенія матеріи; объясненія явленій искали въ самихъ явленіяхъ и ни за что не хотѣли, а лучше сказать не могли, не были способны допустить ничего отвлеченнаго и скрытаго и умозрительнаго, и вся природа, по ихъ мнѣнію, ограничивалась однимъ видимымъ міромъ.

При этомъ міровозрѣніи никакая философія не мыслима, ибо атеистической философіи нѣтъ и быть не можетъ. Сколько не трудились люди, однако, до сихъ поръ, никому изъ нихъ еще не удалось создать атеистической философіи.

До сего времени ни одна изъ философскихъ системъ не могла создать такой космогоніи, которая обходилась бы безъ чего-нибудь Всеобъемлющаго, Всесозидающаго, или вообще безъ элемента Господствующаго или Первенствующаго во все-

ленной; ни одно міровоззрѣніе не полно и не понятно безъ этого „нѣчто“. Каждый матеріалистическій философъ старался опредѣлить и выяснить это „нѣчто“ по-своему; каждый изъ нихъ, не признавая ничего отвлеченнаго, ничего ему неизвѣстнаго, искалъ его кругомъ себя, въ своей наукѣ, въ своихъ знаніяхъ, въ опытности и, не находя другаго исхода, ничего болѣе подходящаго, долженъ былъ остановиться на признаніи Бога — матеріи, Бога — силы, Бога — движенія, или чего-либо подобнаго, лишь бы не признать истиннаго Бога; каждый изъ нихъ рисовалъ себѣ по-своему невѣрно понятаго Бога въ томъ видѣ, какъ позволяли ему ограниченныя и одностороннія научныя убѣжденія его въ связи со слабымъ нравственнымъ развитіемъ души его.

Это фактъ, дѣйствительно достойный замѣченія, что всякая философская система, какъ бы она не желала стать ближе къ чистому атеизму, должна была все-таки признать если не кого-нибудь, то что-нибудь за Бога.

„Если посмотрѣть“, говоритъ Ланге, „какъ атеистъ Штраусъ уснащаетъ свою вселенную, чтобы ее почитать, то приходишь невольно къ убѣжденію, что онъ еще не очень удалился отъ почитанія истиннаго Бога. Повидимому, остается только дѣломъ вкуса, чтить ли онъ въ мужескомъ родѣ „Бога“, или въ женскомъ „природу“, или въ среднемъ „мірозданіе“. Чувства тѣ же и даже способъ представленія предмета этихъ чувствъ не отличается существенно. Вѣдь по его теоріи этотъ Богъ не личенъ, а въ одушевленномъ энтузіазмѣ и въ мірозданіи принимается имъ за лицо“. (Истор. мат., т. I, стр. 466).

Чтобы лучше ознакомиться со взглядами матеріалистическихъ теорій на Бога и на міръ, приведемъ вкратцѣ ихъ подлинныя слова, изъ которыхъ мы увидимъ, что многіе очень близко приходятъ къ понятію объ истинномъ и личномъ Богѣ, какъ Творцѣ вселенной. А именно:

I. Эпикуръ почиталъ представленіе о богахъ, какъ элементъ благородной человѣческой сущности, а не самихъ боговъ, какъ внѣшнія существа. Онъ почиталъ боговъ за ихъ совершенство, что онъ могъ дѣлать какъ въ томъ случаѣ, когда это совершенство выражается во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, такъ равно и тогда, когда оно раскрывается въ нашихъ мысляхъ какъ идеаль; и это послѣднее, кажется, составляло его настоящую точку зрѣнія. Душа, по его мнѣнію, есть тонкое вещество, разсѣянное по всему агрегату тѣла, походящее болѣе всего на воздухъ съ примѣсью тепла. Тѣло облекаетъ душу и проводитъ въ ней ощущеніе; черезъ нее оно дѣлается причастно ощущенію, хотя не вполне, и теряетъ это ощущеніе,

когда душа разсѣвается. Когда тѣло разрѣшается, — душа должна разрѣшиться вмѣстѣ съ нимъ. (Ланге, т. I, стр. 79, 83).

„Эпикурійскіе боги совершенно похожи на человѣка, только имѣющаго невещественное тѣло; они обитаютъ промежуточные пространства между отдѣльными мірами и наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ, состоящимъ въ томъ, что они не заботятся ни о чемъ, и не обращаютъ никакого вниманія на людей“. (Истор. Филос. Бауера).

Онъ основывалъ существованіе боговъ на ясномъ, субъективномъ познаніи, которое мы имѣемъ о нихъ; но онъ училъ, что безбожникъ не тотъ, кто отрицаетъ боговъ, но скорѣе тотъ, который соглашается съ мнѣніемъ толпы о богахъ. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на вѣчныя, бессмертныя существа, блаженство которыхъ исключаетъ всякую мысль о заботѣ или трудѣ; поэтому явленія природы идутъ въ своемъ теченіи по вѣчнымъ законамъ, и никогда на нихъ не дѣйствуютъ боги, величіе которыхъ мы оскорбляемъ, когда предполагаемъ, что они заботятся о насъ; но мы должны ихъ потитать за ихъ совершенство.

II. Лукрецій Кара различалъ душу (пневма) и духъ (нусъ). И то и другое онъ считаетъ тѣсно соединенными между собою составными частями человѣка. Какъ рука, нога, глазъ составляютъ органы живаго существа, такъ же и духъ. Онъ отвергаетъ воззрѣніе, по которому душа состоитъ лишь въ гармоніи всей тѣлесной жизни. Теплота и жизненный воздухъ (которые составляютъ тѣло при смерти) образуютъ душу, и тончайшая самая внутренняя составная часть ея, которая имѣетъ свое мѣстопробываніе въ груди и единственно чувствуетъ, — есть духъ, — и душа и духъ имѣютъ вещественную природу и состоятъ изъ мельчайшихъ, самыхъ круглыхъ атомовъ.

Когда въ воздухѣ разносится букетъ вина или запахъ благовоннаго масла, то не видно, однако, никакого уменьшенія ихъ вѣса. То же самое происходитъ съ тѣломъ, когда исчезаетъ душа. (Ланге, т. I, стр. 114).

III. Ксенофонтъ считалъ основою всего существующаго единственное существо, называемое Богомъ, или, что для него все равно, — это міръ. Но міръ онъ почиталъ не какъ множество различныхъ вещей, а какъ одно великое и таинственное цѣлое.

Онъ признавалъ основными началами міра четыре элемента: землю, воду, воздухъ и огонь.

IV. Джонъ Толандъ говорилъ, что Богъ есть все, изъ Котораго все рождается и къ Которому все возвращается. Его культъ чтить истину, свободу и здоровье, — три высшія блага

мудраго. Его святые Отцы Церкви суть выдающіеся умы и самые лучшіе писатели всѣхъ временъ, въ особенности классической древности; но и они также не должны представлять авторитета, который могъ бы держать въ оковахъ свободный духъ человѣка. Въ Сократовской Литургіи предстоящій взываетъ: „Не клянитесь словами учителя“! И на это изъ собранія несется отвѣтъ: „Ни даже словами Сократа“. (Ланге, т. I, стр. 257).

V. Гессенди считалъ міръ за устроенное въ порядкѣ цѣлое, и спрашивается только какимъ образомъ онъ устроенъ; именно — одушевленъ онъ, или нѣтъ. Если понимать подъ душею міра Бога и утверждать только, что Богъ Своєю сущностью и Своимъ присутвіемъ все сохраняетъ, всѣмъ управляетъ, и, такимъ образомъ, такъ сказать, одушевляетъ, то это, конечно, можно признать.

Его ученіе объ атомахъ, пустомъ пространствѣ, недѣлимости до безконечности, движеніе атомовъ и т. д. вполнѣ слѣдуетъ Эпикуру. Замѣчательно только то, что Гессенди отождествляетъ вѣсъ или тяжесть атомовъ съ ихъ внутреннею естественною способностію къ движенію. Впрочемъ, онъ признавалъ, что этимъ движеніемъ атомы одарены Богомъ съ самаго начала.

Богъ, заставившій землю и воду произвести растенія и животныхъ, сотворилъ опредѣленное число атомовъ, чтобы они составляли сѣмена. Затѣмъ только начался рядъ твореній и разрушеній, который существуетъ и до сего дня, и будетъ существовать и потомъ.

„Первая причина всего есть Богъ“, однако, все разсужденіе далѣе имѣетъ дѣло только съ вторичными причинами, которыя ближайшимъ образомъ производятъ каждое частное измѣненіе. Но принципъ его долженъ быть необходимо тѣлеснымъ. Въ искусственныхъ продуктахъ двигающее начало отлично отъ вещества; но въ природѣ дѣятель дѣйствуетъ внутренно и есть только самая дѣятельная и самая подвижная часть матеріи. Между видимыми тѣлами одно двигается всегда другимъ; самодвижущееся начало суть атомы.

Его система знаетъ только матеріальную, состоящую изъ атомовъ душу, но духъ долженъ принять на себя роль безсмертія и безтѣлесности. (Ланге, т. I, 207—210).

VI. Гоббсъ: „Познаніе Бога вообще не принадлежитъ наукѣ, потому что тамъ, гдѣ нельзя ничего придать или вычесть, прекращается мышленіе. Правда, связь между причиною и слѣдствіемъ ведетъ насъ къ тому, чтобы принять послѣднее основаніемъ всякаго движенія, — первичное движущее начало;

но ближайшее опредѣленіе его сущности остается чѣмъ-то совершенно не мыслимымъ, даже противорѣчающимъ мышленію, такъ что дѣйствительное признаніе и выполненіе идеи Бога должно быть предоставлено религіозной вѣрѣ". (Ланге, т. I, стр. 219).

Гоббсъ не считаетъ возможнымъ отвергать чудеса, но онъ сравниваетъ ихъ съ пилюлями, которыя *надо проглатывать, но не слѣдуетъ жевать*.

Человѣкъ, по его мнѣнію, есть субъектъ ощущенія, объектъ—предметъ, который ощущается; но образы или чувственные качества, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ предметъ, не суть самый предметъ, но нѣкоторое извнутри насъ самихъ происходящее движеніе. Слѣдовательно, отъ свѣтящихся тѣлъ не исходитъ никакого свѣта, отъ звучащихъ—никого звука, но отъ обоихъ исходятъ только извѣстныя формы движенія. Свѣтъ и звукъ суть ощущенія и возникаютъ, какъ таковыя, лишь внутри насъ, — какъ обратное, исходящее отъ сердца движеніе. Отсюда выходитъ сенсуалистическое слѣдствіе, что всѣ такъ-называемыя чувственные качества, какъ таковыя, не принадлежатъ вещамъ, но возникаютъ только въ насъ самихъ. Но рядомъ съ этимъ стоитъ чисто матеріалистическое положеніе, что и человѣческое ощущеніе есть ничто иное, какъ движеніе частицъ тѣла, возбуждаемое внѣшнимъ движеніемъ предметовъ.

Въ отношеніи къ разсмотрѣнію міроваго цѣлаго Гоббсъ придерживается исключительно познаваемыхъ и объясняющихся по закону причинности явленій. Все, о чемъ нельзя ничего знать, онъ предоставляетъ теологамъ. Замѣчательный порядокъ заключается еще въ положеніи о дѣятельности Бога, которое, конечно, не утверждается прямо, такъ какъ оно противорѣчитъ одному изъ членовъ вѣры англиканской церкви, но онъ только намекаетъ на него, какъ на возможное слѣдствіе. (Ланге, т. I, стр. 227).

VII. Де-ла-Меттри: „Для нашего спокойствія безразлично знать, есть ли Богъ, или Его нѣтъ, сотворилъ ли Онъ матерію, или она вѣчна. Какое безуміе мучиться о вещахъ, знаніе которыхъ невозможно, но которыя, если бы мы знали ихъ, ничуть не сдѣлали бы насъ счастливѣе?

О безсмертіи Ла-Меттри трактуетъ подобнымъ же образомъ, какъ о представленіи Бога но, очевидно, онъ стремится представить безсмертіе возможнымъ. „И самая умная изъ гусеницъ“, говоритъ онъ, „конечно вовсе не знаетъ, что изъ нея должна выйти бобочка; мы же знаемъ лишь ничтожную часть природы, и такъ какъ наша матерія вѣчна, то мы не

знаемъ, что еще можетъ изъ нея выйти. Наше счастье зависитъ въ этомъ случаѣ *отъ нашего незнанія* (?). Кто думаетъ такимъ образомъ, тотъ становится мудрымъ и справедливымъ, покойнымъ о своемъ жребіи, а, слѣдовательно, счастливымъ. Онъ будетъ ожидать смерти, не страшась ея и не желая“.

Принципа жизни Ла-Меттри не только не находятъ въ душѣ (которая для него есть лишь матеріальное сознаніе), онъ не находятъ его и въ цѣломъ, а въ отдѣльныхъ частяхъ. Каждое мельчайшее волокно организованнаго тѣла приводится въ движеніе присущимъ ему принципомъ.

Человѣкъ относится къ животнымъ, какъ планетные часы Гюйгенса къ обыкновеннымъ часамъ. Какъ знаменитый механикъ Вокансонъ употребилъ для своего механическаго флейтиста больше колесъ, чѣмъ для своей утки, такъ и устройство человѣка сложнѣе устройства животныхъ. Для говорящаго человѣка Вокансонъ употребилъ бы еще больше колесъ, и такую машину нельзя уже болѣе считать невозможною. (Ланге, т. I, стр. 315—318).

VIII. Джіордано Бруно былъ пантеистомъ. Богъ, по его ученію, есть безконечный разумъ, причина причинъ, источникъ жизни и духа, великая сила, проявленіе которой мы называемъ вселенной. Но Богъ не создалъ вселенную. Онъ одарилъ ее жизнью, бытіемъ. Онъ Самъ вселенная, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ причина есть дѣйствіе. Онъ заключаетъ въ Себѣ вселенную, порождаетъ ее, но не входитъ въ ея границы. Онъ самосущъ и дѣятельность на столько свойственна Ему, что Онъ непрерывно проявляетъ Себя, какъ причину всего совершающагося. Высшее Существо отличается отъ подчиненныхъ ему низшихъ существъ тѣмъ, что оно абсолютно единообразно и не имѣетъ частей. Оно есть единое цѣлое, тождественное въ самомъ себѣ и вездѣсущее, между тѣмъ какъ другія существа суть лишь индивидуальныя части, отличныя отъ великаго цѣлага. Надъ видимой вселенной и кромѣ ея существуетъ безконечное невидимое, — неподвижное, неизмѣнное Тожество, управляющее всѣмъ разнообразіемъ. Это существо существъ, единство единствъ, — есть Богъ.

Бруно утверждаетъ, что хотя природу нельзя представить себѣ отдѣльно отъ Бога, но Бога можно постигнуть отдѣльно отъ природы. Безконечное существо есть средоточіе и субстанція вселенной, оно возвышается надъ сущностью и субстанціей всего существующаго, оно—*supervessentialis, supersubstantialis*. Такъ нельзя представить себѣ мысль независимо отъ ума, но можно себѣ составить понятіе объ умѣ независимо отъ мысли. Вселенная есть мысль Божественнаго Ума, и болѣе

того—бесконечная дѣятельность этого ума. Вообразать, что міръ конеченъ, значить ограничивать могущество Божества. „На какомъ основаніи мы можемъ думать, что Божественная дѣятельность прекращается? Можно ли утверждать, что Божественной благодати, способной проявляться и изливаться бесконечно, угодно ограничивать самое себя? Вслѣдствіе чего бесконечная способность Божества окажется недѣйствительной и будетъ лишена возможности создавать бесконечные міры? Наконецъ, что можетъ побуждать насъ исказить совершенный образъ Божества, образъ котораго полнѣе отражается въ бесконечномъ зеркалѣ, будучи по своей природѣ бесконечнымъ и необъятнымъ?“ (Истор. Филос. Льюисъ, т. II, стр. 41—42).

Такимъ образомъ не только нѣтъ ни одной философской системы, которая могла бы опровергнуть Бога или доказать Его небытіе, но нѣтъ даже ни одной, которая могла бы отрицать или отвергать Его, ибо никакая изъ нихъ не можетъ довести своихъ умозаключеній до конца безъ этого высшаго элемента вселенной; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одна изъ нихъ дѣйствительно не могла понять Его. Это понятіе было всегда превыше силы человѣческихъ способностей, а подавно выше силъ тѣхъ людей, которые никогда не развивали себя въ этомъ направленіи; знанія же законовъ матеріи не могутъ дать ровно никакихъ необходимыхъ къ тому указаній.

Чтобы болѣе наглядно убѣдиться въ этомъ чрезвычайно назидательномъ фактѣ полезно нѣсколько подробнѣе прослѣдить взгляды и міровоззрѣніе представителя современнаго позитивизма и виновника современнаго матеріализма—Огюста Конта и тогда увидимъ, до какихъ несообразностей и непродуктивностей можетъ доводить человѣка его постоянная и усиленная умственная дѣятельность, если она не руководится соответственнымъ развитіемъ внутреннихъ чувствъ, сердца и души.

Человѣкъ ходить кругомъ и около истины; разумъ и логика видятъ, что она находится тутъ гдѣ то близко, но истина не дается ему и ускользаетъ въ то именно время, когда онъ увѣренъ, что достигъ еѣ.

Огюстъ Контъ безспорно былъ человѣкъ выдающагося ума. Онъ былъ и однимъ изъ выдающихся тружениковъ своего времени, и почти не было той отрасли знаній, которая не была бы ему знакома и изучена имъ. Онъ постоянно работалъ надъ науками, отдавалъ полную справедливость ихъ могущественному значенію въ жизни, но не могъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не относиться къ нимъ и критически. Онъ видѣлъ въ нихъ пробѣлы и беспорядокъ, его поражала разбросанность

знаній и отсутствіе въ наукѣ всякой системы и послѣдовательности; поэтому свои труды онъ началъ съ классификаціи наукъ, отводя каждой наукѣ ея мѣсто въ общей лѣстницѣ знаній сообразно той пользѣ, которую каждая изъ нихъ должна принести.

На первую ступень онъ ставитъ математику съ ея тремя развѣтвленіями: наукой чисель, геометріей и механикой; на вторую — астрономію; на третью — фізику съ ея пятью отдѣлами, на четвертую — химію, на пятую — біологію и на шестую — соціологію. Соціальныя науки онъ ставилъ главною цѣлью всѣхъ знаній и всѣ остальные науки доводилъ только до той степени совершенства, чтобы онѣ приносили, по возможности, большую пользу развитію соціальныхъ наукъ, искусству и промышленности.

Атеизмъ въ наукахъ онъ отвергалъ съ нѣкоторой ѣдкостью и говорилъ, что гипотеза преднамѣренности въ твореніи гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ гипотеза слѣпого механизма. Но догадка, обоснованная на аналогіи, не казалось ему достаточною опорой, на которой бы могла покоиться теорія въ періодъ зрѣлости человѣческаго разума. Онъ считалъ недоступнымъ для насъ всякое реальное знаніе относительно началъ міра, а изслѣдованіе объ этомъ — превосходящимъ всѣ предѣлы нашихъ умственныхъ способностей“. Но допускалъ, что „если вселенная имѣла начало, то, по самымъ условіямъ случая, оно было сверхъестественное въ томъ смыслѣ, что законы природы не могутъ дать отвѣта касательно своего собственнаго происхожденія“.

Далѣе Контъ „утверждаетъ, что внутри существующаго строя вселенной или, лучше сказать, той ея части, которая извѣстна намъ, непосредственно опредѣляющая причина каждаго явленія — всегда естественна, а не сверхъестественна. Съ этимъ, однакожъ, вполне примиримо вѣрованіе, что вселенная создана и сознательно управляется Разумомъ, лишь только мы допустимъ, что разумный Правитель вселенной придерживается опредѣленныхъ законовъ, которые только видоизмѣняются или парализируются другими законами той же самой природы, а не нарушаются ни по капризу, ни по предусмотрѣнію. Тотъ, кто видитъ въ каждомъ событіи составной элементъ непреложнаго порядка вещей, т. е. каждое изъ нихъ считаетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ какого-нибудь предшествовавшаго условія или комбинаціи условій, тотъ уже вполне принимаетъ положительный видъ мысли. При этомъ нѣтъ дѣла до того, признаетъ ли онъ или нѣтъ нѣчто универсально-предшествовавшее, первоначальнымъ слѣдствіемъ котораго была вся система міра; также мало касается насъ и то, понимается ли это нѣчто универсально-пред-

ществовавшее какъ Разумъ, или нѣтъ. (Джонъ Стюартъ Милль о Контѣ, стр. 15 и 16).

При дальнѣйшемъ развитіи своей мысли, Контъ находитъ необходимымъ „къ шести основнымъ наукамъ своего первоначальнаго ряда прибавить еще седьмую подъ именемъ Науки Нравственности; она образуетъ самую высшую ступень лѣстницы непосредственно вслѣдъ за соціологіей. При этомъ онъ замѣчаетъ, что ее съ большей основательностью можно назвать антропологіей, такъ какъ эта наука объ индивидуальной природѣ человѣка, если ее понимать правильно, гораздо болѣе спеціальна и сложна, нежели самая соціологія. Ибо тутъ должно принимать въ соображеніе различія въ организаціи и темпераментѣ и *la réaction cérébrale des viscères végétatifs*, влияния которыхъ, далеко еще не вполне поняты, въ высшей степени важны въ индивидѣ, между тѣмъ какъ въ теоріи объ обществѣ могутъ быть оставлены безъ вниманія, по той причинѣ что, разнообразясь у различныхъ лицъ, они въ громадной пропорціи нейтрализуютъ другъ друга. Такое замѣчаніе достойно лучшихъ дней дѣятельности Конта. Наука же, понимаемая такимъ образомъ, служить, какъ говоритъ онъ, истинно-научнымъ основаніемъ для житейскаго искусства, а слѣдовательно, ставить жизнь—какъ философски, такъ и дидактически—въ надлежащую связь съ наукой“ (Милль, стр. 169).

Логика и умъ Огюста Конта не останавливаются даже на этомъ. Онъ видитъ и знаетъ, что надо идти дальше, туда—куда влечетъ его сила выводовъ и заключеній. Онъ сводитъ всю свою философію на религію. При этомъ, конечно, слово религія не можетъ быть понято въ обыкновенномъ смыслѣ. Онъ и при этомъ нисколько не измѣняетъ своего чисто-отрицательнаго отношенія, въ которомъ всегда находился къ теологіи: *вз его религии нѣтъ Бога*.

Огюстъ Контъ дошелъ путемъ мышленія до того, что для пользы самого человѣка должно существовать такое воззрѣніе или убѣжденіе, которое бы присвоивало себѣ власть надъ жизнью человѣка въ ея цѣлости; необходимо вѣрованіе или даже рядъ вѣрованій, разумно усвоенныхъ, относительно назначенія человѣка и его долга, — вѣрованій, которымъ, по внутреннему признанію самого вѣрующаго, должны подчиняться всѣ его дѣйствія. Сверхъ того нужно существованіе чувства, которое было бы связано съ такимъ вѣрованіемъ или могло бы быть имъ вызвано, — чувства, достаточно сильнаго для того, чтобъ на дѣлѣ доставить ему власть надъ дѣйствіями человѣка, которой оно требуетъ себѣ въ теоріи. Очень важно (однакожь не абсолютно необходимо), чтобъ это чувство было сосредото-

чено на какомъ-либо конкретномъ объектѣ, если возможно дѣйствительно существующемъ, хотя во всѣхъ болѣе важныхъ случаяхъ представляющемся только идеально. Такой объектъ вѣрующій находить въ теизмѣ и христіанствѣ; но это условіе можетъ быть выполнено, хотя и не въ такой степени, другимъ объектомъ. Вѣдь говорили же, что тотъ, кто вѣруетъ въ „бесконечную природу долга“, есть человекъ религіозный, даже если онъ не вѣритъ ни во что другое. Контъ вѣритъ въ то, что разумѣютъ подъ бесконечной природой долга, но обязанности, вытекающія отсюда, также какъ и всѣ чувства преданности, онъ относитъ къ конкретному предмету, въ одно и тоже время идеальному и дѣйствительному. Этотъ предметъ — родъ человѣческой, понимаемый какъ непрерывное цѣлое, включающее въ себѣ прошедшее, настоящее и будущее. Это великое коллективное существо, это „Grand Etre“, какъ называетъ его Контъ, — не смотря на то, что чувства, какія оно можетъ возбудить, по необходимости весьма отличны отъ тѣхъ, которыя стремятся къ существу идеально-совершенному, — это Grand Etre“ имѣетъ для насъ (на чемъ онъ особенно сильно настаиваетъ) то отличительное свойство, что оно дѣйствительно нуждается въ нашихъ умахъ, чего нельзя сказать относительно существа всемогущаго въ настоящемъ значеніи слова. При этомъ Контъ говоритъ, что если и допустить существованіе Верховнаго промысла (онъ одинаково далекъ какъ отъ того, чтобъ отрицать, такъ и отъ того, чтобъ утверждать это), то и тогда, самое лучшее и даже единственное средство достойно поклоняться и служить ему должно состоять въ стремленіи сдѣлать возможно больше съ нашей стороны въ дѣлѣ любви и служенія другому Великому Существу, провидѣніе котораго — хотя и менѣе верховное — даровало намъ всѣ блага, какими мы обязаны трудамъ и усиліямъ предшествовавшихъ поколѣній“.

(Милль, стр. 121—122).

Этотъ „Контовскій“ „Grand Etre“ долженъ включать въ себя не только всѣхъ, кого мы уважаемъ, но и всякое чувствующее существо, которому мы обязаны услугами и которое имѣетъ право на нашу привязанность. Контъ такимъ образомъ вводитъ въ этотъ идеальный объектъ, назначеніе котораго — быть закономъ нашей жизни, не однихъ только людей, но, въ извѣстной степени, и ихъ скромныхъ помощниковъ — тѣ породы животныхъ, которыя являются въ настоящемъ обществѣ рядомъ съ человекомъ, привязываются къ нему и охотно раздѣляютъ его труды, какъ напримѣръ благородная собака, отдающая жизнь свою за ея друга и благодѣтеля, — человека. Строгое понятіе, какое онъ всегда обнаруживалъ о достоин-

ствѣ низшихъ животныхъ и объ обязанностяхъ человѣка въ отношеніи къ нимъ, составляемъ одну изъ тончайшихъ чертъ его характера". (Милль, стр. 124).

Такъ какъ благо человечества есть высшій критерій справедливаго и несправедливаго, такъ какъ нравственное развитіе состоитъ въ достиженіи возможно большаго отвращенія ко всякому поступку вредному для общаго блага, то Контъ заключаетъ, что благо другихъ есть единственное побужденіе, на которое бы намъ слѣдовало опираться въ своихъ дѣйствіяхъ, — что намъ нужно бы стараться умерщвлять всѣ желанія, которыя имѣютъ въ виду нашу личность, отказывать имъ во всякомъ удовлетвореніи, коль скоро это не составляетъ настоятельной физической потребности. Золотое нравственное правило въ Контской религіи — жить для другихъ, „*vivre pour autrui*". Поступать такъ, какъ бы намъ хотѣлось, чтобъ поступали по отношенію къ намъ любить ближняго своего какъ самаго себя, — недостаточно для Конта: ему кажется, что это все-таки имѣетъ характеръ личныхъ расчетовъ. Намъ слѣдовало бы стараться не любить себя вовсе. Мы не достигнемъ полнаго успѣха въ этомъ, не должны все-таки стремиться подойти къ цѣли возможно близко. По отношенію къ человечеству онъ ничѣмъ не хотѣлъ удовольствоваться кромѣ чувства, какое одинъ изъ его любимыхъ писателей, Тома Кемпійскій, обращаетъ къ Богу: *Amo te plus quam me, nec me nisi propter te*. Воспитаніе и нравственная дисциплина должны имѣть въ виду одно: доставить *альтруизму* (слово Контова изобрѣтенія: отъ латынскаго *alter*, другой) преобладаніе надъ *эгоизмомъ*. Еслибы этимъ говорилось, что эгоизмъ всегда обязанъ уступать хорошо-понятымъ интересамъ широкаго альтруизма, то никто изъ признающихъ какую-либо нравственность не возражалъ бы на такое предложеніе. Но Контъ, опираясь на тотъ біологическій фактъ, что органы укрѣпляются отъ упражненія и атрофируются отъ бездѣйствія и будучи твердо убѣждены въ существованіи отдѣльныхъ мозговыхъ органовъ для каждой изъ нашихъ основныхъ наклонностей, считаетъ важной задачей жизни не только укрѣплять въ насъ социальныя стремленія постоянной практикой и направленіемъ къ тому всѣхъ нашихъ дѣйствій, но и ослаблять на сколько возможно личныя страсти и склонности путемъ сдерживанія ихъ. Даже и умъ, въ своихъ операціяхъ, долженъ подчиняться, какъ непремѣнному условію господству нравственныхъ чувствъ надъ разсудкомъ". (Д. С. Милль, стр. 125—126.)

„Религіи безъ *культы* быть не можетъ. Подъ культомъ мы разумѣемъ систематическій рядъ обрядовъ, имѣющихъ цѣлью

развитіе и поддержаніе религіознаго чувства. Огюсть Контъ въ настоящемъ случаѣ все-таки беретъ на себя трудъ организовать внѣшнія формы до мельчайшихъ подробностей. Какъ относительно частной набожности, такъ и касательно общественныхъ церемоній онъ создаетъ для своей религіи нѣчто равносильное тому, что существуетъ въ другихъ. Читатель изумится, когда узнаетъ, что частная набожность состоитъ въ молитвѣ. Но молитва, какъ ее понимаетъ Контъ, не значитъ—просьба: она есть простое изліяніе чувства. Съ этой цѣлью призывается христіанская мистика. Съ молитвой слѣдуетъ обращаться не къ „Grand Etre“, не къ коллективному чело-вѣчеству—хотя иногда Контъ доводитъ метабору до того, что называетъ свой „Grand Etre“ богиней. Чествованія коллективнаго чело-вѣчества отнесены къ общественнымъ обрядамъ; частное же поклоненіе должно быть обращено къ нему въ лицѣ его достойныхъ индивидуальныхъ представителей. То могутъ быть люди живые или умершіе, но во всякомъ случаѣ женщины: потому что женщины, какъ *sexe aimant*, воплощаютъ въ себѣ самый лучший атрибутъ чело-вѣческой природы, атрибутъ, который долженъ регулировать всю нашу жизнь; съ другой стороны само чело-вѣчество нѣтъ возможности символически представить иначе, какъ въ видѣ женщины. Предметами частнаго поклоненія служатъ мать, жена и дочь, въ отдѣльности выражающія собой прошедшее, настоящее и будущее и вызывающія къ дѣятельному проявленію три соціальныхъ чувства: почтеніе привязанность и доброту. Мы должны видѣть въ этихъ существахъ—живыхъ или умершихъ—нашихъ ангеловъ хранителей, „*les vrais anges gardiens*“. Если два послѣднихъ женскихъ типа иногда не существуютъ для насъ или же если, въ частномъ случаѣ, какой-либо изъ этихъ трехъ типовъ оказывается неспособнымъ къ своему назначенію, то ихъ мѣсто можетъ быть занято какимъ-нибудь другимъ видомъ женственности—хотя бы даже историческимъ. Живъ-ли или умеръ предметъ боготворенія, оно, сколько мы понимаемъ, должно относиться только къ идеѣ. Молитва состоитъ изъ двухъ частей: изъ воспоминанія и сопровождающаго его изліянія чувствъ. Подъ воспоминаніемъ Контъ разумѣетъ усиліе памяти и воображенія вызвать съ возможно большей ясностью образъ предмета. Всякія искусственныя средства могутъ быть употреблены съ цѣлью сдѣлать образъ столь подходящимъ къ настоящей галлюцинаціи сколько позволяетъ здоровое состояніе разсудка. По достиженіи, насколько возможно, этой степени умственнаго направленія, является изліяніе чувства. Каждый составляетъ для себя свой собственный образецъ молитвы, которую слѣ-

дуетъ повторять не только въ умѣ, но и устами, которую также можно дополнять или видоизмѣнять—но въ силу достаточнаго основанія, а никакъ не произвольно. Молитва можетъ быть перемѣшана отрывками изъ лучшихъ поэтовъ, коль скоро эти отрывки представляются сами собой, какъ счастливое выраженіе для собственныхъ чувствъ молящагося. Такого рода обряды Контъ совершалъ въ память своей Клотильды и предписываетъ соблюденіе ихъ всѣмъ истиннымъ адептамъ его религіи. Обряды должны занимать ежедневно два часа, раздѣленные на три части: при вставаньи, въ срединѣ рабочихъ часовъ и предъ сномъ. Первая часть, совершаемая на колѣняхъ, будетъ обыкновенно самой продолжительной, а вторая самой краткой. Вечерняя же молитва должна быть доводима по возможности до того самого момента, когда сонъ сомкнетъ наши глаза, — такъ чтобъ ея влияніе могло отразиться на нашихъ грезахъ“. (Мильтъ, стр. 136—138.)

„Сверхъ того Контова религія имѣетъ девять таинствъ. Они заключаются въ торжественномъ освященіи всѣхъ великихъ перемѣнъ въ жизни человѣка. Освященіе съ приличнымъ данному случаю увѣщаніемъ совершается жрецами Человѣчества. Великія событія для людей суть вступленіе въ жизнь и послѣдовательные переходы отъ одного состоянія къ другому—какъ напримѣръ воспитаніе, женитьба, выборъ профессіи и т. д. Сюда относится также и смерть, которая носить имя превращенія и на которую должно смотрѣть какъ на переходъ отъ объективнаго существованія къ субъективному, т. е. къ жизни въ памяти себѣ подобныхъ. Не имѣя возможности общать намъ вѣчность объективнаго существованія, Контова религія даетъ намъ все, что она въ силахъ дать: поддерживая въ насъ надежду на безсмертіе субъективное, т. е. на существованіе въ воспоминаніи и въ посмертномъ почитаніи со стороны человѣчества вообще, если мы чѣмъ-нибудь заслужили это или хоть со стороны тѣхъ людей, которыхъ мы любили при жизни. По смерти же этихъ людей мы найдемъ свое безсмертіе въ коллективномъ почитаніи, которое будутъ воздавать человечеству въ совокупности, какъ единому „Grand Etre“. Нужно приучить людей видѣть въ этомъ достаточное вознагражденіе за то, что вся жизнь ихъ была посвящена на служеніе человечеству. Семь лѣтъ спустя послѣ смерти—совершается послѣднее таинство: жрецы произносятъ публичный судъ о памяти умершаго. Это имѣетъ своею цѣлью не осужденіе, а почестъ, и каждый, заявленіемъ при жизни, можетъ освободить себя отъ этого обряда. Если же надъ человѣкомъ произвели судъ и онъ оказался достойнымъ, то его торжественно сопричи-

сляютъ къ „Grand Etre“, а останки его переносятся съ гражданскаго мѣста погребенія на религиозное: „le bois sacré qui doit entourer chaque temple de l'Jtumentté!“ (Милль, стр. 138, 139).

„Не довольствуясь созданиемъ для своей религiи молитвъ равносильныхъ католическимъ „Pater“ и „Ave“, Контъ счелъ необходимымъ изобрѣсти также нѣчто соотвѣтствующее крестному знаменiю и выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: „Cette expansion peut être perfectionnée par des signes universels... Afin de mieux développer l'aptitudenécessaire de la formule positiviste à représenter toujours la condition humaine, il convient ordinairement de l'énoncer en touchant successivement les principaux organes que la théorie cérébrale assigne à ses trois éléments.“ (Système de Politique Positive IV 100). Быть можетъ это и дѣйствительно самый лучший и удобный способъ для выраженiя нашего благоговѣнiя предъ „Grand Etre“; но еслибы кому-либо случилось опредѣлить, какое дѣйствiе можетъ произвести подобная вещь на читателя, не посвященнаго въ эти тайны, тотъ, вѣроятно, счелъ бы благоразумнымъ держать это про себя до поры до времени, пока не наступитъ періодъ значительно большаго распространенiя положительной религiи“. (Милль, стр. 140).

Такъ шелъ Огюсть Контъ долгимъ путемъ заблужденiй и духовной слѣпоты, которыя однако мало по малу довели его до истины. Онъ умеръ на шестидесятомъ году своей жизни религиознымъ и набожнымъ христiаниномъ, признавъ многіе свои труды ложными.

Постараемся доказать, что не въ наукѣ и не въ основномъ смыслѣ ея ученiя заключается причина того міровоззрѣнiя, которое выносятъ изъ нея люди, изучающіе ее. Всѣ трудятся надъ одной и той же наукой, а въ конечномъ результатѣ оказывается, что одни утверждаютъ, что они черезъ свою науку сдѣлались атеистами, другіе—матеріалистами, а третьи—спиритуалистами.

Постараемся доказать обратное: что не наука образуетъ міровоззрѣнiе cadaго, а напротивъ міровоззрѣнiе человѣка дѣлаетъ для одного науку атеистичною, для другого матеріалистичною, а для третьяго спиритуалистичною. Однимъ словомъ, въ наукѣ, какъ и въ жизни, все дѣло зависитъ отъ личнаго характера и отъ внутренняго развитiя cadaго. Начнемъ съ атеизма.

Атеизмъ.

Атеизмъ возбуждалъ несравненно меньше научныхъ протестовъ, чѣмъ матеріализмъ, ибо онъ окончательно не наученъ. Цѣль науки изучать и изслѣдовать все ей непонятное. Атеизмъ-же въ вопросахъ, касающихся Бога, загробной жизни, души человѣческой и т. д. поступаетъ совершенно наоборотъ: онъ просто отрицаетъ, не изслѣдуя, не изучая, не опровергая, а просто и безусловно отрицаетъ. Это есть самое низшее пониманіе природы вещей, если только можно назвать атеизмъ пониманіемъ; это есть отсутствіе всякаго желанія понять природу и начало вещей. Это не есть міровоззрѣніе—это есть отсутствіе всякаго міровоззрѣнія; и съ такими людьми наукъ прямо дѣлать нечего, ибо они стоятъ внѣ науки.

Если вы спросите дикаря: откуда произошелъ свѣтъ и что въ немъ главное? Онъ покажетъ вамъ на истукана и скажетъ: „Вотъ причина“. Изъ этого мы заключимъ, что онъ идолопоклонникъ, другой дикарь покажетъ на огонь—мы заключимъ, что онъ огнепоклонникъ. Люди въ самой низшей степени своего развитія стараются уже составить себѣ понятіе о природѣ и началѣ вещей. Они могутъ заблуждаться, говорить глупости, нести ахинею, что свѣтъ стоитъ на трехъ китахъ, что людей приносить на свѣтъ сорока на хвостѣ,—это ихъ мнѣніе, это мысль, идея, хотя не совершенная, но все же, идея. Атеисты же, часто стоя на очень высокой степени развитія, совсѣмъ отказываются судить и абсолютно и безусловно отрицаютъ, рѣшительно не приводя никакихъ мотивовъ и не пробуя даже опровергать, прямо отрицаютъ всѣ мнѣнія, какія только существуютъ, не давая взамѣнъ ихъ, конечно, ничего своего.

Если вы спросите атеиста: откуда произошел свѣтъ? въ большинствѣ случаевъ вы получите слѣдующіе отвѣты: я не знаю и знать не могу, или этого никто не знаетъ, или скажутъ: я боюсь затрогивать эти темы, или я не хочу говорить о нихъ. Безполезно убѣждать ихъ, что наука можетъ ошибаться, что гипотезы ея ни къ чему не обязываютъ и что съ развитіемъ науки явятся и гипотезы болѣе совершенныя, но что пока, при настоящемъ состояніи науки, мы знаемъ и т. д.—Это неправда, ложь, скажутъ они,—свѣтъ не отъ чего и ни откуда не произошелъ. И ничего большаго имъ отвѣтить нельзя, ибо, если они выскажутъ какую нибудь мысль или причину, то ихъ уже причислятъ или къ матеріалистамъ, или къ скептикамъ, или къ пантеистамъ. Чтобы быть истымъ атеистомъ, — надо сдумать ничего не отвѣчать, не дать никакого смысла своему отвѣту, не высказать никакой опредѣленной мысли и совсѣмъ отказаться судить или совершенно не быть въ состояніи судить; но до такого состоянія никого и никакая наука довести не могла. И тѣ, которые говорятъ, что наука довела ихъ до чистаго атеизма, говорятъ несообразность.

Паскаль въ своей книгѣ „Мысли о Религіи“ (стр. 59—60) говоритъ: „Опроверженіе ихъ имѣло бы силу въ томъ только случаѣ, когда бы они по праву могли сказать, что, употребивъ всѣ усилія къ отысканію истины, даже въ томъ, что указывается какъ путь къ истинѣ самую церковь, удовлетворительнаго результата не достигли. Говоря такъ, они дѣйствительно пошатнули бы одно изъ притязаній религіи. Но я надѣюсь показать, что ни одинъ разумный человекъ не говорилъ и не можетъ говорить подобнымъ языкомъ. Извѣстенъ образъ дѣйствій людей такого порядка. Они думаютъ, что сдѣлали все возможное для вразумленія себя, употребивъ нѣсколько часовъ на чтеніе какой-нибудь Библейской книги и сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ священнику объ истинахъ вѣры. А потомъ хвалятся тщетностью своихъ исканій въ книгахъ и между людьми. Но, право, не могу сдержаться, чтобы не высказать не разъ повтореннаго мною, — что подобная небрежность невыносима. Здѣсь идетъ дѣло не о какомъ-нибудь второстепенномъ вопросѣ, чтобы возможно было такое отношеніе къ дѣлу: рѣчь идетъ о насъ самихъ и обо всемъ, что намъ должно быть особенно дорого.

Безсмертіе души столь важный вопросъ для насъ, касается насъ такъ глубоко, что равнодушіе къ нему служило бы признакомъ потери всякаго сознанія. Въ зависимости отъ ожиданія вѣчныхъ благъ въ будущей жизни, всѣ наши дѣйствія и наши мысли должны принимать столь различное направленіе,

что нѣтъ возможности не сообразовать всякаго сужденія нашего съ точкою зрѣнія на этотъ самоважнѣйшій для насъ предметъ“.

Жанъ-Поль Рихтеръ выразился еще рѣзче: „Атеизм“, говоритъ онъ, „совершенно не можетъ быть названъ убѣжденіемъ, онъ не есть даже отрицаніе какого-либо опредѣленнаго убѣжденія; онъ долженъ быть названъ просто-на-просто ослѣпленіемъ, или, лучше сказать, параличемъ нравственнаго органа въ человѣкѣ“ (*L'education progressive* pг. M-me de Sossure T. I, 208, ch. VII).

Лордъ Бэконъ Веруламскій выразился прямо: „Никто не отрицаетъ Бытія Божія, кромѣ того, кому выгодно чтобы не было Бога“.

Въ обыденной жизни подъ общимъ именемъ атеисты понимаются люди, не вѣрующіе въ Бога. Они могутъ быть и материалистами и скептиками и пантеистами и, наконецъ, людьми всевозможныхъ профессій—научныхъ и не научныхъ. Это просто, въ большинствѣ случаевъ, люди относящіеся безразлично къ вопросамъ вѣры, погруженные въ свои житейскіе дѣла, или въ свой позитивизмъ; они считаютъ все остальное для себя второстепеннымъ и винить въ томъ науку, ихъ образованіе, ихъ профессию рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Винить они могутъ только самихъ себя, свою внутреннюю неразвитость и свою полную слѣпоту ко всему духовному.

Матеріализмъ и спиритуализмъ.

Чтобы рельефнѣе видѣть разницу между матеріалистическими и спиритуалистическими положеніями и выводами, приведемъ параллель обоихъ ученій касательно одного какого-нибудь предмета.

Для примѣра возьмемъ ученіе о соотношеніи природы духа и вещества и вникнемъ въ разнознѣніе философа.

Какъ разъ за этимъ самымъ вопросомъ мы застаемъ высоко уважаемаго профессора Московскаго университета Н. Я. Грота въ его книгѣ „Душа въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ“ стр. 32—36. Прослѣдимъ его мысль.

Онъ говоритъ, что этотъ вопросъ рѣшается наилучшимъ образомъ, если сравнить положеніе матеріалистическаго монизма съ спиритуалистическимъ дуализмомъ; ибо въ сущности идеализмъ всегда былъ на повѣрку скрытымъ дуализмомъ, или же особой формой дуализма.

Весь вопросъ сводится къ тому: *существуетъ ли духъ*, какъ независимое отъ матеріи начало, или не существуетъ, т. е. составляетъ только свойство матеріи, второстепенный придатокъ ея развитія. При противоположномъ рѣшеніи этой дилеммы большую роль играло всегда *понятіе силы*, какъ терминъ *посредствующій* между понятіями матеріи и духа.

Материалисты утверждаютъ, что *духъ* есть особая форма *силы*, а сила—качество *матеріи* или даже *основа* и настоящая сущность ея.

Спиритуалисты, какъ мы отнынѣ будемъ называть для краткости всѣхъ искреннихъ дуалистовъ, безъ различія оттѣнковъ въ ихъ возрѣніяхъ, утверждаютъ также, что *духъ* есть *сила*, но совершенно особаго рода сила, не имѣющая ничего общаго съ *физическою* или *матеріальною* силою, которую и они соглашаются признать свойствомъ или даже основою матеріи.

Отсюда ясно, что главное разногловіе вертится около во-

проса о природѣ силы. Что такое сила? Есть-ли она только свойство матеріи, или нѣчто болѣе, — есть-ли два рода силъ или только одинъ, и если два два, то какіе?

Что именно такова сущность вопроса, мы легко убѣдимся изъ анализа тѣхъ традиціонныхъ доводовъ, которые выставляли спиритуалисты и матеріалисты въ пользу своихъ ученій. Эти доводы систематически сгруппированы у двухъ современныхъ психологовъ, Бэна и Горвица, и мы приведемъ ихъ цѣликомъ, а затѣмъ дадимъ ихъ разборъ.

Сводъ аргументовъ защитниковъ *спиритуализма* даетъ Бэнъ въ своемъ сочиненіи „*Душа и тѣло*“ (Пер. съ VI изд. Кіевъ. 1880, стр. 168 и слѣд.) Вотъ они:

1) Душа должна быть причастна природѣ и сущности Божества.

2) Душа не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ тѣлѣ.

3) Разумъ и мышленіе способность познаванія всеобщаго, не совмѣстны съ матеріей (Θ. Аквинатъ).

4) Достоинство духа требуетъ сущности высшей, сравнительно съ матеріей.

5) Матерія дѣлима, духъ недѣлимъ.

6) Матерія измѣняется и искажается, — духъ есть чистая субстанція.

7) Духъ активенъ, обладаетъ силою, — матерія пассивна, инертна.

8) Душа есть первоначальный источникъ, или начало жизни.

9) Духъ имѣетъ личную тождественность, частицы тѣла постоянно измѣняются.

Въ параллель этому, приведемъ важнѣйшіе аргументы *материалистовъ*, сгруппированные Горвицемъ Ps. Anal. auf phys. Gr. I, Halle 1872, p. 25.

1) Высшій сновной принципъ слѣдующій: нѣтъ силы безъ вещества и вещества безъ силы; не существуетъ ни силы, которая была-бы нематеріальна, ни матеріи, которая не обладала бы силою;

2) Законъ сохраненія матеріи и силы требуетъ однакоже безконечности ихъ бытія во времени и безпредѣльности въ пространствѣ; изъ обоихъ принциповъ слѣдуетъ:

3) Всеобщность, необходимость и неизмѣнность законовъ природы;

4) Невозможность личнаго акта творенія: возникновеніе и разрушеніе всего есть продуктъ самодвиженія и саморазвитія вещества.

5) И органической живой міръ возникъ исключительно вслѣдствіе самодѣятельности вещества...

6) Нѣтъ конечныхъ причинъ, т. е. цѣлесообразныхъ явленій въ природѣ;

7) Душа имѣетъ мѣстомъ пребыванія мозгъ;

8) Соотношеніе мозга и души по существу равно соотношенію вещества и силы;

9) Нѣтъ прирожденныхъ идей: все мышленіе возникаетъ изъ чувственнаго воспріятія.

10) Нѣтъ безсмертія души.

11) Нѣтъ свободы воли.

Уже при бѣгломъ обзорѣ этихъ тезисовъ спиритуалистовъ и матеріалистовъ, легко замѣтить, что одни изъ нихъ, притомъ не менѣе половины, составляютъ только развитіе или примѣненіе немногихъ другихъ *основныхъ*, которые только и могутъ быть признаны *доводами* или главными положеніями обѣихъ школь. Такъ, напр. утвержденіе *спиритуалистовъ* о причастности души природѣ Божества и о достоинствѣ духа уже суть слѣдствія допущенія, что душа и божество существуютъ независимо отъ вещества и ему противоположны; утвержденіе, что душа не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ тѣлѣ, и другое—о несомѣстимости способности познанія съ свойствами вещества суть также не столько доводы, сколько выводы изъ признаннаго положенія о разнородности духа и вещества.

Настоящія основанія *спиритуалистовъ* для утвержденія о самостоятельности духа, заключающіяся въ остальныхъ положеніяхъ, сводятся къ слѣдующему:

1) Матерія дѣлима, духъ недѣлимъ.

2) Матерія измѣняется—она пассивна, инертна и мертва, духъ—неизмѣненъ, обладаетъ силою, активенъ, является единственнымъ возможнымъ источникамъ жизни.

Этимъ аргументамъ матеріалисты противопоставляютъ слѣдующіе два главные:

1) Законы природы всеобщы, однообразны и необходимы—и матерія и силы вѣчны и безпредѣльны, слѣдовательно духъ не можетъ быть чѣмъ-то отличнымъ отъ силы, присущей матеріи, и есть ни что иное какъ эта сила, локализованная въ мозгу.

2) Нѣтъ силы безъ вещества, безъ силы, слѣдовательно сила есть свойство матеріи, и всѣ свойства духа объяснимы изъ самодвиженія и саморазвитія матеріи—силы.

Остальные положенія матеріалистовъ тоже представляютъ лишь развитіе этихъ основныхъ тезисовъ. Такъ, четвертое, о невозможности происхожденія міра чрезъ актъ творенія, и пятое, о способѣ происхожденія органическаго міра, суть выводы изъ положенія о всеобщности законовъ природы; отрицаніе конеч-

ныхъ цѣлей, безсмертія души, прирожденныхъ идей и свободы воли суть слѣдствія отрицанія существованія духа, какъ самостоятельнаго начала, и признанія силы за простое свойство матеріи.

Очевидно далѣе, изъ разбора приведенныхъ основныхъ положеній матеріалистовъ и спиритуалистовъ, что главныя мысли, которыя въ нихъ содержатся, слѣдующія.

По мнѣнію спиритуалистовъ: 1) законы матеріи и духа различны (матерія дѣлима—духъ недѣлимъ; матерія измѣнчива—духъ неизмѣненъ), 2) матерія сама по себѣ инертна, безсильна, безжизненна, — способность дѣйствія, силу, жизнь даетъ ей духъ одушевляющій ее и ей противоположный. По мнѣнію матеріалистовъ наоборотъ: 1) законы матеріи и духа тождественны, необходимы, 2) матерія не отдѣлима отъ силы и сила отъ матеріи—и жизнь и духъ суть продукты развитія этой матеріальной силы.

Сведя такимъ образомъ къ простѣйшимъ формуламъ основныя положенія спиритуалистовъ и матеріалистовъ, мы уже легко можемъ видѣть, что главный пунктъ разногласій между ними есть ученіе объ отношеніи вещества и силы. И тѣ другіе признаютъ, что духъ есть сила, но вторые считаютъ силу неразрывною принадлежностью или даже самою основою вещества, первые же признаютъ ее чѣмъ-то противоположнымъ матеріи и совершенно разнороднымъ съ нею. Самое утвержденіе однородности или разнородности законовъ вещества и силы есть собственно только слѣдствіе того или другого возрѣнія на отношенія силы и вещества и является весьма условнымъ разномнѣніемъ, такъ какъ можно предположить, что и при разнородности этихъ началъ всего существующаго, законы природы, будучи ничѣмъ инымъ какъ *законами взаимодействія* этихъ разнородныхъ началъ, по существу своему однородны, однообразны и неизмѣнны для всей природы, — что же касается до „необходимости“ ихъ, то съ одной стороны такая необходимость можетъ быть продуктомъ свободной воли Творца, съ другой—относительная свобода духа нашего можетъ быть тоже есть лишь продуктъ дѣйствія этихъ необходимыхъ законовъ, свободно измышленныхъ Высшимъ свободнымъ духамъ, т. е. есть сама—одна изъ формъ необходимости.

Слѣдовательно, коренной вопросъ во всемъ спорѣ есть вопросъ *о соотношеніи силы и вещества*. А этотъ вопросъ сводится къ вопросу о томъ, *что такое сила?*

Въ возможности выразить идею духа терминомъ силы, никто не сомнѣвается; но многіе признаютъ въ то же время возможнымъ выразить идею матеріи терминомъ силы. Если бы

однако, и то и другое оказалось возможнымъ, то и тогда споръ спиритуалистовъ и матеріалистовъ еще не былъ бы рѣшенъ, такъ какъ можетъ быть есть *два рода силъ*: сила-духъ и сила-вещество, или сила духовная и сила матеріальная.

Этотъ вопросъ представляетъ обширное поле для мышленія, и что ни человѣкъ, то даетъ свое особое заключеніе смотря по тому, какъ позволить ему его нравственное развитіе чувствовать, понимать природу вещей и какъ глубоко поведетъ онъ свой анализъ. Люди, душевно болѣе развитые, зададутъ себѣ вопросы болѣе глубокомысленные касательно сущности и природы силъ, вообще существующихъ въ природѣ и силъ участвующихъ въ образованіи матеріи. Люди менѣе развитые зададутъ себѣ болѣе поверхностные вопросы и будутъ стараться отвѣчать только на нихъ. Наконецъ, люди совсѣмъ не видящіе ничего духовнаго въ природѣ, равно и ничего загадочнаго и отвлеченнаго, дадутъ объясненія явленій, не удаляясь отъ видимаго міра и внѣшнихъ, видимыхъ его проявленій. И это понятно. Не можетъ человѣкъ ни въ какихъ случаяхъ дать объясненія какого либо факта, которое бы превышало силы и способности его индивидуальнаго развитія. Почему можемъ мы думать, что люди, занимающіеся исключительно умственнымъ трудомъ и наукой, могутъ сдѣлать исключеніе и не подлежать этому общему закону природы. Развивая въ себѣ одинъ умъ въ ущербъ развитія чувствъ, они уменьшаютъ въ себе среднюю силу своихъ способностей, совершенно такъ же, какъ люди, развивающіе свои чувства въ ущербъ разуму. Какъ во всемъ въ мірѣ и въ этомъ должна существовать гармонія и соотвѣтственность. Если бы мы принялись развивать силу своихъ рукъ въ ущербъ силѣ ногъ или общему своему здоровью—для чего послужило-бы намъ это развитіе? Совершенно тоже и въ интеллигентномъ человѣкѣ.

Но вернемся къ рѣшенію вопроса: что такое сила?

Матеріалисты скажутъ: какое же сомнѣніе? Рѣшеніе вопроса совершенно ясно: духовнаго въ природѣ ничего нѣтъ и никакихъ духовныхъ силъ не существуетъ, — всѣ силы матеріальны. Матерія состоитъ изъ атомовъ, снабженныхъ отъ вѣчности свойствами, которыя и производятъ всѣ явленія въ мірѣ. Силы, какія бы не проявлялись въ природѣ, всѣ суть свойства матеріи и отдѣлимы отъ нея быть не могутъ; ибо мы нигдѣ никогда этого не видѣли и представить себѣ не можемъ. Гдѣ матерія тамъ и сила; однѣ силы никогда и нигдѣ не проявлялись. Не логично ли вывести изъ этого, что онѣ суть не болѣе какъ свойства матеріи.

„Всѣ способности, которыя мы разумѣемъ подъ именемъ

души“, говорить Карль Фогтъ (въ Physiologische Brief, стр. 206) ничто иное, какъ отпращенія мозговаго вещества. Между мышлю и мозгомъ такое же отношеніе, какъ между желчью, печенью, почками и ихъ отдѣленіями“.

Кабанись говорить прямо: „Мысль есть только выдѣленіе мозга“.

„Всѣ поступки человѣка суть неизбѣжные продукты мозговаго вещества“, сказалъ Тэнъ, „порокъ и добродѣтель такіе же продукты, какъ сѣрная кислота и сахар“.

Ко всему этому Молешоттъ сказалъ въ своемъ „Круговоротѣ Жизни“, что „человѣкъ есть сумма предковъ и кормилицъ, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды“ и далѣе тамъ же онъ говорить: „Даже совѣсть есть продуктъ матеріи“.

Вотъ разительный и назидательный примѣръ, какъ могутъ заблуждаться и до какихъ несообразностей доходить въ своемъ нравственномъ ослѣпленіи такіе ученые, какъ Карль Фохтъ, Кабанись, Тэнъ Молешоттъ, которые многими возведены на степень первокласныхъ ученыхъ наравнѣ съ Дарвиномъ, Уоллэсомъ, Ньютономъ. А между тѣмъ понятіе ихъ о началѣ и природѣ вещей ограничивается весьма не сложной картиной: атомы, бродя въ пространствѣ, произвольно, черезъ свои столкновенія и удары съ сосѣдними, также безличными и неразумными атомами, безъ всякой причины, а часто случайно, могутъ составлять тѣла, цѣлые міры разумныхъ существъ, образовывать въ нихъ мысль, сознаніе, разумъ, нравственность, совѣсть и т. д.,—и все это совершенно случайно.

Такое міровоззрѣніе многимъ должно показаться недостаточнымъ и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ узкимъ и поверхностнымъ. Болѣе глубокомысленные люди хотѣли бы знать болѣе этого; они не могли бы остановиться и удовлетвориться объясненіемъ матеріалистовъ и спросили бы: да существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ атомъ? Если мы будемъ разсматривать строеніе матеріи со стороны проявляющейся энергіи въ вселенной, то большая часть современныхъ физиковъ подадутъ голосъ за то, что, въ сущности, ни силы и ни матеріи никакой нѣтъ, а есть только одни разные виды движенія, а при этомъ ученіи вся матерія и всякое вещество обращается въ какую-то фикцію и представленіе. Но положимъ, что это представленіе мы примемъ за нѣчто реально существующее, какъ принимаютъ матеріалисты, и мѣльчайшую недѣлимую часть его назовемъ атомомъ; допустимъ даже, что они обладаютъ свойствами, то опять являются вопросы,—откуда же взялись эти атомы? Кто сотворилъ или сдѣлалъ ихъ? Кто надѣлилъ ихъ этими премуд-

рыми способностями принимать всевозможныя и самыя причудливыя формы, напримѣръ: составить изъ себя нашъ глазъ, мозгъ, мысль, сознание, размѣстить все совершенно цѣлесообразно и дѣлать это въ одномъ и томъ же порядкѣ, сохраняя поколѣнія, виды и т. д.? Какимъ образомъ дѣлають они это? Случайно, или не случайно? Для того, напримѣръ, чтобы сдѣлать глазъ человѣка, слогаются ли атомы произвольно для нихъ, напримѣръ на подобіе акта кристаллизаціи, или же участвуетъ при этомъ актъ доля разума и цѣлесообразности, — въ такомъ случаѣ кто проявляетъ эту долю разума и цѣлесообразности — сами ли атомы, или какая-нибудь посторонняя сила? Ньютонъ, напримѣръ, ясно говоритъ въ своей „Optic“, что глазъ не могъ быть сдѣланъ безъ всякаго понятія оптики, а ухо — безъ понятія о законахъ звука. Но глаза и уши есть у всякаго; задавали ли себѣ матеріалисты вопросъ, — кто проявляетъ эту разумную дѣятельность въ производствѣ глазъ и кто обладалъ достаточными познаніями оптики и законовъ звука, чтобы быть въ состояніи придумать первые экземпляры? Сами ли атомы, или какой-либо посторонній Разумъ, находящійся внѣ этихъ глазъ и ушей. Если они присвоиваютъ своимъ атомамъ достаточно знанія для возможности выдумыванія такихъ трудныхъ орудій передачи впечатлѣній, то пусть укажутъ источники, откуда атомы эти могли почерпнуть столь обильныя знанія? Если мысль, воля, совѣсть тоже проявленія или результаты дѣятельности или дрожанія атомовъ въ пространствѣ, то какая же зависимость между ними? Чѣмъ это все доказывается? Чѣмъ повѣряется?

Прекрасно затрогиваетъ этотъ вопросъ Либихъ. Онъ говоритъ: „Элементарный химическій анализъ не даетъ ни малѣйшей опоры для обсужденія или объясненія свойствъ органическихъ соединеній. Химически всякій каменный домъ состоитъ, что касается строительнаго матеріала, изъ силиція, кислорода, алюминія, кальція, небольшого количества желѣза, свинца и мѣди, изъ углерода и элементовъ воды. Но если бы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что домъ образовался самъ собою, игрою силъ природы, случайно соединившихся и распредѣлившихъ элементы въ форму дома, потому будто бы, что части его состоятъ изъ этихъ именно элементовъ, которые вслѣдствіе химическаго сродства держатся другъ около друга, а вслѣдствіе силы сплѣненія достигаютъ извѣстной плотности, — что слѣдовательно химическія и физическія силы являются здѣсь причиной, ибо онѣ обнаруживаются тутъ опредѣленнымъ образомъ, то утверждающій все это подвергается бы осмѣянію. А между тѣмъ, если мы возьмемъ растенія, то въ любомъ изъ

нихъ, какъ въ строеніи, такъ и въ развитіи, мы замѣчаемъ, что вещества слагаются въ такія тонкія и правильныя формы и въ такомъ порядкѣ, который превосходитъ все, что мы наблюдаемъ въ устройствѣ дома. Мы не замѣчаемъ, правда, силы, овладѣвающей противящимся ей матеріаломъ и заставляющей его слагаться именно въ эти формы и именно въ этомъ порядкѣ, но нашъ разумъ признаетъ, что въ живомъ тѣлѣ заключается нѣкоторая причина, управляющая химическими и физическими силами и слагающая ихъ въ формы, которыя внѣ организма никѣмъ и никогда замѣчаемы не были“. (Индивидуализмъ, Л. Гелленбаха, стр. 197 и 298).

Старались ли матеріалисты хотя отчасти отвѣтить Либиху на это его положеніе? Нѣтъ, — въ этомъ случаѣ всѣ матеріалистическія ученія уподобляются тому человѣку, который, не имѣя понятія о часахъ, случайно нашель ихъ въ полѣ, сталъ разсматривать, поверхностно изучать ихъ и совершенно неосновательно пришелъ бы къ убѣжденію, что автоматичность хода ихъ доказываетъ автоматичность ихъ возникновенія, т. е. что никто ихъ не выдумалъ и не сдѣлалъ, но произошли они сами собой.

Ничего само собой въ природѣ не дѣлается; все имѣетъ свои причины и, если мы ихъ не видимъ и не знаемъ, то все же логика и чувства наши должны подсказывать намъ, что есть что-то выше насъ и намъ неизвѣстно, что нужно учить и изучать, а не утверждать, что все уже намъ давно извѣстно и извѣстно, что ничего болѣе премудраго въ природѣ нѣтъ, какъ только то, что бессмысленные атомы, бродя не цѣлесообразно въ пустомъ пространствѣ и машинально сталкиваясь между собой, могутъ совершенно случайно произвести такія сложныя, осмысленныя и премудрыя вещи, какъ напримѣръ глаза человѣка, какъ совѣсть, какъ волю и какъ мысль.

Не доказываетъ ли все вышеприведенное, что не сущность самого ученія, не коренной смыслъ науки ведетъ людей къ матеріалистическому міровоззрѣнію и къ атеизму, а наоборотъ атеизмъ людей и ихъ внутреннее душевное развитіе, находящееся еще на низшей степени пониманія природы вещей, обладаетъ весьма ограниченнымъ кругозоромъ, который и отражается на ихъ наукѣ и дѣлаетъ ее матеріалистической; и люди которые сами склонны къ атеизму, имѣютъ кругозоръ еще болѣе ограниченный, ставятъ ихъ ученія на высокой пьедесталь ученности, совсѣмъ не сознавая какъ ничтожна, какъ пуста эта наука и какъ много въ ней еще заблужденій.

Обзоръ исторіи развитія мысли.

Исторія развитія мысли подтвердитъ лучше всего, что ни въ какомъ случаѣ нельзя считать матеріализмъ естественнымъ слѣдствіемъ современнаго успѣха наукъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, и что онъ также не постоянный спутникъ или атрибутъ образованности, какъ утверждаютъ другіе; ибо современный матеріализмъ не есть что нибудь новое, созданное нашимъ временемъ или высокою образованностью людей, но, наоборотъ, онъ со всѣми своими принципами, недостатками и заблужденіями есть не болѣе, какъ сколокъ или полнѣйшее подражаніе тому самому матеріализму, который проповѣдывался еще въ VI и V вѣкахъ до Р. X. и что, какъ тогда, такъ и теперь великіе умы и свѣтила науки никогда не держались его, а, напротивъ, нападали на него и признавали его результатомъ несовершенства мысли и заблужденіемъ.

Исторія развитія мысли укажетъ лучше всего: въ 1) что истинно ученыхъ и мудрецовъ никогда не понимали ихъ современники; во 2) что высокія, проповѣдываемыя ими, истины очень часто передавались въ значительно измѣненномъ видѣ и приспособленномъ къ матеріалистическому или атеистическому міровоззрѣнію, причемъ весь коренной смыслъ ученія, который придавалъ имъ самъ творецъ ихъ, совершенно утрачивался; и въ 3) что чѣмъ глубже и всестороннѣе изучаетъ человѣкъ вещественную природу, тѣмъ нагляднѣе для него обрисовывается все это; онъ начинаетъ совершенно ясно видѣть всю второстепенную и вполне зависимую роль матеріи и

вмѣстѣ съ тѣмъ ему открывается все первенствующее значеніе духовно-нравственнаго міра въ каждомъ мелочномъ, и даже совершенно пустомъ, по-видимому, явленіи; вслѣдствіе чего всякое изученіе одной внѣшней формы перестаетъ удовлетворять его любознательность, оно дѣлается для него узко, тѣсно и недостаточно. И въ самомъ дѣлѣ, какую можно отыскать логическую причину заниматься одними слѣдствіями, если чело-вѣку ясно и наглядно обрисовывается возможность своимъ умомъ, подъ руководствомъ логики, знанія и чувствъ проникать въ самую сущность явленій и отыскать и выяснитъ себѣ причины ихъ, тѣмъ болѣе, что только подобнаго рода изученіе природы могло-бы образовать правильное воззрѣніе на природу вообще и на каждый отдѣльный фактъ и явленіе.

Кантъ въ „Пролегоменахъ“, на стр. 125, говоритъ: „Эмпирически внѣ меня находится то, что созерцается въ пространствѣ; пространство же, вмѣстѣ со всѣми содержащимися въ немъ явленіями, принадлежитъ къ представленіямъ, связь которыхъ по опытнымъ законамъ доказываетъ ихъ объективную истинность точно также, какъ связь явленій внутренняго чувства доказываетъ дѣйствительность моей души (какъ предмета внутренняго чувства); такимъ образомъ посредствомъ внѣшняго опыта я сознаю дѣйствительность тѣлъ, какъ внѣшнихъ явленій въ пространствѣ, точно такъ же, какъ посредствомъ внутренняго опыта я сознаю существованіе моей души во времени; вѣдь и душу мою, какъ предметъ внутренняго чувства, я познаю чрезъ явленія, образующія внутреннее мое состояніе, хотя сущность сама по себѣ, лежащая въ основѣ этихъ явленій, мнѣ неизвѣстна“.

Свой краткій обзоръ развитія мысли мы дѣлимъ на 5 отдѣльныхъ періодовъ, чтобы, не вдаваясь въ излишнія детали и не утруждая читателя, нагляднѣе охарактеризовать ихъ.

Первый періодъ мы намѣтимъ отъ начала возникновенія наукъ, что теряется въ древности, и до VI вѣка до Рождества Христова.

Второй періодъ отъ VI вѣка до Р. Х. до IV вѣка послѣ Рожд. Хр.

Третій періодъ отъ IV вѣка до XVII вѣка.

Четвертый періодъ XVII и XXVIII вѣка.

Пятый періодъ XIX вѣкъ.

Первый періодъ. Со времени процвѣтанія древней цивилизаціи у Арабовъ, Египтянъ, Индійцевъ, Кельтовъ и Евреевъ и до VI вѣка до Р. Х., всѣ знанія были исключительно въ рукахъ духовенства и жрецовъ, которые составляли отдѣльные замкнутые классы или касты.

У всѣхъ народовъ эти касты составляли особыя сословія и имѣли наслѣдственный характеръ. Для пріобрѣтенія большей власти и авторитета въ народѣ, они обставляли себя всевозможнымъ мистицизмомъ и таинственностью и не разоблачали передъ народомъ своихъ знаній, ни премудростей своихъ религій.

Мы не видимъ у нихъ разграниченія между знаніями научными, религіозными и вѣрованіями, — вся ихъ ученость сливается въ одно. Но у Арабовъ мы видимъ нѣкоторую отдѣльность знанія отъ вѣрованія и религій. У нихъ знанія составляли особый отдѣлъ, порученный особымъ членамъ или семьямъ изъ касты. О нихъ упоминаетъ итальянскій ученый Пещани, и А. фонъ-Гумбольдъ находитъ, что принципы ихъ науки совершенно схожи съ современнымъ позитивизмомъ. Арабы также, какъ современные позитивисты, давали вѣру только эксперименту и измѣренію.

Но, вообще, тайны знанія и религій у всѣхъ народовъ считались священными, а потому даже не всѣ принадлежащіе къ кастамъ могли знать все въ полномъ объемѣ. Каждый могъ владѣть ими только по степени высоты своего посвященія. Были даже такія глубокія тайны, почитаемыя настолько священными, о которыхъ самые избранные старики изъ посвященнаго духовенства, не имѣли права говорить между собой; развѣ только въ экстренныхъ случаяхъ, обсуждая какіе либо вопросы, имѣющіе единственную цѣль: извлеченій разныхъ указаній вѣры.

Изучающіе священныя книги и готовящіеся къ переходу въ высшее посвященіе не имѣли права произносить громко ни одного слова изъ священнаго писанія, не получивъ на то предварительнаго разрѣшенія отъ учителя своего.

Учить народъ могли только избранныя и привилегированныя лица. Они всегда ограничивались указаніями, касающимися исповѣдыванія вѣры и соблюденія обрядностей. Но однихъ указаній оказывалось всегда слишкомъ мало; нужны были принудительныя мѣры, безъ которыхъ нельзя было заставить повиноваться грубой и полудикій народъ. А потому на обязанности этихъ учителей лежало измышленіе разныхъ способовъ и примѣненіе нѣкоторыхъ принудительныхъ мѣръ, чтобы вести народъ по предначертанной программѣ.

Главнымъ принципомъ всѣхъ вѣръ было тѣмъ или другимъ путемъ вести людей къ ихъ нравственному внутреннему усовершенствованію; угрозами и наказаніями заставить народъ отвыкнуть отъ пороковъ, злодѣяній, грубыхъ вкусовъ, привычекъ и пріучить ихъ, хотя внѣшнимъ образомъ, быть мягкимъ, обхо-

дательнымъ, послушнымъ и исполнять обрядности своей религіи, иногда черезъ силу принуждая себя, иногда для того только, чтобы вообще бороться со своей грубой природой изъза идеи и черезъ это вырабатывать въ себѣ смиреніе и послушаніе.

Вообще, жрецы держали народъ очень строго, обѣщали имъ загробныя награды и наказанія, побѣды надъ врагами—если цѣлыя страны будутъ вести себя достойно, благоденствіе ихъ нисходящаго потомства и отвѣтственность ближайшихъ родственниковъ другъ за друга; и наконецъ, прямо наказывали фактически всѣхъ строптивыхъ, не желающихъ исполнять предписаніе духовенства и не исповѣдующихъ достойнымъ образомъ обряды своей религіи.

Вообще надо сказать, что жрецы держали всегда свой народъ въ строгомъ подчиненіи и весьма настойчиво насильствовали волю каждаго, направляя ее къ внѣшнему исполненію добра и къ исполненію обрядовъ религіи путемъ таинственности, страха, разныхъ обѣщаній, и наконецъ, прямымъ наказаніемъ.

Таковы были отношенія жрецовъ ко всѣмъ сословіямъ своего народа во всю эпоху до VI вѣка до Р. Х.

Второй періодъ. Начиная съ VI вѣка до Р. Х. стали появляться свѣтскіе ученые среди народа, которые передавали свои знанія непосредственно въ народъ безъ всякаго вмѣшательства духовенства. Мы видимъ, что между самимъ народомъ начинается броженіе умовъ и желаніе не одного слѣпого подчиненія, но и самостоятельнаго знанія. Мы видимъ, что наука искусство, литература и философія начинали мало по малу дѣлаться достояніемъ частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ. Появились люди выдающагося ума и логики, съ мощной силой воли и слова, способные воодушевлять полудикаую толпу и внушать ей пониманіе самыхъ возвышенныхъ истинъ, явившихся результатомъ ихъ знаній и ихъ мысли.

Народъ чрезвычайно охотно слушалъ и почиталъ своихъ учителей, но не всегда понималъ все ученіе въ томъ духѣ, какъ желали ему внушить учителя. Уровень развитія народа былъ не великъ, а потому народъ перетолковывалъ эти ученія на свой ладъ, упрощая, обобщая и примѣняя ихъ къ своему кругозору и къ своей степени пониманія природы вещей.

Ученія эти развивали всегда въ народѣ тщеславную увѣренность въ собственныя силы и способности, и авторитетъ духовенства начиналъ передъ ними быстро падать. Почувствовавъ себя до нѣкоторой степени на свободѣ, предоставленнымъ самому себѣ, своему разуму и знанію, народъ старался

совершенно отдѣлиться отъ духовенства, переставалъ слушать его и исповѣдывать свою религію, замѣнивъ свое вѣрованіе слѣпымъ почитаніемъ того философскаго ученія, которое ему нравилось, или которое болѣе соотвѣтствовало его характеру.

Представителями *матеріализма* въ періодъ древней философіи являются въ VI и V вѣкахъ до Р. Х. философы Левкиппъ и Демокритъ—первые атомисты, для которыхъ и душа была совокупностью тончайшихъ матеріальныхъ атомовъ, въ IV вѣкѣ Гедонисты—та сократическая школа, которая признавала удовольствие, какъ единственную цѣль жизни (Аристиппъ и его послѣдователи. Изъ этой школы вышелъ и первый греческій *пессимистъ* Гегезій, проповѣдникъ самоубійства, учившій въ Александріи, въ III вѣкѣ до Р. Х.), съ конца IV вѣка и въ слѣдующіе—Эпикуръ и эпикурейцы, слившіе во едино и развившіе далѣе объ упомянутыя доктрины.—Представителями чистаго спиритуализма являются нѣкоторые пифагорейцы, напр., Парменидъ въ V в., отрицавшій всякое реальное бытіе, кромѣ идейнаго; далѣе, Платонъ, отрицавшій реальное бытіе матеріи, въ IV в.; нѣкоторые Платоники и Новоплатоники въ послѣдующіе вѣка.—Представителями *дуализма* въ древности считаются Анаксагоръ и Сократъ въ V в., изъ которыхъ первый впервые противопоставилъ умъ веществу, а второй развилъ это ученіе примѣнительно къ природѣ человѣка, затѣмъ Аристотель въ VI в., противопоставившій безсмертный дѣятельный умъ смертной безформенной матеріи,—позднѣе его послѣдователи, нѣкоторые перипатетики.—*Пантеизмъ* въ полусознательной формѣ возникаетъ еще въ VII и развивается далѣе въ VI в. въ ученіяхъ іоническихъ физиковъ или гилеозостовъ—Фалеса, Анаксимандра, Гераклита и др., учившихъ, что матерія—одушевлена и одарена жизнью; Ксенофанъ въ VI в., учившій о единомъ Богѣ, какъ реальной сущности всѣхъ вещей,—натурфилософъ Эмпедокль въ V в., одушевлявшій свою матерію началами любви и ненависти, а въ IV и въ слѣдующихъ вѣкахъ пантеизмъ находитъ себѣ болѣе сознательное выраженіе въ ученіяхъ стоиковъ (Зенонъ и его послѣдователи).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ древности развивался и господствовалъ матеріализмъ, ибо, во-первыхъ, вѣкъ былъ языческой; слѣдовательно, никто и не могъ себѣ составить правильнаго понятія объ истинномъ Богѣ—Творцѣ вселенной, а во-вторыхъ, состояніе наукъ было чисто примитивное, не могущее удовлетворить потребностямъ и любознательности даже тогдашняго грубаго и неразвитаго человѣка. Но и при томъ, въ Греціи, напримѣръ, матеріализмъ не былъ никогда достояніемъ толпы; ибо какъ не былъ народъ мало развитъ, онъ все-таки

сдумѣль создать себѣ свой собственный Олимпъ, который удовлетворялъ его міровоззрѣнію лучше и полнѣе, чѣмъ господство бессмысленныхъ, безличныхъ и неодоушевленныхъ атомовъ.

Разбирая философію древнихъ, мы должны скорѣй обратить вниманіе на противоположный фактъ, что люди, бывши язычниками, не зная ничего объ ученіи Христа, силою своей собственной лигики и своихъ слабыхъ, говоря относительно, научныхъ познаній, могли дойти до необходимости признанія Бога Творцомъ и Владѣтелемъ вселенной. Это должно поражать насъ болѣе, чѣмъ безвѣріе и грубые примитивные взгляды на природу въ средѣ языческаго народа, и достойно гораздо большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляютъ этому факту.

Этотъ первый тысячелѣтній періодъ, собственно говоря, и создалъ свѣтскую философію, и былъ творцемъ множества всевозможныхъ философскихъ системъ. Болѣе легкія философіи, т. е. тѣ, которыя позволяли человѣку безпрепятственно пользоваться благами земными, которыя поощряли страсти и пороки, какъ, на примѣръ, эпикуреизмъ, имѣли наибольшій успѣхъ; чѣмъ нравственнѣе и возвышеннѣе была философская система, тѣмъ и имѣла она послѣдователей меньше; ибо въ то время совершенно также, какъ и теперь, большинство охотнѣе принимаетъ то, что каждому нравится, чѣмъ то, что дѣйствительно полезно и истинно. Человѣку, стоящему близко къ жизни, къ потребностямъ и заботамъ всякаго рода, очень трудно отрѣшиться отъ своихъ матеріальныхъ выгодъ изъ за идеи; для этого надо имѣть возможность побороть свои страсти, пороки, привычки, привязанности, однимъ словомъ надо передѣлать себя самого и всю свою природу; не несравненно ли легче слѣдовать влеченіямъ своего порочнаго характера.

Только люди нравственно развитые, внутреннія чувства которыхъ даютъ себя понимать настолько отчетливо, что невольно подчиняютъ своимъ требованіямъ весь организмъ и всѣ животныя желанія ихъ вещественнаго тѣла, могутъ быть безраздѣльно преданы идеѣ и выполнять всѣ требованія ея.

Таковыми были высокіе научные умы и философы всѣхъ временъ. Они умѣли заглушать или по крайней мѣрѣ умѣрять животныя и инстинктивныя стремленія до такой, по крайней мѣрѣ, степени, чтобы они не препятствовали развитію идей, а вслѣдствіе этого могли далеко вести свои умозаключенія. Они умѣли всегда отличать хорошее отъ дурного, временное отъ вѣчнаго, слѣдствіе отъ причины и средство отъ цѣли. Они всегда умѣли отдѣлаться отъ своего житейскаго эгоизма и тщеславія, ставить идею выше всего, выше себя самого, выше сво-

ихъ потребностей и расчетовъ; умѣли становиться на нейтральную точку зрѣнія, на наблюдательную почву и мыслить свободно безъ предвзятыхъ мыслей.

Развитіе наукъ и философіи шло своимъ, независимымъ и роковымъ путемъ. Развитие народа шло совершенно независимо отъ развитія наукъ, шло медленно и вяло. Ученые, конечно, много трудились надъ народомъ, внушали имъ истинное пониманіе вещей, предотвращали отъ заблужденій, внушали покоряться истинѣ, но народъ, имѣя раньше духовенство своимъ руководителемъ, привыкъ къ строгости въ обращеніи, къ принужденію, идущему извнѣ, чего ни въ какомъ случаѣ не допускали ученые принципа ради, да и средствъ къ тому у нихъ не было.

Неутомимыми трудами ученыхъ философія шла все далѣе и далѣе. Каждый изъ философовъ создавалъ свою систему, ихъ провѣряли, критиковали, составляли другія системы, которыя претерпѣвали ту же участь, и, такимъ образомъ, изъ обоюдныхъ критикъ и провѣрокъ, философія тихими шагами стремилась къ истинѣ, и въ IV вѣкѣ послѣ Р. X. Александрійская школа слилась съ религіей. Дальнѣйшее развитіе или совершенствованіе философіи было невозможно, ибо она познала все превосходство надъ собой религіи; она доказала всю недостижимость обыкновеннаго человѣческаго разума до тѣхъ истинъ, которыя развиваетъ и утверждаетъ христіанство, и вмѣстѣ съ тѣмъ признала, что вся человѣческая мудрость неизбѣжно ведетъ прямымъ путемъ къ подтвержденію ихъ.

Зачатки теологическаго направленія философіи были посянны еще Филономъ, затѣмъ появляется Аммоній Саккосъ и Плотинъ съ своими учениками Порфириемъ и Ямблихомъ и, наконецъ философъ Прокль сливаетъ окончательно философію съ религіей. Сперва Александрійская школа признала Трисвятую Троицу (Жуль Симонъ, *Histoire de l'École d'Alexandrie*) и закончила своимъ ученіемъ объ эманацияхъ, и весь рядъ ея ученія все ближе и ближе подвигался къ ученію Христіанства.

Послушаемъ, напримѣръ, чему учить Александрійская школа во времена Плотина: Она задаетъ себѣ три вопроса: „Можетъ ли человѣческое знаніе быть абсолютно истиннымъ? какова природа Бога? какъ начался міръ?—И отвѣчаетъ на нихъ слѣдующимъ образомъ: 1) Человѣческое знаніе необходимо лишено достовѣрности; но это невыгодное обстоятельство находить себѣ поправку въ гипотезѣ экстаза, во время котораго душа отождествляется съ безконечнымъ. 2) Природа Бога

выражается въ тройственномъ Единствѣ, въ трехъ ипостасяхъ Единого существа. 3) Міръ образовался путемъ Эманаци.

„Этотъ третій отвѣтъ заключается во второмъ. Богъ, какъ Единство, но есть бытіе, но Онъ становится бытіемъ въ силу Эманаци отъ Его Единства (Разумъ), а также въ силу другой Эманаци отъ его разума (душа), и образовавшаяся такимъ путемъ душа, въ ея проявленіяхъ, есть міръ.

„Если Богъ отличенъ отъ міра, то онъ долженъ отличаться отъ него своею сущностью. Но въ такомъ случаѣ, на вопросъ: какъ начался міръ? нѣтъ отвѣта, ибо при этомъ условіи міръ долженъ существовать одновременно съ Богомъ.

„Все затрудненіе здѣсь заключается въ слѣдующемъ: Богъ или сотворилъ міръ, или нѣтъ. Если онъ сотворилъ его, то спрашивается, изъ чего? Логика говоритъ, что Онъ не могъ создать его изъ ничего, ибо изъ ничего можетъ получиться только ничто; поэтому Богъ долженъ былъ создать міръ изъ своей субстанціи. Но если такъ, то, слѣдовательно, міръ тождественъ Богу и долженъ былъ уже ранѣ содержаться въ Немъ, иначе Богъ не могъ бы создать его изъ Себя. Но такое отождествленіе Бога съ міромъ есть пантеизмъ, и тогда вопросъ не рѣшается, но измѣняется лишь постановка его. Если Богъ создалъ міръ не изъ Своей субстанціи, то онъ могъ создать его лишь изъ какой-либо субстанціи, уже существовавшей, и въ томъ случаѣ вопросъ опять остается безъ отвѣта.

„Христіане и послѣдователи Александрійской школы рѣшили этотъ вопросъ почти одинаковымъ образомъ. Христіане говорили, что Богъ создалъ міръ изъ ничего, силою Своей всемогущей воли, такъ какъ для всемогущества все возможно, и одно дѣло столь же легко, какъ и всякое другое. Послѣдователи же Александрійской школы говорили, что міръ отличенъ отъ Бога больше по дѣйствию, чѣмъ по сущности, такъ какъ міръ есть проявленіе Его воли или Его разума.

„Такимъ образомъ, по ученію этой школѣ, міръ есть Богъ, но Богъ не есть міръ. Не признавая, слѣдовательно, необходимости двухъ основныхъ началъ, Александрійская школа признаетъ различіе между Создателемъ и созданиемъ. Богъ, согласно этому воззрѣнію, не смѣшивается съ матеріею, и тѣмъ не менѣ философія освобождается отъ трудности объяснить присутствіе двухъ вѣчно существующихъ и вѣчно отличныхъ основныхъ началъ.

„Плотинъ, путемъ своей діалектики пришелъ къ необходимости признать Единство основою бытія; тѣмъ же путемъ онъ пришелъ къ заключенію, что единство не можетъ быть единственнымъ, ибо тогда не могло бы существовать Многое. Если

многое предполагаетъ единое, то и единое предполагаетъ многое. Всякое начало порождаетъ послѣдующее начало присущею ему неизъяснимою силою, которое не умаляется отъ этого порожденія. Эта неизъяснимая и неисчерпанная сила дѣйствуетъ безъ перерыва, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока она не достигнетъ предѣловъ возможнаго.

„Законъ этотъ управляетъ міромъ и его вліянія не можетъ избѣгнуть само Божество. Въ силу этого закона всѣ существа образуютъ одну іерархію, начинающуюся Богомъ и оканчивающуюся чувствующею матеріей, составляютъ одну нерасторжимую цѣпь, такъ какъ каждое существо есть необходимый продуктъ предшествующаго существа и производитель послѣдующаго.

„На вопросъ, что заставляетъ единство обращаться въ множество и отчего Богъ проявляется въ мірѣ, Плотинъ отвѣчаетъ: принципъ Единого уже давно признанъ недостаточнымъ, такъ какъ Божество, не имѣющее разума, не можетъ быть совершенно. Аристотель говоритъ, что Божество, не размышляющее, не достойно уваженія. Слѣдовательно, если разумъ присущъ Божеству, то оно необходимо должно быть дѣятельно; ибо можно ли назвать дѣйствительною силою такую силу, которая ничего не производитъ. Поэтому Богъ по самому существу долженъ былъ создать міръ.

„Богъ, слѣдовательно, есть по самой природѣ Своей Создатель. Онъ подобенъ солнцу, отдающему отъ себя лучи безъ потери своего вещества. Весь этотъ наплывъ новыхъ явленій, эти постоянныя измѣненія, это рожденіе и смерть, все это— проявленія непрерывно дѣйствующей силы. Проявленія эти не имѣютъ абсолютнаго бытія и постоянства. Индивидуальное гибнетъ, потому что оно индивидуально; только всеобщее существуетъ постоянно. Индивидуальное, конечно, и преходяще; всемірное безконечно и безсмертно. Богъ есть единственно истинное Бытіе, мы же и всѣ остальные существа и предметы— преходящія проявленія Его. И, однако, смерть страшитъ робкаго, невѣжественнаго человѣка, робкаго именно вслѣдствіе его невѣжества. Между тѣмъ, умереть значитъ начать жить истинною жизнію. Правда, со смертію мы лишаемся ощущенія, освобождаемся отъ страстей и интересовъ, отъ условій пространства и времени, отрѣшаемся отъ своей личности, но зато мы покидаемъ этотъ міръ и возрождаемся въ Богѣ, отдѣляемся отъ этой эфемерной и жалкой индивидуальности и погружаемся въ бытіе безконечнаго. Смерть есть переходъ къ истинной жизни. Нѣкоторые слабые намеки на нее, нѣкоторое подавляющее насъ указаніе на невыносимый для чувства смерт-

наго блескъ, являются въ краткіе моменты экстаза, когда душа сливается съ безконечнымъ, хотя она и не можетъ долго пребывать въ немъ. Эти чудные, хотя и краткіе моменты обнаруживаютъ предъ нами Божество и показываютъ, что въ глубинѣ нашей личности таится лучъ Божественнаго свѣта, постоянно стремящійся освободиться и возвратиться къ Своему Источнику. Умереть значить начать жить истинной жизнью, и умирающій Плотинъ, отвѣчая въ предсмертной агонии на вопросы друзей, сказалъ: „Я стараюсь освободить заключенное во мнѣ Божество“, (Ист. Филос. Льюиса, т. 1, стр. 294—297).

Философъ Проклъ окончательно поставилъ вѣру выше науки. Вѣра, по его мнѣнію, была единственною способностью, посредствомъ которой можно было познать Бога, т. е. Единое. „Филосовъ, — говоритъ онъ, — есть жрецъ не одной, но всѣхъ религій, другими словами, онъ долженъ своими разъясненіями примирить всѣ вѣрованія. Разумъ есть выразитель вѣры“. (Льюисъ, т. 1, стр. 298).

Со смертью философа Прокла Александрійская школа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее развитіе философіи прекращается. Далѣе философіи идти было не куда; она слилась съ религіей и тѣмъ самымъ блестящимъ образомъ доказала, что высшія человѣческія познанія и вся его высшая мудрость есть первая ступень къ познанію Божественной премудрости. На этомъ рѣшеніи можно считать законченнымъ второй періодъ развитія мысли, независимо отъ того, какъ поняла толпа эти высокія ученія. Они, конечно, не для всѣхъ; но виновата ли въ этомъ сама истина или ограниченность людей.

Третій періодъ длился около 1200 лѣтъ, т. е. до самаго XVII вѣка по Р. Х.

Въ теченіе этого длиннаго періода вся философія была теологическая; всѣ знанія, всѣ науки, искусства, литература и даже образованіе юношества были въ рукахъ духовенства и монастырей. Ни въ одинъ историческій періодъ духовенство не имѣло столь сильной власти надъ культомъ, какъ въ этотъ; оно входило въ семейную жизнь и руководило соціальной жизнью странъ.

Выдающихся и геніальныхъ свѣтилъ науки изъ людей свѣтскихъ совсѣмъ не появлялось; это былъ періодъ абсолютнаго научнаго застоя и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ подготовительный для образованія новаго центра цивилизацій; это былъ періодъ нравственнаго и духовнаго развитія людей.

Древній міръ, дойдя до высшихъ степеней умственной напряженности и высказавъ черезъ Александрійскую школу свое послѣднее слово, сталъ кульминировать, а арена, для прояв-

ленія слѣдующей усиленной научной и умственной дѣятельности еще не была подготовлена. Въ этой именно подготовкѣ новой арены дѣйствительности на новомъ мѣстѣ и прошло 13 столѣтій.

Послѣ паденія Римской имперіи вся западная Европа была населена варварскими, языческими, но крайне воинственными племенами самыхъ разнообразныхъ народностей и была раздѣлена на тысячи мелкихъ княжествъ, герцогствъ, курфюрствъ, феодальныхъ владѣній и т. д., состоящихъ въ непримиримой враждѣ между собой.

Чтобы однимъ словомъ охарактеризовать первую четверть этого періода можно безъ большой ошибки сказать, что главнымъ яблокомъ раздора между всѣми властителями была жажда власти и господства; въ народѣ было стремленіе доказать превосходство своей силы, ловкости и своего оружія; наивысшимъ идеаломъ добродѣтелей у всѣхъ считались храбрость и отвага, и всѣ преклонялись передъ силой, могуществомъ и властью, въ какой бы формѣ они не проявлялись. Поэтому можно себя представить, какую воинственную жизнь вели эти народы, въ особенности, если вспомнить, что вслѣдъ за паденіемъ Римской имперіи было нашествіе на западную Европу Гунновъ, Готовъ и великое переселеніе народовъ.

Сколько времени должно было пройти, чтобы тысячи разрозненныхъ владѣній слились вмѣстѣ для образованія нѣсколькихъ самостоятельныхъ государствъ, могущихъ силою своего оружія сдерживать посягательства внѣшнихъ враговъ и черезъ то дать возможность мирнаго ихъ процвѣтанія! Сколько времени нужно было, чтобы эти государства выработали свой строй, установили порядки, упрочили свой культъ, торговлю, образованіе и искусства! Сколько времени должно было пройти въ заботахъ о самой трудной задачѣ при возрожденіи всякой страны, — это о самоусовершенствованіи самихъ людей. Отъ полудикаго, языческаго и воинственнаго состоянія они должны были перейти къ состоянію, способному понимать высшія истины, добро, милосердіе, свои обязанности передъ людьми, государствомъ и цивилизаціей. Для этого имъ надо было положительно переродиться и переобразоваться, отвыкнуть отъ буйной и бродячей жизни, отъ грубыхъ и жестокихъ наклонностей и заставить себя привыкнуть къ болѣе мирной, осѣдлой жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить весь свой характеръ, всѣ вкусы, всѣ привычки и взгляды; храбрость и отвага должны были уступить мѣсто другимъ идеаламъ, указаннымъ имъ христіанской религіей, замѣнившей прежнее язычество.

Въ теченіе всего этого времени о наукѣ, конечно, никто и

не имѣть возможности думать; никакая философія не могла занимать умы людей; она рѣшительно имъ не была нужна и окончательно забыта. Научныхъ знаній, приобрѣтенныхъ предъидущимъ періодомъ было болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія потребностей и весьма ограниченной любознательности того времени.

Подъ благотворнымъ вліяніемъ быстро распространяющагося по всей западной Европѣ христіанства и вслѣдствіе повсемѣстной постройкой церквей и монастырей, при которыхъ учреждались массы школь и коллегій всякаго рода, развитіе народовъ и странъ, подъ строгимъ надзоромъ духовенства, шло необычайно быстро. Въ скоромъ времени и самыя войны стали принимать религіозный характеръ; страны стали воевать между собой, преслѣдуя уже не однѣ личныя, корыстныя или тщеславныя цѣли, но дрались изъ за принциповъ и убѣжденій. Это уже былъ громаднй шагъ по пути прогресса. Возникли крестовыя походы съ ихъ восторженнымъ религіознымъ энтузіазмомъ и неудачами. Главные дѣятели крестовыхъ походовъ раздували вопросы вѣры, дѣлая ихъ своими народными вопросами, что отразилось весьма благопріятно на взаимныхъ отношеніяхъ странъ и сплотило интересы свѣтскихъ и духовныхъ властей. Чѣмъ больше было неудачъ, чѣмъ борьба съ иновѣрцами была труднѣе, тѣмъ болѣе народъ привязывался къ своей вѣрѣ, старался ее сильнѣе чтить и оградить, что способствовало еще большому укрѣпленію духовной власти надъ странами и народами.

Послѣ крестовыхъ походовъ стали появляться отщепенцы католицизма и еретики, недовольные католицизмомъ вообще и его гнетомъ и чрезмѣрной строгостью въ особенности; въ числѣ ихъ появились Гусситы, которые съ оружіемъ въ рукахъ заявляли свой протестъ. Кровопролитнѣйшія войны возобновились, и чѣмъ энергичнѣе отстаивалъ народъ свою религію, тѣмъ болѣе онъ привязывался къ ней, добровольно отдаваясь господствующей надъ ними власти духовенства.

Такъ продолжалось до эпохи возрожденія, т. е. до 1500 года. Къ этому времени обозначились всѣ великія державы, ихъ будущее значеніе и характеръ; хотя до окончательнаго своего устройства онѣ должны были пережить крайне трудное и смутное столѣтіе.

До нѣкоторой степени нравственно подготовленное и духовно развитое общество начинало уже мыслить. Во многихъ мѣстахъ стали открываться школы и университеты подъ вѣдѣніемъ свѣтскихъ властей. Изобрѣтеніе книгопечатанія сдѣлало образованіе и литературу доступными каждому. Открытіе Америки и мно-

гія другія причины возбуждали умы къ научнымъ познаніямъ. Во всей западной Европѣ явилась потребность въ образованіи. вмѣсто одной господствующей теологической философіи стали появляться новые послѣдователи Платоновской, Аристотелевской, Стоической и атомистическихъ философій; явились схоластики съ представителемъ своего ученія Помпонаціемъ.

Одновременно съ этимъ является великій реформаторъ Лютеръ, произведшій общественный переворотъ религіозныхъ убѣжденій на огромномъ пространствѣ.

Успѣшное распространеніе реформаціи Лютера почти по всѣмъ германскимъ владѣніямъ, постоянно усиливающаяся жажда знаній въ обществѣ, учрежденіе по всей западной Европѣ огромнаго числа школъ и даже университетовъ, подчиненныхъ уже не духовенству, но свѣтскимъ властямъ, появленіе разныхъ философскихъ ученій, передаваемыхъ учителями и профессорамъ университетовъ безъ всякаго контроля католическихъ монаховъ, — подрывали авторитетъ католицизма, оспаривая у него его исключительную власть и господство надъ народомъ и странами. Католицизмъ, однако, не желалъ подчиниться подобному вредному, по его понятіямъ, требованію вѣка. Онъ полагалъ возможнымъ усиленной строгостью смирить отпадающихъ отъ его стада блудныхъ овецъ, а потому сталъ принимать строжайшія мѣры наказанія противъ всякихъ еретиковъ и отступниковъ, какъ онъ называлъ всѣхъ, кто не былъ съ нимъ единомысленникомъ, и, какъ къ послѣднему средству строгости, прибѣгъ къ учрежденію инквизиціи.

Буллой папы Павла III, въ 1540 году, 27 сентября, былъ назначенъ первымъ генераломъ Іезуитскаго ордена Игнатій Лойола. Этотъ орденъ уже въ первые 10 лѣтъ существованія насчитывалъ до 22.000 своихъ дѣятельныхъ членовъ, въ числѣ которыхъ было много людей, стоящихъ во главѣ государствъ и правленій странъ. Іезуиты открывали множество школъ высшихъ (университетовъ) и низшихъ (гимназій); въ низшихъ школахъ главнымъ образомъ изучался латинскій языкъ и, не смотря на серьезное образованіе, даваемое въ этихъ заведеніяхъ, іезуиты старались въ то же время подавлять въ ученикахъ всякое самостоятельное мышленіе и вырабатывать подчиненіе. Подготовленные такимъ образомъ ученики поступали въ высшія школы, подвергаясь еще большей дисциплинѣ и неимовѣрной строгости; изучали педантично главнымъ образомъ: Аристотелевскую философію, мораль, схоластику, богословіе, казуистику и догматы вѣры.

Инквизиція была бичемъ того времени, и трудно себѣ представить, какими жестокими мѣрами, истязаніями и убійствами

католицизмъ думалъ удержать свое прежнее вліяніе надъ міромъ. Всѣ властелины странъ трепетали подъ страхомъ отвѣтственности передъ приговоромъ неумолимой инквизиціи, а потому, находясь, въ полной отъ нея зависимости, подчиняли ей и свои государства. Всякая научная истина, не отвѣчающая видамъ инквизиціи, считалась ересью, и виновникъ ея сжигался на кострѣ. Инквизиція стремилась во что бы то ни стало владѣть и господствовать надъ всѣмъ міромъ.

Но требованія времени были сильнѣе. Инквизиція могла до нѣкоторой степени сдержать видимыя проявленія самостоятельной мысли, но тѣмъ болѣе возбуждались внутреннія, скрытыя желанія каждаго слѣдовать за наукой.

Начало открытому протесту противъ инквизиціи положилъ, преслѣдуемый ею, чрезвычайно умный, энергичный и восторженный итальянецъ Джіордано Бруно, объѣхавъ всю Европу, проповѣдая свою пантеистическую философію и возбуждая повсюду самый живой интересъ. Онъ былъ сожженъ на кострѣ, такъ какъ обвинялся инквизиціей въ ереси, отъ которой не пожелалъ публично отказаться передъ своей смертью. Его геройская смерть, воспоминанія о его свѣтлой личности и о восторженныхъ ученіяхъ оставили неизгладимое впечатлѣніе какъ о немъ самомъ, такъ и о его ученіи.

Вслѣдъ за Джіордано Бруно стали появляться другія еще болѣе значительныя научныя открытія: Коперника, Галлилея, Рене Декарта и, наконецъ, Ньютона. Труды этихъ великихъ ученыхъ заинтересовали и завладѣли всѣмъ обществомъ до такой степени, что научный интересъ сталъ общественнымъ интересомъ; общество жаждало новыхъ открытій и слѣдило за ними какъ за вопросами дня.

Этотъ научный энтузіазмъ совпалъ съ началомъ XVII вѣка, и съ этого времени мы начнемъ свой четвертый періодъ развитія мысли.

Четвертый періодъ длился около 200 лѣтъ, развѣ немного болѣе. Онъ начался съ 1600 года и продолжался до начала нашего XIX столѣтія. Первые года и XIX столѣтія (лѣтъ 20 или 30) могли бы быть отнесены также къ нему.

Это былъ періодъ самага усиленнаго и дѣятельнаго развитія мысли. Второй періодъ создалъ науку и философію—4-й ихъ расширилъ, дополнилъ и установилъ окончательно; всѣ лучшія и высшія познанія пріобрѣтены наукой въ этотъ періодъ. И, дѣйствительно, въ теченіе XVII и XVIII столѣтій было такъ много гениальныхъ научныхъ умовъ, какъ ни въ одинъ историческій періодъ. Свѣтила науки того времени выступили: Ньютонъ, Декартъ, Галлилей, Коперникъ, Тихо-де-Браго,

Фарадей, Бойль, Клеркъ, лордъ Бэконъ, Юмъ, Лейбницъ, Локкъ, Сталь, Шарль Бонне, Линней, Паскаль, Дюпонъ-де-Немуръ, Босюэтъ, Берклей, Гертли, Дальтонъ, Парапельсъ, Гей-Люсакъ, Бернули, Гексли, Кабанисъ, Литтре, Лавуазье, Лапласъ, Пристлей, Бишъ, Тайлоръ, Берцелиусъ, Кондорсе, Жильберъ, Гюйгенсъ, Толмандъ, Александръ фонъ-Гумбольдтъ, Артуръ Шопенгауэръ, Спиноза, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Кантъ и многіе другіе.

За этимъ множествомъ научныхъ свѣтилъ первой величины слѣдовали ученые второстепенные, профессора университетовъ, далѣе учителя школъ, затѣмъ писатели, комментаторы, популяризаторы ученыхъ трудовъ первыхъ мастеровъ науки; и можно себѣ представить, какую массу новыхъ научныхъ свѣдѣній получало ежедневно общество. Оно слѣдило за ними съ величайшимъ вниманіемъ и уваженіемъ; съ восторгомъ встрѣчало оно и принимало всякое новое открытіе, всякій новый трудъ, и просвѣщеніе стало потребностью вѣка.

Бросая общій взглядъ на ходъ развитія мысли въ этотъ періодъ, нельзя не найти въ немъ поразительнаго сходства съ ходомъ развитія мысли втораго періода въ древнемъ мірѣ. Разница между ними, въ сущности, конечно громадная. 1) Въ древнемъ мірѣ народъ былъ несравненно меньше интеллектуально развитъ; 2) наука древнихъ стояла на несравненно низшей степени; 3) способъ распространенія знаній въ древности былъ по преимуществу устный. Совсѣмъ не то было послѣ изобрѣтенія книгопечатанія въ новомъ мірѣ. Однимъ словомъ, одинъ періодъ усиленнаго развитія мысли отстоялъ отъ другого на двѣ тысячи лѣтъ, слѣдовательно, само собою понятно, что всѣ условія, сопровождающія одинъ, несходны съ условіями, сопровождающими другой; но отношеніе несовершенства природы человѣка къ возлагаемой на него задачѣ самообразования и самоулучшенія даетъ необыкновенное сходство между ходомъ развитія мысли обоихъ періодовъ. вмѣсто того, чтобы быть слугою науки и своего собственнаго улучшенія, человѣкъ, во всѣхъ случаяхъ своей жизни, остается прежде всего человѣкомъ, со всѣми своими страстями, пороками, привязанностью къ своимъ привычкамъ и принципамъ, которые суть самые большіе тормозы образованія и самые злѣйшіе враги новыхъ идей. Человѣкъ никогда не можетъ отдѣлаться отъ своего прежняго взгляда на вещи и, узнавая новыя истины или приобрѣтая новыя познанія, онъ разбираетъ ихъ со старой точки зрѣнія, примѣняя свой прежній взглядъ, который и служить ему первымъ и главнымъ мѣриломъ и критеріумомъ его собственной оцѣнки, отъ чего непосредственно зависитъ сте-

пень допущенія или пониманія этихъ истинъ или этихъ познаній. Однимъ словомъ, человѣкъ никогда не могъ додумываться до конца, т. е. до того конца, до котораго додумывались великіе мыслители его вѣка; онъ останавливалъ свое мышленіе на степени своего собственнаго развитія, на той степени, которая соотвѣтствовала чувствамъ и силамъ его интеллектуальнаго существа.

Изъ этого выходитъ, что ходъ развитія мысли, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ мірѣ, имѣетъ большое сходство, не смотря на полное разнообразіе всѣхъ сопровождающихъ условий, а именно:

I. Обоимъ періодамъ „свободнаго“ умственнаго и научнаго развитія предшествовали очень долгіе періоды нравственнаго и духовнаго „насилія“.

Крайне трудно подобрать другія названія этимъ періодамъ; потому мы второй и четвертый назвали свободными, въ отличіе отъ перваго и третьяго, которые мы назвали періодами духовнаго насилія. Собственно говоря, и то и другое названіе не совсѣмъ правильно; ибо какъ умственное образованіе не можетъ быть названо вполнѣ свободнымъ, такъ подавно нравственное и духовное воспитаніе не похоже на насиліе; однако, для большей рельефности характеристики различія этихъ періодовъ оставимъ эти эпитеты.

Дѣло въ томъ, что какъ основной смыслъ нравственнаго и духовнаго воспитанія, такъ и приемы, употребляемые при немъ, рѣшительно не схожи съ основнымъ смысломъ умственнаго и научнаго образованія и съ практикуемыми педагогическими приемами.

Воспитаніе нравственное и духовное сопровождается постепеннымъ измѣненіемъ внутренней природы человѣка. Человѣкъ дѣлается мягче, добрѣе, снисходительнѣе къ ближнему, строже къ себѣ и т. д. Ни одно изъ этихъ качествъ не можетъ быть приобрѣтено безъ извѣстной работы надъ собой, безъ принужденія себя или безъ нѣкотораго воздержанія. Никакая мораль помочь не можетъ. Человѣкъ можетъ видѣть примѣры самой высокой добродѣтели и ежедневно слушать самыя убѣдительныя рѣчи о превосходствѣ добродѣтели надъ порокомъ,—однако, ничто не сдѣлаетъ его лучше, если онъ самъ не будетъ себя принуждать отставать и отучаться отъ всего злого и несовершеннаго и не будетъ заставлятъ себя поступать хорошо.

Эта искусственная и принудительная ломка организма, сначала, въ особенности, покажется человѣку непреодолимо трудной. Но послѣ нѣкотораго упражненія задача значительно

облегчается, и со временем онъ привыкнетъ и будетъ даже чувствовать удовольствіе въ томъ, что раньше казалось ему совсѣмъ противнымъ его природѣ и недостижимымъ. Такой внутренней нравственный и духовный прогрессъ отразится на всемъ его характерѣ, во взглядахъ на людей и на окружающую его природу, на привычкахъ, и обязательно войдетъ во всю его жизнь и въ обращеніе его съ людьми и животными.

Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло со злымъ и грубымъ человѣкомъ и желали бы, во что бы то ни стало, превратить его въ нѣжнаго и любящаго, — какой образъ дѣйствій предписали бы мы ему? что посовѣтывали бы ему сдѣлать?

Сначала онъ долженъ бы былъ приучить себя наружно не выказывать своей злости. Какъ бы люди ни сердили его и сколько бы зла ему ни дѣлали, — онъ долженъ бы былъ употребить всѣ свои силы, чтобы сдержать, остановить или подавить въ себѣ всякія, даже мельчайшія, внѣшнія проявленія злости и казаться добрымъ и снисходительнымъ. Внутренно онъ, конечно, будетъ сердиться; злость будетъ въ немъ кипѣть, весь организмъ его будетъ протестовать и противиться такому неестественному проявленію силы воли надъ собой же самимъ, и дѣйствительно, нужна необыкновенная стойкость или какая нибудь сильная посторонняя причина, которая заставляла бы человѣка сдерживать всѣ порывы его порочной природы. Положимъ, что черезъ усиленное стараніе, онъ одержалъ верхъ надъ самимъ собой и надъ своей природой и сдержался разъ десять, двадцать или сто — вѣдь, какъ бы ни была зла его природа, онъ долженъ же наконецъ приучить еѣ къ послушанію и отучить отъ внѣшнихъ проявленій злости. вмѣстѣ же съ внѣшними проявленія злости станутъ пропадать и внутреннія и борьба съ собой будетъ ему даваться уже легче; и такъ долженъ онъ поступать до тѣхъ поръ, пока въ немъ не исчезнетъ всякая ненависть и злость къ людямъ и дойдетъ онъ до индифферентизма.

Такимъ точно путемъ долженъ поступать человѣкъ для уничтоженія въ себѣ каждаго порока и каждой дурной наклонности. Ничего не дается въ области духовнаго прогресса безъ борьбы и принужденія; скажемъ даже больше: одно принужденіе себя, въ особенности, если оно разумно и не имѣетъ внѣшняго давленія, а дѣлается человѣкомъ съ охотой, по доброй волѣ, уже совершенствуетъ его, искореняетъ въ немъ злыя наклонности и дѣлаетъ его способнымъ къ воспріятію высшаго самовоспитанія, которое онъ найдетъ въ христіанствѣ. Никакая борьба съ собой и со своими недостатками не остается безъ внутренняго и дѣйствительнаго самоулучшенія всего нашего

существа и всей природы нашей. Окончивъ подобную ломку и насилуваніе своей злой природы, человѣкъ можетъ сказать, что кончилъ первую часть своего нравственнаго и духовнаго воспитанія, т. е. подготовить почву своей души для благоприятныхъ всходовъ на ней сѣмени слова Божія. Это будетъ уже вторая часть его самовоспитанія, еще болѣе существенная, чѣмъ первая, но зато и еще болѣе трудная.

Легче отучить себя не дѣлать людямъ зла, чѣмъ приучить себя дѣлать добро; легче отучить себя отъ праздныхъ словъ и отъ отрипанія того, о чемъ не имѣешь понятія, чѣмъ полюбить Бога всѣмъ сердцемъ и всей душой; легче быть рабомъ буквы, чѣмъ вникнуть въ духъ закона; легче быть формалистомъ и исполнять извѣстное количество внѣшнихъ правилъ и обрядностей, чѣмъ быть вѣрнымъ слугою Бога, чистымъ, мудрымъ и смиреннымъ духомъ и съ самоотверженіемъ повиноваться волѣ Божіей. А если задача труднѣе, то и достиженіе ея достается съ большей работой надъ собой. Конечно, работа христіанина надъ самоулучшеніемъ совершенно другого рода, чѣмъ первоначальная работа надъ искорененіемъ въ себѣ зла; тѣмъ не менѣе она очень трудна и сопряжена съ большими принужденіями и борьбой съ самимъ собой. При этомъ такъ же, какъ и при всякомъ новомъ нравственномъ и духовномъ улучшеніи себя, человѣкъ постоянно до нѣкоторой степени несовершенствуется свой характеръ, свою жизнь и всю свою природу. Духовному воспитанію вѣтъ предѣла, — оно также безконечно, какъ и самъ Богъ, и каждая новая степень даетъ все новыя преимущества и новыя совершенства.

Образованіе научное и умственное имѣетъ совершенно другой характеръ. Конечно, чтобы что нибудь знать, надо трудиться и работать. Чѣмъ болѣе человѣкъ учится, тѣмъ онъ образованнѣе, — это несомнѣнно (очевидно, въ этомъ случаѣ мы говоримъ объ одномъ и томъ же человѣкѣ, такъ какъ природныя дарованія у людей весьма различны). Но при научномъ и умственномъ образованіи вѣняется не количество положеннаго къ себѣ нибудь труда, не самая его забота объ образованіи и не бессонныя ночи, проведенныя въ изученіи наукъ, но конечный результатъ, степень образованности и количество усвоенныхъ знаній.

Человѣкъ, окруженный всѣми средствами, облегчающими ему ученіе, достигаетъ лучшихъ результатовъ гораздо скорѣй и съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ другой, ихъ не имѣющій. Иной, живя между умными людьми и прислушиваясь постоянно къ ихъ научнымъ разговорамъ, совершенно безъ всякаго труда и даже совершенно нехотя можетъ научиться тому, на что дру-

гіе убили цѣлые годы своей жизни. Простой безграмотный сторожъ-солдатъ въ физической лабораторіи научается черезъ простую наблюдательность, но безъ всякихъ знаній физики, производить любой самый трудный физическій опытъ со всѣми деталями. Таковъ характеръ умственного и научнаго воспитанія, въ которомъ болѣе преуспѣвають тѣ, у которыхъ больше разумъ, память и сообразительность. Но вопросъ въ томъ, — преобразовываютъ ли эти знанія человѣка? Дѣлаютъ ли они лучше и совершеннѣе самое существо его, улучшая его душу?

На этотъ вопросъ надо несомнѣнно отвѣтить отрицательно. Умственные и научныя познанія расширяютъ ему только кругозоръ всего познавательнаго; открываютъ ему новыя арены дѣятельности, на которыя можетъ онъ вступить или отказаться; позволяютъ ему болѣе разумно и здраво относиться къ природѣ, къ людямъ и тварямъ; но будетъ ли онъ въ дѣйствительности такъ относиться, — это зависитъ отъ его личнаго желанія. Но за то умственное развитіе ведетъ за собой и большее пониманіе житейскихъ и личныхъ вопросовъ, открываетъ ему глаза на его выгоды и расчеты, учитъ ловкости въ обращеніи съ людьми, учитъ командовать и господствовать надъ ними. Изъ чего надо заключить, что умственное развитіе, вмѣстѣ съ приносимой пользой человѣку, можетъ принести ему и вредъ, ибо можетъ породить въ немъ излишнюю увѣренность въ свои силы и достоинство, что вызоветъ тщеславную гордость и пренебреженіе къ людямъ, т. е. можетъ сдѣлать ему нравственный вредъ и онъ падетъ съ высшей ступени своего духовнаго развитія на болѣе низшую.

Въ видахъ этой разницы задачъ нравственнаго воспитанія и умственнаго образованія, учителя нравственности, для воспитанія своихъ учениковъ, поступаютъ иначе, чѣмъ профессора и учителя наукъ; а въ періоды усиленнаго нравственнаго развитія отношеніе духовенства къ народу было иное, чѣмъ отношеніе ученыхъ къ тому же народу въ періоды усиленныхъ умственныхъ развитій.

Въ теченіе всего перваго и третьяго періода духовенство имѣло безусловную власть надъ народомъ во всѣ фазы его жизни: семейной, домашней, уличной и общественной. Мало того, духовенство оказывало давленіе не на одни только поступки людей, но и на всѣ потаеннѣйшія мысли каждаго, заставляя на исповѣдяхъ высказывать все безъ малѣйшей утайки, подъ страхомъ двойкой отвѣтственности. Первая отвѣтственность была передъ самимъ духовенствомъ, которое наказывало разными способами за неполную исповѣдь; вторая же была передъ самимъ собой и Богомъ, ибо совѣсть каждаго не дол-

жна была давать покоя въ теченіе всей жизни, въ случаѣ преднамѣренной утайки какойнибудь самой сокровенной мысли. Никто отъ руководства духовенства никуда скрыться не могъ и всякій шагъ каждаго былъ подѣ контролемъ.

Забываясь о внутреннемъ нравственномъ улучшеніи народа, духовенство, конечно, должно было не только оказывать давленіе, но даже употреблять нѣкоторое насиліе надъ волей народа, чтобы заставить каждаго относиться къ себѣ строго и въ свою очередь принуждать себя насиловать свою злую природу, приучая ее къ добру! И, конечно, чѣмъ грубѣе былъ народъ, тѣмъ и насилуваніе ихъ воли было сильнѣй и выражалось въ болѣе грубыхъ и принудительныхъ формахъ. Имѣя дѣло съ полудикимъ народомъ, законоучители и не думали даже освѣдомляться о внутреннихъ душевныхъ качествахъ своего народа; ибо въ каждомъ изъ нихъ было еще такъ много дикости и внѣшней грубости, что первой заботой духовенства было работать надъ уничтоженіемъ внѣшнихъ проявленій ихъ дикой и животной природы. Моисей, напримѣръ, никого не спрашивалъ, съ какимъ внутреннимъ настроеніемъ исполняетъ человѣкъ его законъ и трудно-ли ему воздерживаться отъ злодѣяній; онъ говоритъ: „Будь проклятъ всякъ, кто не исполняетъ закона“. А законъ усматривалъ каждый шагъ даже домашней жизни и былъ необычайно мелочень и подробенъ; но тѣмъ не менѣе исполненіе его было обязательно.

Ветхій Завѣтъ строго преслѣдовалъ нарушеніе обрядностей; напримѣръ: соблюденіе субботы было обставлено самыми мелочными, до нелѣпости точными, до смѣшнаго ничтожными ограниченіями. Пророкъ назвалъ ее „отрадой“ и поэтому становилось въ обязанность даже бѣдняку ѣсть три раза въ этотъ день. Евреи должны были пиршествовать, хотя не имѣли права ни зажигать огня, ни варить пищи. Согласно жестокому и узкому наставленію Шамаи, въ субботу никто не могъ даже ободрить больнаго или утѣшить печальнаго; спасти жизнь ближняго считалось нарушеніемъ субботы. Какойнибудь вопросъ о стеблѣ бобовъ или о способѣ убивать дичь до ея употребленія въ пищу возбуждалъ самые многочисленныя трактаты, вырабатывающіе новыя затруднительныя условія.

Общее религіозное убѣжденіе каждаго іудея сводилось къ тому, что хотя изъ 248 заповѣдей и 365 запрещеній Моисеева закона инныя были легки, а инныя тяжелы, однако всѣ они и въ отдѣльности, и вмѣстѣ взятыя были необходимы къ исполненію съ самой строгой тщательностью, не только по духу и по буквѣ, но и въ безчисленныхъ выводахъ, къ которымъ могла повести буква, когда даже послѣдній слѣдъ смысла и

значенія терялся въ массѣ всевозможныхъ опредѣленій. Этого, по убѣжденію іудеевъ, требоваль Богъ; только это считалось истиннымъ понятіемъ о безукоризненной праведности закона. Хотя подобный взглядъ іудеевъ есть отчасти плодъ утрировки фарисейской, тѣмъ не менѣе развѣ не торжественно и не рѣшительно выражена заповѣдь: „не дѣлать никакого дѣла въ субботній день?“ Развѣ самъ Моисей и все общество не побиты камнями человѣка въ пустынѣ за то только, что онъ собираль дрова въ этотъ день?

А развѣ легко было дикому народу подъ страхомъ отвѣтственности почитать своихъ родителей, не воровать, не убивать, не завидовать, не пожелать жены ближняго, смирять свой гнѣвъ, который для нихъ, по словамъ языческаго поэта, „возникаетъ какъ дымъ въ сердцѣ человѣка и слаще текущихъ капель меда“ и, вмѣсто удовольствія мести и блаженства пролить кровь врага, его принуждали къ воздержанію, спокойствію и смиренію.

Въ третьемъ періодѣ строгость была другого рода—болѣе тонкая, но не менѣе активная. Задача самоусовершенствованія, возлагаемая на христіанъ, несравненно труднѣе, чѣмъ въ другихъ религіяхъ. Установленіе инквизиціи и обращеніе ея съ народомъ достаточно доказываетъ ту степень строгости, съ которой католицизмъ поддерживаль вѣру среди народа.

Научное и умственное образованіе имѣетъ тоже своего рода принужденія, но они совершенно другого рода и гораздо слабѣе. Въ каждой странѣ учатся далеко не всѣ, давленія же духовнаго воспитанія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ не избѣгаль положительно никто; ни одинъ человѣкъ и ни одинъ ребенокъ даже не былъ освобожденъ отъ полнѣйшаго на него вліянія духовенства. Далеко не такъ распространено воспитаніе у насъ, въ Россіи; на примѣръ, въ свѣтскихъ школахъ и въ университетахъ учится одинъ ученикъ на 1.600 человѣкъ изъ общаго числа всего народонаселенія. Гдѣ же почерпаютъ остальные 1.599 человѣкъ свои знанія? Почерпаютъ-ли они вообще откуда нибудь какую нибудь премудрость, или остаются въ полномъ невѣжествѣ—никому до этого дѣла нѣтъ. Обязательное обученіе грамотности не введено еще во многихъ странахъ въ настоящее даже время; можно же себѣ представить, въ какомъ состояніи оно было 300 лѣтъ тому назадъ, не говоря уже о второмъ періодѣ, который былъ 2.000 лѣтъ тому назадъ.

Никакая страна не въ состояніи дать образованіе всѣмъ желающимъ его получить—на это не достанетъ ея годоваго бюджета, а потому число учениковъ, обучающихся во всѣхъ

школахъ и университетахъ каждой страны, въ большинствѣ случаевъ ограничивается извѣстнымъ количествомъ, которое опредѣляется въ зависимости отъ числа необходимыхъ чиновниковъ, учителей, офицеровъ и вообще служащихъ въ самой странѣ.

Кромѣ дѣйствительнаго желанія просвѣщенія, въ эти учебныя заведенія часто загоняетъ учениковъ нужда и необходимость доставать себѣ занятіе и пропитаніе для всей предстоящей жизни. А тамъ, гдѣ замѣшиваются вопросы нужды, холода и голода, можетъ-ли человѣкъ поручиться за чистоту своихъ намѣреній?

Въ этихъ заведеніяхъ, конечно, существуютъ своего рода строгости и взысканія. Они заботятся о томъ, чтобы оканчивающіе курсъ были достойны того. Но имъ все равно—окончить-ли въ нихъ Сидоръ или Карпъ, а потому, если Сидоръ плохо учится, то его выгоняютъ и берутъ Карпа на его мѣсто; и никому дѣла нѣтъ, гдѣ этотъ несчастный, малоспособный Сидоръ кончитъ свое образованіе, и будетъ-ли онъ вообще учиться—также никого не интересуеть.

Вотъ причина, отчего мы назвали второй и четвертый періоды свободными, а первый и третій—періодами нравственнаго насилія и обратили вниманіе читателя на то, что обоимъ періодамъ усиленнаго умственнаго развитія предшествовали періоды строжайшей нравственной дисциплины, и что періоды нравственнаго воспитанія были разъ, по крайней мѣрѣ, въ 5 длиннѣе, чѣмъ періоды образованія. Это было первое сходство.

II. Второе сходство заключается въ томъ, что, какъ въ первомъ, такъ и третьемъ періодахъ, послѣ того, какъ общество начинало интересоваться научными вопросами и міровыми открытіями великихъ ученыхъ, для него, кромѣ авторитета религіи, являлся еще другой авторитетъ науки. Согласить требованія этихъ двухъ авторитетовъ общество никогда не могло. Оно никогда не умѣло держаться вполне необходимой середины, позволяющей человѣку пользоваться преимуществами обѣихъ сторонъ. Видя прежнюю надъ собою власть духовенства значительно ослабленной, вслѣдствіе вѣянія времени, оно старалось совершенно отдѣлиться отъ него и переносило все свое почитаніе на научныя знанія.

III. Третье сходство заключается въ томъ, что какъ общество, такъ и его учителя и профессора никогда не могли дойти до той глубины мышленія, которой владѣли великіе мастера науки, и стать на то міровоззрѣніе, на которомъ стояли сами авторы и создатели этихъ философскихъ системъ и научныхъ теорій; а потому системы эти и теоріи передавались обществу

совершенно въ другомъ свѣтѣ, значительно измѣненные, вслѣдствіе чего тѣ же самыя данныя, которыя приводили самого автора системы къ однимъ заключеніямъ и заставляли видѣть въ нихъ новыя подтвержденіе славы Божіей,—доводили общество до совершенно противоположныхъ убѣжденій и утверждали въ немъ материализмъ и атеизмъ.

Подробное доказательство этого страннаго явленія будетъ помѣщено ниже.

IV. Четвертое сходство заключается въ томъ, что чѣмъ возвышеннѣе была философская система, чѣмъ болѣе приближала она человѣка къ Божественной истинѣ, тѣмъ менѣе она понималась и тѣмъ менѣе имѣла она послѣдователей. Наоборотъ, чѣмъ легче была система, чѣмъ болѣе была она поверхностна и менѣе удалалась отъ видимаго міра, тѣмъ имѣла она болѣе послѣдователей. Самое большое число послѣдователей, какъ во второй, такъ и въ четвертый періодъ, имѣлъ эпикуреизмъ, который поощрялъ развращенные вкусы тщеславнаго человѣчества, не корилъ пороки и потакалъ изнѣженности и сластолюбію. Онъ училъ, что въ жизни слѣдуетъ выше всего ставить свое собственное счастье; что вся жизнь состоитъ въ вѣчномъ стремленіи духа къ счастью, довольству и добродѣтели. Онъ отвергалъ вліяніе Боговъ на міръ, не признавалъ загробной жизни, старался вдохнуть въ учениковъ своихъ жажду къ мудрости, умѣренность, твердость духа и удаленіе отъ публичныхъ обязанностей.

Такая легкая и пріятная форма философіи, позволяющая предаваться со всѣмъ пыломъ своимъ страстямъ, послѣ той нравственной дисциплины, къ которой обязывали религіи, не могла не нравиться порочному человѣку. И какъ только власть религіи ослабѣвала, люди видѣли, что они предоставлены своему произволу и своей собственной свободной волѣ и что есть возможность замѣнить католицизмъ со всѣми его обязательными правилами и стѣсненіями эпикуреизмомъ,—то они не замедлили это исполнить, что совершенно естественно.

V. Поразительное сходство видимъ мы въ послѣдовательномъ ходѣ развитія мысли и философіи и въ формѣ сужденія въ теченіе каждаго изъ этихъ двухъ періодовъ.

Люди могутъ быть болѣе или менѣе образованы, знанія ихъ природы могутъ у однихъ быть несравненно выше и обширнѣе, чѣмъ у другихъ, но сила и глубина ихъ сужденія, зависящая отъ внутренняго ихъ развитія, устанавливаетъ все однѣ и тѣ же формы сужденія.

Достойно положительно удивленія, что, не смотря на то, что четвертый періодъ имѣлъ болѣе запасъ научныхъ дан-

ныхъ, больше средствъ къ распознаванію истины и изученію природы, къ личному самоусовершенствованію, однако онъ не создалъ ни одной новой формы философіи, ибо каждая форма сужденія имѣеть уже своихъ одинаково достойныхъ представителей въ древности.

Не вдаваясь въ разныя переходныя и смѣшанныя формы философіи, надо сказать, что древній міръ выработалъ шесть основныхъ формъ сужденія, а именно:

а) Самой легкой и удопонятной для всякаго неразвитаго нравственно человѣка формой философіи представляется несомнѣнно матеріализмъ, — онъ разбираетъ и анализируетъ всѣ явленія матеріи, отвергая или не замѣчая духа; для него духа нѣтъ, нѣтъ ничего отвлеченнаго и загадочнаго въ природѣ, все понятно, ибо онъ разсматриваетъ духъ и все ему непонятное какъ свойства, развивающіяся или проявляющіяся въ матеріи. Духъ—это все равно что цвѣтокъ или плодъ, вырастающій со временемъ на древѣ вещества.

Одной ступенью выше матеріализма, какъ сказалъ Кантъ, на длинной лѣстницѣ всѣхъ философскихъ системъ, стоитъ скептицизмъ. Онъ не даетъ еще ученія о духѣ, не познаетъ его и не старается ни понять и ни изучить его; но, анализируя свои знанія матеріи, онъ убѣждается въ шаткости ихъ, ибо, по ученію скептиковъ, всякое познаніе, которое можетъ быть оспорено, не достовѣрно, а слѣдовательно, и не должно быть принято. Скептики держатся того убѣжденія, что мудрый человѣкъ не долженъ ничего рѣшать, не долженъ останавливаться ни на чемъ, но все подвергать только изслѣдованію.

Эммануиль Кантъ находить, что обѣ эти формы сужденія должны быть отнесены къ числу явныхъ заблужденій.

б) Пантеизмъ—сливающій или, лучше сказать, не отличающій идеи Божества отъ видимаго міра. По его ученію, или Божество поглощаетъ въ себѣ весь міръ, тогда можно сказать, что Богъ есть все, или міръ поглощаетъ Божество, тогда „все“—есть Богъ. Въ первомъ случаѣ міръ ничто иное, какъ скопленіе феноменовъ или разныхъ проявленій Божества безъ отдѣльнаго и реальнаго существованія его; во второмъ случаѣ Божество составляетъ только всеобщую силу, распространенную въ природѣ и сливающуюся съ нею.

в) Дуализмъ или спиритуализмъ, — система, по которой духъ и матерія одинаково реальныя начала, совершенно противоположныя другъ другу по своей природѣ и не имѣющія между собой ничего общаго ни въ свойствахъ, ни въ законахъ своего дѣйствія.

г) Идеализмъ или чистый спиритуализмъ, — система, по которой существуетъ только духъ, а матерія есть только представленіе, одна изъ идей духа, но на самомъ дѣлѣ ея не существуетъ. Матерія это только созданіе творческой мысли духа, имѣющаго потребность облечь въ вещественный (трехмѣрный) образъ мыслимую имъ противоположность своего собственнаго бытія. Для этой системы реально существуютъ только идеи духа.

Чистый идеализмъ можетъ быть названъ непосредственной ступеню, ведущей къ правильному пониманію ученія Церкви. Уллихъ признаетъ ученіе Церкви высшей формой человѣческихъ познаній и называетъ его наукой всѣхъ наукъ, или философіей всѣхъ философій, и какъ мы увидимъ ниже, онъ имѣетъ на то полное и несомнѣнное право.

Разбирая всѣ появившіяся въ четвертый періодъ формы философіи, можно подвести ихъ совершенно подъ одну съ этими формами рубрику, и высокая ученость XVII и XVIII столѣтій не прибавила ни одной новой формы сужденія.

VI. Шестое сходство второго періода съ четвертымъ — является тождественность окончательныхъ выводовъ, до которыхъ довели труды всѣхъ великихъ ученыхъ обоихъ періодовъ.

Второй періодъ создалъ философію, четвертый ее развилъ. Но въ четвертомъ, какъ и во второмъ, труды великихъ ученыхъ шли независимо отъ того, какъ понимали ихъ второстепенные, третестепенные ученые, профессора, учителя и наконецъ все общество. Великіе умы понимали другъ друга и, собственно говоря, въ развитіи ихъ высокихъ идей и состоитъ прогрессъ мысли и значеніе вѣка. Каждый новый великій дѣятель науки основывалъ свои выводы на точномъ смыслѣ ученія своихъ предшественниковъ; исправлялъ и дополнял ихъ пробѣлы и создавалъ свои системы, которыя тоже исправлялись, критиковались и дополнялись вновь появляющимися великими умами и такъ росло знаніе науки. Къ концу XVIII вѣка философія сказала свое послѣднее слово, которое было тождественно съ тѣмъ выводомъ, къ которому пришла наука, а именно: что человѣкъ можетъ познать истину только черезъ Бога. Разница лишь въ томъ, что второй періодъ длился 1000 лѣтъ, — четвертый же черезъ двѣсти лѣтъ пришелъ къ тому же результату.

Разбирая всѣ идеалистическія системы съ послѣдней половины XVIII столѣтія и начала XIX, не трудно убѣдиться, что въ основномъ смыслѣ окончательныхъ ихъ выводовъ чувствуются отъ человѣка тѣ же требованія, которыя уже давно внушаетъ ему Церковь, а они всѣ дошли до своихъ положеній,

идя строгимъ логическимъ путемъ отъ данныхъ положительной науки, пройдя всю трудную школу человѣческихъ знаній.

Для примѣра, приведемъ нѣкоторыя ихъ положенія.

Кантъ находитъ, что „теологическая идея, дающая основаніе самому важному примѣненію разума, которое, однако, при исключительно умозрительномъ направленіи становится запредѣльнымъ и потому діалектическимъ—это идеаль чистаго разума. При психологической и космологической идеѣ разумъ начинается съ опыта и чрезъ подборъ основанийъ старается, гдѣ возможно, достигнуть до абсолютной полноты причиннаго ряда; здѣсь же, напротивъ, разумъ совершенно оставляетъ опытъ, и отъ однихъ понятій объ абсолютной полнотѣ всего существующаго, т. е. отъ идеи всесовершенной первосущности, нисходитъ къ опредѣленію возможности, а потому и дѣйствительности всѣхъ другихъ вещей“. (Пролегомены, стр. 143).

Фихте главнымъ образомъ старался установить тождество бытія и мысли, существованія и сознанія, объекта и субъекта. Въ виду такой цѣли онъ разсматриваетъ „я“, какъ дѣятельность по преимуществу.

Согласно съ этимъ въ практической части своей философіи онъ приходитъ къ заключенію, что истинное назначеніе человѣка не мысль, но дѣйствіе, которое есть осуществленная мысль. „Я свободенъ“, говоритъ онъ. „Это откровеніе моего сознанія. Я свободенъ; все мое достоинство опредѣляется не только моими дѣйствіями, но и свободнымъ рѣшеніемъ моей воли повиноваться голосу совѣсти. Вѣчный міръ для меня теперь свѣтлѣе, и основные законы его устройства яснѣе раскрываются предъ моимъ умственнымъ взоромъ. Моя воля, сокрытая въ глубокомъ тайникѣ души моей, есть первое звено въ цѣпи слѣдствій, охватывающей невидимое царство духа, точно такъ, какъ въ этомъ земномъ мірѣ дѣйствіе, — движеніе, сообщенное матеріи, — есть первое звено въ матеріальной цѣпи причинъ и слѣдствій, охватывающей этотъ міръ. Воля есть дѣйствующая причина, живой принципъ духовнаго міра, движеніе же есть принципъ чувственнаго міра. Я стою между этихъ двухъ міровъ: съ одной стороны—міра видимаго, въ которомъ существенно только одно дѣйствіе, тогда какъ намѣреніе не имѣетъ никакого значенія; съ другой—міра невидимаго и непостижимаго, на который воздѣйствуетъ воля. Въ обоихъ этихъ мірахъ я—дѣйствующая сила. Божественная жизнь, какъ ее можетъ представить себѣ конечный умъ, есть самообразующаяся, самопредставляющаяся воля. Взору смертныхъ она является облеченной въ безчисленное множество чувственныхъ формъ, она проникаетъ меня и всю неизмѣри-

мую вселенную, пробѣгая по моимъ жиламъ и мышцамъ и сообщая жизнь деревьямъ, цвѣтамъ, травѣ. Мертвая, тяжелая масса инертной матеріи, наполнявшей природу, исчезла, и вмѣсто нея течетъ изъ своего безконечнаго источника свѣтлый, вѣчный потокъ жизни и силы“.

„Вѣчная воля есть Творецъ міра и Творецъ конечнаго разума. Кто полагаетъ, что міръ созданъ изъ инертной матеріи, которая всегда должна оставаться безжизненной, подобно сосуду, сдѣланному человѣческими руками, тотъ не знаетъ ни міра, ни его Творца. Только воля или безконечный разумъ существуютъ въ самомъ себѣ, конечный же въ немъ; въ нашей душѣ воля эта создала міръ, или по крайней мѣрѣ то, при посредствѣ чего онъ раскрывается предъ нами. Въ ея свѣтѣ мы видимъ свѣтъ и все, что онъ обнаруживаетъ. Великая животворящая воля, невыразимая словомъ и необъемлемая никакимъ понятіемъ, къ тебѣ я возношусь мыслію, потому что только въ тебѣ я могу разумно мыслить! Въ тебѣ, непостижимая воля, разгадка моего собственнаго существованія и бытія міра; въ тебѣ я нахожу рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и обрѣтаю царство полной гармоніи. Я закрываю предъ тобою лицо и налагаю перста на свои уста“ (Льюисъ, т. II, стр. 290, 291).

Удлхъ называетъ религію „наукой наукъ“, онъ отвергаетъ всѣ положенія, основанныя только на вѣроятности или догадкѣ, какъ, напр., предположеніе сознательной міровой души; онъ опредѣляетъ истину „какъ отраженіе въ человѣческой душѣ дѣйствительности, дѣйствительнаго міра, съ его вещами и силами, законами и событіями“.

„Что находится за границами изслѣдованія, говоритъ онъ, то не должно входить и въ религію“. При этомъ для него религія есть „признаніе отношенія человѣчества къ нѣкоторому вѣчному порядку, или, если угодно, къ Священной Силѣ, которой оно должно подчиняться“. „Единое, что нужно“ есть устроеніе Царства истины, добра и прекраснаго. Фундаментъ всего ученія, слѣдовательно, долженъ заключаться въ соединительной точкѣ этической и умственной части, въ принципѣ, въ силу котораго строго научное познаніе приходитъ къ нравственному дѣйствию. А этотъ принципъ есть единство истины, добра и прекраснаго. Съ истиною, вслѣдствіе этого принципа, пріобрѣтается и болѣе полная благородная человѣчность, которая ведетъ къ высшей красотѣ, къ чистѣйшей радости и блаженству. (Истор. Мат. Ланге, т. II, стр. 424, 425).

Далѣе философіи, конечно, идти некуда, она болѣе немыслима, ибо съ достоинствомъ и самымъ блестящимъ образомъ выполнила свое назначеніе; она ясно и точно доказала лю-

дямъ, что тайный и непонятный для многихъ смыслъ нашей науки доводить непременно до познанія Бога, Высшей Воли, правящей вселенною. Въ настоящее время было бы очень жалко и недостойно, если бы мы не воспользовались поучительнымъ выводомъ, даваемымъ намъ исторіей философіи и не приложили бы его къ нашей наукѣ и къ нашей вседневной жизни, проникнувшись той несомнѣнно глубокой пользой, которую могъ бы принести болѣе религіозный и менѣе самоувѣренный взглядъ при изученіи нашей, къ сожалѣнію сказать, вполне атеистической науки.

Чтобы окончить съ четвертымъ періодомъ, разберемъ болѣе подробно весьма интересный и на первый взглядъ совершенно невѣроятный фактъ: какъ могутъ дуалистическія или идеалистическія философскія системы, открыто и опредѣленно доказывающія, что Богъ есть, что міръ управляемъ, что духъ существуетъ самостоятельно отъ матеріи, производить на общество впечатлѣніе, подтверждающее его матеріалистическое міровоззрѣніе, или порождать въ обществѣ атеизмъ?

Подобныхъ фактовъ въ наукѣ слишкомъ много не только въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, но и въ нашемъ XIX, а потому стоитъ нѣсколько остановиться на немъ.

Дѣло въ томъ, что поборники строгой и безошибочной науки и современные позитивисты, считая сами себя психически несостоятельными, изобрѣтаютъ разные способы контроля въ наукѣ, не довѣряя ничему, что не можетъ быть подтверждено опытомъ, мѣрой и вѣсомъ; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изобрѣли еще главнаго мѣрила—это мѣрило ума самого экспериментатора, мѣрило для опредѣленія степени логичности и глубины его сужденія и, пожалуй, третье для оцѣнки совершенства его внутреннихъ чувствъ или такъ называемой духовной прозорливости. А пока подобныхъ мѣриль нѣтъ, то всякій имѣетъ возможность мнить себя умнѣе всѣхъ. Такова уже природа тщеславнаго человѣчества. Вотъ причина, отчего часто мелкія научныя сошки и даже совсѣмъ не научныя, но просто диллетанты, рѣшаются критиковать, исправлять или дополнять великіе труды гениальнѣйшихъ мастеровъ науки, совершенно предварительно не понявъ кореннаго смысла ученія; результатомъ сего является совершенное искаженіе самаго основнаго смысла всего труда.

Къ такому приему прибѣгаютъ учителя и профессора для того, чтобы болѣе понятнымъ образомъ передать эти труды учащимся; или такъ же точно поступаетъ пресса, чтобы передать популярнымъ образомъ читающей публикѣ смыслъ какого нибудь очень труднаго и мало доступнаго сочиненія великаго

автора. Не понимая его въ томъ духѣ, какъ его понималъ самъ авторъ, они и не передаютъ его въ полномъ объемѣ, а выбираютъ изъ него только одну часть, которая имъ кажется болѣе существенной или болѣе интересной, передѣлываютъ ее такъ, чтобы она была болѣе понятной, вставляютъ свои комментаріи и дѣлаютъ свое собственное заключеніе. Довѣрчивая публика читаетъ эти сочиненія и въ простотѣ сердечной думаетъ, что она читаетъ трудъ и заключеніе самого автора, а въ сущности ничего общаго съ оригиналомъ нѣтъ. Извращеніе выходитъ еще больше, если рецензентъ рѣшится писать не съ подлиннаго труда, а съ того, который уже отчасти искаженъ. Тогда уже совершенно ничего общаго съ подлинникомъ и быть не можетъ. Статьи эти дѣлаются всегда очень популярны и вводятъ общество въ крупныя ошибки.

Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что въ настоящее время наука раздроблена на научные предметы и никто не изучаетъ какого либо великаго учителя, напримѣръ Ньютона, но изучаютъ физику, математику, оптику и т. д. Только въ древности изучали самого философа или ученаго. Ученики каждаго изъ нихъ всюду слѣдовали за своимъ геніальнымъ учителемъ, принимали его міровоззрѣніе, его взгляды на природу вещей, его способы и приемы изученій и изслѣдованій, и затѣмъ, послѣ смерти учителя, ученіе его сохранялось безъ искаженій и если были у него достойные преемники и продолжали въ томъ же духѣ разрабатывать дальше тѣ же теоріи, то свѣтъ обогащался еще большими открытіями, которыхъ при другомъ образѣ дѣйствій не могло бы быть.

Платонъ былъ достойный ученикъ Сократа. Если бы онъ не продолжалъ начатаго Сократомъ дѣла и создавалъ бы свое, то никогда не былъ бы Платономъ, а былъ бы какимъ нибудь второстепеннымъ или третьестепеннымъ философомъ, или совсѣмъ затерялся бы въ массѣ неудачниковъ, не имѣвшихъ возможности въ теченіе одной короткой жизни прочувствовать, продумать и высказать все, что онъ высказалъ.

Современные адепты науки изучаютъ не ученыхъ, не ихъ самихъ, но научные предметы. Астрономы выкроили у Ньютона все, что касается до астрономіи, оптики, что нужно для ихъ науки; то же сдѣлали математики; однимъ словомъ, что каждому нужно, то выхвачено и выкроено изъ ученія Ньютона и другихъ ему подобныхъ, а вся общая часть, дающая, собственно говоря, все значеніе Ньютону, какъ генію, та часть, которая открываетъ все міровоззрѣніе, руководившее его всю жизнь, которая помогала ему во всѣхъ открытіяхъ, та остается мало извѣстною.

Наконецъ, остается уже совершенно неизвѣстнымъ все то, что сказано какимъ нибудь великимъ учителемъ на тѣ темы, которыя не могутъ быть причислены ни къ одной изъ изучаемыхъ научныхъ рубрикъ. И какъ бы ни были эти истины велики и премудры, онѣ прямо бракуются, не получаютъ мѣста въ наукѣ и самымъ варварскимъ образомъ изгоняются.

Никто въ настоящее время не унижится до того, чтобы съ начала до конца, со всѣми деталями, изучить какого либо великаго учителя или нѣсколькихъ, но съ однимъ и тѣмъ же направлениемъ, и не задастся цѣлью продолжать въ ихъ духѣ начатую ими работу. Но всякій хочетъ создать свое, исправляетъ старое сообразно своего пониманія и не хочетъ понять, какъ это пагубно отзывается на ходѣ развитія науки, ибо черезъ это онъ только портитъ великія произведенія, которыя, выйдя изъ подъ его пера, можетъ быть и становятся болѣе популярными, тѣмъ не менѣе они теряютъ великое значеніе, какое они имѣли.

Изучая какого либо великаго учителя, необходимо непременно стать на ту исходную точку мышленія, на которой стоялъ самъ авторъ, обдумывая и создавая свою систему или совершая свои научныя открытія. Только при этомъ условіи можно составить себѣ правильное понятіе о тѣхъ идеяхъ, которыя онъ проводитъ, и о тѣхъ разъясненіяхъ явленій природы, которыя онъ давалъ; ибо они ему самому стали ясны только благодаря его міровоззрѣнію, его приемамъ и той послѣдовательности, которую онъ принялъ. Для этого необходимо изучать великихъ авторовъ въ полномъ ихъ объемѣ и въ послѣдовательномъ порядкѣ и, мало того, необходимо вдумываться въ основной смыслъ ихъ и даже въ причины, заставившія этихъ великихъ учителей думать такъ, а не иначе. Это очень ясно; ибо если мы допустимъ, что они сами стали бы на другую исходную точку мышленія, то, конечно, всѣ системы и всѣ выводы были бы другіе и никогда не достигли бы той высоты, на которую ихъ довело именно это міровоззрѣніе. Тѣмъ болѣе все вышесказанное должно относиться до всякаго сужденія о нихъ посторонняго человѣка, имѣющаго меньшія познанія, меньшую опытность и навыкъ и совершенно другое міровоззрѣніе. Къ подобнымъ сужденіямъ надо всегда относиться очень скептически, ибо они часто приводили къ большимъ и весьма существеннымъ ошибкамъ.

Казалось бы, что прямая обязанность науки состоятъ въ томъ именно, чтобы сохранять, какъ святыню, каждое слово и каждую мысль великихъ ученыхъ въ педантической неприкосновенности, въ томъ именно видѣ и въ томъ именно смы-

слѣ, въ которомъ самъ авторъ представилъ ее свѣту безъ малѣйшихъ измѣненій, улучшеній и дополненій, какія вводятъ въ настоящее время люди, стоящіе много ниже ихъ по интеллектуальному развитію, ибо всѣ эти такъ называемыя улучшения ведутъ прямо къ заблужденіямъ.

Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ изъ исторіи матеріализма:

Какъ только общество стало выходить изъ своего научнаго индифферентизма, обративъ вниманіе на научные труды Джордано Бруно, Галлилея, Коперника, Декарта и Ньютона и стало слѣдить за наукою, то этимъ общимъ возрождающимся стремленіемъ къ образованію чрезвычайно удачно воспользовались матеріалисты: Гессенди во Франціи, лордъ Бэконъ Веруламскій и Гоббсъ въ Англіи, а французъ Ла-Меттри въ Германіи.

Гессенди взялъ за основаніе своего ученія нѣсколько очищенный имъ эпикуреизмъ и подивѣтилъ его ученіемъ Декарта. Онъ придавъ всему своему ученію чрезвычайно доступную, легкую и понятную форму изложенія и матеріалистическую подкладку, вслѣдствіе чего ученіе его имѣло чрезвычайный успѣхъ среди общества, чему много способствовали потребности времени и все болѣе и болѣе усиливающаяся въ публикѣ жажда знанія. Суевѣрный и тщеславный (Ланге, т. I, стр. 186) Бэконъ обращалъ главнымъ образомъ вниманіе людей на методы изслѣдованія. Атеистъ Гоббсъ утверждалъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего реального; ученіе обоихъ имѣло главнымъ образомъ своимъ основаніемъ ученіе Декарта. Легкомысленный и задорный диллетантъ-философъ Ла-Меттри (Ланге, т. I, стр. 229) постановилъ удовольствія главнымъ принципомъ жизни. Подъ особымъ покровительствомъ Фридриха Великаго онъ издалъ свое сочиненіе „Человѣкъ-машина“, за основаніе котораго была имъ принята, главнымъ образомъ, та часть ученія Декарта, которая говоритъ, что всѣ духовныя и физическія проявленія жизни можно разсматривать, какъ продукты механическихъ процессовъ.

Находясь подъ ревностнымъ покровительствомъ аристократіи и дворовъ, матеріализмъ, распространенный четырьмя этими личностями, не обогатившими науку никакими самостоятельными научными трудами или открытіями, имѣлъ невообразимый успѣхъ, приобрѣлъ послѣдователей во всѣхъ классахъ общества; подражателямъ положительно не было конца, появлялись сотнями разныя другія сочиненія, основанныя будто-бы на ученіи Декарта, но съ атестической подкладкой, вполне покорив-

шія публику, развившія въ ней жажду знанія въ ущербъ авторитета Церкви.

Такимъ образомъ Декартъ, строгій и ревностный католикъ, человекъ глубоко вѣрующій въ Бога, какъ Творца Вселенной, написавшій дуалистическую философію, отвергающій мысленность атомовъ, говоря, что если бы существовали самыя маленькія частички, которыя никакъ нельзя было бы раздѣлить, то все же Богъ могъ бы раздѣлить ихъ, потому что дѣлимость ихъ мыслима, — попалъ во мнѣніяхъ общества въ матеріалисты.

Всѣ, положительно, всѣ, читающіе произведенія Гессенди, Гоббса, лорда Бэкона, Ла-Меттри и всю клику ихъ послѣдователей, полагали, что читаютъ теорію Декарта, или, по крайней мѣрѣ, ученія, основанныя на строгомъ смыслѣ картезіанскаго дуализма, чего въ сущности совершенно не было; всѣ эти теоріи не походили даже на выводы Декарта; онѣ частью заимствовали одну наружную форму его, а большею частью заимствовали его переходныя теоріи, изъ которыхъ самъ Декартъ выводилъ совершенно другія слѣдствія, чѣмъ тѣ, къ которымъ приходили его послѣдователи.

Первый возсталъ противъ матеріализма самъ Декартъ; не мало посвятилъ онъ труда для убѣженія людей въ томъ, что ученіе его рѣшительно не имѣетъ того основнаго смысла, какой ему придаютъ; сколько онъ прочелъ публичныхъ лекцій, доказывая, что его философія не можетъ быть понимаема въ атеистическомъ смыслѣ, однако моднаго стремленія онъ не остановилъ.

За Декартомъ возстали на матеріализмъ Ньютонъ, Бойль, Клеркъ, Пристлей, Гертли, Лейбницъ, Фарадей, Бэркли и многіе другіе, но труды ихъ были оцѣнены лишь въ Англіи. Матеріализмъ былъ такъ простъ и понятенъ; отъ такъ соотвѣтствовали вкусамъ и взглядамъ общества и людей того времени, что они положительно отказывались онъ всякаго другаго міровоззрѣнія; они почитали ученыхъ за ихъ умъ и дѣятельность съ радостью и нѣкоторымъ даже рвеніемъ принимали новѣйшія открытія и успѣхи науки, *но всегда понимали ихъ по-своему*, не мѣняя своего міровоззрѣнія. Чѣмъ больше росло образованіе и жажда знанія, тѣмъ сильнѣе вкоренялся атеизмъ.

Въ этомъ общемъ модномъ стремленіи къ атеизму труды даже набожныхъ людей, какъ Ньютонъ, Фарадей, Клеркъ, Бойль и Бэркли, которыхъ глубоко возмущало непониманіе истиннаго смысла наукъ, доводящее ихъ до атеизма, принимались какъ подтвержденія матеріализма.

Ньютонъ, напримѣръ, давалъ математическія разъясненія явленій, показывалъ тѣ законы, которые поддерживаютъ и производятъ явленія, утвердилъ то великое обобщеніе, которое существуетъ между паденіемъ яблока и движеніемъ луны, полагая, *самымъ непреложнымъ образомъ, что причиною* или виновникомъ *возникновенія этихъ законовъ есть Творецъ Вселенной*. Онъ говорилъ: „Естественные законы природы представляютъ постоянно и во всемъ самые ясные слѣды мудрѣйшихъ цѣлей, но нигдѣ и ни въ чемъ не удавалось намъ подмѣтить и слѣда необходимости“.

Но все это понималось совершенно иначе: ходъ исторіи окончательно выключилъ эту Ньютоновскую Высшую и Разумную Причину явленій и поставилъ самый математическій законъ въ рядъ физическихъ причинъ. Ударъ атомовъ превратилъ въ нѣкоторую объединяющую мысль, которая, будто-бы, въ такомъ автоматическомъ видѣ управляетъ міромъ безъ всякаго матеріальнаго посредства. — То, что Ньютонъ считалъ такою „*великою безсмыслицею*“, что никакая философски мыслящая голова не могла вмѣстить, — какъ выразился онъ самъ въ своемъ письмѣ къ Бентли въ 1693 году (Ланге, т. I, стр. 249) — потомство прославило какъ великое открытіе его.

Многіе мѣста ученія Ньютона принимались и перешли въ науку не такъ, какъ понималъ и училъ самъ Ньютонъ. Матеріалисты, напримѣръ, говорятъ: „Ньютонъ открылъ гармонію міроваго цѣлаго“, — это совершенно правда, но понимать *это цѣлое* надо совершенно не такъ, какъ понимаютъ они. Онъ говорилъ, что движеніе атомовъ производится черезъ посредство всепроникаемой тончайшей матеріи по законамъ удара, причина котораго скрыта отъ насъ; принято же это ученіе было иначе, а именно: что частицы массъ будто бы направляютъ свое движеніе, слѣдуя математическому закону безъ всякаго матеріальнаго посредства. Это, конечно, почти все равно для общаго пониманія міровой гармоніи, и, можетъ быть, усвоивается гораздо легче и нагляднѣе, но, въ сущности, второе объясненіе заключаетъ въ себѣ громадную нелѣпость, утверждая, что сила или причина движенія можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, т.-е. все понятіе о „дѣйствіи“, атомовъ другъ на друга рушится и даже понятіе о *причинности* должно принять другую, болѣе абстрактную форму.

Почти то же случилось съ трудами Фарадея, Пристлея и Давида Гертли.

Давидъ Гертли, съ особой энергіей боравшійся всегда противъ матеріализма, въ 1749 году издалъ довольно обширное теологическое сочиненіе, защищавшее чудеса и доказывающее

всю необходимость библіи; оно подробно трактуетъ о загробной жизни, опровергая только положеніе Церкви о загробныхъ мученіяхъ. Небольшая часть этого сочиненія была посвящена физиологіи, или скорѣе психологіи, въ которой, Гэртли излагаетъ ученіе свое объ ассоціаціи идей, какъ основаніе внутренней духовной дѣятельности человѣческаго организма. Основаніе этой ассоціаціи Гэртли приписывалъ отправленіямъ головного мозга. Эта психологическая часть имѣла наибольшій успѣхъ; она была переведена на всѣ языки и дала богатую пищу атеизму, тогда какъ остальная, самая обширная и существенная, но теологическая часть его труда во многихъ странахъ осталась совершенно никому неизвѣстна и Давидъ Гэртли въ общемъ атеистическомъ водоворотѣ получилъ очень громкую извѣстность, какъ философъ-матеріалистъ, не смотря на то, что всю жизнь боролся противъ матеріализма.

Въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX появилась идеалистическая философія Канта, не отвергающая ни Бога, ни отвлеченный въ природѣ элементъ, ни душу, ни свободную волю. Кантъ полагалъ только строгія границы между познаваемымъ и непознаваемымъ; онъ говорилъ, что правильно судить о вещахъ можетъ человѣкъ только въ извѣстныхъ границахъ, его неполнота чувствъ и разума человѣческаго кладетъ предѣлы познанія для неразвитыхъ людей, дальше которыхъ опасно идти при современныхъ успѣхахъ наукъ; онъ находилъ болѣе осторожнымъ предоставить расширеніе предѣловъ границы познанія болѣе отдаленному времени, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ развитіемъ самихъ наукъ. Кантъ во всякомъ случаѣ признавалъ, что въ насъ есть начало пространственнаго и временнаго созерцанія а ргіогі, онъ первый показалъ намъ, что именно то, чѣмъ мы владѣемъ а ргіогі, не имѣетъ внѣ нашего опыта никакого притязанія на значеніе, потому что оно происходитъ изъ устройства нашего духа. (Подробно это его мнѣніе мы дословно приводимъ ниже, говоря о позитивизмѣ въ наукѣ и о его программѣ).

Шлейденъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи (Ueber den Materialismus. Leipzig, 63 г.) выразилъ свою полную увѣренность, что философія Канта должна прочно установить идеи о Богѣ, свободной волѣ и безсмертіи души и во всякомъ случаѣ также неизблимо, какъ установлены законы движенія небесныхъ тѣлъ, ибо для всякаго, понявшаго ученіе Канта въ истинномъ его значеніи, т.-е. въ духѣ; какъ понималъ его самъ Кантъ, матеріализмъ долженъ былъ обратиться въ абсурдъ и безсмыслицу.

Но въ дѣйствительности вышло совершенно иначе: тѣ мѣста Кантовской философіи, которыя *прочно* устраняютъ матеріализмъ, не достигли общаго признанія, публика осталась ими не довольна и отвергла ихъ, и даже то освобождающее отъ матеріализма дѣйствіе, которое произвела философія Канта на болѣе чуткихъ къ пониманію истины умахъ, длилось только одно мгновеніе, ибо было естественнымъ путемъ заглушено все усиливающимся потокомъ атеизма, болѣе соотвѣтствующимъ духу времени. (Ланге, т. II, стр. 75).

О томъ, какъ большинство поняло ученіе Канта, можно сказать рѣшительно то же самое, что сказалъ самъ Кантъ о противникахъ Юма, что они „всегда принимали за допускаемое имъ то, въ чемъ онъ именно сомнѣвался и, напротивъ, всегда съ жаромъ и часто даже съ большей невѣжливостью доказывали то, сомнѣваться въ чемъ самому Канту никогда не приходило на умъ“.

Кантъ остается постоянно недоволенъ своими рецензентами, онъ жалуется на то, что они не понимаютъ его, не достаточно серьезно изучаютъ его, прежде чѣмъ судить о немъ, а потому своими критиками только извращаютъ смыслъ его системъ: „Мой рецензентъ, — говоритъ онъ, — кажется вовсе не понимаетъ, о чемъ собственно идетъ дѣло въ томъ изслѣдованіи, которымъ я удачно или неудачно занимался; виной ли тому недостатокъ терпѣнія продумать обширное сочиненіе, или досада на угрожающую реформу въ той наукѣ, гдѣ онъ считаетъ все для себя выясненнымъ, или наконецъ — что я не охотно предполагаю — дѣйствительная ограниченность пониманія, не позволяющая ему никогда выйти мыслію за предѣлы своей школьной метафизики; коротко сказать, онъ порывисто пробѣгаетъ длинный рядъ положеній, при которыхъ, если не знать ихъ предпосылокъ, нельзя совсѣмъ ничего мыслить, разбрасывать тамъ и здѣсь свое порицаніе, коего основанія такъ же мало понятны для читателя, какъ и тѣ положенія, противъ которыхъ оно направлено, и такимъ образомъ онъ не можетъ ни принести публикѣ полезныя свѣдѣнія, ни повредить сколько-нибудь въ сужденіи знатоковъ, поэтому я совсѣмъ бы оставилъ безъ вниманія этотъ отзывъ, если бы онъ не давалъ мнѣ повода къ нѣкоторымъ объясненіямъ, могущимъ въ извѣстныхъ случаяхъ предохранить читателя отъ недоразумѣнія“.

(Эм. Кантъ, Прологомены, стр. 182, 183). И это вполне понятно, Кантъ относился къ своему ученію и къ истинѣ, какъ истый слуга науки, преданный ей всѣмъ своимъ существомъ; матеріалисты же въ большинствѣ случаевъ люди стоящіе слишкомъ близко къ жизни со всѣми ея страстными проявленіями

за существование. Они иногда дают направление научным истинамъ, сообразуясь съ потребностями времени, преслѣдуя какія-нибудь предвзятая мысли, тенденціи, цѣли, совершенно не относящіяся къ коренному смыслу ихъ науки, иногда же подобныя отступленія допускаются ими въ виду личныхъ выгодъ или тщеславныхъ стремленій. Такое двойственное отношеніе внушалъ самъ родоначальникъ матеріализма Гассенди. Интереснѣе всего, что хотя онъ по воспитанію былъ иезуитъ, но эту двойственность онъ основываетъ, руководствуясь примѣромъ Эпикура. Въ его произведеніи „Жизнь Эпикура“ находится пространное разсужденіе, суть котораго заключается въ положеніи, что внутренно Эпикуръ могъ думать то, что онъ хотѣлъ, но въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ онъ подчинялся законамъ и цѣлямъ своего государства. Еще рѣче развилъ это ученіе Гоббсъ: „Государство имѣетъ безусловную власть надъ культомъ, — говоритъ онъ, — всякій частный человѣкъ долженъ подчинять свои сужденія, но не внутренно, потому что наши мысли не зависятъ отъ произвола, и потому никого нельзя принудить вѣрить“. (Ланге; т. I, стр. 200).

Не дають-ли эти три ученые Эпикуръ, Гассенди и Гоббсъ права заключить, что многія извращенія научныхъ трудовъ сдѣланы предвѣренно, не изъ одного непониманія ученія или по неразвитости, но преслѣдуя какіе вибудь посторонніе принципы, можетъ быть соціальныя, можетъ быть полицейскіе или экономическіе, или личные, но во всякомъ случаѣ не научныя.

Вспомнимъ еще два факта изъ современной жизни:

1) Аббатъ Секки въ заключеніи своего превосходнаго труда „Единство физическихъ силъ“ посвящаетъ тринадцать страницъ одной общей силѣ, въ которой находитъ начало всѣхъ существующихъ въ природѣ силъ. Эту всеобъемлющую силу называетъ онъ Всевышнимъ Зодчимъ и находитъ въ ней разумность. Во многихъ переводахъ эти 13 страницъ прямо пропущены, что окончательно мѣняетъ весь смыслъ книги и изъ глубокаго Божественнаго смысла, который придавало чудеснѣйшее заключеніе автора, весь трудъ обращается въ простую атеистическую физику безъ всякаго конца и заключенія.

2) Дарвинъ издалъ извѣстный свой трудъ „Происхожденіе видовъ“. Всю книгу редактировалъ англиканскій пасторъ. Она всѣмъ обществомъ была принята и до сихъ поръ еще считается какъ безусловно подтверждающая матеріализмъ, а между прочимъ самъ авторъ въ заключительной главѣ той же книги говоритъ: „Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли бы быть оскорби-

тельными для чьих бы то ни было религиозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія, что на величайшее изъ открытій, когда-либо сдѣланныхъ человекомъ, — на законъ тяготѣнія, Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную религію и непочтительное по отношенію къ религіи откровенной. Знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь же вѣрное и столь же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились бы новыя акты творчества, для возмѣщенія пустоты, причиненныхъ дѣйствіемъ Его же законовъ" (*Darv. Orig. of spec. VI edit., p. 421—422*), — изъ чего мы видимъ, что самъ авторъ никакъ и не думалъ, что его книга могла бы быть одной изъ причинъ утвержденія въ публикѣ атеизма.

Пятый періодъ. Нашъ XIX вѣкъ есть вѣкъ позитивизма. Ко всему сказанному выше о позитивизмѣ мы добавимъ только, что позитивизмъ, собственно говоря, не есть твореніе Огюста Конта. Огюсть Контъ только привелъ въ систему, исправилъ и составилъ классификацію тому строю наукъ, который былъ до его времени. Онъ самъ назвалъ этотъ строй совсѣмъ не позитивнымъ и не раціонализмомъ, но экспериментальнымъ способомъ изученія природы. Это большая разница въ понятіяхъ. Позитивнымъ названъ этотъ строй наукъ уже послѣдователями Огюста Конта.

Этотъ строй наукъ создавался мало-по-малу, начиная съ середины XVIII вѣка, какъ временная мѣра, вызванная необходимостью привести цѣлыя горы накопившихся въ то время знаній въ одну правильную систему. Разница лишь въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ позитивизмъ былъ сознательный, вызванный временными обстоятельствами и не приносилъ никому вреда; въ XIX же столѣтіи онъ сталъ принципіальнымъ безъ всякой надобности и приноситъ огромный вредъ.

Постараемся это выяснитъ. Въ XVIII вѣкѣ общество было несравненно менѣе развито, чѣмъ въ настоящее время. Оно еще не было въ состояніи предъявлять какія нибудь требованія къ наукѣ, такъ какъ оно не посмѣвало даже и слѣдить за слишкомъ быстрымъ ходомъ развитія наукъ. Одни открытія смѣнялись другими и все болѣе и болѣе увлекали общество; оно положительно захлебывалось въ массѣ тѣхъ новыхъ свѣ-

дѣній, которыми изобиловали четвертый періодъ. Въ то время общество благоговѣло передъ учеными и смотрѣло на нихъ, какъ на нѣчто высшее, какъ на полубоговъ и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло относиться къ нимъ критически или просить ихъ дополнять свои ученія какими нибудь новыми свѣдѣніями, ибо разница между среднимъ уровнемъ развитія ученыхъ и среднимъ уровнемъ развитія общества была громадная и во всякомъ случаѣ несравненно большая, чѣмъ въ наше время.

Трудно себѣ представить то обиліе самыхъ разнообразныхъ знаній, свѣдѣній, теорій и научныхъ системъ разнаго рода, которыя дали XVII и XVIII столѣтія. Наука была положительно запружена до такой степени, что разобраться во всемъ этомъ не было ни малѣйшей возможности. Дѣло это усложнялось еще тѣмъ, что знанія не были приведены ни къ какой правильной системѣ и взгляды на нихъ не были еще установлены, что позволяло каждому относить ихъ къ разнымъ научнымъ рубрикамъ и преслѣдовать свои самостоятельныя цѣли, имѣть свой особый образъ мысли, и всѣ стремились по своему къ увеличенію количества познаній.

Великіе умы создавали свои самостоятельныя теоріи и системы, трудились надъ открытіями и изобрѣтеніями. Второстепенные и третьестепенные ученые заимствовали у первыхъ великихъ мастеровъ науки нѣкоторыя части изъ ихъ ученій; дополняли, развивали ихъ и строили на нихъ дальнѣйшее зданіе науки. Эти системы выходили всегда въ болѣе легкой поверхностной формѣ и были всегда доступнѣе и удобопонятнѣе для общества. Профессора университетовъ и учителя школъ черпали и у великихъ мастеровъ науки, и у второстепенныхъ ученыхъ то, что они признавали самымъ полезнымъ и существеннымъ въ педагогическомъ отношеніи; составляли свои лекціи, курсы и просто руководства для всѣхъ возрастовъ. Наконецъ, пресса заимствовала у всѣхъ понемногу и уже въ совершенно легкой и доступной формѣ помещала свои статьи въ журналахъ и газетахъ.

Какъ различны были цѣли, для которыхъ пользовались учеными трудами, такъ были разнообразны и взгляды каждаго научнаго дѣятеля: одни признавали науку свободною въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ, говорили, что ея умозаключенія могутъ быть распространяемы до неограниченныхъ предѣловъ и потому заходили слишкомъ далеко въ область гадательнаго и гипотетичнаго, другіе вдавались въ другую крайность: они преслѣдовали чрезмѣрную доказательность въ наукѣ и, относясь ко всему въ высшей мѣрѣ скептически, признавали

все мало доказаннымъ. Третьи увѣряли, что наука еще такъ молода и что всѣ положенія и теоріи такъ шатки, что слѣдуетъ пока еще воздерживаться отъ всякихъ умозаключеній и ограничиться однимъ собраніемъ фактовъ. Четвертыхъ интересовали преимущественно вопросы сущностей и началъ природы и основныхъ принциповъ жизненныхъ явленій. Пятые оспаривали совсѣмъ возможность наукѣ затрогивать вопросы сущностей и жизненныхъ принциповъ, они называли это научными утопіями; наконецъ, были и такіе, которые, соглашаясь съ Гоббсомъ и Эпикуромъ, признавали науку правительственнымъ агентомъ и находили, что государство имѣетъ безусловную власть надъ культомъ, а потому всякій слуга науки долженъ подчинять свои сужденія видамъ правительства. Кромѣ того наука стала слишкомъ близка къ жизни, вслѣдствіе чего въ науку вносились атрибуты чисто житейскіе и личные.

Въ такомъ состояніи была наука къ концу XVIII столѣтія, и понятно, что всѣ стали тяготиться полнѣйшею путаницею, царившею въ ней. Само благоразуміе заставляло всякаго серьезно подумывать объ ограниченіи компетенціи науки и объ установленіи какого-либо общаго взгляда на нее, чтобы имѣть возможность сократить трудъ и облегчить непосильную работу разборки цѣлыхъ горъ накопившихся разрозненныхъ данныхъ. Сначала и къ этой задачѣ приступилъ каждый по своему, но это длилось не долго. Въ Англіи и Франціи, а въ очень скоромъ времени и во всей Европѣ, приняли одинъ и тотъ же принципъ, камертонъ для котораго далъ знаменитый фізіологъ и анатомъ докторъ Бишпъ. Онъ признавалъ науку слишкомъ молодой, чтобы позволять ей затрогивать вопросы основныхъ сущностей и жизненныхъ принциповъ, а потому совѣтовалъ *изучать одни только явленія природы* и оставить будущимъ поколѣніямъ заботу изученія причинъ, вызвавшихъ ихъ.

Съ самаго начала XIX столѣтія стали всѣ изучать одни явленія и факты и оставили для будущаго поколѣнія все остальное, все трудно поддающееся доказательствамъ, все гипотетичное, отвлеченное и все умозрительное и всѣ вопросы сущности и начала фактовъ и явленій природы.

Такимъ образомъ уже въ началѣ XIX столѣтія былъ почти тотъ же позитивизмъ, который мы видимъ въ настоящее время, но онъ былъ сознателный, ибо всякій зналъ и помнилъ, что вступилъ на подобную ограниченную почву своихъ изслѣдованій для того, чтобы быть послѣдовательнымъ и изучить раньше то, что болѣе необходимо, но что за предѣлами его труда остаются заброшенными и покинутыми громаднѣйшія области знаній, изученіе коихъ предстоитъ будущему поколѣнію.

Выше мы сказали, что этот сознательный позитивизм не приносил никому вреда и это понятно: общество было еще так мало развито, что одни уже имѣющіяся научныя данныя были сверхъ его силъ и никакихъ лишнихъ требованій оно не могло предъявлять къ наукѣ. Однимъ словомъ, общество вполне удовлетворялось своей наукой.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 100 лѣтъ. Средній общій уровень образованія и развитія людей поднялся неимоვნно. Наука же все болѣе и болѣе стѣсняла рамки познаваемого до самыхъ сороковыхъ годовъ и постепенно забывало о всѣхъ тѣхъ задачахъ и обязанностяхъ, которыя возложены на нее предшественниками.

Въ сороковыхъ годахъ стала устанавливаться въ знаніяхъ позитивный принципъ, окружившій науку невозможно узкими рамками и поставившій окончательный крестъ на всѣ тѣ познанія, которыя не вошли въ эти рамки. Позитивисты объявили торжественно, что наука дальше этихъ рамокъ идти не должна, что выходя изъ нихъ ей случалось ошибаться, чего они впредь желаютъ избѣгнуть; а потому, признавая человѣка психически несостоятельныхъ, они могутъ дать вѣру только опыту, мѣрѣ, вѣсу и осязанію.

Въ настоящее время развитое общество само мыслить трезво и логично. Всѣ мѣры, принимаемая къ его образованію, дѣлаютъ то, что люди, окончившіе высшее образованіе, знаютъ столько же, какъ ихъ профессора. Ихъ занимаютъ вопросы сущностей и происхожденіе явленій и фактовъ, они желали бы знать основные принципы жизненныхъ началъ, хотѣли бы отдѣлать слѣдствія отъ причинъ и вообще получить отвѣты на тысячи вопросовъ бытія, которые въ настоящее время роятся въ головѣ всякаго любознательнаго и свободно мыслящаго человѣка. Многіе, можетъ быть, и сами бы начали изслѣдованія природы въ этомъ направленіи, ума и познаній у нихъ достаточно, но въ нашъ меркантильный вѣкъ не всякій имѣетъ достаточно средствъ и времени.

Двѣсти журналовъ и газетъ ежедневно возбуждаютъ умы читающей публики тысячами сверхъчувственныхъ явленій и состояній, въ которыя впадаетъ человѣкъ, постоянно возбуждается любознательность разными спиритическими фактами, явленіями призраковъ изъ загробнаго міра, медиумическими сеансами, гипнотическими и магнетическими испѣленіями, фокусами факировъ, силою воли индусовъ и теософовъ, всякій желаетъ получить объясненіе, составить себѣ правильное понятіе объ этихъ явленіяхъ, требуетъ строго мотивированныхъ теорій, могущихъ удовлетворить его любознательность. Каза-

лось бы весьма естественнымъ обращаться за всякимъ научнымъ разъясненіемъ къ наукѣ; куда же больше? Но наука на всѣ подобнаго рода вопросы отвѣчаетъ, что у насъ свои рамки; мы вѣдаемъ далеко не всѣми познаніями, а только весьма ограниченной частью ихъ и за предѣлами этихъ рамокъ мы ничего не отрицаемъ, ничего не отвергаемъ, но ничего и не утверждаемъ.

Получивъ такой опредѣленный отпоръ со стороны науки, дѣйствительно приходится каждому дѣйствовать такъ, какъ каждый хочетъ или можетъ, или какъ позволяютъ ему средства и обстоятельства, однимъ словомъ обходиться безъ науки.

Какъ существенно необходимо было бы имѣть въ настоящее время не столь сухую, ограниченную и мертвящую науку, но живую, практическую, которая могла бы отвѣчать на вопросы, возрождающіеся въ умахъ людей, которая насколько нибудь опережала бы своими познаніями общество и не тормозила бы его дальнѣйшаго развитія. Все равно, истины высокой божественной и абсолютной человѣкъ никогда не узнаетъ на землѣ, это, вѣроятно, станетъ его удѣломъ за гробомъ; но у каждаго человѣка есть врожденное чувство искать и доискиваться истиннаго въ всѣхъ степеняхъ его развитія. Готтоты, бушмены, самоѣды, всѣ рѣшительно составляютъ себѣ какое нибудь объясненіе фактовъ и рисуютъ себѣ свой идеаль по своему и на этомъ успокаиваются; мы, люди болѣе развитые, видимъ ихъ заблужденія, но это имъ все равно, они удовлетворены и потому довольны.

Мы совершенно такъ же, какъ бушмены, самоѣды, какъ люди всѣхъ развитій, живущіе на землѣ, желаемъ имѣть тоже объясненіе вопросовъ, насъ интересующихъ, не превышающихъ силы нашихъ способностей и ищемъ ихъ, но мы лишены возможности получить ихъ. Надъ нашимъ обществомъ нѣтъ инстанціи интеллигентно болѣе его развитой на одну или на двѣ ступени, которая вела бы его по пути прогресса и развитія и успокаивала бы его внутреннее стремленіе или жажду къ распознаванію истины; однако безъ нея человѣкъ не можетъ чувствовать внутренняго удовлетворенія.

Конечно, черезъ какіе нибудь сто лѣтъ, родъ людской, усовершенствовавшись, нашель бы, можетъ быть, старое міровозрѣніе дикимъ, уничтожилъ бы его и на развалинахъ поставилъ бы свое, болѣе правильное и болѣе близкое къ Божественному идеалу истины. Но вѣдь и оно со временемъ претерпѣло бы ту же участь, чтобы уступить свое мѣсто еще болѣе возвышенному и болѣе истинному. Это понятно, въ этомъ состоитъ міровой прогрессъ, а потому люди понимаю-

шіе, что истина получается единственно изъ непосредственнаго ряда заблужденій, не должны бы были бояться заблужденій до такой степени, чтобы лишать многія поколѣнія отрады хотя приблизительно знать, что такое человѣкъ и что его окружаетъ.

Исходныя точки мышленія материали-
стовъ.

Проанализируемъ материалистическую мысль, постараемся указать на ея особенности, такъ рѣзко отличающія ея отъ другихъ образовъ мысли, и намъ ясно обрисовывается неосновательность принимаемыхъ материалистами исходныхъ точекъ ихъ мышленія, отъ которыхъ они начинаютъ свои выводы и до которыхъ они доводятъ свои окончательныя заключенія.

Какъ ни многочисленны и ни разнообразны материалистическія ученія, однако во всѣхъ есть много общихъ приемовъ и совершенно тождественныхъ допущеній.

Для большей наглядности возьмемъ любую изъ ихъ системъ, наприимѣръ: ихъ космогонію.

Всѣ материалистическія космогоніи утверждаютъ, что матерія существуетъ отъ вѣчности, что она отъ вѣчности обладаетъ извѣстными качествами и свойствами, которыхъ въ ней такъ много и во всякомъ случаѣ совершенно достаточно, чтобы быть въ состояніи самостоятельно и безъ посторонней внѣшней помощи или вмѣшательства совершать акты творчества и поддерживать во всемъ сотворенномъ полный порядокъ, гармонію и благоустройство. Вся вселенная, всѣ міры, всѣ явленія природы, всѣ существа, живущія на землѣ и все, что мы видимъ, есть не болѣе, какъ слѣдствіе проявленія свойствъ и качествъ матеріи. „Въ природѣ нѣтъ ничего, восклицаетъ Бюхнеръ, кромѣ атомовъ и пустаго пространства“. И это составляетъ девизъ материалистовъ. По ихъ мнѣнію, всѣ силы химическія, физическія и механическія, все живущее, сама жизнь со всѣми ея проявленіями органическими и разумными,

сила воли, мысль, логика, умъ, сила рѣчи ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ простой химической реакціи, ибо все это составляетъ продуктъ проявленій качествъ и свойствъ матеріи.

Матеріалисты полагаютъ возможнымъ себѣ представить:

1) Что матерія, не обладая сама разумностью, способна производить самостоятельно всѣ самыя разумнѣйшія, мудрѣйшія и сложнѣйшія творчества безъ всякаго участія, или руководства, или помощи какого-либо Разума, какъ находящагося внутри матеріи, такъ и внѣ ея. Ихъ ученіе въ этомъ именно и заключается: что неразумные, бессмысленные и неодушевленные атомы, безцѣльно бродя въ пространствѣ, творятъ разумнѣйшіе акты. Если бы матеріалисты допустили разумъ въ какомъ бы то ни было видѣ, или гдѣнибудь, то ихъ ученіе уже не было бы матеріализмомъ. Если бы они допустили разумъ внутри атомовъ или гдѣнибудь, но внутри самой матеріи, то все ихъ ученіе превратится въ пантеизмъ; если бы они допустили разумъ, находящійся въ природѣ, но внѣ атомовъ и вообще внѣ матеріи и что разумъ этотъ имѣетъ возможность вліять на матерію или руководить ею, то все ихъ ученіе превратилось бы въ дуализмъ.

2) Матеріалисты полагаютъ возможность допустить, что матерія, безъ всякой посторонней помощи, безъ какой бы то ни было посторонней, но внѣ ея лежащей силы, или энергіи, или воли, или какого-либо внѣшняго импульса, или силы возбуждителя, или первоначальнаго толчка, способна сама породить достаточно силы, чтобы управлять всѣми явленіями природы и даже движеніями миллиардовъ планетъ, летящихъ съ незапамятныхъ временъ съ неизмѣрными скоростями, и пополнять весь расходуемый при семъ запасъ энергіи единственно только качествами и свойствами, заключающимися въ матеріи.

3) Матеріалисты полагаютъ возможнымъ допустить, что безжизненная, бессмысленная, инертная матерія способна была породить жизнь на землѣ, какъ одно изъ свойствъ и качествъ своихъ и что она по тѣмъ же причинамъ и до сего времени проявляетъ жизнь и разумъ, какъ продуктъ свой на землѣ.

Вообще, матеріалисты отвергаютъ всякую предварительную цѣль въ природѣ или какойнибудь заранѣе обдуманной планъ или предначертанія въ послѣдовательности дѣйствій явленій и фактовъ, смѣняющихся въ природѣ; по ихъ ученію тѣ или другія качества и свойства матеріи, чтобы произвести одно или другое явленіе природы, вызываются каждый разъ роко-

выми и неизмѣнными законами случайности, законами причинности или вообще законами природы:

Въ общихъ чертахъ всѣ матеріалистическія космогоніи учатъ одинаково и этотъ ихъ взглядъ съ разными детальными отступленіями примѣняется ко всѣмъ явленіямъ природы во всей вселенной, отъ самыхъ обширныхъ и грандіозныхъ движеній планетъ, образованія новыхъ созвѣздій и планетныхъ системъ и до прозябанія малѣйшей инфузоріи. Всюду и вездѣ фигурируетъ матерія и вещество, всюду и вездѣ одни качества и свойства, которыя творять чудовищныя дѣла въ силу законовъ природы.

Деистическія системы принимаютъ, что вѣченъ одинъ Богъ-Духъ, Всемогущій, Премудрый, что все, что есть въ природѣ видимое и невидимое, все сотворено Его Всесильною и Разумною волею, все, что сотворено, должно было имѣть начало, а слѣдовательно отъ вѣчности ничего существовать не могло, вѣченъ одинъ Богъ.

Все сотворенное Богомъ охраняется, управляется и руководится Имъ. Нѣтъ конца попеченію Божию о мірѣ; Богъ безконеченъ въ своихъ предначертаніяхъ и Своимъ предвидѣніи и ведетъ все во вселенной къ благому концу. Для Бога нѣтъ ничего ни большого, ни малаго, ни великаго, ни ничтожнаго, каждая инфузорія охраняется Имъ и вызываетъ Его святое печеніе въ одинаковой степени, какъ и мірѣ, какъ и вся вселенная, ибо для Существа безконечнаго нѣтъ предѣла Вездѣ-сущію, Онъ всюду и вездѣ одновременно.

Вся система действій необыкновенно полна, логична, ясна и послѣдовательна. Нѣтъ ничего непонятнаго и недоговореннаго, все вытекаетъ одно изъ другого такъ просто, естественно и наглядно; всякій выводъ основанъ на предъидущемъ выводѣ, одинаково неоспоримомъ для нашихъ чувствъ; и такимъ послѣдовательнымъ образомъ строится вся система мірозданія и самымъ простымъ и естественнымъ путемъ она совершенно незамѣтно доходитъ до самыхъ премудрыхъ и великихъ истинъ, которыя при всякомъ другомъ способѣ мышленія остаются вполнѣ непонятны и невыяснены.

Этого не отвергаютъ даже и матеріалисты. Но они всегда встаютъ противъ Главнаго Элемента, на которомъ построены всѣ деистическія космогоніи и котораго матеріалисты никакъ признать не могутъ, ибо они Его не видятъ, не чувствуютъ и не находятъ въ своей наукѣ, а потому требуютъ, чтобы имъ доказали Его существованіе на основаніи ихъ же науки—этотъ Главный Элементъ есть Богъ.

всю необходимость библіи; оно подробно трактуетъ о загробной жизни, опровергая только положеніе Церкви о загробныхъ мученіяхъ. Небольшая часть этого сочиненія была посвящена физиологій, или скорѣе психологій, въ которой, Гертли излагаетъ ученіе свое объ ассоціаціи идей, какъ основаніе внутренней духовной дѣятельности человѣческаго организма. Основаніе этой ассоціаціи Гертли приписывалъ отправленіямъ головного мозга. Эта психологическая часть имѣла наибольшій успѣхъ; она была переведена на всѣ языки и дала богатую пищу атеизму, тогда какъ остальная, самая обширная и существенная, но теологическая часть его труда во многихъ странахъ осталась совершенно никому неизвѣстна и Давидъ Гертли въ общемъ атеистическомъ водоворотѣ получилъ очень громкую извѣстность, какъ философъ-матеріалистъ, не смотря на то, что всю жизнь боролся противъ матеріализма.

Въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX появилась идеалистическая философія Канта, не отвергающая ни Бога, ни отвлеченный въ природѣ элементъ, ни душу, ни свободную волю. Кантъ полагалъ только строгія границы между познаваемымъ и непознаваемымъ; онъ говорилъ, что правильно судить о вещахъ можетъ человѣкъ только въ извѣстныхъ границахъ, его неполнота чувствъ и разума человѣческаго кладетъ предѣлы познанія для неразвитыхъ людей, дальше которыхъ опасно идти при современныхъ успѣхахъ наукъ; онъ находилъ болѣе осторожнымъ предоставить расширеніе предѣловъ границы познанія болѣе отдаленному времени, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ развитіемъ самихъ наукъ. Кантъ во всякомъ случаѣ признавалъ, что въ насъ есть начало пространственнаго и временнаго созерцанія а priori, онъ первый показалъ намъ, что именно то, чѣмъ мы владѣемъ а priori, не имѣетъ внѣ нашего опыта никакого притязанія на значеніе, потому что оно происходитъ изъ устройства нашего духа. (Подробно это его мнѣніе мы дословно приводимъ ниже, говоря о позитивизмѣ въ наукѣ и о его программѣ).

Шлейденъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи (Ueber den Materialismus. Leipzig, 63 г.) выразилъ свою полную увѣренность, что философія Канта должна прочно установить идеи о Богѣ, свободной волѣ и безсмертіи души и во всякомъ случаѣ также незыблимо, какъ установлены законы движенія небесныхъ тѣлъ, ибо для всякаго, понявшаго ученіе Канта въ истинномъ его значеніи, т.-е. въ духѣ, какъ понималъ его самъ Кантъ, матеріализмъ долженъ былъ обратиться въ абсурдъ и бессмыслицу.

Но въ дѣйствительности вышло совершенно иначе: тѣ мѣста Кантовской философіи, которыя *прочно* устраняють матеріализмъ. не достигли общаго признанія, публика осталась ими не довольна и отвергла ихъ, и даже то освобождающее отъ матеріализма дѣйствіе, которое произвела философія Канта на болѣе чуткихъ къ пониманію истины умахъ, длилось только одно мгновеніе, ибо было естественнымъ путемъ заглушено все усиливающимся потокомъ атеизма, болѣе соответствующимъ духу времени. (Ланге, т. II, стр. 75).

О томъ, какъ большинство поняло ученіе Канта, можно сказать рѣшительно то же самое, что сказалъ самъ Кантъ о противникахъ Юма, что они „всегда принимали за допускаемое имъ то, въ чемъ онъ именно сомнѣвался и, напротивъ, всегда съ жаромъ и часто даже съ большей невѣжливостью доказывали то, сомнѣваться въ чемъ самому Канту никогда не приходило на умъ“.

Кантъ остается постоянно недоволенъ своими рецензентами, онъ жалуется на то, что они не понимаютъ его, не достаточно серьезно изучаютъ его, прежде чѣмъ судить о немъ, а потому своими критиками только извращаютъ смыслъ его системъ: „Мой рецензентъ, — говоритъ онъ, — кажется вовсе не понимаетъ, о чемъ собственно идетъ дѣло въ томъ изслѣдованіи, которымъ я удачно или неудачно занимался; виной ли тому недостатокъ терпѣнія продумать обширное сочиненіе, или досада на угрожающую реформу въ той наукѣ, гдѣ онъ считаетъ все для себя выясненнымъ, или наконецъ — что я не охотно предполагаю — дѣйствительная ограниченность пониманія, не позволяющая ему никогда выйти мыслию за предѣлы своей школьной метафизики; коротко сказать, онъ порывисто пробѣгаетъ длинный рядъ положеній, при которыхъ, если не знать ихъ предпосылокъ, нельзя совсѣмъ ничего мыслить, разбирая тамъ и здѣсь свое порицаніе, коего основанія такъ же мало понятны для читателя, какъ и тѣ положенія, противъ которыхъ оно направлено, и такимъ образомъ онъ не можетъ ни принести публикѣ полезныя свѣдѣнія, ни повредить сколько-нибудь мнѣ въ сужденіи знатоковъ, поэтому я совсѣмъ бы оставилъ безъ вниманія этотъ отзывъ, если бы онъ не давалъ мнѣ повода къ нѣкоторымъ объясненіямъ, могущимъ въ извѣстныхъ случаяхъ предохранить читателя отъ недоразумѣнія“.

(Эм. Кантъ, Прологомены, стр. 182, 183). И это вполнѣ понятно, Кантъ относился къ своему ученію и къ истинѣ, какъ истый слуга науки, преданный ей всѣмъ своимъ существомъ; матеріалисты же въ большинствѣ случаевъ люди стоящіе слишкомъ близко къ жизни со всѣми ея страстными проявленіями

за существование. Они иногда дают направление научным истинамъ, сообразуясь съ потребностями времени, преслѣдуя какія-нибудь предвзятая мысли, тенденціи, цѣли, совершенно не относящіяся къ коренному смыслу ихъ науки, иногда же подобныя отступленія допускаются ими въ виду личныхъ выгодъ или тщеславныхъ стремленій. Такое двойственное отношеніе внушалъ самъ родоначальникъ матеріализма Гассенди. Интереснѣе всего, что хотя онъ по воспитанію былъ іезуитъ, но эту двойственность онъ основываетъ, руководствуясь примѣромъ Эпикура. Въ его произведеніи „Жизнь Эпикура“ находится пространное разсужденіе, суть котораго заключается въ положеніи, что внутренно Эпикуръ могъ думать то, что онъ хотѣлъ, но въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ онъ подчинялся законамъ и цѣлямъ своего государства. Еще рѣче развилъ это ученіе Гоббсъ: „Государство имѣетъ безусловную власть надъ культомъ, — говоритъ онъ, — всякій частный человѣкъ долженъ подчинять свои сужденія, но не внутренно, потому что наши мысли не зависятъ отъ произвола, и потому никого нельзя принудить вѣрить“. (Ланге; т. I, стр. 200).

Не дають-ли эти три ученые Эпикуръ, Гассенди и Гоббсъ права заключить, что многія извращенія научныхъ трудовъ сдѣланы предвѣренно, не изъ одного непониманія ученія или по неразвитости, но преслѣдуя какіе-нибудь посторонніе принципы, можетъ быть социальныя, можетъ быть полицейскіе или экономическіе, или личные, но во всякомъ случаѣ не научныя.

Вспомнимъ еще два факта изъ современной жизни:

- 1) Аббатъ Секки въ заключеніи своего превосходнаго труда „Единство физическихъ силъ“ посвящаетъ тринадцать страницъ одной общей силѣ, въ которой находитъ начало всѣхъ существующихъ въ природѣ силъ. Эту всеобъемлющую силу называетъ онъ Всевышнимъ Золчимъ и находитъ въ ней разумность. Во многихъ переводахъ эти 13 страницъ прямо пропущены, что окончательно мѣняетъ весь смыслъ книги и изъ глубокаго Божественнаго смысла, который придавало чудеснѣйшее заключеніе автора, весь трудъ обращается въ простую атеистическую физику безъ всякаго конца и заключенія.
- 2) Дарвинъ издалъ извѣстный свой трудъ „Происхожденіе видовъ“. Всю книгу редактировалъ англиканскій пасторъ. Она всѣмъ обществомъ была принята и до сихъ поръ еще считается какъ безусловно подтверждающая матеріализмъ, а между прочимъ самъ авторъ въ заключительной главѣ той же книги говоритъ: „Я не вижу основательной причины, почему взгляды, изложенные въ этой книгѣ, могли бы быть оскорби-

тельными для чьихъ бы то ни было религиозныхъ чувствъ. Весьма утѣшительно вспомнить, какъ доказательство того, насколько преходящи подобныя впечатлѣнія, что на величайшее изъ открытій, когда-либо сдѣланныхъ человѣкомъ, — на законъ тяготѣнія, Лейбницъ нападалъ, какъ на подрывающее естественную религію и непочтительное по отношенію къ религіи откровенной. Знаменитый писатель и вмѣстѣ духовное лицо писалъ мнѣ, что онъ постепенно научился видѣть, что вѣрованіе въ то, что Богъ создалъ небольшое число первобытныхъ формъ, способныхъ къ саморазвитію въ другія необходимыя формы, составляетъ столь же вѣрное и столь же возвышенное понятіе о Божествѣ, какъ и то, по которому Ему понадобились бы новыя акты творчества, для возмѣщенія пустоты, причиненныхъ дѣявіемъ Его же законовъ" (*Darv. Orig. of spec.* VI edit., p. 421—422), — изъ чего мы видимъ, что самъ авторъ никакъ и не думалъ, что его книга могла бы быть одной изъ причинъ утвержденія въ публикѣ атеизма.

Пятый періодъ. Нашъ XIX вѣкъ есть вѣкъ позитивизма. Ко всему сказанному выше о позитивизмѣ мы добавимъ только, что позитивизмъ, собственно говоря, не есть твореніе Огюста Конта. Огюсть Контъ только привелъ въ систему, исправилъ и составилъ классификацію тому строю наукъ, который былъ до его времени. Онъ самъ назвалъ этотъ строй совсѣмъ не позитивнымъ и не раціонализмомъ, но экспериментальнымъ способомъ изученія природы. Это большая разница въ понятіяхъ. Позитивнымъ названъ этотъ строй наукъ уже послѣдователями Огюста Конта.

Этотъ строй наукъ создавался мало-по-малу, начиная съ середины XVIII вѣка, какъ временная мѣра, вызванная необходимостью привести цѣлыя горы накопившихся въ то время знаній въ одну правильную систему. Разница лишь въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ позитивизмъ былъ сознательный, вызванный временными обстоятельствами и не приносилъ никому вреда; въ XIX же столѣтіи онъ сталъ принципиальнымъ безъ всякой надобности и приносить огромный вредъ.

Постараемся это выяснитъ. Въ XVIII вѣкѣ общество было несравненно менѣе развито, чѣмъ въ настоящее время. Оно еще не было въ состояніи предъявлять какія нибудь требованія къ наукѣ, такъ какъ оно не посмѣвало даже и слѣдить за слишкомъ быстрымъ ходомъ развитія наукъ. Одни открытія смѣнялись другими и все болѣе и болѣе увлекали общество; оно положительно захлебывалось въ массѣ тѣхъ новыхъ свѣ-

дѣній, которыми изобиловали четвертый періодъ. Въ то время общество благоговѣло передъ учеными и смотрѣло на нихъ, какъ на нѣчто высшее, какъ на полубоговъ и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могло относиться къ нимъ критически или просить ихъ дополнять свои ученія какими нибудь новыми свѣдѣніями, ибо разница между среднимъ уровнемъ развитія ученыхъ и среднимъ уровнемъ развитія общества была громадная и во всякомъ случаѣ несравненно большая, чѣмъ въ наше время.

Трудно себѣ представить то обиліе самыхъ разнообразныхъ знаній, свѣдѣній, теорій и научныхъ системъ разнаго рода, которыя дали XVII и XVIII столѣтія. Наука была положительно запружена до такой степени, что разобратъ во всемъ этомъ не было ни малѣйшей возможности. Дѣло это усложнялось еще тѣмъ, что знанія не были приведены ни къ какой правильной системѣ и взгляды на нихъ не были еще установлены, что позволяло каждому относить ихъ къ разнымъ научнымъ рубрикамъ и преслѣдовать свои самостоятельныя цѣли, имѣть свой особый образъ мысли, и всѣ стремились по своему къ увеличенію количества познаній.

Великіе умы создавали свои самостоятельныя теоріи и системы, трудились надъ открытіями и изобрѣтеніями. Второстепенные и третьестепенные ученые заимствовали у первыхъ великихъ мастеровъ науки нѣкоторыя части изъ ихъ ученій; дополняли, развивали ихъ и строили на нихъ дальнѣйшее зданіе науки. Эти системы выходили всегда въ болѣе легкой поверхностной формѣ и были всегда доступнѣе и удобопонятнѣе для общества. Профессора университетовъ и учителя школъ черпали и у великихъ мастеровъ науки, и у второстепенныхъ ученыхъ то, что они признавали самымъ полезнымъ и существеннымъ въ педагогическомъ отношеніи; составляли свои лекціи, курсы и просто руководства для всѣхъ возрастовъ. Наконецъ, пресса заимствовала у всѣхъ понемногу и уже въ совершенно легкой и доступной формѣ помещала свои статьи въ журналахъ и газетахъ.

Какъ различны были цѣли, для которыхъ пользовались учеными трудами, такъ были разнообразны и взгляды каждаго научнаго дѣятеля: одни признавали науку свободною въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ, говорили, что ея умозаключенія могутъ быть распространяемы до неограниченныхъ предѣловъ и потому заходили слишкомъ далеко въ область гадательнаго и гипотетичнаго, другіе вдавались въ другую крайность: они преслѣдовали чрезмѣрную доказательность въ наукѣ и, относясь ко всему въ высшей мѣрѣ скептически, признавали

все мало доказаннымъ. Третьи увѣряли, что наука еще такъ молода и что всѣ положенія и теоріи такъ шатки, что слѣдуетъ пока еще воздерживаться отъ всякихъ умозаключеній и ограничиться однимъ собраніемъ фактовъ. Четвертыхъ интересовали преимущественно вопросы сущностей и началъ природы и основныхъ принциповъ жизненныхъ явленій. Пятые оспаривали совсѣмъ возможность наукѣ затрогивать вопросы сущностей и жизненныхъ принциповъ, они называли это научными утопіями; наконецъ, были и такіе, которые, соглашаясь съ Гоббсомъ и Эпикуромъ, признавали науку правительственнымъ агентомъ и находили, что государство имѣетъ безусловную власть надъ культомъ, а потому всякій слуга науки долженъ подчинять свои сужденія видамъ правительства. Кромѣ того наука стала слишкомъ близка къ жизни, вслѣдствіе чего въ науку вносились атрибуты чисто житейскіе и личные.

Въ такомъ состояніи была наука къ концу XVIII столѣтія, и понятно, что всѣ стали тяготиться полнѣйшею путаницею, царившею въ ней. Само благоразуміе заставляло всякаго серьезно подумывать объ ограниченіи компетенціи науки и объ установленіи какого-либо общаго взгляда на нее, чтобы имѣть возможность сократить трудъ и облегчить непосильную работу разборки цѣлыхъ горъ накопившихся разрозненныхъ данныхъ. Сначала и къ этой задачѣ приступилъ каждый по своему, но это длилось не долго. Въ Англіи и Франціи, а въ очень скоромъ времени и во всей Европѣ, приняли одинъ и тотъ же принципъ, камертонъ для котораго далъ знаменитый фізіологъ и анатомъ докторъ Бишъ. Онъ признавалъ науку слишкомъ молодой, чтобы позволять ей затрогивать вопросы основныхъ сущностей и жизненныхъ принциповъ, а потому совѣтовалъ *изучать одни только явленія природы* и оставить будущимъ поколѣніямъ заботу изученія причинъ, вызвавшихъ ихъ.

Съ самаго начала XIX столѣтія стали всѣ изучать одни явленія и факты и оставили для будущаго поколѣнія все остальное, все трудно поддающееся доказательствамъ, все гипотетичное, отвлеченное и все умозрительное и всѣ вопросы сущности и начала фактовъ и явленій природы.

Такимъ образомъ уже въ началѣ XIX столѣтія былъ почти тотъ же позитивизмъ, который мы видимъ въ настоящее время, но онъ былъ сознательный, ибо всякій зналъ и помнилъ, что вступилъ на подобную ограниченную почву своихъ изслѣдованій для того, чтобы быть послѣдовательнымъ и изучить раньше то, что болѣе необходимо, но что за предѣлами его труда остаются заброшенными и покинутыми громаднѣйшія области знаній, изученіе коихъ предстоитъ будущему поколѣнію.

Выше мы сказали, что этот сознательный позитивизмъ не приносилъ никому вреда и это понятно: общество было еще такъ мало развито, что однѣ уже имѣющіяся научныя данныя были сверхъ его силъ и никакихъ лишнихъ требованій оно не могло предъявлять къ наукѣ. Однимъ словомъ, общество вполне удовлетворялось своей наукой.

Съ тѣхъ поръ прошло почти 100 лѣтъ. Средній общій уровень образованія и развитія людей поднялся неимоვნно. Наука же все болѣе и болѣе стѣсняла рамки познаваемого до самыхъ сороковыхъ годовъ и постепенно забывало о всѣхъ тѣхъ задачахъ и обязанностяхъ, которыя возложены на нее предшественниками.

Въ сороковыхъ годахъ сталъ устанавливаться въ знаніяхъ позитивный принципъ, окружившій науку невозможно узкими рамками и поставившій окончательный крестъ на всѣ тѣ познанія, которыя не вошли въ эти рамки. Позитивисты объявили торжественно, что наука дальше этихъ рамокъ идти не должна, что выходя изъ нихъ ей случалось ошибаться, чего они впредь желаютъ избѣгнуть; а потому, признавая человѣка психически несостоятельныхъ, они могутъ дать вѣру только опыту, мѣрѣ, вѣсу и осязанію.

Въ настоящее время развитое общество само мыслить трезво и логично. Всѣ мѣры, принимаемая къ его образованію, дѣлаютъ то, что люди, окончившіе высшее образованіе, знаютъ столько же, какъ ихъ профессоры. Ихъ занимаютъ вопросы сущностей и происхожденіе явленій и фактовъ, они желали бы знать основные принципы жизненныхъ началъ, хотѣли бы отдѣлать слѣдствія отъ причинъ и вообще получить отвѣты на тысячи вопросовъ бытія, которые въ настоящее время роятся въ головѣ всякаго любознательнаго и свободно мыслящаго человѣка. Многіе, можетъ быть, и сами бы начали изслѣдованія природы въ этомъ направленіи, ума и познаній у нихъ достаточно, но въ нашъ меркантильный вѣкъ не всякій имѣетъ достаточно средствъ и времени.

Двѣсти журналовъ и газетъ ежедневно возбуждаютъ умы читающей публики тысячами сверхъчувственныхъ явленій и состояній, въ которыя впадаетъ человѣкъ, постоянно возбуждается любознательность разными спиритическими фактами, явленіями призраковъ изъ загробнаго міра, медиумическими сеансами, гипнотическими и магнетическими испѣленіями, фокусами факировъ, силою воли индусовъ и теософовъ, всякій желаетъ получить объясненіе, составить себѣ правильное понятіе объ этихъ явленіяхъ, требуетъ строго мотивированныхъ теорій, могущихъ удовлетворить его любознательность. Каза-

лось бы весьма естественнымъ обращаться за всякимъ научнымъ разъясненіемъ къ наукѣ; куда же больше? Но наука на всѣ подобнаго рода вопросы отвѣчаетъ, что у насъ свои рамки; мы вѣдаемъ далеко не всѣми познаніями, а только весьма ограниченною частью ихъ и за предѣлами этихъ рамокъ мы ничего не отрицаемъ, ничего не отвергаемъ, но ничего и не утверждаемъ.

Получивъ такой опредѣленный отпоръ со стороны науки, дѣйствительно приходится каждому дѣйствовать такъ, какъ каждый хочетъ или можетъ, или какъ позволяютъ ему средства и обстоятельства, однимъ словомъ обходиться безъ науки.

Какъ существенно необходимо было бы имѣть въ настоящее время не столь сухую, ограниченную и мертвящую науку, но живую, практическую, которая могла бы отвѣчать на вопросы, возрождающіеся въ умахъ людей, которая насколько нибудь опережала бы своими познаніями общество и не тормозила бы его дальнѣйшаго развитія. Все равно, истины высокой божественной и абсолютной человѣкъ никогда не узнаетъ на землѣ, это, вѣроятно, станетъ его удѣломъ за гробомъ; но у каждого человѣка есть врожденное чувство искать и доискиваться истиннаго въ всѣхъ степеняхъ его развитія. Готентоты, бушмены, самоѣды, всѣ рѣшительно составляютъ себѣ какое нибудь объясненіе фактовъ и рисуютъ себѣ свой идеалъ по своему и на этомъ успокаиваются; мы, люди болѣе развитые, видимъ ихъ заблужденія, но это имъ все равно, они удовлетворены и потому довольны.

Мы совершенно такъ же, какъ бушмены, самоѣды, какъ люди всѣхъ развитій, живущіе на землѣ, желаемъ имѣть тоже объясненіе вопросовъ, насъ интересующихъ, не превышающихъ силы нашихъ способностей и ищемъ ихъ, но мы лишены возможности получить ихъ. Надъ нашимъ обществомъ нѣтъ инстанціи интеллигентно болѣе его развитой на одну или на двѣ ступени, которая вела бы его по пути прогресса и развитія и успокаивала бы его внутреннее стремленіе или жажду къ распознаванію истины; однако безъ нея человѣкъ не можетъ чувствовать внутренняго удовлетворенія.

Конечно, черезъ какіе нибудь сто лѣтъ, родъ людской, усовершенствовавшись, нашелъ бы, можетъ быть, старое міровоззрѣніе дикимъ, уничтожилъ бы его и на развалинахъ поставилъ бы свое, болѣе правильное и болѣе близкое къ Божественному идеалу истины. Но вѣдь и оно со временемъ претерпѣло бы ту же участь, чтобы уступить свое мѣсто еще болѣе возвышенному и болѣе истинному. Это понятно, въ этомъ состоитъ міровой прогрессъ, а потому люди понимаю-

ще, что истина получается единственно изъ непосредственнаго ряда заблужденій, не должны бы были бояться заблужденій до такой степени, чтобы лишать многія поколѣнія отрады хотя приблизительно знать, что такое человекъ и что его окружаетъ.

Исходныя точки мышленія материалистовъ.

Проанализируемъ материалистическую мысль, постараемся указать на ея особенности, такъ рѣзко отличающія ее отъ другихъ образовъ мысли, и намъ ясно обрисовуется неосновательность принимаемыхъ материалистами исходныхъ точекъ ихъ мышленія, отъ которыхъ они начинаютъ свои выводы и до которыхъ они доводятъ свои окончательныя заключенія.

Какъ ни многочисленны и ни разнообразны материалистическія ученія, однако во всѣхъ есть много общихъ пріемовъ и совершенно тождественныхъ допущеній.

Для большей наглядности возьмемъ любую изъ ихъ системъ, напимѣръ: ихъ космогонію.

Всѣ материалистическія космогоніи утверждаютъ, что матерія существуетъ отъ вѣчности, что она отъ вѣчности обладаетъ извѣстными качествами и свойствами, которыхъ въ ней такъ много и во всякомъ случаѣ совершенно достаточно, чтобы быть въ состояніи самостоятельно и безъ посторонней внѣшней помощи или вмѣшательства совершать акты творчества и поддерживать во всемъ сотворенномъ полный порядокъ, гармонію и благоустройство. Вся вселенная, всѣ міры, всѣ явленія природы, всѣ существа, живущія на землѣ и все, что мы видимъ, есть не болѣе, какъ слѣдствіе проявленія свойствъ и качествъ матеріи. „Въ природѣ нѣтъ ничего, восклицаетъ Бюхнеръ, кромѣ атомовъ и пустаго пространства“. И это составляетъ девизъ материалистовъ. По ихъ мнѣнію, всѣ силы химическія, физическія и механическія, все живущее, сама жизнь со всѣми ея проявленіями органическими и разумными,

сила воли, мысль, логика, умъ, сила рѣчи ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ простой химической реакціи, ибо все это составляетъ продуктъ проявленій качествъ и свойствъ матеріи.

Матеріалисты полагаютъ возможнымъ себѣ представить:

1) Что матерія, не обладая сама разумностью, способна производить самостоятельно всѣ самыя разумнѣйшія, мудрѣйшія и сложнѣйшія творчества безъ всякаго участія, или руководства, или помощи какого-либо Разума, какъ находящагося внутри матеріи, такъ и внѣ ея. Ихъ ученіе въ этомъ именно и заключается: что неразумные, бессмысленные и неодушевленные атомы, безцѣльно бродя въ пространствѣ, творятъ разумнѣйшіе акты. Если бы матеріалисты допустили разумъ въ какомъ бы то ни было видѣ, или гдѣ нибудь, то ихъ ученіе уже не было бы матеріализмомъ. Если бы они допустили разумъ внутри атомовъ или гдѣ нибудь, но внутри самой матеріи, то все ихъ ученіе превратится въ пантеизмъ; если бы они допустили разумъ, находящійся въ природѣ, но внѣ атомовъ и вообще внѣ матеріи и что разумъ этотъ имѣетъ возможность вліять на матерію или руководить ею, то все ихъ ученіе превратилось бы въ дуализмъ.

2) Матеріалисты полагаютъ возможность допустить, что матерія, безъ всякой посторонней помощи, безъ какой бы то ни было посторонней, но внѣ ея лежащей силы, или энергіи, или воли, или какого-либо ви́шняго импульса, или силы возбуждителя, или первоначальнаго толчка, способна сама породить достаточно силы, чтобы управлять всѣми явленіями природы и даже движеніями миллиардовъ планетъ, летящихъ съ незапамятныхъ временъ съ неизмѣрными скоростями, и пополнять весь расходуемый при семъ запасъ энергіи единственно только качествами и свойствами, заключающимися въ матеріи.

3) Матеріалисты полагаютъ возможнымъ допустить, что безжизненная, бессмысленная, инертная матерія способна была породить жизнь на землѣ, какъ одно изъ свойствъ и качествъ своихъ и что она по тѣмъ же причинамъ и до сего времени проявляетъ жизнь и разумъ, какъ продуктъ свой на землѣ.

Вообще, матеріалисты отвергаютъ всякую предварительную цѣль въ природѣ или какой нибудь заранѣе обдуманной планъ или предначертанія въ послѣдовательности дѣйствій явленій и фактовъ, смѣняющихся въ природѣ; по ихъ ученію тѣ или другія качества и свойства матеріи, чтобы произвести одно или другое явленіе природы, вызываются каждый разъ роко-

выми и неизмѣнными законами случайности, законами причинности или вообще законами природы.

Въ общихъ чертахъ всѣ матеріалистическія космогоніи учатъ одинаково и этотъ ихъ взглядъ съ разными детальными отступленіями примѣняется ко всѣмъ явленіямъ природы во всей вселенной, отъ самыхъ обширныхъ и грандіозныхъ движеній планетъ, образованія новыхъ созвѣздій и планетныхъ системъ и до прозябанія малѣйшей инфузоріи. Всюду и вездѣ фигурируетъ матерія и вещество, всюду и вездѣ одни качества и свойства, которыя творять чудовищныя дѣла въ силу законовъ природы.

Деистическія системы принимаютъ, что вѣченъ одинъ Богъ-Духъ, Всемогущій, Премудрый, что все, что есть въ природѣ видимое и невидимое, все сотворено Его Всесильною и Разумною волею, все, что сотворено, должно было имѣть начало, а слѣдовательно отъ вѣчности ничего существовать не могло, вѣченъ одинъ Богъ.

Все сотворенное Богомъ охраняется, управляется и руководится Имъ. Нѣтъ конца попеченію Божию о мірѣ; Богъ безконеченъ въ своихъ предначертаніяхъ и Своемъ предвидѣніи и ведетъ все во вселенной къ благому концу. Для Бога нѣтъ ничего ни большого, ни малаго, ни великаго, ни ничтожнаго, каждая инфузорія охраняется Имъ и вызываетъ Его святое печеніе въ одинаковой степени, какъ и мірѣ, какъ и вся вселенная, ибо для Существа безконечнаго нѣтъ предѣла Вездѣ-сущію, Овъ всюду и вездѣ одновременно.

Вся система действъ необыкновенно полна, логична, ясна и послѣдовательна. Нѣтъ ничего непонятнаго и недоговореннаго, все вытекаетъ одно изъ другого такъ просто, естественно и наглядно; всякій выводъ основанъ на предъидущемъ выводѣ, одинаково неоспоримомъ для нашихъ чувствъ; и такимъ послѣдовательнымъ образомъ строится вся система мірозданія и самымъ простымъ и естественнымъ путемъ она совершенно незамѣтно доходитъ до самыхъ премудрыхъ и великихъ истинъ, которыя при всякомъ другомъ способѣ мышленія остаются вполнѣ непонятны и невыяснены.

Этого не отвергаютъ даже и матеріалисты. Но они всегда возстаютъ противъ Главнаго Элемента, на которомъ построены всѣ деистическія космогоніи и котораго матеріалисты никакъ признать не могутъ, ибо они Его не видятъ, не чувствуютъ и не находятъ въ своей наукѣ, а потому требуютъ, чтобы имъ доказали Его существованіе на основаніи ихъ же науки—этотъ Главный Элементъ есть Богъ.

Ф. А. Ланге, въ своей „Исторіи Матеріализма“, стр. 54, протестуя противъ вышеприведенной выдержки изъ „Логики“ Миля, говоритъ: „Вслѣдствіе подобнаго же понятія причинности происходитъ то, что обезьяна хватается лапою позади зеркала, или оборачиваетъ насмѣхающійся снарядъ, чтобы найти причину появленія своего двойника. Вслѣдствіе понятія причинности происходитъ то, что дикарь приписываетъ громъ колесницъ Бога, или воображаетъ при солнечномъ затмѣніи дракона, который хочетъ проглотить раздаятеля свѣта. Законъ причинности заставляетъ груднаго ребенка соединить благодѣтельное появленіе матери съ своимъ крикомъ и порождаетъ этимъ путемъ опытъ. Привилегированный же глупецъ, приписывающій все случаю, мыслить себѣ (если онъ вообще мыслить) случай, какъ демоническое существо, коварство, котораго заключаетъ въ себѣ достаточное основаніе для всѣхъ его напастей“.

Чрезвычайно трудно, занимаясь постоянно положительными науками, или преслѣдуя матеріалистическое міровоззрѣніе и привыкнувъ думать, что ничего духовнаго въ природѣ нѣтъ, — перейти потомъ къ правильному и свободному пониманію почвы чистаго идеализма. Несмотря на то, что многіе, болѣе развитые, сами собой доходятъ до убѣжденія, что позитивизмъ слишкомъ поверхностно изучаетъ природу, и чувствуетъ естественное влеченіе проникнуть глубже своими познаніями въ тайный смыслъ вселенной, но привычка стараго образа мысли постоянно сбиваетъ ихъ съ пути и вовлекаетъ въ невольныя заблужденія. Въ этомъ очень часто сознавались сами атеисты; напримѣръ, Фейербахъ, самый отъявленный пропагандистъ атеизма (Философія будущаго, 43 года, стр. 23), не могъ умолчать объ этомъ невольномъ тормазѣ человѣческой мысли, сказавъ: „кто сосредоточиваетъ свой умъ и сердце только на вещественномъ, на чувственномъ, — тотъ фактически отрицаетъ реальность сверхчувственнаго; потому что (для человѣка по крайней мѣрѣ) только то дѣйствительно и реально, что составляетъ предметъ реальной и дѣйствительной его дѣятельности“. И въ этомъ случаѣ Фейербахъ больше чѣмъ правъ. Рѣдко встрѣчаемъ мы человѣка, который работалъ бы надъ своимъ внутреннимъ духовнымъ развитіемъ и заставлялъ бы себя думать такъ, какъ думали великіе умы и сильно нравственно развитые люди. Напротивъ, мы несравненно чаще встрѣчаемъ принципъ отвергать всякій авторитетъ даже людей геніальнѣйшихъ; и каждый находитъ возможнымъ дойти самому до высшихъ истинъ и высшаго знанія, всякій убѣжденъ, что самъ ничуть не глуше какихъ то Декартовъ, Ньютоновъ, Гумбольд-

товъ и Кантовъ, и рѣшительно не желаетъ, да и не можетъ самъ знать вѣрную оцѣнку своихъ силъ, способностей и внутренняго развитія.

Вотъ причина, отчего всѣ материалистическія ученія и системы были всегда болѣе популярны, чѣмъ всякія другія болѣе трудныя.

Ученія материалистовъ во всѣ времена дѣлались очень скоро извѣстными и всегда проникали скорѣе всякихъ другихъ во всѣ слои общества. И это весьма естественно и очень понятно.

Представимъ себѣ молодого еще не окрѣпшаго въ своихъ знаніяхъ науки, человѣка, который, заинтересовавшись вопросомъ жизни, вздумалъ бы, понадѣясь на свои силы ума, обратиться къ изученію философіи безъ дѣльнаго и всесторонне-образованнаго руководителя, — онъ непременно увлекся бы ученіемъ материалистовъ. Во-первыхъ потому, что не можетъ одинъ человѣкъ прочесть всѣ философіи, существующія въ мірѣ — ихъ тысячи. Не будучи въ состояніи прочесть всѣ, онъ, конечно, возьметъ на выдержку самыя популярныя и извѣстныя системы, а онѣ-то какъ разъ и есть материалистическія. Во вторыхъ, избравъ для своего изученія нѣсколько теорій, можетъ ли онъ, не твердо знающій науки, быть разумнымъ судьей въ степени правильности и непогрѣшимости сужденія какой-нибудь изъ нихъ? Вѣдь явныхъ и грубыхъ ошибокъ ни въ какой теоріи нѣтъ, есть неточное объясненіе фактовъ, сбивчивыя толкованія начальныхъ принциповъ. Всѣ ошибки каждой теоріи заключаются въ неуловимомъ уклоненіи отъ истины — въ неправильномъ взглядѣ на вещи; надо быть хорошо образованнымъ человѣкомъ и во всякомъ случаѣ имѣть правильный взглядъ на міръ, чтобы уловить и тонко оцѣнить эту невѣрность, а на этихъ-то мелочныхъ уклоненія и построены всѣ тѣ слѣдствія, которыми такъ радикально отличаются материалистическія теоріи отъ философскихъ.

Слѣдовательно, каждый не изучившій специально предмета наукъ и обладающій достаточной силой логики, чтобы вѣрно оцѣнить правильность сужденія каждой изъ представляющихся его усмотрѣнію теорій, можетъ только увлечься какой-нибудь изъ нихъ, но не судить о ней, не избличать ее въ ошибкахъ и заблужденіяхъ.

Какъ только одна изъ теорій или системъ ему понравится больше другихъ, онъ сейчасъ и принимаетъ ее, какъ правило и руководство въ жизни. Но почему же онъ долженъ увлечься непременно материалистической или атеистической теоріей? А вотъ почему: весь періодъ нашего образованія, т. е. съ самой молодости до самой возмужалости, а иногда половину всей

жизни нашей, мы занимаемся изученіемъ наукъ, въ которыхъ никогда и ничего о Богѣ не слышимъ. Мы до того отстаемъ отъ этого понятія, до того привыкаемъ къ атеизму науки, что безбожіе науки отражается и на нашей жизни; мы невольно думаемъ, что такъ какъ Бога нѣтъ въ наукѣ, слѣдовательно Его нѣтъ и въ природѣ, и никто и никогда не говорилъ намъ противоположнаго.

Мы чуждаемся, если нападаемъ на какую-нибудь философскую систему, открыто говорящую о Богѣ, душѣ или свободной волѣ, мы удивлены ею и думаемъ, что напали по ошибкѣ на какое-нибудь духовное сочиненіе, на нашихъ устахъ появляется улыбка, намъ какъ-будто совѣстно читать эту книгу и по невольному чувству привычки подрывается въ насъ весь авторитетъ къ ней.

Намъ дико встрѣтить имя Бога въ философіи, ибо мы никогда Его въ нашей наукѣ не встрѣчати, и наоборотъ — мы чувствуемъ себя въ своей сферѣ, когда возьмемъ Бюхнера, Бруссе, Кабаниса, Фейербаха и т. д., мы чувствуемъ, что-то свое, привычное; они самымъ понятнымъ образомъ выясняютъ намъ факты, совершенно въ духѣ нашего пониманія; и съ какимъ апломбомъ, и съ какою увѣренностью защищаютъ они свои положенія. Въ матеріалистическихъ ученіяхъ вы сплошь и рядомъ встрѣтите такіе обороты рѣчи: я утверждаю, я отвергаю, этого нѣтъ, это не существуетъ, наука присудила, наука произнесла свой приговоръ, наука осуждаетъ подобное; и все это нравится, все это въ духѣ времени; эта увѣренность, эта сила рѣчи поневолѣ заставляютъ всѣхъ, поверхностно знающихъ предметъ, слѣдовать за ними и преклоняться передъ этими ученіями. Это совершенно естественно: ошибокъ въ теоріи науки молодежь уловить не можетъ, а наружная форма такъ увлекательна и такъ понятна.

Истинный смыслъ науки не такъ понятенъ; и сама наука, по наружной своей формѣ, далеко не такъ самоувѣренна; истинная наука далека отъ всякой гордости, она не имѣетъ и тѣни даже подобнаго апломба. Наука ищетъ и изучаетъ, она работаетъ и предлагаетъ свои выводы для провѣрки. Вы нигдѣ у серьезно ученыхъ людей, живущихъ для своей науки, не встрѣтите: *утверждаю, запрещаю, приказываю*;—это совершенно не научные приемы. Ньютонъ говоритъ: „Намъ кажется, предыдущія наблюденія даютъ намъ право предположить....“ Кеплеръ говоритъ: „Я предлагаю на ваше обсужденіе эти гипотезы... можетъ быть законъ таковъ“ и т. д. Въ истинной наукѣ вы встрѣтите только подобные обороты рѣчи, вполне скромные и вполне соотвѣтствующие тому глубокому смыслу и правотѣ,

заключающейся въ самомъ ученіи. Ньютонъ сказалъ: „Я похожъ на ребенка, собирающаго раковины на берегу моря“.

Матеріалисты же своими фразами вводятъ въ заблужденіе тѣхъ, которые не имѣли возможности знать столько, сколько они сами знаютъ. Они пользуются своимъ преимуществомъ и увлекаютъ внѣшней стороною своихъ доводовъ и часто бездоказательныхъ положеній. Они слишкомъ часто забываютъ, что явившись посредникомъ между наукой и ея искателями, надо совершенно точно объяснять факты, надо оставаться вѣрнымъ и скромнымъ служителемъ науки.

„Извѣстно, что нелѣпость, предложенная дерзко и безъ уловокъ, — говоритъ Жантильи, — имѣетъ иногда странное могущество; она ослѣпляетъ, какъ правило... Какъ только разумъ имѣлъ слабость сомнѣваться въ видимой нелѣпости, онъ погибъ. Какъ нечего болѣе ожидать отъ ума, требующаго доказательства очевидности, такъ тѣмъ болѣе нельзя надѣяться на умъ, ожидающій опроверженій нелѣпости, которая есть очевидное заблужденіе. Очевидность нечего доказывать; нелѣпость нечего опровергать. Философія тутъ останавливается.... Тогда умъ, лишенный точки опоры очевидности и поддержки нелѣпости, выходитъ изъ границъ разума и покидаетъ здравый смыслъ и можетъ дойти до любой нелѣпости“. (Атеизмъ опровер. Наук., стр. 143).

Какъ много погубилъ молодежи одинъ изъ современныхъ философовъ, воскликнуть: „небо теперь очищено, мы свели отсюда Бога“. Грустно и тяжело смотрѣть какъ эти празднаыя рѣчи съ нѣкоторымъ особымъ увлеченіемъ повторяются людьми, отъ которыхъ, судя по ихъ образованію, можно было бы ожидать болѣе серьезнаго отношенія и болѣе осмысленнаго сужденія о такихъ воззрѣніяхъ, которыя служатъ основой всей нашей жизни и составляютъ критеріумъ всего нашего существа.

IV. Законы природы. Одно изъ самыхъ распространенныхъ между матеріалистами представленій, которое чрезвычайно дополняетъ всѣ ихъ системы и дѣлаетъ многое совершенно непонятное — понятнымъ, это представленіе о законахъ природы.

Матеріалисты говорятъ, на примѣръ, что матерія, пользуясь своими свойствами, производитъ всѣ тѣла въ мірѣ. Атомы, черезъ непосредственный рядъ комбинацій, слагаются иногда въ самыя причудливыя формы и образуютъ самыя сложныя вещи, на примѣръ, глазъ человѣка. Всякій, конечно, задумается надъ этимъ; какъ въ самомъ дѣлѣ безсмысленные, неразумные атомы,

простые бездушные шарики, вродѣ нашей охотничьей дроби, случайно насыпанные въ какомъ нибудь уголку человѣческаго тѣла, вдругъ сложились такъ, что сдѣлали глазъ, и почему этотъ глазъ сдѣлался на томъ мѣстѣ, гдѣ ему надлежитъ быть, а не гдѣ нибудь подъ мышками или на пяткѣ. Это весьма логичный вопросъ, на который отвѣтить было бы очень трудно, если каждый разъ не являлось бы на выручку представленіе о законѣ природы. Вѣдь это законъ природы, отвѣчаютъ матеріалисты, и все становится яснымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если въ природѣ есть законъ, который направляетъ дѣйствія всѣхъ атомовъ и они слагаются въ силу законовъ природы, то что же остается еще объяснять? Все становится понятнымъ для человѣка, не привыкшаго додумываться до конца.

Разберемъ, какими законами управляется вселенная и можетъ ли быть такой законъ природы, который игралъ бы *активную* роль въ явленіяхъ природы, направляя все существующее къ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ. Вопросъ этотъ въ подробности разобранъ Н. Я. Данилевскимъ въ его книгѣ „Дарвинизмъ“ (т. II, стр. 516—520), а потому мы имѣемъ возможность его прямо заимствовать отсюда.

Слово „законъ природы“, такъ же какъ и слово развитие, вводитъ многихъ въ большія заблужденія. Точно такъ подведя явленіе подъ развитіе, думаютъ, что получили его объясненіе, точно такъ же думаютъ, что сдѣлали это, когда говорятъ, что подвели его подъ законъ. Выраженіе „законъ природы“ очевидно метафорическаго происхожденія; напримѣръ, я скажу:

„Рабъ слѣпой-слѣпыхъ законовъ
Мчится поѣздъ въ темѣ ночной“.

(Гр. А. А. Голенищев-Кутузова).

Въ стихахъ, дѣло которыхъ представлять намъ живые, смѣлые, красивые, величественные, увлекательные образы, — что прекрасно. Метафора ихъ область. Я даже не придержусь къ тому, что поѣздъ собственно никакъ уже не рабъ слѣпыхъ законовъ, а цѣлесообразнѣйшихъ намѣреній, выразившихся въ постройкѣ дороги, кладкѣ рельсовъ, устройствѣ машины, въ коихъ всякая малость была предусмотрѣна, цѣлесообразно соображена и разумно выполнена, въ гораздо большей степени, нежели простая дорога и экипажъ, везомый лошадьми и правимый кучеромъ. Слепота очевидно относится тутъ къ законамъ упругости паровъ; но пары вѣдь—или просто бы шипѣли и свистѣли, выходя понемногу и увеличивали бы влажность окружающей атмосферы, или разорвали бы котелъ, а не везли бы поѣзда, совершенно какъ и тѣ силы, которыя дѣй-

ствують въ организмѣ да и во всемъ мірѣ, ничего толковаго бы не произвели, или даже ровно, ничего бы не произвели, если слѣпо строили организмы или міры. Но стихи все-таки хороши, и дѣло въ томъ, что вниманіе явленій, въ нихъ выраженное, вполне соотвѣтствуетъ тому, которое соединяють съ понятіемъ о законахъ природы не только образованные люди, но и многіе ученые, — пониманіе, по которому явленіе есть рабъ, исполняющій нѣкое велѣніе нѣкоей слѣпой воли — закона. Очевидно, что это метафора, а метафоры, метафорическій смыслъ которыхъ забыть, всегда производятъ великую путаницу въ головахъ человѣческихъ, какъ, на примѣръ, и понятіе развитія, которое такъ же вѣдь метафора. Но мало метафоръ, которыя бы столько путали, какъ метафора „законъ природы“. Берется одна сторона явленій, представляющая частную аналогію; по этой аналогіи наименовывается предметъ или явленіе; пока дѣло совершенно невинное, — но это происхожденіе метафоры скоро забывается, и все, выражающееся въ метафорическомъ названіи, принимается за полную аналогію, за тождество и путаница готова.

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ представляется людямъ, не получившимъ естественно-научнаго образованія, или весьма поверхностно къ нему относящимся, знаменитая Ньютонова формула? Во-первыхъ, ее называютъ закономъ природы, хотя она и нѣчто гораздо высшее, какъ сейчасъ покажу; далѣе думаютъ (и это опять говорю по опыту), что это нѣкая уловка, нѣкій фортель, въ одной части котораго придумано, притяженіе дѣйствовало въ прямомъ отношеніи, а въ другой части какъ-то обратно; и затѣмъ въ первой части просто во сколько разъ больше масса, во столько же разъ и сильнѣе должна она притягивать, а во второй части не просто, а ухищреніемъ, это притяженіе должно ослабѣвать въ квадратномъ отношеніи. Штука преудивительная. И вотъ въ эту то штуку, уловку, въ этотъ фортель и въ это ухищреніе проникъ Ньютонъ, какъ бы отперъ секретный замокъ. Конечно, люди маломальски естественно-научно образованные такъ не думаютъ, но все-таки многіе и очень многіе и изъ нихъ вполне отрѣшаются отъ ошибочности въ пониманіи выраженія „законъ природы“, ошибочности, приставшей къ нему отъ его метафорическаго происхожденія, и все еще приписываютъ этимъ законамъ какое-то таинственное, мистическое, объяснительное значеніе.

„Въ выраженіи „законы природы“, аналогія, послужившая поводомъ къ этому метафорическому термину, заключается въ сходствѣ обязательности, замѣчаемой въ извѣстномъ порядкѣ явленій, съ обязательностію поступковъ людей, повинующихся

гражданскому закону. Но законъ гражданскій есть нѣчто и извнѣ обязательное и извнѣ объясняющее характеръ поступковъ съ нимъ сообразныхъ. На вопросъ, почему вы такъ-то и такъ-то поступаете — дается отвѣтъ: потому, что такъ повелѣваетъ законъ, и вы понимаете поступокъ, т.-е. нѣтъ ни внѣшняго повелѣнія, нѣтъ ни объяснительной причины, пока такъ называемый законъ природы есть не болѣе какъ законъ. Напримѣръ, въ Европѣ среднимъ числомъ рождается 106 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ. Это называется закономъ; но кто или что повелѣваетъ этому такъ быть? И гдѣ тутъ объясненіе явленію? — ни того ни другаго не видно. То же самое будетъ и относительно болѣе точныхъ и строгихъ законовъ, напримѣръ, относительно знаменитыхъ Кеплеровыхъ законовъ. Въ первомъ отношеніи ясно, что обязательность тутъ внутренняя, а не внѣшняя. И потому правильнѣе было бы говорить объ обычаяхъ, чѣмъ о законахъ природы; потому что обычай въ себѣ самомъ носить свою обязательность. Другое преимущество заключалось бы въ томъ, что исполненіе обычая гораздо сильнѣе обезпечено, чѣмъ исполненіе законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой законъ исполняется такъ строго и точно лицами ему подлежащими, какъ, напримѣръ, обычай дѣлать визиты на новый годъ членами общества, признающими это правило? Хотя аналогія была бы полнѣе и метаформа правильнѣе, но все-таки осталась бы метафорой. Въ сущности же законъ природы есть ни что иное, какъ явленіе или фактъ, не единичный, а извѣстной общности, — общности, могущей распространяться и на очень малое число единичныхъ явленій или фактовъ, даже всего на два, и на очень большее число ихъ, даже на всѣ. Это будутъ законы частные и законы общіе, между которыми различіе только количественное. Всѣ планеты движутся по эллипсамъ! Что это такое? — это есть общее, замѣченное въ формѣ всѣхъ планетныхъ путей. Великъ или малъ ихъ эксцентриситетъ, то или иное взаимное наклоненіе плоскостей этихъ путей, во всемъ этомъ и во многомъ другомъ они могутъ различествовать — это будутъ единичные, индивидуальныя для каждой планеты факты, а эллиптичность орбитъ есть ихъ законъ. Но чѣмъ же законъ отличается отъ этихъ единичныхъ фактовъ? — Ничѣмъ, кромѣ его общности для всѣхъ планетъ, потому что изъ него, какъ изъ закона, не видно ни причины факта, ни того, что составляетъ его обязательность, совершенно такъ же, какъ и въ томъ, что на 100 дѣвочекъ рождается 106 мальчиковъ., какъ и въ томъ, что при извѣстномъ родѣ лихорадки параксизмы появляются каждый день, — что также для этой лихорадки составляетъ законъ, т.-е. общее

явленіе, между тѣмъ какъ многія другія могутъ быть, и дѣйствительно бывають, различными, особенными для каждаго больнаго индивидуума. Причины періодичности мы и тутъ не знаемъ, въ чемъ и откуда ея обязательность, или, лучше сказать, мы самую ту констатированную общность, метафорически называя закономъ, какъ бы принимаемъ за обязательность. Если вмѣсто однѣхъ планетъ мы возьмемъ всѣ тѣла нашей солнечной системы, т.-е. и кометы, мы должны будемъ сказать, что вообще онѣ движутся по кривымъ, называемымъ коническими сѣченіями, къ числу коихъ принадлежитъ и эллипсисъ. Законъ получить большую общность, будучи общимъ явленіемъ для бѣльшаго числа орбитъ, но всѣ прочія свойства его не измѣняются, ничего онъ намъ по прежнему не объяснить, и не указать, чему приписать его обязательность?

„Но не только законъ природы, все равно частный или общій, ничего не разъясняетъ,—онъ и есть именно то, что преимущественно, даже почти исключительно требуетъ объясненія. Объясненіе частнаго, отдѣльнаго факта съ одной стороны мало интересно, а съ другой, по большей части невозможно, потому, что онъ зависитъ отъ перекрещиванія множества неуловимыхъ причинъ и обстоятельствъ. Такъ, въ вышеприведенномъ астрономическомъ примѣрѣ, кто можетъ сказать, почему такая-то планета имѣетъ именно такое, а не другое наклоненіе ея орбиты къ плоскости? Но эллиптичность всѣхъ этихъ орбитъ, будучи закономъ, т.-е. общимъ фактомъ, съ одной стороны и вызываетъ объясненіе, требуетъ его, а съ другой объясненіе это становится возможнымъ, и Ньютономъ дано. Это объясненіе также называютъ закономъ, но совершенно неправильно. Это объясненіе заключается въ гипотезѣ существованія притягательной силы, свойственной всякой долѣ матеріи и распространяющейся равномерно во всѣ стороны; и объясненіе это, замѣтимъ, есть метафизическое предположеніе, какъ и всякое дѣйствительно объясняющее начало, а никакъ не законъ природы. Такъ же точно: какой интересъ и какая возможность объяснить тотъ единственный фактъ, что безводная сѣрнистая кислота состоитъ изъ 32 частей сѣры и 32 кислорода, а безводная сѣрная изъ 32 же сѣры, по 48 кислорода? Но если мы найдемъ, что вообще тѣла соединяются въ немногихъ простыхъ между собою отношеніяхъ и взаимно замѣщаются въ таковыхъ же, т.-е. получимъ общій фактъ, такъ называемый законъ, то явится интересъ, и даже принудительный интересъ, а вмѣстѣ и возможность объясненія его, какъ это сдѣлалъ Дальтонъ атомистическою гипотезою, т.-е. предположеніемъ существованія мельчайшихъ, абсолютно недѣли-

мыхъ частицъ, составляющихъ матерію или вещество. Этотъ предполагаемый атомистическій составъ матерій никакъ не можетъ быть названъ закономъ природы (предполагая даже полную достовѣрность гипотезы), а такъ же точно, какъ и сила притяженія, есть объяснительное начало и опять таки метафизическое.

„И такъ, законы природы суть ни что иное, какъ факты или явленія различной степени общности; но именно это-то общее въ нихъ и требуетъ объясненія, и, конечно, само себя объяснить не можетъ. То именно, что факты не остаются въ своей единичности, а сводятся вовсе болѣе и болѣе общія категории фактовъ и явленій, это, и только это собственно и требуетъ себѣ объясненія“.

Однимъ словомъ и въ этомъ случаѣ повторяется также ошибка матеріалистовъ, которая проходитъ черезъ все ихъ ученіе. Они составили себѣ представленіе о всесильныхъ законахъ природы, не проанализировавъ, какую дѣйствительно роль играютъ законы въ природѣ и не позаботившись уже нисколько о какомъ бы то ни было, хотя малѣйшемъ доказательствѣ своего постоянно примѣняемаго представленія.

Въ сущности же говоря представленіе „законъ природы“ должно всецѣло быть причислено къ *простымъ грамматическимъ метафорамъ*, черезъ посредство которой замаскировано какое то совершенно не понятное и не изученное наукой явленіе природы. Это явленіе природы какъ разъ требовало бы изученія и разъясненія, котораго наука, не выходя изъ узкихъ рамокъ позитивизма, дать не можетъ, а слѣдовательно, оно до преобразования программы позитивизма останется вѣчно неизученнымъ.

Однако Бюхнеръ и Молешоттъ настаиваютъ на своемъ и восклицаютъ: „Никому непонятно“ говоритъ Бюхнеръ въ своемъ „Stoff und Kraft“, какъ вѣчная, управляющая міромъ причина можетъ согласоваться съ неизмѣнными законами. Или законы природы управляютъ, или вѣчный умъ; вмѣстѣ имъ существовать нельзя: между ними были бы постоянныя столкновенія. Если бы міромъ управляла вѣчная мудрость, законы природы были бы излишними; или же, напротивъ, неизмѣнные законы природы управляютъ міромъ, они исключаютъ всякое вмѣшательство Высшаго Разума“.

„Если какая-либо личность, съ какой-нибудь цѣлью, управляетъ матерією“ говоритъ Молешоттъ, — „законъ необходимости исчезаетъ въ природѣ. Каждое явленіе дѣлается достояніемъ случайности и произвола“.

На два эти положенія отвѣтить очень легко, тѣмъ болѣе, что они сами по себѣ не вѣрны. Съ одной стороны, матеріалисты не хотятъ допустить возможности, чтобы Предвѣчная Мудрость могла согласоваться съ законами, а съ другой стороны они вмѣстѣ съ деистами находятъ, что идея неизмѣнности и постоянства въ природѣ гораздо болѣе согласуется съ идеальнымъ совершенствомъ невѣдомаго Существа, котораго мы называемъ Богомъ, чѣмъ идея измѣняемости и произвола.

Не странно ли утверждать, что постоянство, порядокъ и гармонія, царствующіе въ природѣ, составляютъ признакъ отсутствія Высшаго разума. Деисты понимаютъ это въ обратномъ смыслѣ: постоянство и мудрость, которую мы видимъ въ законахъ природы, доказываютъ мудрость въ причинахъ возникновенія этихъ законовъ; именно *эти* законы и показываютъ имъ Вѣчный Разумъ, правящій вселенной. Матеріалисты же хотятъ видѣть беспорядокъ и произволь въ природѣ, чтобы признать существованіе Бога.

Для сравненія возьмемъ органъ. Онъ прекрасно сдѣланъ; всѣ звуки, выходящіе изъ него, удовлетворяютъ всѣмъ законамъ гармоніи и мелодіи; онъ совершенно машинально производитъ самыя упоительныя мелодіи, и, конечно, не можетъ взять ни одной фальшивой ноты, ни одного негармоничнаго звука. Матеріалисты нашли бы въ этомъ отсутствіе интеллигентной воли строителя его и признали бы ее только тогда, когда бы онъ сталъ фальшивымъ.

Развѣ идея о законѣ въ государствѣ исключаетъ идею о правителяхъ страны? Развѣ мы не видимъ опроверженія словъ матеріалистовъ въ административномъ строѣ cadaго государства? Развѣ каждое государство не имѣетъ столько законовъ, что, можно сказать, всякій шагъ подданныхъ расчитанъ и предусмотрѣнъ ими и, тѣмъ не менѣе, правителямъ остается еще достаточно дѣла при управленіи своими странами. Тѣмъ болѣе это должно относиться до Управленія вселенною.

Мы спросимъ: Кто далъ эти законы природѣ? Кто устроилъ эту производительность? Кто далъ природѣ постоянное стремленіе къ развитію и къ прогрессу? Кто далъ атомамъ ихъ премудрый строй и способности составлять матерію? Матеріи—силу производить жизнь? Кто выдумалъ живыхъ существъ? И кто далъ имъ ихъ формы и органы, приспособленные къ достиженію однѣхъ и тѣхъ же цѣлей? Кто заботится о сохраненіи недѣлимыхъ и родовъ, давъ имъ ткани, костяную основу, механизмъ движенія и предусмотрительный инстинктъ? Кто одарилъ ихъ всѣми разнообразными способностями, сообразно назначенію своего и того положенія, которое они дол-

жны занимать въ мірѣ? Однимъ словомъ,—если сила жизни одного свойства съ молекулярной силой, — кто же произвелъ ее? Не отъ того ли они отвергаютъ Творца, что Онъ не произвелъ этого, такъ сказать, собственными руками? Зачѣмъ хотятъ сдѣлать они изъ Бога чернорабочаго, ворочающаго атомами, по своему произволу безъ всякаго порядка? Ни одинъ мудрый правитель страны никогда не отступалъ отъ изданныхъ имъ же самимъ законовъ; разбирать же форму управленія, принятую Богомъ для поддержанія и храненія своихъ твореній, было бы, во всякомъ случаѣ, преждевременно, если не совсѣмъ невозможно человѣку, который не можетъ даже познать Его своими слабыми чувствами. Довольно же и того одного, что правильное пониманіе науки позволяетъ намъ, въ настоящее время, съ полнымъ убѣжденіемъ признать, что міръ управляемъ Разумной Волей, и это уже шагъ громадный, который долженъ измѣнить весь взглядъ науки какъ на самого человѣка, такъ и на всю вселенную и на всѣ отношенія наши ко всей природѣ. Поэтому совершенно понятно, отчего все истинно ученое человѣчество, какъ мы раньше уже видѣли, люди глубоко и разумно вѣрующіе.

Общій характеръ матеріалистической науки.

Разборъ четырехъ коренныхъ матеріалистическихъ положеній, которыя служатъ для дальнѣйшихъ выводовъ и на которыхъ матеріалисты строятъ свои міровоззрѣнія, рѣшительно не подтверждаетъ ихъ обѣщанія ни въ чемъ не уклоняться отъ строгаго опыта и непосредственнаго наблюденія. Напротивъ, мы видимъ одни допущенія и бездоказанныя представленія, которыя не имѣютъ даже права называться научными гипотезами.

Прослѣдивъ всю матеріалистическую науку, вы вездѣ найдете тотъ же самый характеръ бездоказательности.

Самые опыты наблюденія, и изслѣдованія производятся серьезно и научно, но всѣ выводы, дѣлаемые на основаніи этихъ опытовъ, имѣютъ всѣ свой особый матеріалистическій характеръ, ибо ко всякой новой научной данности, добытой опытомъ для разясненія ее себѣ, они примѣняютъ свой обыкновенный взглядъ на природу вещей и свои принципы, отдѣляющіе ихъ отъ всей вселенной китайскою стѣною разныхъ допущеній и представленій, отчего получается прежняя бездоказанность, не договоренность, поверхность взглядовъ, требующая опять новыхъ представленій или новыхъ словъ вмѣсто понятія или, наконецъ, ссылокъ на всеильное дѣйствіе законовъ природы.

Напримѣръ, Бюхнеръ сказалъ: „Міръ состоитъ изъ пустаго пространства и атомовъ“. Что такое атомъ?—Недѣлимая часть матеріи.

Вы думаете, что, дѣлая такое авторитетное заявленіе и ставя подобный окончательный научный постулатъ, онъ пони-

маеть и знаетъ, что такое атомъ и что такое пространство, — всесторонне и абсолютно? — Вы думаете, что онъ выяснилъ себѣ ихъ ясно и наглядно до такой степени, что можетъ отвѣтить на всѣ могущіе возродиться вопросы въ головѣ человѣка, ищущаго истины вообще, или природы вещей и сущности фактовъ и явленій. — Совершенно нѣтъ.

Было бы бесполезно стараться искать и доискиваться не только у самого Бюхнера, но и во всѣхъ остальныхъ матеріалистическихъ ученіяхъ опредѣленій или изслѣдованій касательно природы атомовъ, или чего-нибудь, касающагося сущности или происхожденія ихъ; — такихъ объясненій совершенно нѣтъ.

Всѣ матеріалистическія ученія считаютъ понятіе объ атомахъ совершенно установившимся и начинаютъ всѣ свои дальнѣйшія выводы о какихъ бы то ни было явленіяхъ природы, какъ о слѣдствіяхъ или свойствахъ этого, давно будто бы намъ извѣстнаго, атома. Не говоря уже о неорганическомъ мірѣ, весь органической міръ разбирается ими, преслѣдуя это не вполне выясненное понятіе; — наши мысли, сама жизнь наша, наше сознаніе, все это они считаютъ слѣдствіями свойствъ атомовъ.

Приведемъ слова Вундта (*Grundz d. Phys. Psychologie, Leipzig, 73 г., S. 226, 228*), которыми онъ думаетъ разъяснить проявленіе сознанія и другія сложныя отправления человѣческаго организма.

„Мы можемъ себѣ представить, что извѣстное первое волокно или извѣстная узловая клѣточка функционируетъ только въ формѣ ощущенія свѣта, или двигательнаго импульса, но не такъ, что извѣстные центральные элементы служатъ фантазіи, а другіе разсудку. Очевидно, противорѣчіе здѣсь заключается въ томъ, что представляешь себѣ сложныя функціи связанными съ простыми образованіями. Но мы необходимо должны предположить, что элементарныя образованія способны только къ элементарнымъ же дѣйствіямъ. Такія элементарныя дѣйствія въ области центральныхъ функцій суть ощущенія, побужденія къ движенію, а не фантазія, память и т. д. Все, — замѣчаетъ далѣе Вундтъ, — что мы называемъ волею и интеллигенціей, разрѣшается, какъ скоро она преслѣдуется до своихъ физиологическихъ элементарныхъ феноменовъ, въ одни превращенія чувствительныхъ впечатлѣній — въ движенія“.

Матеріалисты полагаютъ, что подобными, совершенно уже бездоказательными, голословными положеніями они могутъ удовлетворить любознательность людей, желающихъ дѣйствительнаго познанія природы самыхъ явленій. Неужели они ду-

мають, что этими поверхностными словами они выяснили все, что интересуется въ этомъ случаѣ человѣка, разбирающаго и анализирующаго, что такое сознание? Что такое атомъ? Что такое этотъ двигательный импульсъ, играющій такую видную, первенствующую и причинную роль во всѣхъ отправленіяхъ живого организма?.. Неужели этотъ самый главный двигатель человѣческой жизни и дѣятельности не достоинъ большаго изслѣдованія? Отчего удостоиваютъ они его такимъ малымъ вниманіемъ?—Замѣнять понятія словами есть общераспространенный пріемъ во всѣхъ матеріалистическихъ ученіяхъ; попробуемъ обрисовать болѣе наглядно общій характеръ мышленія матеріалистовъ.

Приведемъ здѣсь примѣръ, помѣщенный у Ланге (Истор. Матер., т. II, стр. 324), какъ опытъ выясненія матеріалистическихъ пріемовъ.

Купецъ сидитъ удобно въ креслѣ и самъ не знаетъ, долженъ ли онъ заняться куреньемъ, спаньемъ, чтеніемъ газетъ или пищевареніемъ. Входитъ лакей, приноситъ депешу, а въ ней стоитъ: „Антверпенъ и т. д. Юнасъ и К^о обанкрутился“.— „Пусть кучеръ запрягаетъ лошадей“,—вскрикиваетъ купецъ.—Лакей летитъ. Баринъ вскочилъ, встрепенулся; нѣсколько шаговъ по комнатѣ — внизъ въ контору, прокуристу приказано, письма продиктованы, депеши посланы, потомъ въ экипажъ. Лошади фыркаютъ; онъ въ банкѣ, на биржѣ, у дѣловыхъ пріятелей,—не прошло и часу, онъ дома, бросается опять въ кресло со вздохомъ: „Слава Богу, въ самомъ скверномъ случаѣ—я въ безопасности. Теперь надо обдумать дальше“.

Это прекрасный мотивъ для душевной картины, могущій служить темой для цѣлой поэмы. Испугъ, надежда, потрясеніе, расчетъ, гибель, и затѣмъ побѣда; все это совмѣщено въ одинъ какой-нибудь часъ времени; всѣ эти возбужденія были произведены самыми разнообразными впечатлѣніями и представленіями, вызванными одними образами и представленіями, возникающими постепенно, вслѣдствіе какихъ-то высшихъ, отъ организма человѣческаго совершенно не зависящихъ причинъ, которыя человѣческое сознание не обнимаетъ.

Матеріалистъ, разбирая данное лицо, какъ объектъ *вещественнаго міра*, сказалъ бы: „что вошло въ этого человѣка? Образъ нѣсколькихъ чертъ синимъ карандашемъ по бѣлому фону. На сѣтчатую оболочку упали извѣстные лучи свѣта, которые въ своихъ колебаніяхъ сами по себѣ не развиваютъ болѣе живой силы, чѣмъ всякіе другіе лучи. Живая сила для процесса проведенія подготовлена въ нервѣ такъ же, какъ сила сокращенія мускуловъ—въ мускулахъ; безконечно сла-

бымъ импульсомъ волны свѣта она лишь разрѣшится, какъ разрѣшается сила бочки съ порохомъ тлѣющей искоркой. И ничего большаго матеріалистъ не скажетъ, ибо всѣ дальнѣйшія его изслѣдованія повели бы къ необходимости признать отвлеченности, что матеріалистъ не допускаетъ, — слѣдовательно для него остается одно только возможное изслѣдованіе, что онъ въ данномъ случаѣ и дѣлаетъ; не принимая сознанія, онъ можетъ только прослѣдить физическій причинный рядъ, черезъ мозгъ до перваго повода къ внезапному движенію; а затѣмъ вся самая существенная сторона факта остается не разъясненною: какимъ образомъ происходитъ, что *эти синія черты производятъ именно въ этомъ человѣкѣ такое именно дѣйствіе*, котораго онѣ не произвели бы никогда, если бы изображеніе ихъ пало на сѣтчатую оболочку глаза какого-нибудь другаго человѣка, не имѣющаго никакого отношенія къ дѣламъ „Ионасъ и К“? Не произвело ли бы на него другое впечатлѣніе, если бы въ телеграммѣ были тѣмъ же синимъ карандашемъ написаны другія слова, напримѣръ: „невѣста ваша даетъ вамъ согласіе на свою руку и сердце“; или „отецъ вашъ умеръ“?

Всякій отвѣтъ, который ссылается на „представленіе“ въ этомъ случаѣ, не можетъ считаться отвѣтомъ, — это уклоненіе отъ желанія знать истину. Мы желали бы въ этомъ случаѣ видѣть проводники, пути живой силы, объемъ, способъ распространенія и источники физическихъ и химическихъ процессовъ, изъ которыхъ исходятъ первые импульсы, извѣстнымъ способомъ приволящіе въ дѣятельность каждый мускулъ отдѣльно. Мы желали бы видѣть несравненно болѣе важныя нервныя точки, которыя распространяются въ органахъ рѣчи, въ дыхательныхъ мускулахъ, производятъ приказаніе, слово и крикъ, которое повторяютъ десять разъ ту же игру путемъ звуковыхъ волнъ и слуховыхъ нервовъ другихъ не дѣлимыхъ. Мы желали бы, однимъ словомъ, разъяснить такъ называемое психическое дѣйствіе и объяснить физическое, которое мы видимъ, физическими причинами.

Пусть читатель не думаетъ, что въ этомъ случаѣ мы требуемъ чего-либо невозможнаго, ибо матеріалисты признаютъ въ принципѣ, что какъ строеніе организациі живыхъ существъ, такъ и причинность явленій ими вполне поняты. Если же они признаютъ себя на столько свѣдущими, то, слѣдовательно, имъ должны быть ясны всѣ эти явленія, которыя мы и просили бы разъяснить подробно, не прибѣгая къ употребленію словъ и названій, взамѣнъ прямаго и точнаго описанія явленія, или въ противномъ случаѣ мы должны были бы просить ихъ сойти съ своего авторитетнаго пьедестала всезнанія и при-

знаться въ своемъ невѣдѣніи, или, покрайней мѣрѣ, въ ограниченности своихъ знаній.

Мы могли бы еще удовлетвориться, если бы намъ выяснили связь между первымъ впечатлѣніемъ волны свѣта и соединенными съ точнымъ фиксированіемъ буквъ импульсами движеній такъ же ясно, какъ мы видимъ, наприм., отраженное въ судорогѣ бедра лягушки. А они вмѣсто этого разыскиваютъ въ мозгу „мышленіе“, „чувствованіе“ и „хотѣніе“, все равно, какъ еслибы въ мускулахъ подъ мышкою піаниста желали открыть Dur, Moll, Allegro, Abagio и Fortissimo, каждое въ особенномъ закоулкѣ (Ланге, т. II, стр. 326).

Несомнѣнно, что причина всѣхъ этихъ недомолвокъ и поверхностнаго изслѣдованія научныхъ вопросовъ лежитъ въ томъ узкомъ и совершенно спокойномъ взглядѣ, съ которымъ всѣ матеріалистическія системы смотрятъ на окружающій ихъ міръ, вслѣдствіе чего явленія очень сложныя и самая жизнь наша являются пустымъ и шуточнымъ фактомъ. Такое опасное повѣріе глубоко вкоренилось въ убѣжденіи нашей публики, за него стоятъ не одни люди науки, но и литература наша съ лучшими представителями въ главѣ. Напримѣръ, Д. Писаревъ въ одной изъ своихъ статей пишетъ: „Мы всѣ сильно заражены склонностію къ натуръ-философіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка и прочей дребедени (!), которая смущаетъ многихъ даже специалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться какъ слѣдуетъ съ микроскопомъ и анатомическимъ ножомъ.....“.

Этотъ спокойный, исключаящій возможность всякаго глубокаго анали за взглядъ Н. Страховъ описываетъ чрезвычайно типично и совершенно въ духѣ матеріалистическихъ ученій въ своемъ сочиненіи „Міръ какъ Цѣлое“, 1872, стр. 160 — 168, желая утверждать всякаго отъ излишнихъ и, по его мнѣнію, суетныхъ требованій отъ жизни и отъ науки. Онъ говоритъ, что замѣчаніе: *„Нѣтъ великаго человѣка, который бы былъ великимъ для своего лакея“* — неблагопріятно не для великихъ людей, какъ многіе думаютъ, но для лакеевъ. Лакей великаго человѣка видитъ въ немъ только черты, которыя въ силахъ понимать, т.-е. черты обыкновеннаго, или даже плохаго человѣка.

„О человѣкѣ должно судить не по тому, чѣмъ онъ есть въ данную минуту, а по тому, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ онъ можетъ быть.“

„Вмѣсто того, чтобы спрашивать: что есть человѣкъ?— Мы должны спрашивать: чѣмъ можетъ быть человѣкъ? Вмѣсто

того, чтобы изслѣдовать, изъ чего состоитъ человѣкъ, мы должны разсмотрѣть, что бываетъ съ человѣкомъ; вмѣсто сущности нужно взять дѣятельность, вмѣсто постояннаго — переменное, вмѣсто души — жизнь. Тогда мы убѣдимся, что нѣтъ существа болѣе разнообразнаго, менѣе подчиненнаго какимъ бы то ни было ограниченіямъ, болѣе общаго и, слѣдовательно, совмѣщающаго въ себѣ болѣе противорѣчій, чѣмъ человѣкъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, что содержитъ этотъ міръ, который озаряется свѣтомъ сознанія? И для чего служить самое озареніе? Гдѣ искать твердаго зерна жизни? Что отъ нея остается, что изъ нея выходитъ?“

Возьмемъ вопросъ въ этой послѣдней формѣ. Такъ онъ былъ предложенъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей. Въ порывѣ скорби, возбужденной въ немъ картиною жизни современнаго человѣчества, онъ спросилъ: что выходитъ изъ жизни? — И казалось не нашель отвѣта. Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе безъотвѣтности на такой вопросъ.

„По видимому, однакоже, онъ разрѣшается легко. Можно сказать, что изъ жизни, кромѣ жизни, дѣйствительно ничего не выходитъ, — но что и не нужно, чтобы что-нибудь еще изъ нея выходило. Въ самомъ дѣлѣ — выходитъ жизнь; — чего же больше?“

„Представьте, напримѣръ, что кто-нибудь идетъ по тротуару. Такъ или иначе, но только здѣсь совершается нѣкоторое явленіе жизни. Положимъ, философъ наблюдаетъ, это явленіе и старается понять. Что найдетъ онъ? — Человѣкъ идетъ. Идти, двигаться, это вѣдь значитъ чего-нибудь достигать, приближаться къ какой-нибудь цѣли. Но философъ очень бы ошибся, если бы сталъ задавать себѣ вопросъ: куда и зачѣмъ идетъ этотъ человѣкъ? Онъ никуда и ни за чѣмъ не идетъ; онъ вовсе не хочетъ куда-нибудь прійти; онъ идетъ просто для того, чтобы идти.

„На человѣкѣ шляпа. Философъ пожалуй подумаетъ, что она надѣта съ какою-нибудь цѣлью и станетъ разсматривать ее съ этой точки зрѣнія. Повидимому даже нѣтъ сомнѣнія, что она служитъ для защиты отъ холода, такъ что голова — цѣль, а шляпа — средство. Ничуть не бывало, во-первыхъ у этого человѣка прегустые волосы, такъ что для головы не нужна другая защита, а во-вторыхъ совершенно наоборотъ — не шляпа служитъ для головы, а голова служитъ поддержкой шляпы. Шляпа куплена для того, чтобы ее носить во время прогулокъ, и если этотъ человѣкъ несетъ на своей головѣ шляпу, то именно для того, чтобы нести ее.

„Точно также напрасно мы бы стали ломать себѣ голову, если бы вздумали объяснить себѣ форму этой шляпы. Форма ея также не имѣетъ никакого внутренняго значенія. Шляпѣ дана такая форма ради самой этой формы“.

Казалось бы, что, въ настоящемъ пытливомъ вѣкѣ точныхъ наукъ, изслѣдованій и анализовъ всякаго рода, это узкое и поверхностное міросозерцаніе должно было бы находить себѣ очень мало послѣдователей, а на повѣрку выходитъ, что большинство образованныхъ людей, придерживаясь матеріализма, совершенно для себя незамѣтно являются поборниками его. Гораздо труднѣе стараться философскимъ путемъ проникнуть до познанія сущности и природы явленій и фактовъ, чѣмъ остановиться на поль-дорогѣ изъ-за какихъ-то принциповъ и вообразить себѣ, что дальше идти не слѣдуетъ. Неужели же въ самомъ дѣлѣ этотъ взглядъ на вещи можетъ быть признанъ философскимъ взглядомъ; никакой мало-мальски философски сложенный умъ не можетъ допустить, что человѣкъ живетъ только для того, чтобы жить, идти по улицѣ только для того, чтобы идти, носить голову на плечахъ отъ того, что у него есть шапка? Это значило бы исключить всякое понятіе о цѣли даже въ желаніяхъ и стремленіяхъ самого человѣка, это должно быть признано несообразностью всякимъ, который только потрудился бы вникнуть въ отношенія свои къ условіямъ жизни и къ обстоятельствамъ, окружающимъ его.

А между прочимъ можно безъ всякой утрировки сказать, что всѣ безъ исключенія матеріалистическія системы носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ дѣтской или примитивной науки и смѣшиваютъ идею съ формой, внѣшность съ сущностью. Матеріалистамъ кажется, что они уже исчерпали вопросъ тогда, когда они начали его, не имѣя достаточно основаній, и окончили, не разъяснивъ ровно ничего.

Эта общая черта справедливо заставила многихъ, болѣе глубокихъ мыслителей, совершенно не признавать матеріалистическія ученія за философію, а, причисляя ихъ къ позитивизму, считать ихъ за особый родъ научныхъ обобщеній, не выходящихъ изъ программы, которой придерживаются положительныя науки.

Такъ говорятъ о матеріалистическихъ философіяхъ противники матеріализма; приверженцы же матеріализма говорятъ то же самое; они тоже исключаютъ ихъ изъ области философіи и причисляютъ также къ позитивизму, оставляя всецѣло за философіей метафизическую и умозрительную части. Они говорятъ, что только въ Англии злоупотребляютъ словомъ фи-

лософія, называя даже протоколы парламентских засѣданій „философскими“, — такъ широко примѣняютъ они это слово.

Поборники матеріализма находятъ, что большинство матеріалистовъ никогда не уклонялось въ своихъ произведеніяхъ отъ программы позитивизма; какимъ же образомъ можно причислить ихъ произведенія къ рубрикѣ философскихъ, если въ нихъ нѣтъ и слѣда метафизики? Они восхваляютъ какъ свое міровоззрѣніе, такъ и результаты, добытые черезъ него; они говорятъ, что единственно черезъ него они успѣли приобрѣсти тѣ неопѣнныя и безспорныя данныя для своихъ познаній, которыми они владѣютъ въ настоящее время. Заканчивая свою исторію философіи, Д. Ж. Г. Льюисъ (перев. съ англійскаго, 1885 г., стр. 367) говоритъ: „Достоинно вниманія — и это фактъ весьма знаменательный, — что въ развитіи умозрѣнія наблюдается прогрессъ только въ отношеніи тѣхъ вопросовъ, которые доступны позитивному изслѣдованію. Если мы въ настоящее время столь же далеки отъ рѣшенія какой-либо онтологической проблемы, какъ и во времена Прокла, то мы уже гораздо менѣе невѣжественны въ отношеніи законовъ дѣятельности человѣка. Психологія еще не закончена, но она обладаетъ уже многими несомнѣнными истинами. Хотя многое еще остается сдѣлать, но многое уже сдѣлано и, благодаря новому позитивному методу, мы обладаемъ отраднымъ сознаниемъ того, что вышли, наконецъ, изъ заколдованнаго круга *діалектическихъ и логическихъ ухищреній* (?) и идемъ путемъ прямымъ, гдѣ каждый шагъ приближаетъ насъ къ позитивному познанію, гдѣ каждое завоевываніе есть неизмѣнная истина“.

Это, конечно, дѣло личнаго взгляда, но надо думать, что не всѣ согласятся съ нимъ. Вопросъ въ томъ: что лучше? — помощью-ли діалектическихъ и логическихъ ухищреній (если бы точный анализъ былъ дѣйствительно немислимъ) стараться проникнуть въ сокровенныя тайны природы и такимъ образомъ достигнуть истины, или — совершенно обходить ихъ, а если онѣ сами попадаютъ намъ въ глаза и возбуждаютъ наше вниманіе, то маскировать ихъ разными ложными *представленіями* или исключать ихъ совсѣмъ изъ науки. На это мы замѣтимъ только, что программа положительныхъ наукъ нужна человѣчеству для установленія категорій знанія, для опредѣленія границъ, возможныхъ по точной наукѣ познаній; тѣмъ не менѣе положительныя науки далеко не могутъ исчерпывать всего того, что было бы желательно знать свободно-мыслящему человѣку и что онъ рано или поздно долженъ достигнуть при развитіи науки, такъ какъ въ головѣ cadaго уже гнѣздятся цѣлые рои вопросовъ.

Дю-Буа-Реймонъ, говоря въ строгомъ смыслѣ слова, тоже матеріалистъ и поборникъ механики атомовъ, онъ также убѣжденъ, что все познаніе природы можетъ быть сведено, рано или поздно, къ механикѣ атомовъ; но онъ философъ въ томъ отношеніи, что не признаетъ свою науку окончательной и допускаетъ причину движенія, лежащаго не въ самихъ атомахъ, что еще больше расширяетъ его свободный и ясный взглядъ на міръ и на способы изслѣдованія его. Онъ смотритъ не узкимъ матеріалистическимъ взглядомъ на задачу жизни и науки, его требованія относительно знанія этой атомистической механики совершенно другія.

На конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ, въ 1872 году, онъ сказалъ: „Что умъ, который зналъ бы положеніе и движеніе всѣхъ атомовъ вселенной для даннаго, очень маленькаго, періода времени, долженъ быть также въ состояніи, по правиламъ механики, вывести изъ этого все будущее и прошедшее. Онъ могъ бы посредствомъ надлежащаго развитія своей міровой формулы сказать намъ, *кто была Железная Маска, или какъ погибъ Президентъ*. Какъ астрономъ предсказываетъ тотъ день, въ который черезъ многіе годы опять возникнетъ на небесномъ сводѣ комета изъ глубины міроваго пространства; такъ этотъ умъ читалъ бы въ своихъ уравненіяхъ тотъ день, когда греческій крестъ будетъ блистать на соборѣ Софіи, или когда Англія сожжетъ свой послѣдній каменный уголь. Если бы онъ вставилъ въ міровую формулу время равнымъ безконечности, то передъ нимъ раскрылось бы загадочное первобытное состояніе вещей. Онъ увидѣлъ бы въ безконечномъ пространствѣ матерію или уже движущуюся, или неравно распредѣленную, такъ какъ при равномъ распредѣленіи неустойчивое равновѣсіе никогда не нарушалось бы. Если бы онъ увеличивалъ время безгранично въ положительномъ смыслѣ, то онъ узналъ бы, угрожаетъ-ли теорема Карно вселенной лишь послѣ безконечнаго или уже послѣ конечнаго времени ледяною неподвижностью“.

По его мнѣнію, только подобная формула могла бы утвердить человѣка въ истинности его познанія атома. Эта задача, конечно, могла бы и не быть скоро выполнена; можетъ быть до этого никогда не достигъ бы человѣкъ, но тѣмъ не менѣе пока задача эта еще не разрѣшена, пока подобная формула еще не отыскана, наука должна стремиться и добиваться такого знанія, и сознавать, что вопросъ этотъ въ сущности остается еще совершенно открытымъ, однимъ словомъ—наука должна чувствовать свое безсиліе и видѣть пробѣлы своихъ знаній.

Богъ и безцѣнность Его твореній.

„Бога никто же не видѣ нигдѣ же,
Единородный Сынъ снѣ въ лонѣ Отца
Тотъ исповѣда“.

(Иоаннъ I).

На основаніи всего вышесказаннаго, мы считаемъ себя въ полномъ правѣ заключить нижеслѣдующее:

1) Что истинная и свободная наука въ лицѣ своихъ лучшихъ и гениальнѣйшихъ представителей признаетъ Бога Творцемъ и Промыслителемъ вселенной и Его Высшую безконечную Волю—правлящей и руководящей всѣмъ сущимъ, сотвореннымъ Имъ.

2) Позитивисты, материалисты, вообще представители такъ называемыхъ рациональныхъ наукъ, не только не опровергли существованія Бога, но не имѣли бы къ тому ни малѣйшей возможности при всемъ своемъ желаніи, такъ какъ въ рамки ихъ наукъ не включена ни одна изъ тѣхъ наукъ, которыя могли бы трактовать о столь возвышенныхъ и отвлеченныхъ темахъ. Поэтому, если когда нибудь какой нибудь изъ ученыхъ, принадлежащихъ къ лагерю позитивизма или материализма, и позволилъ себѣ сказать что-либо о Богѣ, то это его мнѣніе должно быть признано частнымъ и совершенно произвольнымъ, ибо никакихъ основаній, почерпнутыхъ изъ его положительной наукѣ, оно ни въ какомъ случаѣ имѣть не могло.

3) Надо быть вполне увѣреннымъ, что когда средній уровень духовно-нравственнаго развитія людей, стоящихъ во главѣ господствующей нынѣ науки, возвысится до того, что они поймутъ всю недостаточность и бездоказательность теорій и

представленій ихъ науки, то они, конечно, перестануть удовлетворяться ими. Тогда они увидятъ себя принужденными пересмотрѣть всѣ свои науки и исправить всѣ неточности и ошибки, вкравшіяся въ нихъ отъ неестественнаго допущеннаго ими міровоззрѣнія и отъ примѣненія въ наукѣ не строго разумомъ провѣренныхъ основаній. Для облегченія этого предстоящаго имъ громаднѣйшаго труда, они волей или неволей должны будутъ преклониться передъ авторитетомъ великихъ и геніальнѣйшихъ учителей науки и вновь отыскать давно заброшенные и уже заплѣснѣвшія странички старой науки, покрытыя мохомъ и пылью, гдѣ давно уже были подняты и до нѣкоторой степени разработаны вопросы о сущности и природѣ вещей, фактовъ и явленій, гдѣ великіе учителя требовали включенія въ науку Высшей Воли и Высшаго Разума, какъ главныхъ факторовъ природы, какъ начало всѣхъ началъ. Только послѣ своего преобразованія новая возрожденная наука и ея послѣдователи будутъ въ состояніи продолжать изслѣдованія природы, но уже въ новомъ духѣ, на новыхъ основаніяхъ и въ томъ божественномъ направленіи, въ которомъ науку начинали вести ихъ великіе учителя. Передъ адептами этой новой науки будутъ открываться сокровенныя тайны премудрости Бытія, какъ нѣкогда открывались онѣ и передъ геніальнѣйшими ихъ предшественниками, и они тоже станутъ прозрѣвать великія истины и увидятъ Бога въ природѣ, управляющимъ вселенной. Только тогда они поймутъ до какой степени ослѣпленіе ихъ было велико, что они могли простую грамматическую метафору подъ пресловутымъ названіемъ „законъ природы“ возводить на степень Божества, способнаго творить чудеснѣйшія и премудрѣйшія дѣла и управлять вселенной.

Тотъ, чье духовно-нравственное развитіе позволяетъ вникнуть въ величіе и премудрость вселенной, тотъ никогда не могъ бы впасть въ столь тяжелую, крайне грустную ошибку; ибо онъ не могъ бы себѣ иначе представить вселенную, какъ фактически безконечной, какъ по ея протяженію, такъ и по обилію проявляющихся движеній и жизни въ каждомъ уголкѣ ея.

Понимая въ истинномъ свѣтѣ сущность безконечности, онъ не усумнился бы, что сотворить безконечность могло только такое Существо, которое Само обладаетъ безконечными качествами, способностями и властью, а слѣдовательно, Оно никогда не можетъ быть постижимо человѣку. Поэтому самъ здравый смыслъ и логика должны были бы протестовать, если бы кому-нибудь пришло въ голову назвать творцомъ вселенной что либо конечное или вообще находящееся въ предѣлахъ че-

ловѣческой познаваемости. Онъ долженъ былъ бы сказать себѣ: „Нѣтъ это невозможно, это не творецъ міра, ибо это я пони-маю, а Создавшаго безконечность я понять не въ состояніи; это было бы слишкомъ смѣло и тщеславно съ моей стороны думать, что я охватилъ своимъ разумомъ, постигъ безконеч-ность и Бога“.

Вглядитесь въ звѣздное небо въ темную ночь; постарайтесь сосредоточиться на этихъ миллиардахъ звѣздъ, сіяющихъ пе-редъ вашими глазами. Находясь передъ этимъ величіемъ, на каждаго нападаетъ благоговѣйное чувство необходимости пре-клониться передъ обиліемъ непостижимой премудрости. Яв-ляется невольное желаніе слиться съ природой, вознестись надъ всѣмъ міромъ, хотя бы однѣми своими мыслями и пре-вратить ее всѣмъ своимъ существомъ въ одно безраздѣльное созерцаніе.

Разсматривая небо, человѣкъ видитъ планеты и ихъ спут-никовъ, вращающихся около солнца, и знаетъ, что что всѣ эти планеты, суть отдѣльные міры, такіе же, какъ и наша земля; что однѣ изъ планетъ лучше по условіямъ жизни, другія—хуже, но что всѣ онѣ, по даннымъ современной астрономіи, обитаемы, всѣ онѣ кишатъ жизнью и растительностью, и во всемъ соотвѣствуютъ тѣмъ условіямъ, которыя даетъ сама планета; а потому флора и фауна однѣхъ планетъ можетъ не походить на флору и фауну другихъ. Разнообразіе формъ жизни такъ же многочисленно, какъ и сами условія. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой годъ, свой мѣсяцъ, свою длину дня; особую силу тяжести и напряженія солнечныхъ: теплоты и свѣта, а слѣдо-вательно и разныя напряженія магнитныхъ, электрическихъ, эфирныхъ и другихъ токовъ; особое число спутниковъ, особыя составныя части воздуха и разное наклоненіе осей эклиптики, устанавливающее климаты и времена года планетъ; особую плотность матеріи, составляющую какъ неорганическое, такъ и органическое царство ихъ; особую силу притяженія, дающую разныя ускоренія движеніямъ тѣлъ на планетѣ и обуслови-вающую вѣсъ предметовъ.

Астрономическая фізіологія, разбирая все это разнообразіе жизни, приходитъ къ самымъ интереснымъ и въ высшей сте-пени замѣчательнымъ выводамъ. Она совершенно измѣняетъ самоувѣренный и тщеславный взглядъ людей на свою планету и на будто бы исключительное положеніе земнаго человѣка во вселенной. Успѣхи астрономіи показываютъ не ничтожество человѣка, но настоящее его мѣсто въ природѣ. Астрономія по-казываетъ, что если мы можемъ быть и послѣднее звено творенія на землѣ, то мы, все-таки не единственныя существа въ

своемъ родѣ. Другія планеты имѣютъ также существъ, аналогичныхъ намъ, изъ которыхъ многія лучше и совершеннѣе насъ. Жизнь на этихъ планетахъ легче и болѣе удовлетворяетъ условіямъ развитія тѣлесныхъ формъ и образованію интеллектуальныхъ качествъ.

Но разнообразіе фізіологическаго сложенія тѣла жителей планетъ относится только до формы и способностей тѣла, но не до состава души и разумнаго начала существъ. Объ этомъ прекрасно говоритъ Камилль Фламмаріонъ: (*Les terres du ciel*, 2 ed., 1877, p. 165). „Разница условій жизни на планетахъ породила соотвѣтственныя разнообразія организмовъ существъ, живущихъ на нихъ. Тѣла ихъ не похожи на наши тѣла; но это не можетъ относиться до души ихъ, ни къ разумному началу; ибо чистый разумъ одинъ и истина одна. Могутъ быть разнообразія въ степени разумности, въ проявленіяхъ способностей души, но не въ сущности разума и въ существѣ души. Можетъ быть на нѣкоторыхъ планетахъ не ѣдятъ, можетъ быть ходятъ не на ногахъ, у нихъ глаза, уши, зубы могутъ быть сдѣланы иначе; но несомнѣнно, что вездѣ разсуждаютъ о безспорныхъ принципахъ совершенно такъ же, какъ и мы: на всѣхъ мірахъ дважды два—четыре, вездѣ трехъугольникъ состоитъ изъ трехъ угловъ и сумма его угловъ равна двумъ прямымъ. Вездѣ совѣсть приближается, болѣе или менѣе, къ тѣмъ же абсолютнымъ нравственнымъ истинамъ. Какъ бы тѣла не разнились въ своемъ сложеніи, но мыслящія души должны непременно быть сестрами между собой“.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь планетъ есть еще неисчислимое количество мелкихъ тѣлъ, слѣдующихъ по солнечной системѣ: болидовъ, метеоровъ, падающихъ звѣздъ и просто камней, падающихъ на землю. На нихъ мы не будемъ останавливаться, упомянемъ только объ астероидахъ. Астероиды — это остатки разорванной планеты, находившейся между Марсомъ и Юпитеромъ. Это маленькія планетки, числомъ около 180, имѣютъ свой совершенно правильный и самостоятельный ходъ, свои времена года и всѣ особенности, какъ и большія планеты. Астрономія не отымаетъ и отъ нихъ возможности быть заселенными. Она говоритъ, что не величина планетъ даетъ ей жизнь. Юпитеръ въ 114 разъ больше земли, Сатурнъ въ 864, — это нисколько не мѣшаетъ землѣ быть заселенной.

Отъ астероидовъ перейдемъ къ кометамъ. Кометы также двигаются кругомъ солнца, слѣдуя его поступательному движенію, но онѣ не имѣютъ круговаго движенія, онѣ проходятъ близко около солнца по дугѣ эллипса; затѣмъ, слѣдуя той же дугѣ, удаляются на разныя, болѣе или менѣе, значительныя

разстоянія и приближаются обратно къ солнцу черезъ извѣстные для каждой кометы періоды времени. Множество кометъ, въ особенности маленькихъ, направляются прямо на солнце, и массы такихъ кометъ падаютъ на него и поглощаются имъ.

Изъ всѣхъ, являющихся на небѣ кометъ, только малая часть видна простымъ глазомъ; мы видимъ только большія и только тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ близко отъ земли. Не всѣ кометы имѣютъ постоянное свое движеніе только кругомъ солнца; есть такія, которыхъ скорый ихъ ходъ увлекаетъ за сферу притяженія солнца и онѣ улетаютъ дальше, вертясь около другихъ солнць, а можетъ быть есть и такія, которыя гуляютъ кривыми траекторіями по всей вселенной.

Самая замѣчательная комета эта та, которая проходила по нашему небосклону въ 1843 году, ея хвостъ былъ длиной 320.000.000 верстъ. Она прошла по дугѣ параболы чрезвычайно близко отъ солнца, именно 800.000 верстъ отъ центра его, или 50.000 верстъ отъ математической или видимой поверхности солнца; а такъ какъ на высоту до 320.000 верстъ отъ поверхности солнца поднимаются массы, бросаемаыя вулканами и взрывами постоянно кипящаго ядра солнца, а водородъ, окружающій солнце, идетъ еще дальше, то надо сказать, что эта комета пронизала эту поверхность солнца и испытала всю силу его жары. Жара эта по крайней мѣрѣ въ 3.000 разъ сильѣе той, которую мы получаемъ отъ солнца. Эта жара, неимѣющая себѣ подобныхъ въ мірѣ, не произвела однако никакого видимаго вліянія на комету. Комета совершенно своевременно и въ такомъ же видѣ появилась на другой сторонѣ солнца, неизмѣнно продолжая свое движеніе. Скорость этого движенія была ужасная, ядро кометы двигалось 600.000 верстъ въ часъ, т.-е. 6 разъ скорѣе земли, а хвостъ ея (какъ и у всякой кометы, держаль свое направленіе отъ солнца, т.-е. въ какомъ бы положеніи не была комета, — хвостъ ея направленъ въ противоположную сторону) описалъ кругъ, отворачиваясь отъ солнца, съ ни съ чѣмъ несравнимою быстротой а именно: оконечность хвоста сдѣлала 500.000.000 верстъ въ часъ.

Эта ужасная быстрота заставила астрономовъ предположить, что хвостъ кометы не матеріаленъ. Они полагали, что что-нибудь вѣсомое и матеріальное, въ особенности газообразнаго сложенія, не можетъ разсѣкать пространство съ такою скоростію; они хотѣли остановиться на томъ опредѣленіи, что хвосты кометъ состоятъ изъ какого-нибудь эфира, или игры свѣта, или вообще изъ состава намъ неизвѣстнаго; но спектральный анализъ ясно показываетъ, что хвостъ имѣетъ свою главную

составною частью углеродъ; тѣмъ не менѣе подобное состояніе углерода въ наукѣ окончательно неизвѣстно.

Движеніе кометъ крайне интересно и загадочно. Если мы думаемъ, что знаемъ причины движенія планетъ кругомъ солнца, ибо подобрали такія математическія формулы, которыя показываютъ намъ законы ихъ движенія, то все же мы рѣшительно ничего не можемъ сказать о кометахъ. Что заставляетъ ихъ двигаться съ такой быстротой? Почему, летя къ солнцу, онѣ заворачиваютъ кругомъ него? Зачѣмъ и почему, отходя отъ него нормально, на извѣстное разстояніе, онѣ опять возвращаются назадъ, дѣлая крутой поворотъ?—Все это темно и не выясняется астрономами.

Астрономія говоритъ только, что странныя и загадочныя силы начинаютъ тревожить комету, когда она подходитъ къ солнцу: изъ круглаго ядра ея дѣлается овальнымъ, она вытягивается по направленію къ солнцу,—до того притягательная сила его велика; но что задерживаетъ ее? Какія развиваются отталкивающія силы, мѣшающія ей упасть на солнце?—Это неизвѣстно и непостижимо.

Есть-ли жизнь на этихъ кометахъ?—Многіе астрономы выражались утвердительно; стѣсняло ихъ только одно обстоятельство, что кометы имѣютъ всегда измѣняющіяся температуры. Нѣкоторыя изъ нихъ проходятъ слишкомъ близко отъ солнца, но затѣмъ, испытавъ всю силу его жары, онѣ удаляются въ царство ни съ чѣмъ несравнимыхъ морозовъ на многія столѣтія. Но! восклицаютъ астрономы, послѣ всего, что намъ приходится видѣть, мы можемъ спросить: гдѣ же кончается матерія и гдѣ начинается духъ? Развѣ мы это знаемъ? Развѣ трудно предположить такую переходную степень въ организаціи существъ, гдѣ бы не ощущались переходы температуры. Температура есть только состояніе эфира; дѣйствуетъ-ли это состояніе эфира на все живое, или есть живыя существа во Вселенной, на которыхъ это состояніе не отражается и не дѣйствуетъ,—мы на это отвѣта дать не можемъ.

Какое пространство занимаетъ солнечная система?—Мы сказали, что солнце имѣетъ поступательное движеніе со скоростью 3.333 версты въ часъ и что всѣ планеты, вертясь около солнца, описываютъ винтовыя линіи, слѣдуя за движеніемъ солнца; то же дѣлаютъ всѣ небесныя тѣла солнечной системы, соблюдая строгій порядокъ и послѣдовательность, слѣдуя движеніямъ солнца; но велика-ли обширность, или вся площадь, занимаемая движеніемъ этихъ тѣлъ? Мы видѣли, что самая отдаленная планета отъ нашей системы, Нептунъ, отстоитъ отъ солнца на 4.440.000.000 верстъ; мы видѣли комету 1680 г.,

которая отходить от солнца на 128.000.000.000 версть, но это далеко не все,—сфера притяженія солнца еще гораздо дальше.

Ближайшая соперница солнцу—это звѣзда а созвѣздія Центавра, видимая на южномъ полушаріи и находящаяся въ разстояніи отъ солнца въ 32 триллиона версть (32.000.000.000.000). Ея масса равна половинѣ массы солнца, слѣдовательно дальность одинаковаго притяженія солнца и а Центавра будетъ на разстояніи 24 триллионовъ версть отъ солнца. Слѣдовательно, тѣло, которое выйдетъ изъ-за этого предѣла, будетъ притянуто звѣздой а Центавра. Съ другой стороны солнца мы видимъ ближайшую къ намъ звѣзду, это 61-ю въ созвѣздіи Лебеда. Предѣлъ притяженія солнца съ этой стороны 60 триллионовъ версть; остальные звѣзды всѣ гораздо дальше. Слѣдовательно, наша солнечная система занимаетъ площадь поперекъ своего движенія, принимая въ расчетъ сферу притяженія а Центавра, 3 нональона квадратныхъ версть (3.000.000.000.000.000.000.000.000.000.000).

И вся эта солнечная система, съ миллиардами спутниковъ своихъ, не можетъ, по отношенію ко всей Вселенной, сравниться даже съ одной песчинкой въ Сахарѣ, съ одной каплей воды въ океанѣ.

Какое же представленіе можемъ мы себѣ сдѣлать о Вселенной?—Мы положительно теряемся въ этихъ величинахъ при нашихъ ограниченныхъ пяти чувствахъ; если бы мы и призывали на помощь все наше вниманіе и все наше воображеніе, то тогда развѣ только мы получили бы тѣнь нѣкотораго понятія объ этихъ безконечныхъ пространствахъ, или, лучше сказать, мы вполнѣ поняли бы и убѣдились бы, что представить себѣ и охватить своими способностями Вселенную мы положительно не въ силахъ.

Развѣ уже такъ велика Вселенная? Развѣ такъ разнообразно небо, сотворенное Богомъ? Да,—обширность неба и тѣ новыя разнообразія, которыя мы встрѣтимъ въ условіяхъ жизни на планетахъ, такъ безконечно многочисленны, какъ и само число планетъ, какъ безконечно то пространство, по которому движутся всѣ міры.

Мы попробуемъ сдѣлать бѣглое описаніе Вселенной въ самыхъ краткихъ чертахъ, не упоминая о миллионѣхъ весьма замѣчательныхъ, но второстепенныхъ, по нашему, предметовъ, для которыхъ мы положительно не имѣемъ мѣста въ нашей книгѣ.

Когда въ безоблачную ночь вы наблюдаете небо, то видите его усѣяннымъ звѣздами. Но то, что вы видите простымъ гла-

зомъ,—это только одна десятитысячная часть всего того, что вы можете видѣть въ телескопъ. То же, что вы видите въ ваши самые сильные телескопы, въ свою очередь, будетъ, опять-таки, самая ничтожная часть того количества звѣздъ, которое въ дѣйствительности существуетъ.

Всѣ эти звѣзды называются нами „постоянными“ и кажутся намъ стоящими неподвижно на небосклонѣ, но тѣмъ не менѣе каждая изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное и чрезвычайно скорое движеніе, а кажутся онѣ намъ стоящими неподвижно по причинѣ своей отъ насъ отдаленности.

Всякая изъ этихъ звѣздъ составляетъ отдѣльную солнечную систему, совершенно такую, какъ и наша система; кругомъ каждой изъ нихъ вертятся такія же планеты съ ихъ спутниками и кометы, какъ и кругомъ нашего солнца, которыя получаютъ совершенно такъ же отъ своихъ солнцъ движеніе, свѣтъ, теплоту, жизнь и т. д. Мы, конечно, не видимъ этихъ планетъ, ибо онѣ слишкомъ далеки отъ насъ, мы не видимъ даже ихъ въ самые сильные телескопы, но существованіе ихъ вполне доказано еще со времянь Кеплера.

Всѣ эти планеты, какъ мы уже сказали, такіе же отдѣльные міры, какъ нашъ; на нихъ такая же жизнь, такая же растительность, но всѣ онѣ имѣютъ разныя условія существованія, во многомъ несхожія съ нашими условіями, напримѣръ: многія такія системы находятся въ зависимости отъ двухъ звѣздъ, или солнцъ своей системы, многія—отъ трехъ и даже отъ четырехъ. Конечно, тѣ системы, которыя имѣютъ два, три или четыре источника тепла, свѣта, а слѣдовательно нѣсколько центровъ притяженія, должны имѣть многія условія физическія и механическія, совершенно не похожія на наши условія жизни и движенія, о которыхъ мы, въ настоящее время, мало имѣемъ понятія.

Въ этихъ многосолнечныхъ системахъ замѣчательно главнымъ образомъ то, что въ большинствѣ случаевъ одно изъ этихъ солнцъ имѣетъ бѣлый цвѣтъ, а другое солнце цвѣтное: синее, красное, желтое или зеленое. Напримѣръ, въ созвѣздіи „Персея“ есть звѣзда, которая сопровождается другимъ солнцемъ синяго цвѣта. Въ созвѣздіи „Змѣеносца“ есть два солнца, красное и синее и т. д. Такихъ системъ очень много. Во всѣхъ этихъ системахъ съ цвѣтными солнцами свѣтъ долженъ странно разнообразить ландшафты.

Надо большое художественное воображеніе, чтобы представить эти сочетанія цвѣтовъ, намъ, привыкшимъ видѣть все освѣщеннымъ въ одинъ только бѣлый цвѣтъ. Какое представленіе можетъ мы себѣ сдѣлать о ландшафтѣ, который освѣ-

щенъ одновременно двумя солнцами: однимъ краснымъ, а другимъ синимъ? Или представить себѣ полдень:—синее солнце свѣтитъ полной своей силой, и освѣщенные предметы имѣютъ ярко-блестяще-синій цвѣтъ; тѣни темносиняго цвѣта и звѣзды видны на небѣ, ибо воздухъ не достаточно освѣщенъ, чтобы скрывать ихъ отъ взора жителей; въ это время встаетъ красно-пурпуровое солнце, какъ зарево огромнаго пожара; это сочетаніе цвѣтовъ трудно себѣ представить, оно измѣнило бы видъ всего, на что мы привыкли смотрѣть. Спутники планетъ, которые окрашиваются тоже въ разные цвѣта, должны представлять глазу совершенно намъ не постижимыя зрѣлища. Какой художникъ можетъ изобразить, или какое воображеніе можетъ себѣ представить ландшафтъ, освѣщенный сразу четырьмя разноцвѣтными солнцами и четырьмя такими лунами, какія являются тѣни и полутѣни, во что обратится всякій нашъ видъ послѣ такого освѣщенія?

Это разнообразіе цвѣтовъ и присутствіе нѣсколькихъ сильныхъ центровъ притяженія и источниковъ тепла должно неминуемо отразиться на бытѣ, на условіяхъ жизни и составѣ всего находящагося на планетахъ подобной системы: на климатъ, на произрастеніе, на приливы и отливы, на вѣтры, на магнитные и другіе токи, на всѣ физическія явленія и т. д., и т. д., вообще на всѣ состоянія и организмы жителей и на всю жизнь этихъ планетъ.

Приведемъ здѣсь другую, рѣзко отличающуюся особенность звѣздныхъ системъ. Свѣтъ, распространяемый солнцемъ и большинствомъ постоянныхъ звѣздъ, имѣетъ одну и ту же силу и цвѣтъ, которые никогда не прибавляются и неубавляются. Но есть звѣзды, у которыхъ сила свѣта чрезвычайно измѣнчива; мы видимъ ихъ сегодня свѣтлыми, а завтра совершенно блѣдными; черезъ нѣкоторое время свѣтъ ихъ опять усиливается. Есть такія, которыя совсѣмъ пропадаютъ и болѣе никогда не видны. Объ этой способности звѣздъ было много писано, напримѣръ: у Араго (*Astronomie populaire*, 372—376). Тутъ же желающіе ближе ознакомиться, на страницахъ 376 и 380, найдутъ указанія о томъ, что многія звѣзды, которыя были долгое время наблюдаемы астрономами, исчезли и погасли окончательно.

Звѣзда „О“ въ созвѣздіи Кита вообще чрезвычайно свѣтла; но временами она блѣднѣетъ и пропадаетъ совсѣмъ; черезъ нѣкоторое время появляется опять. „Х“ въ созвѣздіи Лебедя очень часто, моментально, изъ пятой величины превращается въ звѣзду десятой величины, и черезъ нѣкоторое время моментально дѣлаетъ обратное превращеніе, — изъ десятой вели-

чины переходить въ пятую. Многія звѣзды имѣютъ періоды для подобныхъ превращеній въ силѣ своего свѣта, другія перемѣняютъ его совершенно произвольно.

К. Фламмаріонъ, разбирая въ своемъ сочиненіи *Les merveilles celestes*“, стр. 131, всѣ слѣдствія, которыя должна оказывать эта способность измѣнять силу свѣта у солнца на планеты его системы, — приходитъ къ разнымъ, чрезвычайно замѣчательнымъ заключеніямъ. „Солнце такой системы иногда расточаетъ въ огромномъ количествѣ свѣтъ и теплоту на планеты, отчего поверхность ихъ нагрѣвается непомерно, иногда просто накаляется. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы видимъ, что свѣтило, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, гаснетъ и мало-по-малу погружается въ абсолютную темноту; и вся система, вслѣдъ за своимъ солнцемъ, стынетъ, замерзаетъ и все покрывается льдомъ; есть планеты, которыя совершаютъ это періодично, другія совершенно произвольно и неправильно. Послѣ нѣкотораго, болѣе или менѣе продолжительнаго, времени свѣтило опять возгарается и достигаетъ своего первоначальнаго блеска и теплоты.

Это рѣзкія особенности, которыя астрономія открыла въ жизни планетъ и которыя не встрѣчаются у насъ въ нашей солнечной системѣ. Мелкихъ особенностей можно было бы привести очень много, онѣ положительно неисчислимы. Скажемъ только, что какъ безконеченъ Богъ, создавшій эти планеты, такъ безконечно и то количество условій, которыми онъ ведетъ существа къ высшему благу и совершенству. Если бы матерія имѣла свойство порождать всѣ эти явленія, какъ учатъ матеріалисты, то проявленія были бы всегда однообразны; мы видѣли бы на каждой планетѣ повторенія того же самаго, какъ слѣдствіе способности матеріи. Это же постоянное разнообразіе не допускаетъ сомнѣнія въ Правящемъ и Высшемъ Разумѣ и служить однимъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ безконечной и разумной силы Творчества.

Перейдемъ къ разстоянію, отдѣляющему насъ отъ другихъ планетъ. Но для этого надо сперва оговориться. Эти разстоянія такъ велики, что мы не можемъ считать ихъ верстами; цифры помрачатъ совсѣмъ наше понятіе и не будутъ давать ясныхъ представленій. Въ астрономіи принято считать эти разстоянія, принимая за единицу мѣры разстояніе отъ земли до солнца. Разстояніе это равно 152.000.000 верстъ.

Переходя отъ нашей версты, какъ единицы мѣры, на другую, болѣе обширную единицу, надо, для лучшаго ея представленія себѣ, сдѣлать наглядное сравненіе ея съ представленіями, намъ хорошо извѣстными: 1) Пушечное ядро, вѣсомъ

въ 30 фунтовъ и заряженное 15-ю фунтами пороха, летить 1750 фут. въ секунду; этою скоростію ядро долетитъ отъ земли до солнца въ 10 лѣтъ. 2) Звукъ, если мы предположимъ, что онъ будетъ распространяться также скоро и за предѣлами нашего воздуха, т. е. 1225 фут. въ секунду, — дойдетъ только въ 15 лѣтъ. 3) Скорый поѣздъ желѣзной дороги, дѣлая каждый часъ по 50 верстъ, дойдетъ до солнца въ 340 лѣтъ. 4) Свѣтъ отъ солнца идетъ до земли 8 минутъ и 13 секундъ. Вотъ какое разстояніе будетъ нашей единицей мѣры.

Посмотримъ теперь, насколько удалены ближайшія къ намъ звѣзды. Самая близкая изъ нихъ отстоитъ отъ насъ, какъ мы уже сказали, на Южномъ полушаріи, — это звѣзда „а“ въ созвѣздіи Центавра, а на Сѣверномъ 61-я звѣзда созвѣздія Лебеда; первая удалена на 222.000 разъ болѣе разстоянія отъ земли до солнца, а вторая на 404.000 разъ больше. Чрезвычайно удобно мѣрить эти разстоянія временемъ прохода свѣта; свѣтъ пробѣгаетъ 300.000 верстъ въ одну секунду или 1 миллиардъ верстъ въ 1 часъ (1.000.000.000), отъ „а“ Центавра свѣтъ проходить въ 3½ года, а отъ 61-й звѣзды Лебеда 6⁶/₁₀ года. Это ужасныя разстоянія; звукъ прошелъ бы отъ „а“ Центавра до насъ въ 3 милліона лѣтъ, а поѣздъ жезѣзной дороги, идя 60 верстъ въ часъ, дошелъ бы до „а“ Центавра въ 60 милліоновъ лѣтъ.

Приведемъ здѣсь нѣсколько звѣздъ, какъ на примѣръ:

НАИМЕНОВАНІЯ:	Видимая величина звѣзды.	Разстояній отъ земли до солнца	Время прохода свѣта.
„а“ Центавра	1	222.000	3½ года.
61-я Лебеда	5½	404.000	6 ² / ₁₀ „
Сириусъ	1	1.069.000	16 ⁷ / ₁₀ „
Vega	1	1.146.000	18 лѣтъ.
„а“ Лиры	1	1.330.700	21 годъ.
„а“ Большой Медвѣдицы	4	1.551.000	24 ⁸ / ₁₀ „
Арктусъ	1	1.624.000	25 ⁴ / ₁₀ „
Полярная звѣзда	2	2.714.000	42 ¹ / ₂ „
Капелла	1	4.484.000	76 ⁶ / ₁₀ „

Итакъ, мы видимъ, что даже отъ звѣздъ первой величины, т. е. самыхъ блестящихъ на нашемъ небосклонѣ, свѣтъ можетъ идти до насъ 76 лѣтъ, дѣлая по миллиарду верстъ въ каждый часъ. Если бы вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы эта звѣзда исчезла, мы узнали бы это только черезъ 76 лѣтъ; а въ продолженіи всѣхъ этихъ 76 лѣтъ свѣтъ доносился бы до насъ, пробѣгая эти громадныя пространства. Очень воз-

можно, что астрономы наблюдаютъ въ настоящее время такія звѣзды, которыя уже десятки лѣтъ не существуютъ.

Въ приведенной таблицѣ, мы видѣли одну звѣзду, очень близкую къ намъ, которая 5-й величины, и, наоборотъ, Капеллу—первой величины, какъ самую отдаленную отъ насъ изъ всѣхъ приведенныхъ нами звѣздъ,—это указываетъ только на разнообразіе ихъ величины. Дальность, однако, играетъ все-таки существенную роль въ видимой величинѣ звѣздъ; очень большія звѣзды покажутся намъ, за дальностію разстоянія ихъ, ничтожными и, наконецъ, пропадаютъ у насъ совсѣмъ изъ виду, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Въ приведенной таблицѣ мы помѣстили преимущественно звѣзды 1-й величины. Разбирая же звѣзды меньшихъ величинъ, мы увидимъ, что онѣ несравненно дальше. Звѣзды 5-й и 6-й величины отстоятъ такъ далеко, что свѣтъ отъ ближайшихъ изъ нихъ идетъ до земли въ періоды времени около 1.000 лѣтъ, а отъ болѣе отдаленныхъ до 3.300 лѣтъ.

Разбирая звѣзды, видимыя только въ телескопы, напримѣръ 14-й величины, мы увидимъ, что свѣтъ отъ нихъ достигаетъ земли только черезъ 120.000 лѣтъ, ибо онѣ находятся отъ насъ въ разстояніи одного квинтиліона верстъ (1.000.000.000.000.000).

Слѣдовательно, есть звѣзды, погибшія или потерявшія свой блескъ до появленія человѣка на землѣ и еще до сихъ поръ доносящія лучи свѣта до земли, а человѣкъ изучаетъ ихъ, думая, что онѣ еще существуютъ.

Видимое нами, въ настоящее время, небо показываетъ намъ только древнюю и давно прошедшую исторію звѣздъ; звѣзда, которую мы видимъ на небѣ, была на этомъ мѣстѣ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ; гдѣ она теперь и въ какомъ она видѣ, мы положительно не можемъ составить себѣ никакого понятія.

Всѣ звѣзды—самостоятельныя солнца своихъ системъ; всѣ онѣ, въ этомъ безконечно пустомъ пространствѣ, одиноки, ибо всѣ такъ же далеки до своихъ сосѣдокъ, какъ и наше солнце; всѣ онѣ оказываютъ свое вліяніе и свое притяженіе другъ на друга; но не это притяженіе причиною ихъ скорого хода въ безконечной пустотѣ. Причинъ ихъ скорого полета мы совершенно не знаемъ. Многія летятъ несравненно быстрѣе, чѣмъ наше солнце, а слѣдовательно можно себѣ представить, съ какою скоростію вертятся планеты и спутники ихъ. Аргусъ, напримѣръ, имѣетъ поступательное движеніе около 300.000 верстъ въ часъ, это въ 100 разъ скорѣе, чѣмъ двигается наше солнце. Маленькая звѣзда изъ созвѣздія Большой Медвѣдицы подѣ

№ 1830 двигается еще скорѣй; она въ 1 часъ уходитъ 460.000 верстъ или 150 разъ скорѣе солнца.

При всей ихъ быстротѣ эти звѣзды кажутся намъ неподвижными, ибо разстояніе ихъ до земли слишкомъ велико, такъ, звѣзда № 1830 отстоитъ отъ насъ въ 133-хъ триллионахъ верстъ, а, слѣдовательно, при этомъ разстояніи движеніе ея намъ мало замѣтно; именно: въ 255 лѣтъ она передвинется на ширину видимаго нами нашего солнца. Вотъ та причина, по которой мы видимъ и считаемъ наши созвѣздія постоянными, несмотря на то, что всѣ звѣзды двигаются съ разными скоростями, въ разныя стороны; но переживутъ сотни и сотни поколѣній людей, пока форма созвѣздія видимо измѣнится. Большая Медвѣдица, напримѣръ, черезъ 50.000 лѣтъ передвинется настолько, что будетъ все-таки узнаваема, несмотря на то, что всѣ ея звѣзды двигаются въ разныя стороны.

Относительно количества звѣздъ надо сказать, что число ихъ также неисчислимо; что простымъ и невооруженнымъ глазомъ мы видимъ ихъ около 6.000 на всемъ небосклонѣ; въ телескопъ астрономы видятъ ихъ до 60.000.000 шт., а улучшите наши телескопы и вы увидите ихъ еще и еще гораздо больше. Вы увидите все небо усыпаннымъ сплошь золотыми песчинками, черезъ которыя нигдѣ не будетъ видно небесной лазури, ибо число ихъ безконечно.

Да, — звѣздъ еще гораздо больше, чѣмъ мы до сихъ поръ объ этомъ говорили. Вселенная еще обширѣе, она въ полномъ смыслѣ безконечна, и конца ея никакія наши средства и чувства охватить или понять не могутъ. Мы укажемъ въ этомъ случаѣ на туманныя пятна, видимыя на небѣ, и на млечный путь.

Туманныя пятна на небѣ состоятъ изъ большаго количества такихъ же звѣздъ, какъ и всѣ, но, по причинѣ своей отдаленности, каждая изъ нихъ не можетъ быть видна, а видны только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ такъ близки одна отъ другой, что сливаются вмѣстѣ и такимъ образомъ представляются намъ однимъ общимъ освѣщеннымъ пятномъ. Млечный путь совершенно то же самое; масса такихъ пятенъ, покрывая небо, слилась въ одну туманную полосу, которую мы и называемъ млечнымъ путемъ. Есть туманныя пятна, на глазъ совершенно невидимыя, но въ телескопъ представляющіяся чрезвычайно маленькими блестящими пятнышками, мѣстами слившимися вмѣстѣ и образующими такимъ образомъ свѣтлое пятно, которое постепенно сливается съ небосклономъ отъ постоянно рѣдѣющихъ звѣздъ.

Есть-ли возможность сосчитать ихъ?—Астрономы считают ихъ приблизительно; вѣрное число ихъ неизвѣстно, ибо онѣ чрезвычайно мелки и, кромѣ того, цѣлые десятки звѣздъ слиты вмѣстѣ, и только при этомъ условіи образуютъ одно, еле замѣтное въ телескопъ, пятнышко. Араго считалъ ихъ однажды въ одномъ туманномъ пятнѣ, которое около созвѣздія Центавра, и не въ самомъ ядрѣ пятна, гдѣ онѣ закрываютъ другъ друга, а на окраинахъ пятна, гдѣ онѣ рѣже,—и нашелъ, что на пространствѣ неба, не болѣе одной десятой части нашей луны, ихъ находится до 20.000. Сколько же ихъ окажется на всемъ небѣ? Гершель считалъ число звѣздъ въ одномъ туманномъ пятнѣ и нашелъ болѣе 18-ти милліоновъ. Лучъ свѣта отъ этихъ солнцъ достигаетъ земли въ пять милліоновъ лѣтъ. Это разстояніе ужасающе уже само по себѣ; если же мы скажемъ, что это разстояніе до тѣхъ звѣздъ изъ туманныхъ пятенъ, которыя видны въ одиночку, а не до тѣхъ изъ нихъ, которыя слились десятками вмѣстѣ и которыя еще гораздо дальше,—мы должны признать вселенную положительно безконечною и безпредѣльною въ полномъ смыслѣ этого слова.

Но, повторяемъ, что это не пустое пространство, но что оно все переполнено жизнію. Солнца имѣютъ свои планеты, планеты своихъ спутниковъ, все пространство между ними переполнено кометами, которыя имѣютъ свой правильный ходъ вокругъ солнцъ; есть такія, которыя переходятъ отъ одной системы къ другой и гуляютъ по всѣмъ небесамъ; вездѣ жизнь кипитъ, вездѣ существа дышутъ и наполняютъ всѣ сфѣры. Вездѣ все имѣетъ свое опредѣленное мѣсто, все подчиняется одному строгому порядку и закону, исходящему непосредственно отъ Владыки и Творца Вселенной.

Только Тотъ, кто съумѣлъ сотворить все это, Тотъ только можетъ сохранить и цѣлесообразно вести всю эту безконечную громаду къ благимъ цѣлямъ. Наше слабое воображеніе должно теряться въ своихъ представленіяхъ, ибо мы не сдѣланы для того, чтобы понимать всю эту безконечность Премудрости Божіей.

Однако, сдѣлаемъ еще попытку проникнуть глубже во все это. Мы попросимъ cadaго, думающаго отвергать руководящее Начало и Высшій Разумъ, управляющій Вселенной, объяснить намъ слѣдующее: положимъ, что это безконечное небо кажется намъ только такимъ, ибо мы ничтожны въ своихъ пониманіяхъ; положимъ, что въ дѣйствительности конецъ существуетъ гдѣ-нибудь, можетъ быть на разстояніяхъ въ милліоны разъ большихъ, чѣмъ могутъ охватить наши инструменты и наши знанія; тогда мы можемъ себя спросить: какъ дер-

жаты и по какимъ законамъ двигаются послѣднія звѣзды на окраинахъ этой, будто бы мнимой, безконечности? Отчего онѣ, притягиваемыя сосѣдными звѣздами только съ одной стороны, не имѣя ни одной, уравновѣшиваемой это притяженіе силы съ другой стороны, не придвигаются къ своимъ сосѣдкамъ? А это непременно должно бы было случиться, если бы вселенная имѣла конецъ. Подобное передвиженіе всѣхъ крайнихъ солнцъ и ихъ системъ къ одному общему центру было бы неминуемымъ слѣдствіемъ того, что вселенная имѣетъ конечные предѣлы. Отвергать это положеніе, значило бы отвергать всѣ извѣстные намъ законы тяготѣнія. Но въ этомъ случаѣ мы увидали бы всѣ небесныя тѣла подвигающимися къ одному общему центру, и скоро бы образовался одинъ міръ, или одно громадное тѣло, ибо всѣ міры слились бы въ одинъ общій міръ. Исходя изъ этого разсужденія, мы должны заключить, что наша матеріалистическая наука не можетъ допустить конца, она должна, опираясь твердо на свои законы, объявить, что конца въ звѣздномъ небѣ дѣйствительно нѣтъ и быть не можетъ и что оно въ полномъ смыслѣ безконечно во всѣ стороны, по всѣмъ направленіямъ, иначе не было бы вселенной, а было бы одно только тѣло.

Безконечность!... Какъ можетъ положительная наука признать то, о чемъ она понятія не имѣетъ; можетъ ли она признать что-нибудь безконечнымъ? Развѣ есть у насъ, въ матеріальномъ мірѣ безконечность? Развѣ имѣемъ мы въ какой-нибудь части нашихъ наукъ ученіе о безконечности?—Нѣтъ; даже математика не изучаетъ безконечность; математика, изучая конечныя величины, примѣняетъ только свои выводы къ очень большимъ величинамъ и только въ этомъ смыслѣ употребляетъ слово: безконечность. Она говоритъ, что „безконечность есть предѣлъ большой величины, или, что безконечность больше всякой данной величины“. Но, вѣдь, этого въ сущности нѣтъ; всегда можно написать величину больше данной другой величины, слѣдовательно это еще не будетъ безконечность. Математика говоритъ, что когда уголъ между двумя пересѣкающимися линіями нуль, то линіи параллельны, т.-е. пересѣкутся на безконечномъ разстояніи. — Никогда онѣ не пересѣкутся, продолжите ихъ мысленно на это безконечное разстояніе, продолжите ихъ хотя еще дальше—онѣ и тамъ не пересѣкутся, ибо онѣ параллельныя. Математика ни въ какихъ случаяхъ не изучаетъ безконечныя величины, а если употребляетъ это слово или понятіе, то только для замѣны другого, болѣе для насъ яснаго, слова „нигдѣ“, или „никогда“, ибо безконечность, по ея мнѣнію, не есть величина, это только

предѣлъ величины, это математическая фикція или неопредѣленность.

Математика, изучая величины и ихъ законы, приближается лишь къ безконечности, но не доходить до нея, такъ что безконечность остается за предѣлами ея пониманія, иначе ее можно бы было изобразить по аналитикѣ. Безконечность ей такъ же недоступна, какъ и всѣмъ остальнымъ отраслямъ знанія. Положительная же наука не должна отвѣчать на тѣ вопросы, которые выходятъ за предѣлы ея компетенціи, а потому и этотъ вопросъ долженъ быть оставленъ безъ отвѣта, не смотря на все существенное значеніе его.

Главная сбивчивость пониманія заключается въ томъ, что, безконечность, которую признають математики, имѣетъ одну природу съ численными величинами; ибо она измѣряется ими, а слѣдовательно должна быть одной съ ними природы и сущности. Тогда же, когда мы говоримъ безконечное время или безконечное пространство, мы должны себѣ представить нѣчто совсѣмъ другое, имѣющее совсѣмъ другую сущность и природу, ибо это нѣчто совсѣмъ цифрами измѣримо быть не можетъ; нѣчто совсѣмъ изъ цифръ не состоящее. Но что же это такое? Что это за протяженность времени или пространства, которая не измѣряется величиной? Какъ можемъ мы себѣ представить неизмѣримую цифрами протяженность? Вотъ этотъ вопросъ останется всегда за предѣлами научныхъ силъ человѣка.

Но, допустимъ, что наука была вправѣ отвѣтить такъ и допустить вселенную дѣйствительно безконечной, — но изъ этого является совершенно уже непонятное слѣдствіе: мы спросимъ, какъ образовались небесныя тѣла, всѣ ли разомъ, или по одиночкѣ, т. е. одни раньше, а другія послѣ? На этотъ вопросъ всякій, изучившій физику, отвѣтитъ: „Непремѣнно разомъ, — предполагать иначе мы не можемъ, ибо если одинъ міръ образовался бы прежде другихъ, то онъ навѣрное притянулъ бы слѣдующіе за нимъ, начинающіе образоваться міры, ибо два тѣла въ пространствѣ должны притянуться другъ къ другу и слиться вмѣстѣ, если нѣтъ другого, оттягивающаго въ противоположную сторону, элемента.

Да, — образованіе міровъ должно было непремѣнно начаться одновременно во всемъ этомъ безконечномъ пространствѣ. Они могли, въ первыя времена, быть дальше одинъ отъ другого, или, вообще говоря, — рѣже; но образованіе ихъ, во всякомъ случаѣ, должно было совершиться одновременно и при томъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что каждое тѣло начало бы свое образованіе на тѣхъ мѣстахъ вселенной, и въ такомъ раз-

мѣрѣ, чтобы оно было одинаково притягиваемо со всѣхъ сторонъ, чтобы оно не выходило изъ равнодѣйствующей точки сферъ притяженія другихъ тѣлъ, дабы другая какая звѣзда не притянула бы ее къ себѣ.

Итакъ, образованіе планетныхъ системъ должно было начаться во всей вселенной одновременно. Мы до сихъ поръ строго держимся туманной гипотезы Канта и Лапласа, которая понятнѣе и опредѣленнѣе другихъ выяснила намъ порядокъ тѣхъ комбинацій, которыя должны были превратить матеріальные элементы простыхъ тѣлъ, парящихъ въ эфирномъ пространствѣ, сперва въ туманную массу, затѣмъ въ жидкую, наконецъ, въ твердую, каковую мы теперь видимъ. Если первыми двумя частицами, которыя слотились вмѣстѣ и образовали такимъ образомъ центръ притяженія, болѣе сильный, чѣмъ окружающая среда, и къ которому начали притягиваться послѣдующія, вблизи находящіяся, частицы, руководилъ одинъ случай, то при семь образовался бы сперва только одинъ центръ. Трудно предположить, чтобы случайность могла повториться во многихъ мѣстахъ одновременно; и еще труднѣе предположить, что эта случайность повторилась на *безконечномъ числѣ пунктовъ*.

Мы говоримъ „на безконечномъ числѣ пунктовъ“, ибо полагаемъ, что вселенная занимаетъ безконечное пространство. Если это пространство безконечно, то оно должно имѣть безконечное число звѣздъ, и какъ бы ни были онѣ рѣдки, ихъ будетъ все-таки безконечное число, такъ какъ безконечность, дѣленная на конечное число все-таки не измѣнится, — она останется все-таки безконечностью. Предположить одновременное образованіе безконечнаго числа центровъ притяженія, вслѣдствіе одного случая, безъ какой-нибудь безконечно разумной и руководящей силы, — очень мало вѣроятности; а именно: какъ одинъ противъ безконечности, и такое предположеніе должно быть отвергнуто. Случай могъ образовать одну систему, одинъ центръ; но въ такомъ случаѣ всѣ остальные стали бы примыкать къ нему и не было бы столькохъ солнць. Не случайность здѣсь нужно видѣть, здѣсь ясно проявляется разумная, обдуманная причина, здѣсь безпредѣльный Божественный Разумъ и никогда не ошибающаяся Предусмотрительность.

Туманная гипотеза передаетъ законы и послѣдовательность образованія солнца со всѣми его планетами. Законы кругового движенія планеты также выяснены. Но въ ней и намѣка нѣтъ на поступательныя движенія солнць; что заставило ихъ имѣть это движеніе и съ такой громадной быстротой? Кто выяснитъ намъ законы движенія планетъ по винтовой линіи, слѣдуя такъ

послушно всѣмъ движеніямъ солнца? Кто объяснить намъ движеніе кометъ? По какимъ законамъ онѣ не падаютъ въ солнце? По какимъ законамъ онѣ двигаются и возвращаются? По какимъ законамъ онѣ слѣдуютъ движеніямъ солнца, отходя отъ него на страшныя разстоянія?—Всѣ солнца, имѣя громадныя скорости, не могутъ быть всегда въ равновѣйствующемъ пунктѣ притяженія своихъ сосѣдокъ, однако они не падаютъ на нихъ, не сталкиваются въ пути своемъ съ другими системами, а имѣютъ правильный ходъ и порядокъ; это не можетъ быть дѣло случая, это не слѣдствіе способностей слѣпыхъ атомовъ, это не свойство матеріи,—это руководящая Рука Создателя ихъ, находящагося всегда и всюду во всѣхъ частяхъ всего сотвореннаго Имъ, направляющаго все, дающаго всему законы для сохраненія себя и полного порядка и гармоніи.

Постичь всего этого мы, конечно, не можемъ, какъ и много чего другого. Но надо сильныя данныя, чтобы оспаривать подобный простой и логичный выводъ, который всегда самъ напрашивается, самъ приходитъ каждому въ голову и который отвергается только изъ тщеславной увѣренности въ непоколебимость микроскопическаго знанія людей, которые не хотятъ вникнуть въ величіе и разумъ природы и въ свое собственное ничтожество.

Богъ вездѣ въ природѣ,—развѣ можно положить предѣлъ Творцу всей этой безконечности? Не будемъ Его искать здѣсь, или тамъ. Онъ вездѣ одновременно, иначе мы себѣ Его представить не можемъ. Какъ можемъ мы постичь Существо, создавшее безконечность? Всякій, создавшій что-нибудь, долженъ стоять выше того, что онъ создалъ; что можемъ мы сказать о Богѣ? Если Онъ могъ создать,—Онъ долженъ умѣть управлять Своимъ твореніемъ, наблюдать за нимъ и направлять его, и эти способности должны быть въ Немъ такъ же совершенны, какъ и все остальное.

Это непреложная истина, которая прямо приводитъ насъ къ естественному, внутреннему стремленію души нашей и къ врожденной ея потребности вѣрить въ Бога, а слѣдовательно благословлять и преклоняться предъ Творцемъ вселенной. Только преслѣдуя и развивая одну истинную науку, человѣку удастся узнать: что онъ такое, какое его назначеніе на землѣ и для чего его создалъ *Всесильный Богъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	стр. I—XXV
-----------------------	---------------

ГЛАВА I.

Главное разногласіе	1—12
-------------------------------	------

Познаетъ ли человѣкъ самъ себя, свою природу и смыслъ своей жизни? За этими познаніями одни обращаются къ наукѣ; другіе добываютъ ихъ черезъ вѣру—3. Разные способы достиженія самопознанія породили цѣлую пропасть въ пониманіи „себя“ и смысла бытія—5. Разногласіе въ одномъ и томъ же человѣкѣ—6. Три фазиса мышленія: теологическій, метафизическій и позитивный—7. Возраженія 7—12.

ГЛАВА II.

Мировоззрѣніе ученыхъ	13—35
---------------------------------	-------

Ко всякаго рода отрицаніямъ слѣдуетъ относиться весьма осторожно—13. Истинная наука никогда не высказывалась въ смыслѣ отрицанія Бога—14. Отзывы ученыхъ въ смыслѣ признанія Бога: Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ—14. Аристотель—15. Стоики, Александрійская школа—16. Декартъ, Лордъ Бэконъ Веруламскій—17. Спиноза—18. Нью-

тонъ, Лейбницъ—19. Гейлинксъ, Локкъ, Эммануиль Кантъ—20. Шлоссерь, Викторъ Гюго, Паскаль—21. Агассисъ, Малекранцъ, Берклэ, Ватсонъ, Гершель—22. Кепплеръ, Гёте—23. Гизо, Уолесъ—24. Секки, Дарвинъ—25. Карль Фогтъ, Тиндаль—26. Линней, Вольтеръ—27. Фихте, Шеллингъ—29. Гегель, Шлейденъ—30. Клодь Бернаръ, Беръ, Сентъ-Илеръ, Кавелинъ—31. Погодинъ—32.

стр. . .

ГЛАВА III.

Цѣль и назначеніе науки 36—43

Что главнѣе: разумъ или нравственность?—36. Мысли о семъ: Герберта Спенсера—36. Г. Г. Льюиса—37. Огюста Конта—38. Почерпаетъ ли чело-вѣкъ изъ внѣшняго міра всѣ впечатлѣнія, которыя въ немъ есть—38. Все хорошее, почерпнутое чело-вѣкомъ, примѣняется ли имъ къ жизни и все это совершенствуется ли его?—39. Порочная мысль легко прививается къ порочной душѣ—41. Разсудокъ есть рабъ сердца и чувствъ—42. Назначеніе науки—42.

ГЛАВА IV.

Позитивизмъ 44—94

Позитивизмъ не во всѣмъ согласенъ съ ученіемъ Огюста Конта—44. Районъ дѣятельности позити-визма по М. Литтре—47. Дж. Г. Льюисъ о позити-визмѣ—49. Сводъ обоихъ мнѣній—49. Эммануиль Кантъ о категоріяхъ знанія—52. Позитивизмъ вла-даетъ въ большія ошибки чѣмъ тѣ, отъ которыхъ оберегаетъ людей—55. Примѣры тому—56. Нетер-пимость современнаго позитивизма—59. По количе-ству изобрѣтеній нельзя еще судить объ успѣхѣ наукъ—60. Знанія состоятъ изъ двухъ самостоятель-ныхъ факторовъ—61. Если ихъ обоихъ нѣтъ, нѣтъ и науки—62. Сходство позитивизма съ музеемъ, у котораго нѣтъ указателя—62. Прогрессъ техники и механики даетъ новыя средства позитивизму—63.

Позитивизмъ ищетъ знаній для самихъ знаній, но не для общественной пользы—64. Безусловно ли непогрѣшимы знанія, добытыя позитивизмомъ?—65. Чувства наши передаютъ не вещь въ самой себѣ, но одни лишь впечатлѣнія—66. Неполнота позитивной мысли — 67. Полнота знаній вообще — 68. Знанія научныя пользуются снисхожденіемъ — 70. Масса не отвѣченныхъ вопросовъ—71. Молодость науки—79. Смѣлыя ученія—80. Разрозненность и хаосъ—83. Правильный ходъ мышленія—85. Позитивизмъ не есть наука—86. Мысли о семъ: Огюста Конта—86. Шопенгауера, Карлейля—87. Эммануила Канта—88. Либиха, Ланге, Чольбе—89. Моль, Гротъ, Бенедиктъ—90. Погодинъ—91. Данилевскій—92.

ГЛАВА V.

Мировоззрѣніе матеріалистовъ . . . 95—109

Нѣтъ атеистической филозофіи—96. Эпикуръ—97. Кара, Ксенофонтъ, Толандъ — 98. Гессенди, Гоббсъ—99. Де-ла-Метри—100. Бруно—101. Огюстъ Контъ—102—109.

ГЛАВА VI.

Атеизмъ 110—112

Атеизмъ окончательно ненаученъ — 110. Говорящій, что наука довела его до атеизма—говоритъ несообразность — 111. Мысли объ атеизмѣ: Паскаль — 111. Рихтеръ, Лордъ Беконъ Веруламскій—112.

ГЛАВА VII.

Матеріализмъ и спиритуализмъ . . . 113—120

Разномнѣніе въ ученіи о соотношеніи природы духа и вещества—113. Аргументы Бэна—114. Параллель, сгруппированная Горвицемъ—114. Сводъ аргу-

ментовъ—115. Соотношенія силы и вещества—116. Что такое сила?—117. Либихъ о жизни—119. Ничего само собой въ природѣ не дѣлается—120. Не смыслъ науки ведетъ человѣка къ безвѣрью, но недостатокъ развитія самого человѣка, занимающагося наукой—120.

ГЛАВА VIII.

Обзоръ исторіи развитія мысли . . . 121—162

Материализмъ не есть естественное слѣдствіе современнаго успѣха науки—121. Первый періодъ, развитія; духовный—122. Второй періодъ; умственный—124. Развитие мысли шло независимо отъ того, какъ понималъ ее народъ—127. Философія Плотина—127. Прокль—130. Третій періодъ; духовный—130. Образование новой арены дѣятельности—131. Четвертый періодъ; умственный—134. Разница между условіями, сопровождающими второй и четвертый періоды—135. Сходство между ними: первое—136. Разница между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ образованіемъ—136. Второе сходство—142. Третье сходство—142. Четвертое сходство—143. Пятое сходство—143. Шестое сходство—145. Окончательный выводъ философскихъ ученій ведетъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, которыя внушаетъ и церковь—145. Философія Эммануила Канта—146.—Фихте—146. Улликъ—147. Далѣе философіи некуда идти въ своемъ развитіи, она блѣстяще окончила свою задачу—147. Какъ могутъ идеалистическія философіи утверждать въ публикѣ ихъ атеистическіе взгляды—148. Въ настоящее время изучаютъ научные предметы, но не великихъ мастеровъ—149. Ученія великихъ учителей искажаются—150. Противъ материализма возстаютъ Декартъ, Ньютонъ, Бойль, Клеркъ, Пристлей, Гэртли, Лейбницъ, Фарадей, Бэркли, но ученія ихъ доводятъ публику до атеизма—152. Ученія великихъ учителей остаются непонятными: Ньютонъ—153. Гэртли—153. Эммануиль Кантъ—154. Секки, Дарвинъ—156. Пятый періодъ; позитивный—157. Сознательный позитивизмъ XVIII

вѣка и безсознательный XIX вѣка—158. Вредъ отъ безсознательнаго позитивизма — 160. Истина познается черезъ непосредственный рядъ заблужденій—161.

ст.

ГЛАВА IX.

Исходныя точки мышленія материалистовъ 163—188

Материалистическая космогонія — 163. Деистическая космогонія—165. Материалисту трудно внушить понятіе о Богѣ — 166. Доказательны ли материалистическіе принципы—166. I. Вѣчность матеріи—167. II. Свойства и качества матеріи—169. III. Законы случайностей и причинностей—175. IV. Законы природы — 181. Доводы о законахъ природы Н. Я. Данилевскаго—182. Понятіе о „законѣ природы“ есть не болѣе, какъ грамматическая метафора — 186. По Бюхнеру и Молешотту, вѣчная управляющая міромъ причина не согласуется съ закономъ природы—186. Опроверженіе—187.

ГЛАВА X.

Общій характеръ материалистической науки 189—197

Бюхнеръ—189. Вундтъ—190. Примѣръ, приводимый Ланге—191. Д. Писаревъ—193. Спокойный взглядъ на жизнь Н. Страхова—193. Злоупотребленіе словомъ философія — 195. Дж. Т. Льюисъ о діалектическихъ ухищреніяхъ — 196. Дю-Буа-Реймонъ о механикѣ атомовъ—197.

ГЛАВА XI.

Богъ и безконечность Его твореній . . . 198—215

Наука признаетъ Бога. Позитивизмъ не имѣеть возможности опровергнуть Его—198. Съ развитіемъ

наукъ упрочатся правильныя пониманія природы и Бога—199. Звѣздное небо—200. Замѣчательная комета—202. Есть-ли жизнь на кометахъ—203. Пространство, занимаемое солнечной системой—203. Разстояніе до планетъ—204. Сочетаніе пвѣтовъ—206. Разстояніе до звѣздъ—207. Есть-ли фактической конецъ звѣздному небу; какъ держатся крайнія звѣзды—211. Безконечность—212. Безконечность не измѣрима цифрами—213. Образованіе планетныхъ системъ должно было начаться на безконечномъ числѣ пунктовъ—214. Богъ вездѣ въ природѣ—215.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію
Св. Православной церкви. Цѣна 1 р. 25 к.

Православно-христіанскій взглядъ на основанія, при-
нятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего джеученія, изло-
женнаго въ его сочиненіи „Въ чемъ моя вѣра“. Цѣна 60 к.

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ

Составъ человѣческаго существа, жизнь и смерть.
Цѣна 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

С.-Петербургъ, въ Конторѣ Паровой Скоропечатни „Надежда“,
Литейный пр., № 49,

Москвѣ, въ конторѣ типографіи Кушнерева и К^о. Пименовская
улица, собственный домъ.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Г.г. иногородніе подписчики, увѣдомивъ склады простымъ
письмомъ о желаніи имѣть книги, получаютъ ихъ накладнымъ
платежемъ черезъ почтовые конторы и за пересылку ничего
не платятъ.